ТРУДЫ НИИ АРХЕОЛОГИИ ЮГО-ВОСТОКА РУСИ
ВЫПУСК 1

О.Н. Енукова

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ СЕЙМА И ПСЛА В IX-XIII вв.

КУРСК 2007

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Труды НИИ археологии юго-востока Руси

Выпуск 1

Курск 2007

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Труды НИИ археологии юго-востока Руси. Выпуск 1

О.Н. ЕНУКОВА

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ СЕЙМА И ПСЛА В IX–XIII вв.

Курск 2007

Рецензенты:

доктор исторических наук А.З. ВИННИКОВ,
доктор исторических наук Е. А. ШИНАКОВ

Ответственный редактор серии
кандидат исторических наук В.В. ЕНУКОВ

Енукова О.Н.

Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. [Труды НИИ археологии юго-востока Руси. Курск. гос. ун-та] / О. Н. Енукова. – Курск. гос. ун-т, 2007.- 220 с.
ISBN 978-5-88313-532-2

Монография посвящена изучению славяно-русского жилища одного из регионов Северской земли, который сохранял свою территориальную целостность на протяжении почти пяти веков. На основе предложенного комплекса признаков предпринимается попытка воссоздать ведущие строительные схемы, выявить источники традиций и новаций. В своем исследовании автор во многом отходит от традиционного классификационного подхода в изучении древнего жилища, уделяя основное внимание реконструктивному анализу накопленных материалов.

Книга предназначена для археологов, историков, этнологов, краеведов, всех интересующихся историй Отечества.

Значительная часть исследования, касающаяся анализа жилых построек Липинского археологического комплекса, была выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование планировочной структуры малых городов Древней Руси: дом, двор, усадьба, улица (по материалам Липинского археологического комплекса)», проект № 05-01-72100 а/Ц.

ISBN 978-5-88313-532-2

© Енукова О. Н., 2007

© НИИ археологии юго-востока Руси
Курского государственного университета, 2007

На первой старнице обложки: Липино селище 1.

вид постройки Р-7, я. 27 с юга в процессе раскопок

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Монографическим исследованием О.Н. Енуковой открывается серия «Трудов НИИ археологии юго-востока Руси». Выход в свет первого выпуска имеет предысторию, которая в немалой степени определила концепцию издания.

В 1988 г. была организована Посемьская археологическая экспедиция Курского государственного университета (тогда – пединститута). Уже в самом названии нашли свое отражение основные цели полевых исследований, как в территориальном, так и в культурно-хронологическом отношении. На землях известного по летописям «Посемья» в IX–X вв. отмечается значительная концентрация памятников роменской культуры. В сер. X в. у «семечей» («семцев») складывается неординарная социально-политическая структура – «сложное племенное княжение», входившая, в свою очередь, в северянский союз. С организацией в древнерусское время Курской волости понятие «Посемье» продолжает существовать, хотя и превращается в исключительно территориальное определение.

Таким образом, семичи, а в последующем населения Курской волости-княжения представляли собой пример социума, который развивался в рамках единой территории на протяжении полтысячелетия. Стоит отметить два аспекта сложившейся источниковой базы, которые придают ей определенную специфику. Во-первых, материалы междуречья Сейма и Псла имеют высокую степень информативности с позиций решения проблемы смены роменской культуры древнерусской, которая является археологическим отражением чрезвычайно спорного комплекса вопросов о характере и путях колонизации Киевом племенных территорий. Во-вторых, в письменных источниках самого разного характера содержатся сведения о Курской волости-княжении, которые значительно превышают объем данных о других социально-политических формированиях аналогичного «ранга». Помимо летописей, это – «Житие Феодосия Печерского», «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», сочинение Плано Карпини, Любечский синодик. В ряде случаев в относительно поздних документах сохранились данные о реалиях заметно более раннего времени («Статус» Свидригайло, ярлык Менгли-Гирея Сигизмунду, описания маршрутов «польских дорог»). Синтез сведений двух гуманитарных наук создает прекрасную возможность получения дополнительной, в том числе и новой, исторической информации.

Представленная в самом общем виде картина источников по истории региона включает в себя элементы результатов исследования. Два десятка лет назад в нашем распоряжении имелись только отдельные предварительные наблюдения и появившиеся на их основе гипотезы, часть которых, надо признать, были даже весьма туманно сформулированы. Однако изначально было абсолютно ясно, что Посемье представляет собой едва ли не идеальный полигон для реконструктивных изысканий.

Показательным было само начало работ, обращенное к центральному, без всякого сомнения, памятнику региона – Курску. Долгое время бытовало мнение о том, что культурный слой древнего города практически уничтожен современной застройкой. Однако первыми же исследованиями в 1988 г. был выявлен участок с сохранившимися напластованиями. Более того, уже небольшая разведочная траншея, предварявшая стационарные работы, точно «села» на линию укреплений времен курского периода жизни Феодосия Печерского. Конечно, это было везение, которое далеко не всегда сопутствует научному поиску, однако такое начало весьма обнадеживало.

И эти ожидания оправдались. Изучение культурного слоя были продолжены на протяжении нескольких сезонов (1994–1995, 1997, 1999, 2002–2003 гг.). Полученные результаты позволили совершенно по-новому подойти к решению ряда проблем истории города. Так, появились весомые данные по реконструкции его историчес кой топографии. Был сделан вывод о существенных изменениях в жизни города в кон. XI – нач. XII вв., о чем свидетельствует значительный рост его территории, изменение топографической структуры. Подтвердились сведения летописей о том, что город пережил погром Батыя и продолжал существовать во 2-й пол. XIII в. Особо стоит выделить работы 1999 и 2002 гг. Именно в ходе этих двух полевых сезонов были обнаружены культурные напластования кон. X – нач. XI в., т. е. времени становления Курска как центра волости, образованной после включения Посемья в состав Киевской Руси. Обычно археологические комментарии к этапам становления городов отличаются скудостью, если они вообще имеются.

В 1990–1992 гг. проводились раскопки Ратского городища, расположенного у д. Городище Курского района. В целом было изучено около 600 кв. м культурного слоя. Подавляющее большинство открытых объектов было связано с роменской культурой. Раскопки остатков мощных фортификационных сооружений, от которых сохранился ров и вал высотой более 5 м, дали несколько неожиданный результат. Укрепления были выполнены с использованием схемы так называемых «косых острогов», хорошо известной в XVI–XVII вв. После разгрома роменского поселка городище начинает использоваться только начиная с XII в., однако следы активной хозяйственной деятельности, связанные с древнерусским периодом, отсутствуют. Видимо, в это время здесь располагалась крепость, в которой либо не было постоянного населения, либо оно имелось, однако было очень немногочисленным. Тем не менее

некоторые находки (золотая пуговица, часть бронзовой иконки с изображением Св. Бориса и Глеба и т.д.) позволяют предположить нерядовой социальный статус отдельных его «обитателей» или «посетителей».

С 1993 г. по настоящее время с небольшими перерывами ведутся исследования археологического комплекса у д. Липино Октябрьского района Курской области (1993, 1995–1998, 2000–2001, 2003–2006 гг.). Этот памятник хорошо известен в науке благодаря работам в кон. 1940 – нач. 1950-х гг. Деснинской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством М.В. Воеводского, а затем П.И. Засурцева. Посемьской экспедицией были проведены исследования на городище и поселении, причем последнему элементу было уделено особе внимание: раскопанная площадь составляет около 10 тыс. кв. м. Как оказалось, на поселении, возникшем в кон. X в., в кон. XI – 1-й пол. XII в. формируется типично городская усадебно-уличная планировка. На сегодняшний день открыто две улицы с тремя переулками, по которым располагалось 12 усадеб, окруженных частоколами. Стало возможным говорить о существовании в древнерусскую эпоху нового типа урбанизационных образований, в которых городская жизнь протекала в условиях неукрепленного поселения, тогда как место детинца занимала небольшая, однако хорошо укрепленная крепость-убежище.

Выше были кратко охарактеризованы наиболее значимые по своим масштабам итоги полевых изысканий Посемьской экспедиции. К числу других исследований относятся раскопки комплекса у с. Лебяжье Курского р-на (1989 г.), нижнего посада древнего Рыльска (1999–2000 гг.), курганной группы колочинской культуры у с. Артюшково Рыльского р-на (1999 г.), многослойного поселения у хут. Студеновский Октябрьского р-на (2001 г.), древнерусского поселения у д. Моисеево Дмитриевского р-на (2005–2006 гг.). Экспедиция выжила в очень непростые 1990-е гг., не прервав работы ни на один сезон. На основе сложившегося коллектива в 2002 г. в Курском государственном университете был создан НИИ археологии юго-востока Руси.

Обширные материалы, накопленные за прошедшие годы, требуют осмысления, ввода в научный оборот. Нельзя сказать, что на этот счет ничего не делалось, свидетельство чему – обширный список опубликованных сотрудниками НИИ работ. Однако основание серийного издания призвано придать этому процессу целостный характер. Кроме того, полная публикация части полученных материалов в виде ряда статей или монографии уже невозможна в силу их объема, что в первую очередь относится к Липинскому археологическому комплексу. Только серийное издание поможет избежать дробления и распыления в подаче новой информации.

Предлагаемая вниманию читателей работа О.Н. Енуковой представляет собой первую попытку воссоздания облика жилья населения одного из самых густонаселенных регионов юго-востока славяно-русской ойкумены. В ней, что вполне понятно, использованы сведения, полученные ранее разными исследователями, и здесь сложно переоценить результаты раскопок А.В. Кузы на Большом Горнальском городище. Однако разработка темы стала возможна только после раскопок Посемьской экспедиции, так как регион в культурно-хронологическом отношении был изучен неравномерно. Если по роменской культуре были накоплены значительные материалы, то древнерусские поселения отличала крайне невысокая степень исследованности. Кроме того, именно в ходе раскопок путем «метода проб и ошибок» был сформирован комплекс реконструктивных признаков. В его основе лежат главным образом стратиграфические, планиграфические и микротопографические особенности объектов, которые в каждом конкретном случае дополняются вроде бы мелкими, но нередко значимыми детальными наблюдениями индивидуального характера. Не случайно О.Н. Енукова в своей работе много места отводит изложению исследовательской «кухни», которая в публикациях очень часто опускается или приводится в кратком виде. Автор как бы предлагает читателю «пройтись» вместе с ним по цепочке логики доказательств и оценить степень их достоверности.

Нельзя сказать, что на выделенные признаки ранее не обращалось внимания, хотя некоторые из них, в частности микротопографические, являются принципиально новыми. Ряд исследователей в своих реконструкциях весьма плодотворно использовал (чаще всего отдельные) стратиграфические и планиграфические характеристики. Однако в целостном виде комплекс признаков, часть которых, как выяснилось, имеет тесную взаимосвязь, был выделен впервые. Результативность разработанной методики особенно отчетливо продемонстрировал анализ материалов Горналя, а область ее применения выходит за рамки региона.

Схема развития домостроительства, предложенная О.Н. Енуковой, наверняка будет корректироваться по мере роста источниковой базы. Тем не менее уже сейчас создан действенный инструмент, который поможет интерпретировать артефакты уже на стадии полевых исследований, а в некоторой степени и определит направление поисков при изучении конкретных объектов.

В. В. Енуков

ВВЕДЕНИЕ

Жилище представляет собой один из наиболее существенных и чрезвычайно ярких показателей как материальной, так и духовной культуры человечества. С одной стороны, при его возведении зачастую учитываются традиции, восходящие к предшествующим историческим эпохам, с другой – в конструкции и планировке дома происходят постоянные изменения, ведущие к его совершенствованию. На жилище, его устройстве, компоновке, интерьере сказывается влияние природной среды, развития производительных сил и общественного строя, этнических особенностей населения. Изучение домостроительства древних обществ помогает пролить свет на многие вопросы истории народа, его социальной жизни, культурно-бытовых связей на разных этапах исторического развития.

Несмотря на то что жилище славян предгосударственной и древнерусской эпох имеет длительную историю исследования, многие вопросы его изучения остаются далекими от своего разрешения. В немалой степени это объясняется неодинаковой степенью исследованности различных областей Восточной Европы и сравнительно небольшим количеством «сквозных» работ, посвященных анализу эволюции жилья отдельных регионов Руси на протяжении крупных промежутков времени. Без такого рода разработок картина развития домостроительства получается обобщенной и нередко излишне схематичной. Остро стоит проблема реконструкции домов, в первую очередь, их наземных частей, причем ее решение имеет большое значение с точки зрения «обратной связи», имеющей прикладной характер. Представление о том, как выглядел дом, крайне необходимо для квалифицированного ведения полевых исследований и в идеале должно определять их методику.

Выбор территориальных и хронологических рамок исследования объясняется следующим. Появившаяся в IX в. в междуречье Псла и Сейма одна из группировок северян к сер. X в. превращается в сложную племенную структуру «семечей» или «семцев». Территория известного летописям «Посемья» сохраняет свои пределы и в условиях волости-княжения Русского государства (Енуков, 2002; 2005а). Северные, восточные и южные рубежи Посемья проходили по Свапе до устья Усожи, далее на юго-восток, через устье Сновы – правого притока Тускаря, до среднего течения Рати – правого притока Сейма. Затем граница круто поворачивала на юго-запад и выходила на Псел (Картамышевское городище), который и определял южный рубеж Посемья. Западная граница проходила в районе городища Лещиновка на Сейме, крайним юго-западным пунктом являлось городище Ворожба на Псле (рис. 1).

Общество семичей шло по пути создания собственной государственности, однако этот порог, как и подавляющему большинству других племенных объединений, ему было не суждено переступить самостоятельно. Приход русских дружин приводит к организации волости, которая эволюционирует до статуса удельного княжества. Накануне монгольского нашествия Курское княжение вступает в пору расцвета, а его князья играют заметную роль в политических перипетиях Южной Руси. «Курскиа области» летописей переживают Батыев погром, однако в кон. XIII в. наблюдается упадок и запустение как городов, так и сельской округи (Енуков, 1998а; 2003; 2005б). Таким образом, население междуречья Сейма и Псла являет собой редкий пример социума, который развивался в пределах единой территории на протяжении 500 лет.

Жилище относится к тем компонентам материальной культуры, развитие которых особенно подвержено воздействию окружающей естественно-географической среды. Территория междуречья Сейма и Псла расположена в юго-западной части Среднерусской возвышенности. Тектоническую основу Посеймья образует сводовая часть Воронежской антеклизы. В ее строении принимают участие древние докембрийские метаморфические породы, в составе которых особенно широко представлены мело-мергелевые породы и песчано-глинистые отложения. На значительных территориях мел близко залегает от поверхности или вообще обнажается. Песчано-глинистые отложения хорошо сохранились на междуречьях. Они почти повсеместно перекрыты довольно значительной толщей лессовидных суглинков и глин. Водоносный слой, как правило, находится на значительной глубине от поверхности – до 25 м (Сычева, Чичагова, 1998. С. 51–54; Сычева, Герасимова, 2005. С. 49–50).

Рельеф Посеймья находится в тесной зависимости от геологического строения и развития территории. В целом это пологоволнистая возвышенная равнина, сильно расчлененная речными долинами, балками и оврагами. Речные долины хорошо разработаны. Глубина их вреза составляет 100–130 м. Ширина многих долин исчисляется километрами (Мильков, 1983. С. 6–8). Расцвет в заселении пойменных ландшафтов, как и территории лесостепи в целом, приходится на период освоения ее славянскими племенами роменской культуры. Культурные слои этого времени связаны с наиболее гумусированной частью напластований, отражающей длительный и устойчивый процесс лугового почвообразования. Данный период приходится на малый климатический оптиум голоцена, отличающийся наиболее благоприятными экологическими условиями. Поселения эпохи Киевской Руси в пойме уже немногочисленны и тяготеют к повышениям (Сычева, Чичагова, 1998. С. 53).

В целом климатические условия региона определяются его расположением в умеренных широтах

и влиянием Атлантики. Климат умеренно континентальный с холодной зимой и жарким летом. Самый холодный месяц года – январь. Его среднемесячные температуры колеблются от –8,4° до –9,4°. Абсолютные минимумы достигают –40°. Средняя месячная температура самого теплого месяца-июля колеблется в пределах 18,8° – 19,6°. В отдельные летние жаркие дни температура воздуха может повышаться до 41°, что является абсолютным максимумом. Однако повторяемость крайне низких и высоких температур очень невелика. Первые морозы наступают в конце сентября – начале октября, последние – в конце апреля – начале мая. Переход через 0° весной наблюдается в конце марта, осенью – в первой половине ноября. Продолжительность периода со среднесуточной температурой 0° и выше составляет 220–235 дней, безморозного периода – 145–164 дня. Для региона характерны теплое и влажное лето, сравнительно короткая и мягкая зима. По количеству осадков район относится к зоне умеренного увлажнения (Мильков, 1983. С. 31–33).

В последние десятилетия значительно возрос интерес к изучению климата прошлого. Существуют различные подходы к решению проблемы его реконструкции: математическое моделирование, анализ исторических письменных источников, использование палинологических, дендрохронологических, гляциологических и других методов. На основе синтеза сведений различных источников были предприняты попытки реконструкции климата Русской равнины в прошлом (Клименко, Слепцов, 1999; Слепцов, Клименко, 2004; Ляхов, 1984). К числу основных выводов относится выделение наиболее значительного климатического события последнего тысячелетия на территории Восточной Европы – так называемой средневековой теплой эпохи (СТЭ), хронологические рамки которой выпадают на X – XIII вв. (рис. 2). Пик средневекового оптимума приходится на рубеж I–II тысячелетий. Позднее 1200 г. трендовая составляющая климатического ряда лежит в отрицательной области по сравнению к современным климатическим нормам. Но СТЭ не рассматривается как продолжительный период стабильного потепления. В течение этого периода на Русской равнине наблюдались и довольно заметные похолодания, в частности, самое сильное в период около 1100 г. Таким образом, СТЭ представляла собой асимметричный двойной теплый эпизод, разделенный весьма продолжительным похолоданием (Клименко, Слепцов, 1999). Среднегодовые температуры на территории Центральной России в настоящее время располагаются на уровне, примерно соответствующем максимуму средневекового оптимума (кон. X в.). Современные зимние температуры находятся на рекордно высокой отметке за последние полтора тысячелетия, летние – в пределах естественной изменчивости климата последнего тысячелетия (Слепцов, Клименко, 2004. С. 6).

Зональным типом растительности бассейна р. Сейм являются широколиственные леса на серых лесных почвах, которые относятся к провинции среднерусских дубрав, занимающих центр лесостепной зоны. В древности дубравы были представлены крупными массивами, которые тянулись вдоль Сейма и Свапы. Пойменные дубравы, расположенные на наиболее дренированных поверхностях днищ речных долин с плодородными темно-серыми аллювиальными почвами, представляли собой многоярусные насаждения с хорошо развитым кустарниковым и травяным ярусом. Наряду с дубом черешчатым произрастал клен остролистный и полевой, вяз гладкий, ясень обыкновенный, груша обыкновенная, яблоня лесная, береза и др. По песчаным террасам рек в прошлом росли прекрасные леса из сосны обыкновенной (Мильков, 1983. С. 45–47).

Сама природа подарила нашим предкам исключительный по своим свойствам, легко обрабатываемый и доступный строительный материал. Русь в древности называли страной деревянных городов. Для строительства домов использовалась, в основном древесина хвойных пород (сосны, ели), обладающая неоценимыми качествами — прочностью, прямизной стволов, отсутствием дупел и минимальным количеством сучков, смолистостью и, следовательно, стойкостью к загниванию. Из дерева возводились постройки различного назначения — от храмов и дворцов до ветряных мельниц и амбаров, причем в качестве инструмента использовался главным образом топор. Появившаяся в XIV–XVII вв. поперечная пила почти не применялась, так как было замечено, что она разрушает волокна древесины, вследствие чего торцы бревен начинают втягивать воду. Топор же при перерубке ствола уплотняет волокна. Для строительства выбирались бревна диаметром 25–40 см при длине в 5–10 м. Плотники, как правило, не сращивали бревна, предпочитая стыковать срубы. Там, где нельзя было применить бревна, использовались брус, пластины (бревна, расщепленные пополам) и тес, который получали с помощью клиньев и тесла – особого топора для тесания.

Основной целью данной работы является попытка проследить традиции и новации в домостроительстве населения летописного Посемья на протяжении IX–XIII вв. К числу задач относится выделение возможно полного комплекса реконструктивных признаков, восстановление общего вида маркерных объектов, выявление вероятных факторов, а также источников, определяющих изменения в домостроительстве. Следует сразу оговориться, что успешное решение поставленных задач невозможно без привлечения аналогий самого широко спектра, в том числе и из иных, помимо археологии, областей научных знаний, в первую очередь, этнологии.

ГЛАВА I
Источники, историография и методика изучения славяно-русских жилищ IX–XIII вв.

Источники

База данных археологии и процесс ее формирования

При изучении домостроительства в эпоху истории человечества, слабо обеспеченной письменными свидетельствами или вообще их не имеющей, к основным источникам, несомненно, относятся археологические. Из числа средневековых поселений древнего Посемья внимание исследователей привлекали главным образом городища, что вполне понятно. Остатки укреплений в виде рвов и валов, нередко достигавших высоты в несколько метров, производили сильное впечатление. В росписях маршрутов сторожей кон. XVI – XVII вв. часто упоминаются городища, которые использовались в качестве удобных ориентиров при передвижениях, в том числе и по курским землям (Беляев, 1846). Составители этих документов употребляли термин «городище» практически в современном понимании: остатки древних укрепленных поселений. Именно с этих позиций описываются остатки укреплений древнего Курска в одном из документов сер. XVII вв., где упоминается «старая городовая осыпь» (Габель, Гулин, 1951. С. 10).

В кон. XVIII – нач. XIX вв. намечается переход от восприятия городищ как топографических маркеров, которые «поставляла» история России, к первым попыткам осмысления их места в этой истории. В работе С. Ларионова, представлявшей собой первое исследование по истории Курского края, в «Географическом словаре» А.Ф. Щекатова приводятся описания городищ, причем последний, судя по близости текста, пользовался работой С. Ларионова (Ларионов, 1786. С. 36–37; Щекатов, 1804. Стб. 1018–1019). Эти труды, по сути дела, знаменует собой начало первого этапа в изучении средневековых поселений, а точнее, пока только одного их типа – городищ, для которого характерен только сбор сведений. Во многом в этом русле следует расценивать и деятельность А.И. Дмитрюкова, который в кон. 1820-х гг. провел первые в России научные исследования славянских курганов около д. Горналь. В то же время его интерес к поселениям реализовался в сборах подъемного материала, редких шурфовках и описаниях городищ Суджанского и Рыльского уездов, что, с учетом слабой разработки в то время приемов полевых исследований, можно оценить только положительно (Дмитрюков, 1828а; 1854; 1863).

Если в дальнейшем курская археология имеет классические примеры масштабных исследований погребальных древностей, чему ярким примером являются раскопки курганов в Гочево, то изучение городищ шло в основном по линии их выявления и описания, что характерно для последующего 100-летнего периода, вплоть до 30-х гг. XX вв. Важными вехами в этом процессе явилось издание «Указателя городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии», разведочные работы Д.Я Самоквасова, К П. Сосновского (Самоквасов, 1878. С. 225–235; 1908; 1915; Сосновский, 1911). Раскопки городищ были редки и носили главным образом разведочный характер, а сведения о них или не сохранились, или имеют характер очень краткого описания. Так, в 1875 г. Д.Я. Самоквасов заложил шурфы на Большом Горнальском городище, в 1907 г. В.Е Данилевич провел раскопки траншей Липинского городища (Данилевич, 1911. С. 127–180). После Октябрьской революции дело изучения средневековых поселений Посемья оказалось целиком в руках краеведов, которые организационно были объединены в Курское городское (1923 г.), а потом Курское губернское (1925 г.) общество краеведения. В основном их деятельность сводилась к визуальным обследованиям памятников. Некоторым исключением являются раскопки Л.Н. Соловьева на Шуклинском городище, в ходе которых был прорезан вал (Соловьев, 1928). Деятельность краеведов носила хотя и активный, но, в силу крайних материальных затруднений, ограниченный характер, а в кон. 1920-х гг. после различных реорганизаций вообще пришла в упадок, что во многом определялось политикой советского правительства. Последним всплеском были проведенные в 1930 г. разведочные работы Л.Н. Соловьева в Саду профсоюзов (ныне парк им. 1-го Мая) на территории Курска, в ходе которых был найден погреб с тремя корчагами «великокняжеской эпохи» (Зорин, Стародубцев, Шпилев, 2002. С. 74–75). Одна из этих корчаг, которые в литературе получили название пифосообразных сосудов, до сих пор выставлена в экспозиции Курского краеведческого музея.

В последующие почти полвека изучение средневековых поселений Посемья практически в полном объеме осуществлялось специалистами центральных учреждений СССР. В 1937 и 1939 гг. на одном из двух городищ Гочевского археологического комплекса – «Крутом кургане» – проводил раскопки Б.А. Рыбаков. В процессе исследований было обнаружено 5 жилых построек роменского времени в виде наземных домов срубной конструкции. Печи сооружались из камней, керамических конусов и глины. Рядом с жилищами находились зерновые ямы грушевидной и цилиндрической формы (Раппопорт, 1975. С. 38–39; Эдинг, 1938. С. 143; АКР. Ч. 1. С. 137; Рыбаков,

1948. С. 208.). К сожалению, научный отчет о раскопках не сохранился. Отдельные полевые чертежи, фотографии и находки имеются в ГИМ, ГАКО и КОКМ, но получить целостную картину на их основе невозможно. В личной беседе Б.А. Рыбаков объяснил это тем, что во время многочисленных переездов отчет и чертежи были утеряны.

Через два года после залпов, возвестивших о победе над фашистской Германией, изучение средневековых памятников на территории Посемья было продолжено. Первые работы по изучению курских средневековых поселений были связаны с Деснинской экспедицией ИИМК АН СССР во главе с М.В. Воеводским. Работавший в ее составе Р.Л. Розенфельдт в 1947–48 г. исследовал Липинский археологический комплекс (Розенфельдт, Отчет… 1948), О.Н. Мельниковская в 1948 г. шурфовала Шуклинское городище (Мельниковская, Отчет…1948). Характер полученных материалов был принципиально новым, в силу того что к исследованиям пришли специалисты, вооруженные новейшими по тем временам научными знаниями, в том числе и методикой полевых исследований. Значимость полученных материалов заключается в том, что достаточно полная информация о них сохранилась в научных отчетах. В частности, на Липинском селище была раскопана постройка, относящаяся к периоду освоения Киевом племенного Посемья (кон. X – нач. XI вв.), а на Липинском городище в ходе шурфовки открыта (редкий случай) почти полностью сохранившаяся роменская печь. Она стала практически хрестоматийным объектом, который после публикации М.В. Воеводского (Воеводский, 1949. С.73. Рис. 18) становится основой для реконструкций глинобитных отопительных сооружений (Раппопорт, 1975. С. 152; Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. Табл. 40).

В целом исследования Деснинской экспедиции, которую в 1948 г. возглавил П.И. Засурцев, представляли собой новое явление в советской археологии. Они были направлены на комплексное изучение относительно небольших по территории регионов, в ходе которых раскопки проводились на памятниках самых различных эпох. В числе изученных поселений достойное место заняли и славяно-русские памятники. В 1948-1950 гг. А.Е. Алихова проводила работы на Авдеевском селище, которое располагается в 5 км от Липинского комплекса в урочище Белая гора. Судя по распределению культурного слоя, селище было вытянуто вдоль берега и имело в длину приблизительно 750 м, в ширину – около 100 м. Несмотря на явное присутствие на памятнике культурных напластований роменского времени, типичных для данной культуры построек, заглубленных в грунт, обнаружено не было. Анализ вещевого материала, полученного при исследованиях, показал, что заключительный этап жизни памятника датируется древнерусской эпохой. На основании того что в пределах раскопов были встречены остатки 6 глинобитных отопительных сооружений, был сделан вывод о том, что на поселении основной формой жилища был наземный тип построек (Алихова, 1963. С. 69).

В 1951 г. П.И. Засурцевым были проведены раскопки на Липинском городище, в ходе которых было вскрыто 402 кв. м. Всего было изучено 5 жилых построек роменского времени (Засурцев, Лисицына, 1968). Исследования были проведены на высочайшем для того времени уровне, о чем свидетельствует детальный научный отчет (Засурцев, Отчет…1951). К сожалению, печальная судьба постигла керамическую коллекцию, добытую в ходе раскопок. По словам Н.К. Лисицыной, после долгих переговоров с Курским краеведческим музеем, в итоге отказавшимся принимать «неэкспозиционные» материалы, керамика, за неимением места хранения, была просто выброшена.

Сезон 1951 г. был последним в работах Деснинской экспедиции, однако исследования славяно-русских поселений продолжались. В 1952–1953 гг. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Т.Н. Никольской совместно с Курским краеведческим музеем были проведены раскопки городища и селища у д. Шуклинка Стрелецкого (ныне Курского) района. Городище расположено на окраине Курска, на мысу правобережной террасы р. Тускарь. Его площадка имеет значительный уклон в восточном (в отчете уклон в южном) направлении, что и определило некоторую специфику сооружений, «врезанных» в склон. Всего за 2 полевых сезона на площадке городища было вскрыто 650 кв. м. При изучении напластований роменского времени исследовано 5 жилых построек (Никольская, Отчет… 1953; 1958. С. 77). Раскопками на Шуклинском селище, примыкавшем к городищу, жилища обнаружены не были.

В 1955 г. Курская экспедиция, организованная на средства Курского краеведческого музея, под руководством научного сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР А.Е. Алиховой провела исследования Моисеевского городища на р. Свапе. Основной целью ее работ, продолженных и в дальнейшем, являлось изучение памятников раннего железного века, поэтому находки, полученные из единственной раннесредневековой постройки на городище, как, впрочем, и все материалы этого времени, к сожалению, охарактеризованы весьма общо. Однако само сооружение, датированное автором XII – XIII вв., по своим параметрам вполне соответствует данному хронологическому периоду (Алихова, Отчет…1955; Алихова, 1962. С. 84–86).

После исследований А.Е. Алиховой в изучении средневековых поселений и, соответственно, жилищ, наступает определенное «затишье», которое прерывается только во 2-й пол. 1960-х гг. В 1965 г. На территории д. Воробьевка 2-я на р. Снове, правом притоке р. Тускаря, местными школьниками был обнаружен клад дирхемов, датирующийся 960-ми гг. В 1968 г. это место обследовал С.С. Ширинский, кото-

рый определил границы роменского поселения (40 х 60 м), обозначенного как селище 1. Раскопом площадью 80 кв. м были выявлены остатки клада, состоявшего из 66-ти монет, а также скопления глины, которые предположительно были определены как остатки печи. На селище 2, расположенном в 0,3 км к северо-северо-западу, в устье р. Моркости, левого притока р. Сновы, был заложен шурф, который выявил материалы раннеславянского, а также позднероменского времени. С последним горизонтом были связаны находки лепной и раннегончарной керамики X в. (по определению автора), а также глазчатаой бусины (Ширинский, Отчет… 1968; 1969). В 1970 г. на селище 2 около 400 кв. м было изучено Э.А. Сымоновичем. К числу интересующих нас объектов относится роменское жилище (постройка 2) с печкой-каменкой. Было установлено, что селище закончило свое существование уже в древнерусское время (Сымонович, 1971; 1974. С. 80).

В 1971–73 гг. Г.Ф. Соловьевой, А.В. Кузой и А.А. Узяновым были проведены раскопки одного из самых известных в историографии роменских памятников – Горнальского археологического комплекса, расположенного на р. Псел в Суджанском районе. Он состоит из городищ Малого (Фагор) и Большого, к которому примыкает обширное селище. В ближайшей округе выявлено 12 небольших поселений. От некогда многочисленных курганов сохранилось 4 группы, в которых сегодня насчитывается около 3 десятков насыпей.

Основные работы были сосредоточены на центрообразующем элементе комплекса – Большом Горнальском городище. Оно занимает стрелку мыса подтреугольной формы с размерами 100 х 160 х 125 м и отрезано с северо-запада от плато глубоким рвом и валом. Въезд на площадку осуществлялся по пандусу с восточной стороны. Раскопками на площадке городища была вскрыта площадь около 1500 кв. м. В результате обнаружено 20 жилищ, которые соотносятся с четырьмя хронологическими горизонтами роменской культуры в пределах кон. VIII – нач. IX вв. – кон. X в. Кроме того, на примыкавшем селище 1 была исследована жилая постройка с двумя глинобитными печами (Соловьева, Отчет…1971; Куза, Отчет …1972–1973; Узянов, Отчет… 1979; Вознесенская, Куза, Соловьева, 1972. С. 96; Куза, 1981. С. 6–39).

В 1978–1979 гг. Днепровской Левобережной экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Е. А. Горюнова велись исследования на территории Обоянского района с целью поиска и изучения в поречье верхнего Псла памятников середины и третьей четверти I тыс. н. э., в ходе которых были получены материалы и роменского времени. На поселении Гремячка, расположенном на склоне правого коренного берега р. Псел, было заложено три раскопа общей площадью 600 кв. м. Из числа изученных объектов две постройки с печами-каменками содержали материалы VIII–IX вв. (Горюнов, Отчет…1978. Л. 2–14). На поселении у р. Каменки, правого притока Псла, раскопом площадью 96 кв. м было обнаружено жилище, аналогичное Гремячке (Горюнов, Отчет…1978. Л. 26–29; Горюнов, Казанский, Усова, 1979. С. 57–58). На расположенном в 3 км юго-западнее (ниже по течению р. Псел) поселении у с. Песчаное в ходе исследований 1979 г. было обнаружено жилище VIII – IX вв. с разрушенной печью-каменкой (Горюнов, Отчет… 1979. Л. 9).

Крупные исследования по изучению древностей IX–X вв. начинают проводиться в связи с проектом строительства на р. Тускарь водохранилища. В составе Курской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР был образован специальный Роменский отряд под руководством А.А. Узянова. В 1979 г. начались исследования позднероменского селища у с. Жерновец, на левом берегу Тускаря. Памятник располагался в излучине реки, на двух слабовыраженных возвышенностях, разделенных заболоченной старицей. В 1979 г. было исследовано 450 кв. м. Выявлены остатки хозяйственных и производственных сооружений, ямы-погреба. Отчетливо выраженных жилых сооружений обнаружено не было. Раскопки памятника были продолжены в 1983 г., при этом изученная площадь почти в 10 раз превысила площадь раскопок 1979 г. Работы проводились в экстремальных условиях, в прямом смысле под ножом бульдозера, когда нередко объекты «открывались» самими строителями. Было установлено, что неукрепленное роменское поселение занимало пространство 500 х 330 м. В процессе работ было исследовано 12 жилых построек. По форме и размерам они разделялись на овальные и подпрямоугольные. Все сооружения слабо заглублены в грунт (Узянов, Отчет…1979; Отчет…1983; АКР. Ч.1. С. 244–245).

С 1980 по 1984 гг. А.А. Узянов проводил работы на городище Переверзево II. Городище занимает мыс правобережной террасы р. Тускарь и левобережной террасы ручья Любаж. Всего было исследовано около 2000 кв. м. Основной слой городища принадлежит роменской культуре. На площадке городища было обнаружено 23 жилых и хозяйственных постройки, которые, по мнению исследователя, были сгруппированы во дворы и усадьбы. А.А. Узянов выделяет два периода в развитии роменской культуры Переверзевского городища: кон. IX – нач. X вв. и сер. X – кон. XI вв. К первому периоду относятся жилища, заглубленные в землю, подквадратной в плане формы с глинобитно-каменными печами. Постройки второго периода – наземного типа столбовой конструкции с подклетами, деревянными полами и печками из глины и камня (Узянов, 1981; 1984; АКР. Ч.1. С. 199–200).

В 1988 г. А.В. Григорьевым в составе Курской экспедиции были проведены исследования на поселении Тазово 4 (номер поселения дан по номенклатуре А.В. Кашкина: АКР. Ч.1. С. 205). Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега

р. Тускарь. Его размеры 70 х 70 м, высота от уровня реки 4 м. Верхний горизонт культурных напластований на поселении относится к роменскому времени. При раскопках была выявлена жилая постройка, датированная автором работ 2-ой пол. X – нач. XI вв. Ее остатки представляли собой немного заглубленный в грунт котлован прямоугольной формы в плане с глинобитной печью в углу (Григорьев, 2000. С. 100). Предположительно к роменскому времени также относятся две полуземлянки с глинобитными печами, исследованные О.В. Сухобоковым и А.П. Моцей в 1983 г. на селище Зеленого Гая на Псле. В одной из них, изученной полностью, были отмечены интересные детали интерьера. Так, печь по внешнему периметру была явно обшита деревом, а к ней, в свою очередь, вплотную примыкала лавка, идущая вдоль всей юго-западной стены (Сухобоков, Моця, 1987; Моця, Халиков , 1997. С. 114).

Все исследования поселений и городищ, проводившихся до 1980-х гг., имели значительный хронологический «перекос». Если по домостроительству роменского времени были накоплены значительные материалы, то древнерусский период оставался практически неизученным.

Положение должно было бы измениться с началом работ в 1984 г. М.В. Фролова на горе Ивана Рыльского – детинце летописного Рыльска. В ходе исследований было изучено около 200 кв. м антропогенного слоя, мощность которого составляла более 4 м при очень сложной стратиграфии. Однако в результате опять была расширена база данных по роменскому домостроительству (открыты 3 роменских полуземлянки). В пределы раскопа жилища древнерусского времени не попали, хотя, по мнению исследователя, им соответствовали отдельные печи (Фролов, 1991. С. 83, 84; 1994). Таким образом, культурно-хронологические диспропорции в источниках стали еще более заметными.

В 1988 г. была образована Посемьская археологическая экспедиция Курского государственного педагогического пединститута. Изначальные цели исследований были определены в самом названии: славяно-русские древности. И неслучайно первый полевой сезон был посвящен исследованию исторического культурного слоя Курска, который по праву входит в число древнейших русских городов. Первое упоминание о нем содержится в «Житии Феодосия Печерского» и датируется временем около 1036 г. (Склярук, 1988).

Ко времени начала работ было широко распространено мнение о том, что культурный слой древнего города практически полностью уничтожен в результате поздних перепланировок. Надежда на то, что слой все-таки сохранился, появилась после того, как в 1987–88 гг. М.В. Фролов перед реставрацией так называемых «палат бояр Ромодановских» (ныне – Курский государственный областной музей археологии) в ходе шурфовки обнаружил культурный слой древнерусского времени, в том числе и часть котлована постройки (Фролов, Отчет… 1988 г.). Культурные напластования располагались в пределах нижнего (Закурного) посада.

Весной 1988 г. при земляных работах по ул. Луначарского в борте строительной траншеи были обнаружены остатки роменской полуземлянки, поэтому участок под первые стационарные исследования выбирался с учетом максимальной приближенности к открытому объекту. Летом 1988 г. на ул. Сонина был разбит раскоп 1, к которому в 1994 г. был прирезан раскоп 2 (рис. 3). Работами руководил В.В. Енуков. Всего было вскрыто 132 кв. м. В результате были исследованы остатки укреплений верхнего посада времени Феодосия (сер. XI в.), а также сложная двухуровневая постройка предмонольского времени, которая вошла в раскоп частично (Енуков, Отчет…1988; Отчет…1994).

В 1995 г. В.В. Енуковым были проведены исследования на верхнем посаде Курска (территория Сада им. 1-го Мая, раскоп 3, площадь 160 кв. м), где сохранился антропогенный слой XII – XIII и XVII вв., в частности, ряд объектов древнерусского времени, в том числе и две постройки (Енуков, Отчет…1995; Енуков, 1996. С. 132–133). Интересно, что в одной из них, имевшей срубную конструкцию и вошедшей в раскоп частично, был обнаружен пифосообразный сосуд высотой около 80 см, практически идентичный находкам Л.Н. Соловьева 1930 г.

В 1997 г. автором проводились изыскания на месте Нижнего посада Курска, при этом в раскоп площадью 96 кв. м был вписан шурф М.В. Фролова. В ходе исследований были открыты укрепления кон. XI – нач. XII вв., а также доследована нежилая постройка, открытая М.В. Фроловым (Енукова, Отчет…1997).

В 1999 г. в пределах границ курского детинца, около Знаменского собора, В.В. Енуков раскопом 4 исследовал 43 кв. м. Антропогенный слой толщиной более 3 м имел сложную стратиграфию. В кон. X – нач. XI вв. перед началом освоения данного участка вся его площадь была отсыпана материковым мергелем, в результате чего древняя почва оказалась перекрыта прослойкой толщиной 5–20 см. Этот грунт не является выбросом из котлованов объектов, он был специально откуда-то принесен. Несомненно, такая планировка была сделана не при создании одного хозяйства, а какого-то единовременно возникшего достаточно крупного участка поселения. Судя по всему, сразу после этого начинается этап активной строительной деятельности. Неслучайно основу напластований составляет грунт с заметной примесью древесного тлена, концентрация которого заметно возрастает в основании слоя, в отдельных случаях образовывая прослойки интенсивно коричневого цвета. С этим периодом связана постройка, котлован которой был заглублен в грунт, и несколько хозяйственных ям. Расположенный выше культурный слой мощностью 50–70 см содержал в основном древнерусские материалы. К данному горизонту от-

носится частично вскрытая жилая постройка с заглубленным в грунт подклетом (Енуков, Отчет…1999(а); Енуков, Енукова, 2001).

В 2002 г. Посемьской экспедицией были организованы работы охранного характера под научным руководством автора на месте строительства 2-й очереди жилого дома по адресу: Красная площадь, дом 2/4. Данный участок располагался на месте посада XI в., который в XII в. вошел в территорию детинца (раскоп 6 площадью 435 кв. м). Впервые был вскрыт участок исторического культурного слоя, насыщенный сооружениями начального периода в существовании города, последовавшего после включения Посемья в состав державы Рюриковичей. Всего в пределах раскопа было исследовано 57 объектов, подавляющее большинство которых относилось к древнерусскому периоду. Они представляли собой остатки укреплений, жилые и хозяйственные постройки, столбовые ямки и т.д. (Енукова, Отчет…2002; Енукова, Енуков, 2003. С. 119–120).

Исследования Курска оказались чрезвычайно важными с точки зрения реконструкции исторических процессов, протекавших на территории Посемья, без чего невозможно анализировать процесс эволюции домостроительства. Результаты исследований позволили восстановить основные этапы развития города (Енуков, 1998а. С. 82–91; Енуков, 1998в. С. 29–32). Однако количество жилых домов, о которых была получена достаточно полная информация, оказалось сравнительно невелико, что в своей основе имеет причины объективного характера. Большинство объектов имеют значительные повреждения нового и новейшего времени.

Уже начало изысканий в Курске показало необходимость дальнейшего исследования его округи, в первую очередь древнерусских памятников, без чего воссоздание как общих тенденций в процессе становления и развития волости-княжения, так и конкретных его черт, заметно затруднялось. В 1990–1992 гг. Посемьской экспедицией под руководством В.В. Енукова проводились исследования на площадке Ратского городища, находящегося в Курском районе. Раскопками было вскрыто 672 кв. м, при этом подавляющая часть объектов относилась к роменскому времени. В их число входило несколько полуземлянок, однако только в одной из них было встречено отопительное сооружение в виде печи, вырезанной из материкового останца. Еще от одной постройки, почти полностью разрушенной при строительстве какого-то крупного сооружения древнерусского времени типа башни, осталась печь аналогичной конструкции. Предположение В.В. Енукова об остатках печки-каменки в углу одной из упомянутых роменских построек вызывает определенные возражения, так как этот участок не был вскрыт полностью, а отчетливых следов прокала, характерных для остатков отопительных сооружений, встречено не было. Что касается небольшого скопления камней, то аналогичная картина была прослежена и в остальных котлованах. Не исключено, что ими укреплялась кровля (Енуков, Отчет…1990; Отчет…1991).

Отсутствие древнерусских жилищ на площадке Ратского городища подвело к постановке вопроса о специфике урбанизационных процессов на территории Посемья. Как оказалось, практически на всех исследованных городищах отсутствуют следы проживания населения в XI в., а в горизонтах XII–XIII вв., достаточно насыщенных находками, жилые дома редки. К числу исключений пока можно отнести только главные города княжения – Курск и, вероятно, Рыльск. Отсюда следовал вывод о том, что в XI–XIII вв. основная хозяйственная жизнь протекала на селищах, а городища, на которых укрепления были возведены не ранее XII в., выполняли роль главным образом крепостей-убежищ (Енуков, 1998б. С. 89–90; Енуков, 1999. С. 174–178), что прекрасно демонстрируют материалы исследований у д. Липино Октябрьского р-на Курской обл.

Липинский археологический комплекс приобрел свою известность еще при исследованиях Деснинской экспедиции в кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. Осенью 1992 г. во время осмотра памятника с целью оценки современного состояния было установлено, что селище, примыкающее к городищу, активно разрушается в ходе карьерных разработок песка. На момент начала работ памятник выглядел следующим образом (рис. 4). Городище сохранилось и практически не изменило своего облика со времени исследований П.И. Засурцева. Обследование примыкавшего селища показало, что оно по своей площади значительно больше, нежели считалось раньше (около 25 га). Крайняя юго-восточная часть оказалась уничтоженной старым карьером, судя по возрасту деревьев, 20–30-летней давности. Северная и северо-восточная части, в свою очередь, были разрушены действующим в тот момент карьером. Тем не менее, на значительной площади (около 4 га) оказалось возможным провести охранные исследования. Здесь строителями были произведены только так называемые «вскрышные», то есть подготовительные, работы: бульдозерами был снят культурный слой, достигавший толщины 0,4–0,5 м, в результате чего на фоне материка обнажилась плотная массовая застройка древнерусского времени.

В следующем 1993 г. Посемьская экспедиция начала охранные раскопки комплекса, которые проводились под научным руководством автора в течение одиннадцати полевых сезонов (1993, 1995–1998, 2000–2001, 2003–2006 гг.). Всего на поселении было вскрыто около 9000 кв. м площади, изучена представительная серия жилищ (рис. 5). Впервые в условиях Южной Руси на посаде относительно небольшого города была зафиксирована усадебно-уличная застройка, аналогичная Новгороду. Вдоль улиц с деревянными мостовыми располагались усадьбы, обнесенные частоколами. Всего было исследовано 12

усадебных комплексов, четыре из которых (А, В, Д и Е) вскрыты полностью. Как оказалось, территория селища начинает активно осваиваться в кон. X – нач. XI вв. На протяжении всего XI в. какой-либо строгой системы в расположении объектов не прослеживается. Возникновение усадебной системы относится к кон. XI – нач. XII в. Жизнь на селище продолжается вплоть до XIII в., постепенно затухая после погрома Батыя (Енукова, 1996а. С. 133–135; 1996б. С. 29–36; 1997. С. 74, 75; 1998. С. 32–36).

Параллельно с работами на Липинском селище, которое на долгие годы стало главным объектом исследований, Посемьской экспедицией велись раскопки и на других объектах, пополнивших источниковую базу по изучаемой теме. Под руководством автора в 1997–1998 гг. были проведены исследования на Липинском городище. На мысовой части памятника были исследованы укрепления древнерусского времени, а на самой площадке – 3 полуземлянки роменского времени и колодец, который, не исключено, был составной частью свя́тилища, начало функционирования которого относится еще к раннему железному веку. Общая площадь раскопок на городище, без учета исследований кон. 1940-х – нач. 1950-х гг., составила 296 кв. м (Енукова, Отчет… 1997; Отчет… 1998; Енукова, Енуков, 2000. С. 99–100). В 2000 г. было изучено расположенное неподалеку поселение у хут. Студеновский. Памятник был открыт А.В. Кашкиным в 1981 г. Позднее при составлении свода археологических памятников Курской области он был обозначен как селище 3 (АКР. Ч.2, 2000. С. 75). Здесь была исследована самая ранняя из известных на сегодняшний день в Липинской агломерации роменская полуземлянка с глинобитной печью, датировка которой, судя по керамическому комплексу, не выходит за пределы IX вв. (Енукова, Отчет…2000. Л. 63–67. Рис. 181).

В 1999 г. В.В. Енуковым были проведены разведочные и стационарные исследования на территории нижнего посада древнего Рыльска. Ранее здесь проводил разведки М.В. Фролов (рис. 6). Тремя шурфами были локализованы два участка сохранившегося культурного слоя (Фролов, 1991. С. 83–84; 1994. С. 303–308). В итоге работ были значительно уточнены границы Нижнего посада, намечены основные этапы в его становлении и развитии (Енуков, Отчет…1999; Енуков, 2000. С. 12–13). Особый интерес для нашей темы представляют материалы раскопа 1 площадью 112 кв. м, который располагался на западной стороне ул. Советская площадь, между райвоенкоматом и почтой, на краю пологой террасы, выходящей к пойме р. Дублянки, русло которой проходит практически у западного склона Горы Ивана Рыльского. В пределах раскопа были изучены остатки трех жилых построек 2-ой пол. XII –XIII вв., в том числе сложный многоуровневый пятистенок (Енуков, Отчет…1999; Енукова, 2000; 2005а).

В 2000 г. автором совместно с А.В. Зориным были продолжены исследования на нижнем посаде Рыльска, однако, хотя раскопом 3 и был вскрыт ряд построек, соотнести их с жильем трудно (Енукова, Зорин, Отчет…2000).

В кон. 1990-х – нач. 2000-х гг. на ряде памятников Посемья были проведены раскопки сотрудниками КГОМА. В 2000 г. под руководством Г.Ю. Стародубцева раскопом площадью 243 кв. м была изучена площадка городища Люшинка на Сейме, а также небольшой участок селища, подвергающийся разрушению карьером. В числе объектов, открытых на городище, была жилая постройка. Несмотря на заметную примесь роменской керамики в заполнении, круговая посуда имела признаки, характерные для кон. XI – нач. XII вв., что и определяет хронологию жилища (Стародубцев, Отчет…2000; Енуков, 2005а. С. 279–280). В 2001 г. А.В. Зориным были осуществлены раскопки на городище Капыстичи Рыльского района Курской области, расположенного на высоком мысе правого берега р. Сейм. Центральная часть городища повреждена церковью XIX в., а также кладбищем, которое начало функционировать еще в XVIII в. Среди объектов выделялась частично исследованная жилая постройка роменского времени, погибшая в огне пожара. По мнению А.В. Зорина, сооружение было двухуровневым. В его основе находились два заглубленных в грунт котлована, разделенных материковой перегородкой (Зорин, Отчет…2001; Зорин, 2003).

Таким образом, источниковая база по изучению домостроительства населения междуречья Сейма и Псла была создана, по сути дела, в последние десятилетия, причем по древнерусскому периоду – буквально в последние годы. При разработках реконструкционного характера необходимы главным образом объекты относительно хорошей сохранности, обеспеченные добротной полевой документацией. Таковых в итоге оказалось 78, исследованных на 17 памятниках (рис. 1). 40 жилищ относятся к роменскому времени и 38 – к древнерусскому. Из общего количества 35 домов были раскопаны автором. В ряде случаев в качестве дополнения использовались параметры отдельных сооружений, которые были исследованы частично или не имели необходимой полноты документации.

Письменные источники и материалы этнологии

Традиционно в работах, посвященных славянскому домостроительству, отдельно рассматриваются сведения письменных источников, которые, однако, обладают спецификой с позиций рассматриваемой темы. Во-первых, они имеют, по сути дела, этнологический характер. Во-вторых, не менее традиционно отмечается их исключительная значимость, с чем нельзя безоговорочно согласиться. Не случайно характеристики, почерпнутые из них, кочуют без особых изменений из работы в работу в качестве неких

небесспорных иллюстраций. Следует признать, что данные средневековых источников отличаются краткостью, нередко и противоречивостью, а имеющаяся в них информация, касающаяся непосредственно конструкции славянского жилища, зачастую скупа.

К числу наиболее часто привлекаемых относится известие Ибн-Русте о том, что славяне, прячась от сильного холода, выкапывают своеобразные погреба, перекрытые остроконечной деревянной крышей, на которую накладывают землю (Новосельцев, 1965. С. 388). Интересно указание на оформление кровли. Судя по всему, речь идет о ее четырехскатной конструкции. Ахмед Ибн-Фадлан, посетивший Волжскую Болгарию в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908–932 гг.), сообщает о том, что купцы-русы строили для себя и своего товара большие дома из дерева, и у каждого есть скамья, на которой он сидит (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. С. 79). Гренадский купец Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший с торговыми целями в 30–50-х гг. XII в. в Восточной и Центральной Европе, отмечал особенности жилища соседей Булгара: «А зима у них очень холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных один поверх другого, а их крыши и потолки из деревянных досок. И разводят они в домах огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много» (Большаков, Монгайт, 1971. С. 29). В целом эти сообщения увязываются с данными археологии, согласно которым для славян, в первую очередь населявших лесостепи, были характерны дома, заглубленные в землю, в том числе и срубной конструкции.

О господстве в древнерусских городах деревянной застройки свидетельствуют первые русские летописи. В «Повести временных лет» наряду с «избами», имеющими, видимо, относительно простую планировку (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 76, 93), известны и сложные сооружения – «хоромы» (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 48, 71). Упоминаются некоторые элементы славянского жилья: «печь» (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 88), «двери» (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 16, 24, 61, 62, 77, 95), «окна» (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 57, 58, 62, 65, 85), «клеть» (ПСРЛ, 2001 Т. I, л. 17, 45).

Имеются сведения и об отдельных конструктивных деталях древнерусских домов. К их числу относятся стреха и сени. Так, под 945 г. сообщается о том, что воробьи, выпущенные по повелению Ольги с пучками горевшей соломы, полетели под стрехи (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 17). Стреха – нижний свисающий край крыши в виде желоба. Пространство между навесом и стеной постройки иногда использовали для хранения каких-либо вещей. Выражение «Засунь серпы под стреху» означает окончание работы. Под стрехой гнездятся и птицы. Одно из названий воробья – застрешник или тот, кто сидит под стрехой. В старославянском языке под стрехой понималась и сама кровля или крыша, особенно соломенная (Даль, 1998. С. 339).

Под 983 г. говорится об убийстве в Киеве грека и его сына, назначенного по жребию для принесения в жертву. Когда народ с оружием, разметав двор, обступил храмины, отец с сыном стояли на сенях («онъ же стояше на сене съ снмъ своимъ»). Люди «посекоша сени по нима» (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 26 об.). Следующее упоминание сеней относится к сюжету о расправе с Игорем II (1147 г.). Владимир, чтобы спасти Игоря, увел его в дом матери и, затворив ворота, и пустил его на сени. Народ, выломав ворота, увидел Игоря на сенях и стал ломать их двери. Затем князя схватили и жестоко били у сенных дверей (ПСРЛ, 2001. Т. I, л. 106). Сообщения о сенях относятся к числу тех сведений, которые реально могут быть полезны при воссоздании наземной части жилища, к чему мы еще вернемся.

В трудах средневековых авторов, в первую очередь иностранцев, просматриваются первые проблески интереса к быту славян. В целом же становление научных знаний о восточнославянском жилье относится к XIX в. Жилище стало одним из первых элементов материальной культуры, который явился предметом специальных исследований.

В деле изучения древнего домостроительства роль данных этнологии чрезвычайно велика. Если, условно говоря, археологические материалы могут предоставить в руки исследователей сведения о «скелете», то нарастить на него «мышцы» дает возможность только этнология.

В поле зрения исследователей XIX – нач. XX вв. попадает колоссальное количество домов различных типов из разных климатических зон. Многие крестьянские жилища имели явно выраженный архаический характер. Описания жилищ разных районов появляются в научной литературе и архивах в связи с деятельностью различных научных обществ (Русское географическое общество, Харьковское историко-филологическое общество и др.). В сборниках и периодических изданиях выходят статьи о крестьянском быте, в том числе и населения Курской губернии. Едва ли не первым к этим сюжетам обратился преподаватель и штатный смотритель Суджанского, Щигровского и Рыльского училищ А. И. Дмитрюков. Будучи членом Императорского Географического общества, он регулярно снабжал отделение этнографии сообщениями о народных традициях, обрядах и обычаях Суджанского и Рыльского уездов. В 1928 г. он составил «Статистическое описание г. Суджи и Суджанского уезда», отрывок из которого был опубликован в «Московском телеграфе» (Дмитрюков, 1828б). В работе Г.И. Булгакова «Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении» приводится описание одежды, жилищ и обрядности населения (Булгаков, 1925. С. 93–111).

Совершенно естественно, что основой для изучения древнеславянского жилища на первых порах стали этнологические материалы. Работы А. Терещенко, А.Н. Харузина относятся к числу первых опы-

тов их обобщения (Терещенко, 1848; Харузин, 1907). Исследователями было признано, что процесс развития домостроительства происходил крайне медленно, а сами формы крестьянского жилища устойчивы и консервативны. Особо стоит отметить труд А.Н. Харузина, который и в наши дни представляет несомненный интерес в силу своей масштабности, причем значимость обширных иллюстративных материалов как первоклассного источника по крестьянскому жилищу со временем только увеличилась.

Вместе с тем к решению вопросов о древнейших формах жилища подошли историки искусства и архитектуры, среди которых были такие крупные ученые, как Л. В. Даль, И.Е. Забелин, А.А. Потапов, М. Красовский (Даль, 1872; Забелин, 1895; Потапов, 1902; Красовский, 1916). Если этнологи в своих выводах опирались на сохранившиеся жилища, то искусствоведы в основном использовали письменные источники и графические материалы, относящиеся к русскому жилищу XVII в. В общих чертах было признано, что эволюция должна была иметь место как в гражданском, так и в церковном зодчестве. Не располагая сведениями о древнейших архитектурных формах, они искали их в памятниках XVII–XVIII вв. и относили самые простые из них к древнейшим, а более сложные – к появившимся позднее. Предпринимались и попытки выявления изначальных строительных форм, уходящих корнями в древность. И.Е. Забелин определял клеть (сруб) как основу зданий гражданской деревянной архитектуры (Забелин, 1895. С. 13). Соединяя модули-клети, строители получали требуемую для определенного случая постройку. Таким образом, строительные формы со временем видоизменялись в частностях, но не в основных чертах (Забелин, 1895. С. 23).

Разработки этнологического характера заметно активизировались в советское время, причем в немалой степени они базировались на расширении полевых изысканий. К 1930-м гг. относится начало деятельности Е.Э. Бломквист. В результате в 1956 г. был издан капитальный труд, представляющий собой не только значительную публикацию сводного характера, но и глубокое, всестороннее осмысление имевшихся к тому времени данных о крестьянских постройках восточных славян. Автор пришел к выводу о самостоятельности происхождения восточнославянского жилья. Были обоснованы ведущие приемы в технике возведения стен. Рубленый дом был признан характерной чертой северных регионов. На юге, по мнению Е.Э. Бломквист, преобладала каркасно-столбовая конструкция. Восточнославянское домостроительство своими корнями уходит в древность, но при этом отсутствует косность, жилье со временем развивается и совершенствуется (Бломквист, 1956).

С целью сбора материалов для историко-этнографического атласа «Русские» в 1954 г. в нескольких районах Курской области работала экспедиция Института этнографии АН СССР. Результаты исследований первоначально были опубликованы в сборнике «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР» (1960). Логическим продолжением этого исследования стала работа Е.Э. Бломквист, написанная совместно с О.А. Ганцкой (Бломквист, Ганцкая, 1967). В ней собрано значительное количество материалов по русским жилищам, картографированы их типы, выделены ареалы различных комплексов. Была предпринята попытка сравнить полученные результаты с археологическими данными и выявить общие тенденции развития русских жилищ начиная с эпохи Древней Руси.

Незадолго до этого вышла коллективная работа Л.А. Молчановой, Г.Е. Стельмах и Л.Н. Чижиковой «Народы Европейской части СССР» (1964), в которой обобщаются сведения о жилищах восточных славян. В 1950–70 гг. периодически проводились этнографические экспедиции и Курским областным краеведческим музеем. На основе результатов исследований был опубликован ряд работ, касающихся вопросов одежды и жилищ населения Курского края (Нижник, Петрова, 1968. С. 133–143; Стоюшкина, Нижник, 1963. С. 179–187). Эти материалы позднее легли в основу исследований С.В. Бережной (Бережная, 1999), которой в 2000 г. была защищена кандидатская диссертация «Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII–XIX веках». Во второй главе, посвященной крестьянскому быту, рассматриваются усадебная застройка, конструкции домов и хозяйственных построек (Бережная, 2000. С. 53–61).

Традиционную культуру кон. XIX – нач. XX в. на исследуемой территории изучала Л.Н. Чижикова, которая попыталась решить проблемы развития восточнославянского домостроительства, в частности, юго-восточных районов России (Чижикова, 1976; 1978; 1988; 1997). Наиболее полное отражение материальной культуры Курской губернии представлено в ее докторской диссертации, опубликованной в виде монографии «Русско-Украинское пограничье». Немало места в ней уделено особенностям развития жилища в лесостепной зоне южных русских земель. При выявлении генезиса как отдельных элементов жилища, так и их комплекса автор, наряду с этнологическими сведениями, привлекает и археологические источники, что позволило в сложных напластованиях народной культуры выделить факторы, которые определяли развитие домостроительства (Чижикова, 1988).

Вторая пол. XX в. ознаменовалась выходом целой серии исследований искусствоведческой направленности, в которых рассматривались особенности профессиональных методов, использованных зодчими при решении конкретных идейно-художественных или функциональных задач. Несомненную ценность для разработок реконструктивного характера имеют приведенные в этих публикациях обширные фотома-

териалы, которые несут этнологическую информацию (Маковецкий, 1962; Ополовников, Островский, 1970; Ополовников, 1983; Максимов, 1976; Бубнов, 1988). Для 1980-х гг. характерно обращение к идеологии жилища как микрокосмоса его обитателей. Привлечение сведений этнологии позволило восстановить символический подтекст образа дома. Исследования Б.А. Рыбакова и А.К. Байбурина представляют дополнительные возможности для интерпретации данных археологии (Рыбаков, 1981; 1988; Байбурин, 1983). Правомерность использования некоторых этнологических наблюдений XIX в. при анализе древнего жилища Б.А. Рыбаков обосновал с помощью метода экстраполяции (Рыбаков, 1988. С. 460).

В преддверии III тысячелетия вышел в свет целый ряд крупных фундаментальных исследований, который открывался «Этнографией восточных славян» (1987), после чего были последовательно опубликованы коллективные работы, посвященные каждому из трех этносов: «Русские» (1997), «Белорусы» (1998) и «Украинцы» (2000). В результате появилось полное академическое описание восточнославянских народов с их самобытной культурой и социальной организацией. Немало внимания в них было уделено и жилью, в том числе обычаям и обрядам, связанным с его строительством, в которых тесно переплелись практический опыт и суеверия, рациональное и иллюзорное, элементы христианства и язычества. Заметный практический интерес для реконструктивных исследований представляют многочисленные сведения, в том числе и в иллюстративном виде, о конструктивных деталях жилищ (кровле, перекрытиях, окнах и т.д.), которые в ходе археологических раскопок практически не фиксируются.

Завершая обзор этнологических разработок, отметим еще одну публикацию, которая имеет во многом знаковый характер. В 1991 г. Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН была переиздана книга Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография» (Зеленин, 1991). Труд выдающегося русского этнолога, впервые вышедший в 1927 г. в Германии на немецком языке, является своего рода энциклопедией, характеризующей культуру и быт восточнославянских народов кон. XIX – нач. XX в. Несмотря на почтенный возраст, эта работа заняла подобающее ей место в ряду академических изданий, став наконец доступной широкому кругу исследователей.

К конкретным строительным приемам, известным по этнологии, мы будем неоднократно обращаться в дальнейшем. Но следует сразу оговориться, что этнологические источники, как и любые другие, несущие историческую информацию, обладают своей спецификой. Они, несомненно, крайне важны для реконструктивных построений. Но сфера информативности этнологии с точки зрения воссоздания древних реалий носит в определенной мере ограниченный характер, а использование ее сведений требует осторожности. Так, невозможен при решении вопросов древнего домостроительства упрощенный регионально-эволюционный подход. Другими словами, попытки экстраполяции специфических региональных черт, даже при условии оперирования материалами достаточно крупных зон (например, восточноевропейская лесостепь), могут привести к искажению исторической реальности.

Это положение прекрасно иллюстрируют примеры выделения современной этнологией специфических черт великорусского жилья. Для XIX – нач. XX вв. характерны два основных типа домов. Для северных районов – дома на подклете (подклеть, подполье, подызбица), для южнорусских – без него. При этом предполагается, что география такого членения восходит к IX–XIII вв. (Бломквист, Ганцкая, 1967. С. 132–134). Однако сегодня хорошо известно, что подклеты широко распространяются на киевских и черниговских землях еще в домонгольское время (Толочко, 1981. Рис. 8; Гупало, 1981. С. 154, Раппопорт, 1975. С. 134–135, 142; Археология Украинской ССР, 1986. С. 343; Коваленко, Моця, 1997. С. 141). Объяснение отсутствию прямой эволюционной связи домостроительства восточноевропейской лесостепи кроется, видимо, в исторических процессах, протекавших уже в период развитого средневековья. Период определенного запустения, который фиксируется здесь в XIV–XV вв., сменяется колонизационными волнами, имевшими, несомненно, разные источники. Переселение проходило как стихийно, так и организованно, что было инспирировано Московским государством. Широкомасштабные миграционные процессы не могли не привести к заметным изменениям в домостроительной традиции.

Историография

Исследования славяно-русского жилища имеют относительно недавнюю историю, что особенно заметно при ее сравнении с полуторавековой эпохой изучения каменной монументальной архитектуры. Но именно жилища широких слоев населения являются тем неотъемлемым, неповторимым и своеобразным фоном, который определял архитектурное лицо городов, сел и деревень. При характеристике проблем изучения домостроительства мы будем зачастую выходить за географические рамки, определенные темой исследования, что вполне естественно, особенно когда речь идет об общих проблемах реконструкции жилищ.

Первые фактические сведения о древнерусских жилищах на территории лесостепи были получены в нач. XX в. в Киеве при исследованиях В.В. Хвойки на Старокиевской горе. Следует отметить предположение ученого о том, что некоторые постройки имели вторые этажи (Хвойко, 1913. С. 69–74). Одна из самых ранних попыток реконструкций домов была предпринята на основе материалов раскопок в Кие-

ве и памятников Среднего Поднепровья. В 1914 г. слушательницей Высших женских курсов в Киеве В.Е. Козловской было подготовлено сочинение на тему «Славянские курганы и городища как исторический источник». Исследовательница считала, что в большинстве случаев это были полуземлянки, нередко имевшие две камеры: одну, находившуюся в четырехугольной яме, доведенной до материка, и представлявшую собой жилое помещение, и другую, находившуюся выше, на поверхности земли, и служившую пристройкой в виде сеней. Полуземлянки имели деревянные стены, возвышающиеся над уровнем земли, на которых покоилась крыша; снизу стены имели основу в виде деревянных подвалин, которые выстилали земляные стенки ям. Пол жилищ был земляной, хорошо утрамбованный. В домах находились глинобитные очаги или печи; последние были иногда с деревянной основой весьма разнообразной формы (Славянские курганы и городища..., 1914. С. 21–22). Имя В.Е Козловской было незаслуженно забыто и крайне редко упоминается в литературе, хотя разработки последних лет доказывают правильность ряда позиций исследователя.

В целом для 1-й пол. XX в. было характерно главным образом накопление материалов. На середину века, когда источниковая база становится достаточно представительной, приходится начало активной дискуссии о характере южнорусского домостроительства, которая разделяется на два, хотя и близко расположенных, взаимосвязанных, но все-таки разных русла. Водораздел, проходящий между ними, имеет стадиально-хронологический характер. В рамках одного из них обсуждались вопросы воссоздания жилья славян предгосударственного периода (VIII–X вв.), другого – древнерусского домостроительства (X–XIII вв.). Целесообразно и в настоящей работе проанализировать процесс осмысления накопленных материалов по эти двум крупным историческим периодам.

В кон. 20-х гг. XX вв. в бассейне верхнего и среднего Дона были открыты древности боршевской культуры, которая во многом близка роменской, но в то же время обладает заметными специфическими чертами. Исследования Боршевского городища можно без сомнения назвать эпохальными. Первая публикация П.П. Ефименко с материалами Подонья относится еще к 1931 г. (Ефименко, 1931), однако серьезные опыты реконструктивного характера были предприняты в работе, вышедшей уже после войны и проделанной совместно с П.Н. Третьяковым (Ефименко, Третьяков, 1948). Исследователи отмечают различия в конструкции жилищ лесостепного Подонья и более северных территорий. К числу особенностей боршевских жилищ отнесены котлованы, заглубленные в грунт до 1 м. Стены представляли собой сруб, впущенный в котлован. Постройка, по мнению исследователей, перекрывалась двускатной крышей, которая засыпалась землей. Отапливалось жилище печью-каменкой. Было выдвинуто предположение о том, что дома соединялись между собой внутренними переходами.

Именно в 40–50-е гг. XX вв. формируется представление о жилище славян лесостепей в IX–X вв. как о небольшой двускатной землянке. Немалую роль в этом сыграли параллели, приведенные П.Н. Третьяковым, между древностями славянских племен Днепро-Донского междуречья с этнографическими данными кон. XIX в. Придунайской Болгарии (Третьяков, 1948). В восточной Болгарии, как сообщает автор, земляные жилища сохранялись до XX в. Такие землянки назывались там «бурделями» или «хижами». Они состояли из ступенчатого крытого входа без внешних дверей, открытого холодного помещения (где ткали, отдыхали) и жилого помещения, где находился очаг с плетеным дымоходом. Третьей составной частью такого дома являлись комнаты, сообщающиеся с предыдущей тесными коридорчиками, которые закрывались дощатой или плетеной дверью. Комнаты отапливались с помощью жаровен или маленькой печи. Все три отделения находились под одной крышей, состоящей из деревянной основы, покрытой хворостом, соломой и слоем земли. В летнее время крыша покрывалась зеленой травой и на ней «толклись» куры и гуси. Конструктивно сооружения были выполнены в каркасно-столбовой технике (Третьяков, 1948. С. 179–180). Реконструкции жилых построек, выполненные П.Н. Третьяковым и П.П. Ефименко, широко использовались в исследованиях по истории славян, в том числе и этнологического характера (Арциховский, 1955. С. 193; Косвен, 1963. С. 99–100; Воронин, 1951. С. 204–205; Бломквист, 1956. С. 10). В определенной степени здесь сыграл свою роль высокий научный авторитет П.П. Третьякова, который и в дальнейшем развивал идею о существовании переходов между жилищами (Третьяков, 1953а; 1953б).

Последовательным критиком схемы с переходами между постройками выступил И.И. Ляпушкин (Ляпушкин, 1957). После выхода в свет в 1958 г. его фундаментальной монографии «Городище Новотроицкое» дискуссию о переходах можно считать закрытой (Ляпушкин, 1958). В главах V–VII книги приводится историческое осмысление памятника, где особое место занимает воссоздание жилых и хозяйственных построек. Следует особо отметить, что реконструкции славянских полуземлянок, представленные автором, стали на долгие годы эталонами, которые широко тиражировались в научной, популярной и учебной литературе. В работах последующих лет исследователь, основываясь на анализе конструктивных особенностей жилищ, отопительных сооружений, планировки жилого помещения памятников различных регионов, сделал вывод о единстве славянского мира в предгосударственный период (Ляпушкин, 1961. С. 225–236; Ляпушкин, 1968).

Изучение домостроительства Подонья, начатое П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым, было достойно продолжено А.Н. Москаленко. В публикации классического памятника региона – городища Титчиха, представлявшего собой племенной центр, много вни-

мания уделялось именно жилым комплексам (Москаленко, 1965). А.Н. Москаленко выделила три конструктивных вида построек: столбовая система с горизонтальной облицовкой стен, срубно-столбовая и срубная. Классификация печей проводилась на основе материала, из которого они были сделаны. Позднее основные выводы по домостроительству донских славян в кон. I тысячелетия были развиты и конкретизированы в монографических исследованиях, посвященных боршевской культуре (Москаленко, 1981; Винников, 1995).

Заметным шагом вперед в деле изучения домостроительства роменской культуры стали раскопки Большого Горнальского городища. Скрупулезные стратиграфические исследования (Башилов, Куза, 1977. С. 17–23) позволили А.В. Кузе выделить хронологические признаки жилых объектов (Куза, 1981. С. 6–39). Практически впервые роменское жилье предстает не в виде статичной картины, а в динамике. В основу типологии были положены конструктивные особенности печей, к числу второстепенных – наличие в домах ям-хранилищ. В то же время исследователь практически не касался вопросов воссоздания облика построек, а подавляющее большинство объектов по наличию ямок вдоль стен он связывал со столбовой конструкцией.

Через два десятилетия результаты наблюдений А.В. Кузы были положены в основу классификации А.В. Григорьева, которая также была ориентирована на выявление хронологических изменений роменских домов. Исследователь отнес к числу ведущих признаков отопительные устройства, однако несравненно больше внимания уделил вопросам воссоздания обшивки котлованов, а также конкретным реконструкциям, одна из которых (поселение Тазово 4, жилище 1) относится к территории Посемья. Несомненно, заслугой автора является практически первое серьезное, базирующееся на стратиграфии ряда объектов обоснование существования в позднероменское время двухэтажных домов (Григорьев, 2000. С. 91. Рис. 33). Аргументы в пользу существования двухэтажного строительства у семичей приводились и автором настоящей работы (Енукова, 2003. С. 16; 2005в. С. 46–53). В то же время возникают сомнения относительно того, насколько «горнальская схема» эволюции жилья применима ко всем роменским древностям. Отметим, что сам А.В. Куза не распространял свои построения на весь роменский ареал. Горналь относится к числу немногих памятников роменцев, который можно бесспорно отнести к классу «племенных центров», что не могло не сказаться и на специфике его развития, в том числе и в домостроительстве. В данном случае, не исключено, мы имеем дело со схемой развития жилья в конкретных условиях одного памятника, что касается в первую очередь наличия ям-хранилищ, предположительно связанных с позднероменскими объектами.

В 2002 г. была защищена кандидатская диссертация В.Н. Ковалевского по теме «Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье», базой которой стал добротный свод из 579 построек, открытых на более чем 90 памятниках. По некоторым позициям выводы автора согласуются со схемой А.В. Григорьева. Так, исследователь полагает, что при сосуществовании каркасно-столбовой и срубной конструкций последние в основной массе «моложе», а площадь котлованов со временем возрастает (Ковалевский, 2002а).

В послевоенные годы параллельно дискуссии о славянском домостроительстве не менее остро проходило и обсуждение конструктивных типов жилищ населения Южной Руси, причем первоначально дискуссия базировалась главным образом на материалах Среднего Поднепровья и «матери городов русских» – Киева. В кон. 1948–1950-х гг. В.А. Богусевич провел раскопки в Киеве на Киселевке и Подоле, в ходе которых были обнаружены срубные постройки (Богусевич, 1950. С. 42–53). В.К. Гончаров после раскопок Райковецкого городища выдвинул предположение о том, что в Поднепровье в основе древнерусского домостроительства была не полуземлянка, а рубленный наземный дом (Гончаров, 1948. С. 50). Г.Ф. Корзухина, обратившись к материалам уже упоминавшихся исследований В.В. Хвойки, пришла к выводу, что сделанный им вывод о «высоких» двухэтажных домах подтверждается сохранившейся полевой документацией (Корзухина, 1956). В то же время М.К. Каргер в своей фундаментальной работе «Древний Киев», вышедшей в 1958 г., решительно выступил против выдвинутых аргументов. По его мнению, многочисленные остатки домов, открытых в Киеве, неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища вплоть до XII–XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка, нижняя часть которой представляла собой прямоугольное углубление, вырытое в грунте. Над этим углублением возвышались глинобитные стены с деревянным каркасом из нескольких вертикальных столбов, вкопанных в землю и соединенных между собой деревянными перевязями (Каргер, 1958. С. 363).

Между тем количество изученных древнерусских жилищ постоянно увеличивалось. Появилось одно из первых исследований «сквозного» характера с анализом славяно-русского домостроительства вплоть до XIII в. Л.П. Гуссаковский связал выделенные типы жилья с определенными регионами, уделив при этом внимание строительным приемам мастеров (Гуссаковский, 1956). В 1950–1960-е гг. проводятся масштабные работы на территории Северной и Северо-Восточной Руси. Жилые постройки были раскопаны в Старой Рязани, Суздале, Полесье. Началось систематическое изучение жилищ в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, отразившееся в работах П.И. Засурцева, Г.П. Чистякова, Г.В. Борисевича, В.П. Тюрина, Н.Н. Воронина (Засурцев, 1963; Засурцев, Чистяков, Борисевич, Тюрин, 1961; Борисевич, Тюрин, Чистя-

ков, 1963; Воронин, 1951). Раскопки в условиях «мокрого» слоя позволили существенно пополнить базу данных по древнерусскому домостроительству, причем впервые появилась возможность ознакомиться с бесспорными свидетельствами использованных строительных приемов, конкретными конструктивными деталями. С точки зрения проблем домостроительства северорусских городов заметным событием явились раскопки древнего Берестья. Сохранность построек оказалось таковой, что в ряде случаев в них имелись оконные и дверные проемы (Лысенко, 1985). Во многом итоги исследований северорусского жилья были подведены в нач. 1970-х гг. Ю.П. Спегальским, работа которого основывалась на материалах трех ведущих с точки зрения изученности городов: Новгорода, Торопца и Ладоги. В его интерпретации жилые комплексы древних новгородцев и ладожан приобрели совершенно неожиданный характер, отличный от реконструкций, которые основывались на широком использовании этнологических параллелей. В то же время исследователь подчеркнул существенные различия в домостроительстве лесной и лесостепной зон (Спегальский, 1972).

Сер. 1970-х гг. отмечена публикацией сводной работы фундаментального характера П.А. Раппопорта. Несмотря на свое название – «Древнерусское жилище» – автор подробно рассматривает домостроительство начиная с эпохи раннего средневековья. В исследовании славяно-русское жилье предстает в динамике, выделяются региональные особенности конструкции домов и отопительных устройств (Раппопорт, 1975). Результаты данного труда легли в основу коллективной работы П.А. Раппопорта, Б.А. Колчина, Г.В. Борисевича и А.В. Кузы, опубликованной в 1985 г. Характеристика построек различных регионов дается по хронологическим группам с учетом массового датирующего материала: 1) IX и первая половина X в.; 2) вторая половина X и XI вв.; 3) XII–XIII вв.; 4) XIV в. Все жилища по устройству основания разбиты на два типа – наземные и полуземляночные, которые, в свою очередь, подразделяются на срубные и каркасные (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 136–153).

В целом последняя четверть XX в. характеризуется ростом интереса к древнерусскому домостроительству лесостепной зоны. В немалой степени этому способствовали исследования в Киеве, где были открыты участки с «мокрым» слоем, в котором сохранялась органика. Полученные материалы позволили П.П. Толочко в нач. 1980-х гг. выступить с критикой взглядов М.К. Каргера. Из его работ вытекали два принципиальных вывода. Во-первых, в древнем Киеве значительное распространение имели срубные постройки, причем, вероятно, они даже преобладали над каркасно-столбовыми. Во-вторых, в основном это были наземные дома, нижняя часть которых была только заглублена в грунт. Дома с подклетами и пристроенными сенями были отнесены к числу сооружений, имевших самое широкое распространение. Достаточно обычными являлись и двухэтажные дома. В итоге, по мнению исследователя, типологически киевские постройки не отличались от новгородских, ладожских, брестских и других северорусских, что шло вразрез с построениями П.А. Раппопорта и Ю.П. Спегальского, которые, надо отметить справедливости ради, специально южнорусским жильем не занимались (Толочко, 1980. С. 77; 1981).

Дальнейшие исследования киевских древностей в основном подтвердили построения П.П. Толочко (Харламов, 1983; Сагайдак, 1991). Однако важнее даже другое: выяснилось, что полученные выводы в немалой степени распространяются не только на «стольный град», но и на все Поднепровье. Утверждается мысль о том, что прямоугольное углубление – это только часть жилья, которое, по сути, было наземным и по своим размерам превосходило котлован (Археология Украинской СССР, 1986. С. 349). Находки двухуровневых построек, состоящих из жилого или нежилого подклета и второго жилого этажа, были обнаружены в Колодце, Клоне, Лесковом, Григоровце, Григоровке и на ряде других памятников, при этом были отмечены конкретные случаи, когда «внешние» размеры постройки превышали котлованы (Південноруське село IX – XIII ст., 1997. С. 105; Село Київської Русі., 2003. С. 157; Мовчан, 1993. С. 45; Шекун, Веремейчик, 1999. С. 46; Петрашенко, 2005. С. 29–40). Для нашей темы особый интерес представляет тот факт, что немалая часть этих материалов происходит с территории Днепровского Левобережья, в частности, Черниговской земли, в состав которой со 2-й пол. XI в. эпизодически, а с сер. XII в. постоянно входила и Курская волость-княжение. Отметим, что в объемной работе В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича, посвященной древней Рязани, среди воссозданных домов немало близких или идентичных реконструкциям, предложенным авторами, изучавшими материалы Южной Руси (Даркевич, Борисевич, 1995). Это еще раз подтверждало мысль о вероятном существовании общерусских форм в гражданской архитектуре.

В нач. XXI в. выходят работы, в определенной степени подводящие итоги изучению древнерусского жилья лесостепной зоны последних десятилетий XX в. Еще в статье, посвященной южнорусскому сельскому домостроительству XI–XIII вв., В.К. Козюба, предлагая вариант наземной части постройки, заглубленной в грунт, заключает, что термин «полуземлянка» в современной науке является анахронизмом (Козюба, 1998). К истории появления и использования термина «полуземлянка» обращается В.Н. Ковалевский. Проанализировав значение слов «землянка» и «полуземлянка», исследователь приходит к выводу, что данные термины правомочны только как сугубо археологические, облегчающие сам процесс классификации жилых построек. В понимании же общего облика воссоздаваемого дома они явля-

ются весьма условными (Ковалевский, 2001б. С. 182–183). На наш взгляд, рассматриваемые термины, учитывая современные реконструкции построек с заглубленным жилым помещением, несут в себе информационную ошибку конструктивного плана. Вероятно, их следует обозначать как котлованные постройки, что маркируется заглубленной в грунт частью помещения и дистанцирует последние от сугубо наземных домов.

В коллективной монографии «Село Киевской Руси (по материалам южнорусских земель)», вышедшей в 2003 г., рассматриваются разные сферы жизнедеятельности жителей открытых поселений средневековья, в том числе и домостроительство, которому посвящена отдельная глава. Ее автор И.А. Готун избегает крайних формулировок, допуская многовариантность жилых конструкций. Однако в целом красной нитью проходит мысль о котловане как только части постройки, в том числе и соотносимой с подклетом, о нередком возведении сложных домов (с точки зрения как планировки, так и этажности), о широком распространении срубов (Село Київської Русі, 2003).

В 2005 г. В.А. Петрашенко были опубликованы материалы древнерусских поселений у с. Григоровка Каневского района Черкасской области. В работе значительное место уделено анализу жилых построек с выводами реконструктивного характера. Автором не подвергается сомнению факт распространения на территории Каневского Поднепровья жилищ различных типов – углубленных, наземных, смешанных конструкций и двухэтажных (Петрашенко, 2005. С. 40).

Подводя итог историографическому обзору, следует признать, что в кон. XX в. изучение древнерусского жилья «обгоняло» исследования, посвященные славянскому домостроительству в VIII – X вв. Это касается и разработки методов реконструкции. Однако приемы воссоздания гражданской архитектуры имеют черты универсальности, а полученные выводы могут в определенной степени экстраполироваться на более ранние материалы. И в этом смысле весьма показательны вышедшие в 2002–2003 гг. работы Ю.Ю. Моргунова. Автор, обратившись к материалам своих раскопок на средней Суле, приходит к ряду интересных выводов. Так, подавляющее большинство построек Сампсониева Острова оказались срубными, при этом у всех только нижняя часть была заглублена в грунт. Из 20 объектов две постройки имели два этажа, а три были возведены на срубных неотапливаемых подклетах. Ю.Ю Моргунов считает, что южнорусское домостроительство ничем не отличалось от северного, а сельское, в свою очередь, по крайней мере, в плане двухэтажности – от городского (Моргунов, 2002; 2003). Исследователь, целенаправленно не анализируя постройки предшествующего времени, пишет о «типично роменских полуземлянках», которые и лежат в основе эволюции жилья в эпоху древней Руси. Однако уже в используемых им материалах имеется противоречие. Одна из срубных построек (Г-24) состояла из холодного подклета, превышающего по площади заглубленный котлован и расположенного выше отапливаемого помещения. Другими словами, в конструкции она не имеет сколько-нибудь принципиальных отличий от остальных, но при этом датируется позднероменским временем. Очевидное несоответствие исследователь объяснил тем, что переход к преобладанию наземных построек над полуземлянками «начался еще в роменский период» (Моргунов, 2002. С. 65).

Вопросы методики реконструкции жилища

Воссоздание облика жилья представляет собой смысл изучения древнего домостроительства, что справедливо по отношению практически к любой исторической эпохе. В свое время Г.В. Борисевич отмечал, что именно «реконструкция позволяет в наглядной форме комплексно выявить соотношения между элементами построек точнее и тоньше в сравнении с простым описанием этих же элементов. В реконструкциях все ясно и нет места для двусмысленных толкований, которые зачастую позволяют словесные описания. Это концентрированная форма обобщения, позволяющая наглядно проверить разрабатываемые представления о жилищах» (Борисевич, 1978. С. 283).

Ведущую роль при решении проблемы воссоздания средневекового жилья играют археологические источники. В то же время возможности получения исторической информации на основе анализа артефактов далеко не безграничны, что, однако, характерно, для любого источника. На этот счет имеются причины как субъективного, так и объективного характера. К числу первых относятся уровень полевой подготовки специалиста, проводящего раскопки, полнота оформления документации. К объективным причинам относится степень сохранности объекта, что определяется целым рядом факторов. Так, в условиях «сухого» культурного слоя, который отмечен на подавляющем большинстве памятников восточноевропейской лесостепи, сохраняются только нижние, чаще всего заглубленные части построек. Реконструкция верхней части жилья соответствует не некому конечному и бесспорному знанию, а имеет характер научной гипотезы, в основе которой лежат стратиграфические и планиграфические наблюдения, данные, полученные при изучении построек в «мокром» слое, материалы этнологии. Кроме того, объект мог получить повреждения, как в древности, так и в новейшее время. В результате вопросы воссоздания облика жилого дома индивидуальны и решаются с учетом особенностей каждого конкретного случая. Тем не менее есть возможность выделения и общего набора признаков, свидетельствующих в пользу применения того или иного строительного приема.

В этнологии дома принято подразделять на заглубленные в грунт (землянки, полуземлянки), строившиеся на поверхности земли (наземные) и приподнятые над землей (свайные). В основе типологизации домов лежит деление на каркасные и с несущей стеной (Свод этнографических понятий..., 1983. С. 39). В первом случае вся тяжесть кровли приходится на столбы каркаса, вертикальные или дополняемые раскосинами, а заполнение пустот между ними (дощатое, плетеное, земляное) несет лишь изолирующую функцию, но не работает на сжатие. Подобную конструкцию называют еще фахверковой, от немецких слов fach – панель и werk – работа, дело. В свою очередь, для сруба характерна несущая стена, работающая на сжатие всей своей массой, так как на нее опирается кровля.

Наиболее сложны для интерпретации наземные постройки, к которым мы относим дома, не имеющие заглубленной части. Их основным признаком, как правило, являются отопительные сооружения или, гораздо чаще в силу близости их к уровню древней дневной поверхности, остатки печей, иногда с предпечными ямами (Григорьев, 2003. С. 326–328). К числу неосновных признаков относятся расположенные рядом ямы, которые могли быть подпольными. Зафиксировать, тем более точно, границы наземных построек чрезвычайно сложно. Позволяют это сделать, главным образом, планиграфические наблюдения за изменениями, даже незначительными, в грунте (например, примесь кусочков глины), а также распространение находок. Классическим примером такого рода являются материалы раскопок А.Д. Прямхина и М.В. Цыбина на Семилукском городище, где была выявлена серия наземных срубных домов (Прямхин, Цыбин, 1991. С. 94–97. Рис. 2–3).

От заглубленных в грунт построек обычно остаются котлованы, чаще всего тяготеющие к подпрямоугольной или подквадратной форме. Сразу оговоримся, что мы сознательно в дальнейшем будем уходить от терминов «землянка» или «полуземлянка», которые уже изначально подразумевают жилье, перекрытое земляной насыпью. Принципиально такую конструкцию отрицать нельзя, однако в свете археологических материалов последних десятилетий есть все основания котлованы трактовать иначе. Во-первых, имеются бесспорные случаи, когда было установлено, что размеры стен превышали пределы котлованов. Во-вторых, известно большое количество «полуземлянок», заглубленных в грунт на 0,2-0,5 м, которые по своим характеристикам (расположение печей, остатки столбов обшивки или, наоборот, их полное отсутствие, хозяйственные ямы) не отличались от более «глубоких» построек, хотя они должны были иметь стены, заметно возвышающиеся над дневной поверхностью.

Дискуссия о характере южнорусского домостроительства в немалой степени как раз и была порождена вопросом о том, в каком соотношении котлован находился к дому в целом. Классическая роменская «полуземлянка» была реконструирована И.И. Ляпушкиным (рис. 7–9). Основной конструкцией стен, по его мнению, была каркасно-столбовая. При такой системе облицовка стен не могла подниматься выше ямы, а высота помещения достигалась за счет крыши, опиравшейся на края котлована и пару столбов-сох, вкопанных в пол. Важно отметить, что сам исследователь допускал вероятность «отступа» основания кровли от краев котлована, в результате чего получались полки. Кроме того, учитывая отсутствие столбовых ям в некоторых жилищах, автор делал предположение о срубном характере облицовки стен котлованов (Ляпушкин, 1958. С. 194. Табл. XXXIX). Для части построек реконструкция, предложенная И.И. Ляпушкиным, возможно, справедлива, однако в некоторых случаях вряд ли может быть безоговорочно принята, что в первую очередь относится к домам с мелкими котлованами (до 0,5 м). Исследователь не рассматривал вопросы выявления этапов застройки поселения. Хаотичное расположение жилищ чуть ли не вплотную друг к другу представлялось ему вполне естественным, а не следствием их разновременности. Вследствие этого предположение о наземной части дома, превышающей по размерам котлован, исключалось, и единственно возможным логическим ходом было проведение реконструкции в пределах заглубленной части постройки. Дальнейшее изучение материалов Новотроицкого городища позволило разработать относительную хронологию жилищ. Постройки синхронных групп в большинстве своем располагались на некотором расстоянии друг от друга (Персов, 1991. С. 77–86).

Критикуя построения И.И. Ляпушкина, Г.В. Борисевич оценил их как реконструкции, проведенные на основании сходства плана без учета целевого назначения, в результате чего землянка на основе погреба была реконструирована как дом (Борисевич, 1969. С. 47). П.А. Раппопорт, предлагая свой вариант, учел недостаток высоты в домах И.И. Ляпушкина, поэтому стены в его реконструкциях «подросли» и возвышались над котлованом, однако полностью, вплоть до крыши, она перекрывалась землей. По его мнению, к востоку от Днепра в VIII–X вв., хотя и были известны срубы, господствовала каркасно-столбовая конструкция. Таким образом, дощатая обшивка стен котлована снаружи прижималась к вертикально стоящим столбам землей (Раппопорт, 1975. С. 158–159. Рис. 58–59) (рис. 10).

Оценивая данную реконструкцию, Г.В. Борисевич отмечал, что основной недостаток представленного жилища состоит в том, что в нем невозможно жить. Критиком предполагались и коррективы конструктивных особенностей жилых построек, заглубленных в грунт. Одно из возможных решений, по мнению исследователя, заключалось в срубе, поставленном с некоторым отступом от краев котлована. В таком случае при увеличении нагрузки на грунт в нем должны

возникнуть дополнительные горизонтальные усилия, прижимающие тесины к столбам облицовки стен котлована. Наземная срубная часть дома могла располагаться и на подпорных столбах, размещенных в котловане. В сооружении стен, таким образом, должны были соединяться два типа конструкций – подпорная стенка на столбах и сруб (Борисевич, 1978. С. 284).

Подход Г.В. Борисевича можно оценить как гораздо более гибкий. Действительно, находки котлованов небольшой площади на памятниках VIII–X вв. и последующей древнерусской эпохи достаточно часты. И в этом случае есть основания полагать, что стены дома были поставлены с отступом. При относительно крупном котловане стены могли стоять непосредственно на его дне.

Работа Ю.Ю. Моргунова позволяет выделить признаки, по которым можно судить о том, что размеры стен дома превышали размеры котлована. Идеальным вариантом является остатки дерева стен, хотя бы на отдельных участках (Моргунов, 2002. Рис. 5) (рис. 12: 1). Отметим, что известны случай, когда дерево сохраняется плохо, однако зафиксированные остатки наземной части значительно перекрывают котлован, как это было в Дорогинке (рис. 12: 3). В пользу существования отступа свидетельствует расположение печей в случаях, когда они вплотную соприкасаются с земляными стенами, врезаны в стенки или вообще устраивались на верхнем краю котлована (Моргунов, 2002. Рис.4; 2003. Рис. 60). Наконец, это могут быть находки, которые располагались у стенок котлована.

Мысль о том, что печь, примыкающая к стенам котлована, является признаком возведенных с отступом стен или кровли, была обоснована еще на материалах раскопок средневековой Плиски (Балабанов, 1988. С. 12–13). Отопительные сооружения, расположенные на краю котлованов жилых построек в Старой Рязани, при реконструкции позволили также увеличить площадь наземной части домов (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 244, 252, 303). Этот признак относится к числу чрезвычайно важных, так как его фиксация не вызывает особых затруднений. Действительно, стены жилища невозможно «замкнуть» на углу, если для последнего нет опоры, поэтому они должны неминуемо «отступить» от котлована. Однако если это утверждение абсолютно справедливо для каркасно-столбовых конструкций, по крайней мере, для случаев, когда количество столбовых ямок в котловане явно недостаточно для возведения «высоких» стен», то в срубе возможны определенные отступления от этого правила. Объясняется это следующим. При срубном варианте основная нагрузка стен распределяется не равномерно на все бревна окладного венца, а главным образом на два параллельных. Безотносительно от схемы рубки, будь то «в лапу», «обло», «ласточкин хвост» и т.д., несущими будут бревна у которых чашки вырублены сверху. Соответственно, два других бревна, налегающие на них, хотя и «давят» на грунт, однако, по сути дела, являются перекрытиями. Таким образом, в силу какой-либо необходимости одна или даже две стены сруба, но только параллельные и «опирающиеся» на два других бревна, могут проходить по линиям бортов котлована. Именно такой случай отмечен в материалах Сампсониева Острова. Одна стена древнерусской срубной постройки С-6 проходила по линии борта котлована. Как отмечает Ю.Ю. Моргунов, каркасная обшивка именно этой стенки заглубленной части постройки была укреплена с особой тщательностью (Моргунов, 2002. С. 61. Рис. 5).

Из сказанного логично вытекает еще один признак отступа стен от котлована, на который ранее не обращалось особого внимания. Как в роменских, так и в древнерусских материалах, известны находки объектов, у которых заглубленный вход располагался с угла. При таком варианте «замкнуть» стены жилища можно было, только отступив от краев котлована (рис. 12: 3) .

Важным является вопрос, насколько стены могли превышать площадь котлована. Ю.Ю. Моргунов, проанализировав материалы Сампсониева Острова и сравнив их с промерами клетей в оборонительных сооружениях, приходит к выводу, что площадь жилища увеличивалась на 25% (Моргунов, 2002. С. 61). Сразу оговоримся, что исследователь не считает, что это превышение имело характер жесткой закономерности. Речь идет только о неком ориентире.

Артефакты в ряде случаев дают возможность определить, на какое конкретное расстояние стены могли отступать от котлована. Основная часть таких объектов относится к роменскому времени. А.Г. Дьяченко отмечает, что в постройках В, Г и Д стены Донецкого городища, если исходить из размеров вырезов под оконные проемы в бортах котлованов, были удалены от бортов котлована на 45–65 см (Дьяченко, 1991. С. 41). Добавим, что, судя по приведенным чертежам, а также предложенной реконструкции, в которой ступенчатый вход был «вписан» (и, на наш взгляд, совершенно обоснованно) во внутреннее пространство сруба, отступ в жилище Г доходил до 80–85 см (рис. 11). Стена сруба, судя по размерам углубления, отступала от котлована примерно на 60 см. В постройках Г-24 и С-18 Сампсониева Острова вокруг котлованов были прослежены уступы-ступеньки шириной 30–60 см (Моргунов, 2002. Рис. 6) (рис. 12: 2). Подобный строительный прием зафиксирован и на ряде других памятников (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 24, 26; Никольская, 1981. Рис. 70б, 71; Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 140). По крайней мере, не менее чем на 30–40 см должны были отступать стены в постройке этого же времени, исследованной на ул. Чкалова в Киеве (Толочко, 1981. С. 68. Рис. 2). П.П. Толочко полагает, что она имела каркасно-столбовую конструкцию, однако по комплексу признаков, часть которых будут рассматриваться ниже, дом был срубным (печь «врезается» в угол

котлована, за его пределами отсутствуют ямки, которые можно было бы соотнести со стойками каркаса, ширина помещения всего 2,8 м).

Приведенные примеры указывают на то, что минимальный отступ стен от котлована составлял около полуметра. Этот «норматив», судя по всему, был продиктован практикой: размещение срубных стен ближе привело бы к обрушению стен котлована. Естественно, речь идет о некой усредненной величине, которая могла меняться с учетом конкретной ситуации (например, плотность грунта, микротопография участка застройки, особые пожелания «заказчика» и т.д.). Однако именно такой отступ увеличивал полезную площадь жилого помещения на 25–30%, что близко выкладкам Ю.Ю. Моргунова, и доводил ее до 15–20 кв. м, что уже соответствует метражу значительной части однокамерных киевских построек (Гупало, 1981. С. 141). В свою очередь, применение данного конструктивного приема было тесно связано с оформлением внутреннего интерьера, так как уступы, обшитые деревом, превращались в лавки. И здесь уместно вспомнить хорошо известную русскую поговорку о воспитании детей: «не учили, покуда поперек лавки укладывался, а во всю вытянулся – не научишь» (Даль, 1998. С. 528). Новорожденные дети имеют рост около 40–50 см, что опять-таки близко минимальному отступу. Соответственно, ребенка можно положить было без боязни за то, что он упадет, только поперек лавки. Неподвижные лавки или лавы, врубленные в стену, сохранялись в жилищах до XX в. Они шли вдоль стен вокруг всей избы и имели каждая свое название (Шангина, 2003. С. 409; Байбурин, 1983. С. 150). Лава, закрепленная между венцами сруба, была встречена при исследованиях клетей Райковецкого городища, на поселении в ур. «Пидтополэвэ» (Сергеева, 1997. С. 345; Козюба, 1997).

В литературе к числу главных критериев при определении конструкции облицовки обычно относят наличие или отсутствие столбовых ямок. Подробнее всех этот вопрос рассматривал А.В. Григорьев, который выделил типы обшивки стен котлованов. К типу I относятся котлованы, имеющие вдоль стен ямки от столбов в количестве, достаточном для того, чтобы прижать к ним плахи или доски. Как правило, это – четыре столба по углам постройки, а также дополнительные столбы по центрам стен. Тип II – котлованы, имеющие два или четыре столба по центру стен. Тип III – котлованы без столбов или со столбами, не имеющими видимого порядка. Если тип I соотносится с бесспорно столбовой конструкцией, то тип III – со срубной. Интерпретация конструкции типа II не совсем ясна. По мнению исследователя, не исключено, что она также может соотноситься со срубом. В то же время А.В. Григорьев отмечает, что разные типы обшивки котлованов могут, в свою очередь, сочетаться с разными конструкциями стен (Григорьев, 2000. С. 82–90).

Предложенная А.В. Григорьевым трактовка требует некоторых уточнений. В связи с «нерегулярным» расположением столбов важным представляется наблюдение Ю.Ю. Моргунова. На примере постройки С-6 Сампсониева Острова, где как раз фиксируется «некомплектность», он приходит к выводу, что здесь имеет место использование каркасно-столбовых элементов подпорной облицовки, когда три стенки или были сделаны «менее аккуратно», или предполагали «менее прочную конструкцию, сохранившуюся лишь частично» (Моргунов, 2002. С. 64). Как нам представляется, этому наблюдению можно придать характер признака общего характера. Случаи фиксации в котлованах «нерегулярных», «некомплектных» ямок, которые соотносятся по своей форме с основаниями столбов, весьма многочисленны как в объектах роменского, так и древнерусского времени. И тут значимым является пример исследований Липинского селища. В двух случаях (постройки Р-4, я.50 и Р-6, я.47), которые ниже будут подробно проанализированы, хорошо сохранилось дерево. Обшивка котлована состояла из горизонтальных досок, причем доски двух параллельных стен заклинивали облицовку двух других. Для их закрепления использовалась засыпка, заполнявшая пространство между досками и стенками котлована. Легко представить, что, если бы доски были подогнаны не так аккуратно, их неминуемо пришлось бы в некоторых местах укрепить несколькими столбиками.

В любом случае, такая обшивка не могла представлять собой основание стен дома. Отсюда неизбежно следует два важных вывода. Во-первых, «неаккуратная», «ослабленная» обшивка соответствует конструктивной схеме, когда стены дома были возведены с отступом от котлована. Во-вторых, схема с отступом использовалась и тогда, когда прослеживалось «регулярное» расположение ямок, однако столбы имели небольшой, менее 20 см, диаметр. Объясняется это следующим. При каркасно-столбовой конструкции затесанные концы горизонтальных бревен должны были входить в паз вертикальных стояков. Последние, соответственно, должны быть достаточно толстыми, так как пазы с двух сторон заметно ослабляли каркас, что нарушало его основную функцию – несущую. Можно предположить, что бревна обшивки стен устанавливались вертикально. Тогда обязательно возникает необходимость конопатить щели. Изредка такие конструкции встречаются (Археология Украинской ССР, 1986. С. 345; Шекун, Веремейчик, 1999. С. 45), но тогда фиксируются остатки глиняной обмазки.

Таким образом, отсутствие столбовых ямок далеко не всегда указывает на срубную конструкцию обшивки. Во-первых, иногда обшивка котлована вообще отсутствовала. Такой вариант предполагался И.И. Ляпушкиным в жилищах 13, 14, 25, 28, 44 Новотроицкого городища. Стены в них могли быть земляными или покрывались глиняной обмазкой (Ляпушкин, 1958. С. 194). Собственно, и А.В. Григорьев учитывает возможность такого варианта (Григорьев, 2000. С. 85; 2003. С. 321). Во-вторых, при

использовании уже упоминавшегося приема расклинивания досок обшивки столбовые ямки также отсутствовали.

В определенной мере выкладки А.А. Григорьева применимы и к конструкции стен дома в случаях, когда есть основания полагать, что они были поставлены с отступом: при достоверном отсутствии ямок применялась срубная конструкция (вариант расклиненных досок в данном случае невозможен), при их наличии и «регулярном» расположении – вероятнее всего, каркасная. При выявлении ямок, имеющих «нерегулярное» расположение за пределами котлована или явно небольшой диаметр, реконструкция должна базироваться на конкретном, индивидуальном подходе, хотя здесь наиболее реальным выглядит вариант сруба с подведенными «стульями».

Необходимо остановиться на еще одном важном реконструктивном признаке, который ранее в литературе не отмечался. Довольно часто жилье возводилось в условиях, когда площадка застройки изначально была неровной и имела перепады по высоте. Такой рельеф не препятствовал сооружению стен, которые имеют каркасно-столбовую конструкцию. Не затруднял он и возведение стен, которые были «впущены» внутрь котлована. Однако строительство сруба с отступом возможно только на относительно горизонтальной площадке. Небольшой перепад высот мог нивелироваться подвалинами и стульями. Однако в остальных случаях сооружению жилья обязательно должны предшествовать подготовительные земляные работы, результатом которых была горизонтальная поверхность под основание дома. Славяне Восточной Европы хорошо знали прием подсыпки грунта под срубы, хотя цели при этом преследовались разные. На севере, в условиях влажных почв, насыпные платформы под дома составляли один из элементов конструкции, защищающей основание дома от воды, что зафиксировано в Ладоге, Новгороде (Спегальский, 1972. С. 23; Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 62; Шенников, 1993. С. 81–84). Отмечены подсыпки под срубы в Киеве (Сагайдак, 1988. С. 139).

В условиях «сухого» и небольшого по толщине культурного слоя, характерного для большинства памятников лесостепи, планировочные работы при строительстве на площадках, имеющих заметный уклон, проводились по иным причинам. Накопленный автором опыт, полученный в ходе полевых исследований и обработки архивных материалов, в первую очередь Большого Горнальского городища, позволяет выделить три основных варианта планировки площадки вокруг котлована дома, которые, соответственно, будут иметь разное планиграфическое и стратиграфическое отображение.

1. Котлован постройки вырыт в слое, понижающаяся часть строительной площадки отсыпана культурным слоем (рис. 13: 1). Данный вариант является весьма затрудненным для фиксации.

2. Котлован частично затронул материк. Площадка под сруб отсыпана культурным слоем, перемешанным с грунтом материка (рис. 13: 2). Такая планировка фиксируется как стратиграфически, так и планиграфически, хотя здесь возможны подварианты. Так, в грунте подсыпки примесь материкового грунта может быть большей или меньшей, что существенно влияет на «читаемость» картины.

3. Данный вариант характерен для участков поселения, где культурный слой в силу разных причин практически не сформировался (рис.13: 3). В таком случае площадка под основание сруба вырезается в наклонной части материка, в результате чего как в профиле, так и в плане прослеживается ступенька, идущая вдоль котлована со стороны его наиболее «высоких» материковых стенок. По внешней границе она может иметь неправильную форму, что легко объяснимо, так как глубина залегания материка изменяется. Возможны и случаи, когда подрезке подвергалась большая площадь, нежели требовалось под нижний венец сруба. В этой ситуации имеется материковый уступ, подходящий только к одной стороне дома.

Таким образом, в случае фиксации планировочных работ на участках, примыкающих к котловану жилища, есть основания предполагать возведение срубных стен дома, поставленных с отступом.

Завершая обзор признаков, свидетельствующих об отступах стен, отметим еще один, который имеет характер косвенного: малая площадь котлована. Его условность заключается в том, что мы не можем достоверно установить, какова была потребность «в метраже» населения в IX–XIII вв. Однако с учетом того, что дома уже в роменское время считаются, как правило, местом проживания нуклеарной семьи в 5-6 человек (Ляпушкин, 1958. С. 224; Сухобоков, 1975. С. 128–129; Козюба, 2001. С. 39; Ковалевский, 2002а. С. 20), случаи, когда площадь котлована имела менее 9 кв. м, можно считать серьезным основанием для предположения о том, что в плане он являлся только частью помещения.

Выше указывалось, что на основе материалов Киева предположение о наличии двухэтажного жилья на юге Руси было сделано давно. Наиболее последовательно этот тезис отстаивал П.П. Толочко. Наряду с некоторыми признаками «двухэтажности», которые можно зафиксировать только в «мокром» слое, отмечен один, который является основным в условиях «сухого» слоя: скопление обожженной глины в заполнении постройки (Толочко, 1981. С. 78). Развалы печей в напластованиях объектов трактуют как признак многоэтажности и другие исследователи (Коваленко, Моця, 1997. С. 137. Рис. 26; Григорьев, 2000. С. 93; он же. 2003. С. 324; Моргунов, 2003. С. 59; Петрашенко, 2005. С. 33) (рис. 15), в том числе и автор настоящей работы (Енукова, 2003. С. 15; 2005а. С. 145–158; 2005в. С. 46–53). В ходе многолетних раскопок в Курске, Липино, Рыльске такая ситуация фиксировалась неоднократно, что дает ос-

нование для обобщения картины. Признаком наличия как минимум двух этажей является развал печи в заполнении постройки, при этом глина должна иметь отчетливые следы воздействия огня, в идеале – куски пода и свода. «Чистым» случаем является стратиграфический вариант, когда скопление печины залегает между прослойками с остатками дерева (обычно горелыми), которые соотносятся с межэтажными перекрытиями и кровлей. В некоторых объектах объем глины может быть меньшим по сравнению с «привычными» печами, расположенными в одноуровневых постройках. Объясняется это тем, что печи второго этажа могли использоваться только для отопления, что известно по этнологическим материалам. Маленькую глинобитную печь для обогрева второй хаты в русских селах Курской губернии называли «грубой» (Чижикова, 1988. С. 110).

Известны ситуации, когда котлован постройки после окончания ее функционирования использовался как яма для мусора, в который попали и обломки печи, оставшиеся после ремонта. Однако такие случаи достаточно легко определимы, так как скоплению печины будет сопутствовать и иной мусор, что выражается в повышении концентрации по сравнению с другими слоями заполнения находок, в первую очередь, костей и обломков керамики.

При реконструкции дома немаловажное значение имеют отдельные конструктивные, планировочные и интерьерные детали (крыша, вход, окна и т. д.). Данных для их воссоздания, полученных при раскопках, зачастую бывает недостаточно. Они могут быть восстановлены по этнологическим материалам, а также по аналогиям, подавляющая часть которых относится к древнерусскому времени (Киев, Новгород, Старая Рязань, Берестье).

Из перечисленных деталей, казалось бы, проще всего обстоит вопрос с входами. Так, в роменских материалах хорошо известны объекты, когда фиксируется вход, имеющий вид углубления, иногда со ступенькой, которое примыкало к одной из стен котлована, реже – углу дома. Однако в большинстве случаев следы входа отсутствуют. Вероятно, в этих домах использовалась приставная лестница, однако каким образом она оформлялась – неизвестно. По мнению И.И. Ляпушкина, это могло быть бревно с глубокими зарубками (Ляпушкин, 1958. Рис. 110, 112–113). Лестница подобного вида называется «щегла» (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985 С. 190. Табл. 53: 22). Есть все основания полагать, что вход в дом роменского времени чаще всего был прямо «с улицы». По крайней мере, достоверных следов сеней в это время не наблюдается. Вход на второй этаж в роменских постройках, возможно, шел из помещения первого этажа. Если на первом этаже стены отступали от котлована, была возможность сделать лестницу с «переломом» под прямым углом, что уменьшало полезную площадь помещения, однако не принципиально.

В древнерусское время появляются сени-«тамбуры», что, несомненно, делало вход более комфортным, позволяло сохранять тепло (рис. 16: 2). Сени, в том числе и с сохранившейся облицовкой, зафиксированы в целом ряде случаев (Археология Украинской ССР, 1986. С. 342. Рис. 83; Толочко, 1981. Рис. 14, 15; Коваленко, Моця, 1997. Рис. 3; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 2, 38; Сагайдак, 1991. Рис. 60, 62; Шекун, Веремейчик, 1999. Рис. 36, 48, 69). Как будет показано ниже, известны они и в Посемье.

В древнерусских домах сени постепенно становятся обычным структурным элементом, поэтому вход на второй этаж мог быть оборудован через них. Такие решения известны в этнологии (Шангина, 2003. С. 78, 115). Сени в высоких хоромах могли обустраиваться и на галереях, о чем свидетельствуют материалы Северной Руси (Борисевич, 1982. С. 284) и древнего Киева (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 186) (рис. 16: 1). Судя по всему, о сенях подобного рода сообщается и в русских летописях (события в Киеве 983 и 1147 гг.). В первом случае отец с сыном стояли на сенях, а затем сени подсекали под ними. Во втором Игоря пустили на сени (предлог «на» с предложным падежом употреблялся при обозначении пространственных отношений, места действия при указании на поверхность предмета) (Словарь русского языка…, 1983. С. 14). В рассказе о смерти Игоря II весьма важен факт наличия у сеней двери, что свидетельствует об их закрытом характере в отличие от крыльца. Таким образом, летописные сведения и данные археологии по южнорусскому домостроительству свидетельствуют о существовании сеней начиная с X в.

Судя по южнорусским материалам, в постройках на второй этаж могло вести и высокое крыльцо (Археология Украинской ССР, 1986. С. 342. Рис. 83; Толочко, 1981. Рис. 14–15; Коваленко, Моця,, 1997) (рис. 17: 2; 18-19). Подобное обустройство входа отмечено в Новгороде и Берестье (Древняя Русь. Город. Замок. Село. 1985. Табл. 54; Лысенко, 1985. С. 92. Рис. 48) (рис. 19). Пристройка в виде высокого крыльца к наружной стене дома перед входом в сени достаточно хорошо иллюстрирована этнологическими материалами (Шангина, 2003. С. 77–78, 114) (рис. 20–21).

В литературе предпринимались неоднократные попытки связать ориентацию входа с расположением печи в доме (Москаленко, 1965. С. 53; Раппопорт, 1975. С. 137; Петрашенко, 1982. С. 52; Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 181; Козюба, 1998. С. 16). Специально предпринятое В.Н. Ковалевским исследование показывает, что для жилищ VIII–X вв. междуречья Днепра и Дона при определенном преобладании левосторонней схемы все-таки строгой взаимозависимости между этими элементами не наблюдается (Ковалевский, 2002б. С. 123–131). В древнерусское время, похоже, печь в основном располагалась у входа, однако как в левом, так и в правом

углу. Таким образом, положение печи в славяно-русских домах не может выступать в качестве признака, позволяющего бесспорно выявить направление входа.

На основе анализа микрорельефа вероятный признак определения места входа был предложен Г.В. Борисевичем и А.А. Узяновым. Суть его сводится к следующему: вход располагался со стороны, где площадка поселения имела понижение (Борисевич, Узянов, 1987. С. 57). Действительно, такое обустройство входа выглядит предпочтительным, так как препятствует попаданию вод внутрь дома. Однако, как оказалось, сами материалы Новотроицкого городища, лежащие в основе выводов исследователей, не бесспорны (Персов, 1991. С. 80). Добавим, что в Посемье имеется достоверный случай, когда вход в постройку располагался как раз с «высокой» стороны (Ратское городище, постройка 4).

Неизвестно, как в IX–X вв. оформлялись дверные проемы и сами двери. Об этом можно судить только по материалам древнерусского времени, да и то в первую очередь северных городов. Представительная серия дверных проемов (всего 35) была исследована при раскопках Берестья (Лысенко, 1985. С. 180–187). Как правило, они вырубались в третьем-четвертом венце сруба, и их ширина колебалась от 0,63 до 0,89 м. Во всех постройках дверь открывалась внутрь. Расположение гнезда под пятку как с левой, так и с правой стороны проема говорит о том, что дверь устраивалась для открывания как левой, так и правой рукой. Наиболее ранним и употребляемым был конструктивный способ оформления дверного проема, когда гнездо под пятку и паз для захода двери вырубался изнутри постройки в j бревна. Бревна проема имели вертикальный паз, в который вставлялись дощечки, фиксировавшие концы бревен проема и служившие для более плотного прилегания дверей (рис. 23: 1). Аналогичные дверные проемы были зафиксированы и при раскопках в Киеве (Толочко, 1981. С. 84. Рис. 11; Гупало, 1981. С. 148) (рис. 22: 2). Другими словами, строители как на севере, так и на юге придерживались единого стандарта.

По дверным полотнам из Берестья восстанавливается, что очень важно, высота дверного проема, а также конкретные конструктивные детали. Все они имеют одинаковое устройство: выступ внизу дверного полотна у одной из его боковых сторон (пятка), на котором вращается дверь в гнезде порога, и выступ вверху той же боковой стороны, которым дверь крепится в гнезде верхнего бревна, ограничивающего дверной проем. Большинство дверных полотен сшито из двух-трех досок, но встречены и полотна, сделанные из одной широкой доски (рис. 23). Соответственно, высота дверных проемов, судя по размерам дверей, колебалась от 1,08 до 1,41 м (Лысенко, 1985. С. 180–187). Если учесть наблюдения гренадского купца Абу Хамида ал-Гарнати, вход мог завешиваться шкурами животных (Большаков, Монгайт, 1971. С. 29) или утепляться ими же путем обивки двери.

Еще более гипотетически восстанавливается крыша. Слово «крыша» впервые встречается в письменных источниках, относящихся к концу XVIII в. До этого вместо него употреблялись понятия «кров» и «кровля» (Шангина, 2003. С. 84). Принято считать, что наиболее архаичным конструктивным типом кровли было ее устройство на столбах-сохах (рис. 24: 3). Они имели развилку в верхней части, в которую вкладывалось бревно. На эту балку перекрытия накладывалось перпендикулярно несколько жердей. Затем параллельно основному бревну располагались тонкие доски. Такой вариант кровли предлагался в ряде реконструкций (Ляпушкин, 1958. Рис. 109–113; Раппопорт, 1975. С. 135; Село Київськоі Русі, 2003. С. 158. Рис. 55а–55ж, 56б). О.В. Сухобоков относил конструкцию на сохах с князевой слегой к числу обычных как для населения волынцевской, так и для роменской культур, при этом склонялся к мысли о двухскатной крыше. Свидетельством использования сох он считал наличие двух ямок от больших столбов (Сухобоков, 1975. С. 67–68). В основе двухскатной крыши могла быть самцовая конструкция (рис. 24: 5). Опорой здесь служили концы бревен переднего и заднего фронтонов, постепенно укорачивающиеся к коньку крыши. На них укладывались продольные слеги, составлявшие обрешетку покрытия. В северорусских городах находки самцов и куриц достаточно многочисленны начиная со слоев X в. (Борисевич, 1982. С. 289, 291). Известны они также в Киеве (Толочко, 1981. С. 84. Рис. 12), что позволяет говорить об использовании этой конструкции на юге.

Крыша могла иметь четыре ската, вероятность чего помимо данных этнографии подтверждается и упоминавшимися сведениями Ибн-Русте. В этнографических исследованиях происхождение четырехскатной крыши связывают с древней костровой конструкцией (Русские, 1967. С. 178). Для постройки костровой крыши кладут ряды бревен на каждую из стен сруба. Эти бревна постепенно укорачиваются, так что наверху между четырьмя последними бревнами остается лишь небольшой просвет (рис. 24: 4). Другой способ постройки четырехскатной крыши применялся еще в нач. XX в. в некоторых районах Курской губернии, когда поперек сруба помещались две-три матицы, а на них укрепляли козлики-стропила с концами, выступающими наверху, у места их перекрещивания. На козлики вдоль дома укладывали балку, а на нее с двух сторон вешали попарно крючья – тонкие бревна с загнутыми концами. После этого делали обрешетку из продольных слег (Этнография восточных славян, 1987. С. 230–231). Такая конструкция лучше противостоит сильному ветру и избавляет строителей от возведения фронтонов, что, несомненно, относится к числу заметных достоинств. На стропильной основе возводилась и двухскатная кровля.

Вероятнее всего, нередкими были случаи устройства потолков, в результате чего появлялось чердачное помещение. Потолки фиксируются археологически, в том числе и в материалах Посемья, по засыпкам, играющим роль утеплителя. Для него строители могли использовать культурный слой, который по находкам отличался от материалов заполнения жилища. Вероятно, чердаки с потолками появляются в Посемье еще в роменское время. В верхних частях заполнения построек Р-1, я.32, Р-2, я.46 и Р-2, я.6 Липинского городища были прослежены сплошные прослойки чешуи рыбы с костями. Можно предположить, что они указывают на чердачные помещения, где вялилась рыба.

По этнологическим материалам потолок обычно поддерживался одной матицей – несущей балкой. В срубных домах матица врубалась в предпоследний венец, а в каркасных домах ее клали на верхние бревна, которые скрепляли концы верхних сох. В некоторых селах Курской губернии иногда использовали две крестообразно положенные матицы. Потолок, состоящий из досок или горбылей, укладывался поверх них (Чижикова, 1988. С. 90). При такой конструкции перекрестье матиц могло опираться на дополнительный столб-опору.

Не менее спорным, нежели конструкция кровли, является и вопрос о ее покрытии. Для Посемья характерно теплое и влажное лето, сравнительно короткая и мягкая зима. По количеству осадков район относится к зоне умеренного увлажнения. Распространенным материалом покрытия восточнославянского жилища были дерево и солома. В северных районах дерево доминировало как кровельный материал в силу эффективности противостояния снегу и обильным осадкам. Соломенное покрытие господствовало в южнорусских районах, на большей части Украины, широко бытовало в Белоруссии (Этнография восточных славян, 1987. С. 231). Солома как кровельный материал в южнорусских климатических условиях имеет ряд преимуществ. Она, несомненно, имелась в больших количествах, использовать ее при сооружении покрытия конструктивно проще. Считается, что сквозь соломенную крышу легче выходит дым из помещения, которое отапливается по «черному». Но если принять во внимание то, что абсолютные минимумы температуры в холодные месяцы года в исследуемом регионе могут достигать –40° (Мильков, 1983. С. 31–33), становится понятным появление чердаков с потолками и теплоизолирующими засыпками. Ю.П. Спегальский при изучении жилищ древнего Новгорода приходит к выводу, что отверстие для выхода дыма располагалось не в стене (окно), а в крыше. Аналогии автор находит в этнологических материалах России XIX в., когда были широко распространены дымоволоки в потолке. Отверстие в потолке при этом закрывалось специальной крышкой (Спегальский, 1972. С. 82). Кроме того, над дымовым отверстием потолка устраивали дымник – вытяжную деревянную трубу, верхний конец которой украшали сквозной резьбой (Шангина, 2003. С. 62) (рис. 24: 1–2).

Остатки соломенной кровли археологически были засвидетельствованы неоднократно (Успенская, 1968. С. 194), в том числе и на городище Капыстичи в Курской области (Зорин, 2003. С. 371). В целом ответ на вопрос о характере покрытия, помимо прочего, имеет важный реконструктивный аспект, так как солома чаще всего используется при четырехскатных крышах (Украинцы, 2000. С. 175), что, по мере накопления фактов, может стать доказательством распространения этой конструкции еще в славяно-русское время.

Помимо соломы применялось и деревянное покрытие желобами, дранью (дором или тесом). П.А. Раппопорт приводит примеры покрытия деревянных крыш землей (пластом) и глиной, которые служили не только утеплителем, но и для предотвращения пожара (Раппопорт, 1975. С. 136).

Бесспорным свидетельством наличия окон в домах еще в роменское время является ряд построек Донецкого, Малого и Большого Боршевского городищ, где нижние части проемов были врезаны в стенки котлованов. На Донецком городище они находились в стене напротив устья печи, в боршевских постройках – на участке рядом с печью (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 31, 74; Шрамко, 1960. С. 320; 1962. С. 301; Дьяченко, 1991. С. 39–41). Аналогичное боршевским расположение окон отмечено и в Рязани (Даркевич, 1972. С. 101). Во всех этих случаях прослеживается явное стремление к освещению отопительного сооружения.

Лучше всего сохранились окна в постройках В, Г и Д Донецкого городища под Харьковом. Проемам соответствовали трапециевидные в плане вырезы в бортах котлованов (Дьяченко, 1991. С. 39–41. Рис. 3–5) (рис. 11). Основание их имеет наклон к полу. Следует отметить, что против отождествления донецких врезок-откосов с нишами окон возражал П.А. Раппопорт, который видел в них остатки ступенек входов. Наличие в одном из домов двух входов он объяснял перестройкой (Раппопорт, 1975. С. 121). Согласиться с приведенными аргументами сложно. Во-первых, ямы от окон шириной 60–65 см заметно меньше прослеженных в роменских постройках входов, которые нередко превышают метр. Во-вторых, трапециевидная в плане форма хорошо сопоставима именно с оконным проемом, но не с дверным. В-третьих, постройка Г имела срубную конструкцию, изменить в которой во время ремонта место входа было делом совсем не простым.

По материалам северорусских городов известны окна в стенах наземных срубных домов (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 143). Они были волоковые, вырубались в верхней половине одного

бревна и в нижней другого, так что по высоте оно не превышало ширину одного бревна. Волоковые окна не имели косяка и задвигались доскою. По данным этнографии известно, что в оконные проемы вставлялась рамка, затянутая пузырем или брюховицей (бычьим мочевым пузырем или пленкой снятой с брюшины животного). Использовался и рыбий пузырь, промасленный холст, пластины речного льда, тонкая дощечка из смолистого дерева, слюда. Такая конструкция окна доживает в крестьянских избах до кон. XIX в. (Бломквист, 1956. С. 119; Бломквист, Ганцкая, 1967. С. 185; Шангина, 2003. С. 107) (рис. 25). Новгородские материалы, где начиная с напластований XI в. встречены кусочки слюды, позволяют предположить ее использование в оформлении окон (Засурцев, 1963. С. 43).

Интересны соображения В.К. Козюбы относительно размещения и количества окон в древнерусских домах. Он полагает, что они должны были располагаться на высоте 1,4–1,5 м, чтобы сидящий человек мог иметь возможность наблюдать за происходящим вне дома, не вставая. С привлечением данных археологии, а также широких этнологических аналогий, исследователь приходит к выводу, что окон обычно было три. Два из них размещались на фасадной стороне дома, одно – на боковой (Козюба, 1998. С. 12–13). В то же время Ю.П. Спегальский предполагал весьма слабую освещенность новгородских изб дневным светом, основываясь на некоторых особенностях расположения массовых жилых построек. Например, близко стоящий к дому тын исключал расположение окна на обозримом уровне, так как заграждение должно было возвышаться на высоту более 2 м (Спегальский, 1972. С. 81). В исследованиях А.Н. Сорокина по благоустройству усадеб в древнем Новгороде, на наш взгляд, убедительно доказано, что большинство оград города не носило ярко выраженного «оборонительного» характера. Дворы были открыты восприятию со стороны улицы, хорошо освещались и проветривались, следовательно, ограждение возвышалось соразмерно человеческому росту (Сорокин, 1998. С. 260), что согласовывается с предположениями В.К. Козюбы.

В настоящем разделе мы не случайно по возможности подробно остановились на основных приемах воссоздания южнорусского жилья, пытаясь обобщить основные признаки, в первую очередь из сферы артефактов, которые могут свидетельствовать об использовании средневековыми строителями тех или иных конструктивных решений. Несмотря на то, что именно в последние десятилетия появилось много работ с реконструкциями конкретных построек, очень часто авторы оставляют за скобками исследовательскую «кухню», что существенно снижает как аргументацию и достоверность выводов, так и возможности накопления положительного опыта. Выделенные признаки имеют, по терминологии математики, своего рода «доверительный интервал», причем для некоторых из них он, к сожалению, весьма широк. Поэтому они могут применяться только с учетом конкретного анализа специфики каждой жилой постройки. В дальнейшем в работе будет использован термин «маркерный объект». Под ним понимаются постройки, о которых в силу как субъективных, так и объективных причин имеется достаточно полная информация, позволяющая установить по возможности полный набор конструктивных приемов и строительных схем, использованных его создателями. В то же время маркерный объект отражает то общее, что свойственно домостроительству в рамках того или иного историко-хронологического горизонта.

ГЛАВА II
Жилые постройки междуречья Сейма и Псла в IX–X вв.

Основные конструктивные решения (по данным стратиграфии, планиграфии и микротопографии Горналя)

На сегодняшний день создан ряд классификаций древнего жилья, в основе которых находятся, как правило, различные конструктивные особенности домов (главным образом, стен котлованов) или их элементов (в первую очередь, печей), при этом полученные схемы нередко существуют вне взаимосвязи. В целом это обычный для археологических исследований алгоритм статистически представительных материалов. Однако объективно детерминированность материальных признаков при типологизации не одинакова, что во многом определяется самим характером выбранных для изучения артефактов. Так, например, классификация различных категорий предметов обычно строится на основе разнообразных параметров, которые зачастую обладают однозначностью толкования и физически «присутствуют» уже в самом объекте исследования. При классификации погребального обряда объект изучения, как правило, описывается уже признаками, которые не имеют столь жесткой определенности и нередко подразумевают неоднозначную трактовку, что в итоге приводит к различным вариантам реконструктивных моделей. Тем не менее и здесь мы имеем дело с неким «конечным» продуктом человеческой деятельности, так как погребение, являясь итогом ритуального процесса, остается для потомков, как непосредственных (родственников), так и условных (исследователей), в специально «оформленном» виде.

Изучение древнего жилья имеет заметную специфику. В остатках дома, фиксируемых археологически, на долю исследователя зачастую остаются только «корешки» при полностью уничтоженных «вершках». Картина отражения артефактами конкретных конструктивных приемов может быть в значительной степени искажена, что во многом является следствием причин, по которым жилье перестает использоваться. Так, дом мог сгореть, быть оставлен хозяевами в результате опасности или разобран по причине ветхости, после чего котлован использовался как мусорная яма или преднамеренно засыпался при нивелировке площадки поселения и т.д. В результате уже создание списка признаков сопряжено с заметными сложностями. Во-первых, его формирование даже в количественно минимальном виде затруднительно, так как в разных объектах по указанным выше причинам могут фиксироваться только отдельные и не одноранговые черты. Во-вторых, совершенно необязательным является тот факт, что археологически улавливаемые признаки конструкции были главными и значимыми для строителей. Они могут относиться к числу, с одной стороны, второстепенных, а с другой – вариативных в трактовке.

Таким образом, создание классификации жилых построек таит опасность получения формальной и, что самое главное, схоластической схемы, неадекватно отражающей реальное домостроительство. Принципиально не отказываясь от классификации жилья, мы полагаем, что на сегодняшний день гораздо важнее решить проблему выявления ведущих тенденций в домостроительстве. Выделенные в первой главе признаки строительных приемов необходимо расценивать не как догму, а только в качестве основания для направления поисков конструктивных решений в условиях конкретных объектов, в ходе которых большую роль играет сопоставление планиграфических, стратиграфических и микротопографических наблюдений. Такой подход дает возможность если не получить полную и объективную картину, то по крайней мере приблизиться к ней. И здесь удобнее всего попытаться первоначально выявить основные векторы процесса домостроительства на примере одного памятника, который бы отвечал следующим требованиям. Во-первых, он должен быть исследован относительно большой площадью. Во-вторых, в его пределах должно быть изучено возможно большее количество жилых объектов, возведенных в пределах широкого хронологического диапазона. Весьма желателен при этом временной стык с древнерусским пластом древностей, что позволит проследить в домостроительстве разных исторических эпох взаимосвязь или, наоборот, установить ее отсутствие. В-третьих, памятник должен быть хорошо стратифицирован. На сегодняшний день таким требованиям, причем применительно как к Посемью, так и к ареалу всей роменской культуры, соответствует только Большое Горнальское городище.

Изучение памятника проводилось с применением частой сетки бровок, поэтому исследованная площадь (всего около 1500 кв. м) состояла из сравнительно небольших раскопов, основная часть которых имела размеры 10 х 10 м (рис. 26–27). Всего были обнаружены 21 постройка, подавляющее большинство из которых удалось разделить стратиграфически. В результате А.В. Кузой была предложена картина распределения жилищ по слоям, которая выглядит следующим образом (Куза, 1981. С. 27–31).

По мнению А.В. Кузы, хронологические различия в постройках нашли свое выражение в изменении оформления отопительных сооружений и в ко-

№ слоя	Хронология слоя	№ № построек
IV	Общая дата: кон. VIII –кон. IX в.	15, 20
III или IV		14
III		4, 5, 6, 9, 18
II	кон. IX – 1-я четв. X в.	13, 16, 17, 19, 21, 22
I	2-я – 3-я четв. X в.	1, 2, 3, 7, 8

личестве хозяйственных ям. Для ранних жилищ (слои III и IV) характерны печи, вырытые в материковом останце; для построек, связанных со слоем II, печи, целиком вылепленные из глины и помещенные на некотором расстоянии от стен; для слоя I – в основном печи на оставленной материковой подушке в углу, верх их был вылеплен из глины на деревянном каркасе. Кроме того, поздние постройки отличаются большим количеством хозяйственных ям, в том числе и выносных (Куза, 1981. С. 26–27).

Специально конструкцию стен А.В. Куза не рассматривал, однако для части построек на основании фиксации столбовых ямок в котлованах определил как «каркасную», а в одном случае (постройка 16), наоборот, по отсутствию ямок как срубную. Следовательно, можно сделать вывод, что исследователь обшивку котлованов и стены воспринимал как единое целое.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется представительная серия построек, большая часть которых имеет стратиграфические привязки. Отметим, что не все объекты пригодны для решения поставленных нами задач. Так, постройки 19 и 21 были исследованы частично, поэтому остались неизученными отопительные сооружения. Постройка 8 представляла собой производственное сооружение, без печи. Нет оснований для соотнесения с жилым домом постройки 11. При ее раскопках не было обнаружено отопительного сооружения, а от самой конструкции сохранился только небольшой участок деревянного настила (Куза, 1981. С. 21. Рис. 9:5).

Сразу обращает на себя внимание факт наличия в горнальских материалах заметного количества построек, имеющих печи, связанные со стенами котлованов, причем эта ситуация фиксируется как в ранних, так и поздних объектах. Таким образом, имеются основания для предположения о том, что в большей части жилищ Горналя стены были поставлены с отступом от котлована. В то же время уже простой анализ планировки поселения и микрорельефа показывает, что такая трактовка требует дополнительных аргументов. Во-первых, площадка городища имела заметные перепады по высоте. При описании жилищ А.В. Куза нередко говорит о том, что они были «врезаны» в склоны. Это выглядит вполне обоснованно, тем более что разрезы всех жилищ, за исключением постройки 7 (Куза, 1981. Рис. 7:1), даны по материку. Соответственно, выглядит логично, что стены дома стоят на горизонтальном дне котлована. Однако возведению срубов, превышающих своими размерами котлованы, неизбежно должны сопутствовать планировочные работы. Только выявление их следов может подтвердить высказанное предположение. Во-вторых, жилища, связанные с одними и теми же стратиграфическими горизонтами, нередко стоят в непосредственной близости друг от друга. По сути дела, здесь речь идет о ситуации, близкой Новотроицкому городищу, когда расположенные рядом жилища привели И.И. Ляпушкина к варианту реконструкции, который впоследствии подвергся критике. В предыдущей главе уже отмечалось, что в случаях, когда стены ставились с отступом, одна из них или даже две, но только параллельные могли размещаться на линии бортов котлована. Такие ситуации требуют специального анализа.

Проанализируем постройки Горналя с точки зрения высказанных соображений. Удобнее всего это сделать в порядке предложенной А.В. Кузой хронологии, начиная с наиболее древних жилищ. Опубликованные материалы не несут всей необходимой информации для достижения цели исследования, что заставляет дополнять их данными из научного отчета, который, однако, имеет заметную специфику в изложении полученных сведений. Основное внимание исследователя было направлено на наблюдения за стратиграфией напластований, тогда как планиграфия в представленной документации отражена явно недостаточно. Тем не менее, с учетом частой сетки бровок, этот пробел отчасти восполним. Необходимые участки профилей из полевого отчета приводятся в редакции его автора.

К числу древнейших сооружений Горналя относятся постройки 15, 20 (слой IV) и 14 (слой III). Постройка 20 примыкала к остаткам оборонительных сооружений. Котлован при размерах 3,6 х 3,8 м был заглублен в южной части до 1,3 м* (рис. 28). Печь вырезана в материковом останце, занимающем южный угол, что позволяет предполагать сооружение стен за его пределами углубленной части постройки. Отсутствие столбовых ямок в непосредственной близости к котловану говорит о том, что стены дома могли быть только срубными. Подтвердить схему «сруб с отступом от котлована» в условиях значительного перепада рельефа могут следы специальной подготовки площадки под основание стен. И работы по-

* В данном случае глубина котлована указывается от его верхней границы по профилю, а также по данным А.В. Кузы в публикации (1981, с. 25, рис. 2), где специально оговорено, что размеры даются не от материка, а от уровня скифского слоя. В дальнейшем будут приводиться глубины котлованов, восстановленные по чертежам профилей в отчете.

добного рода хорошо заметны. На профиле восточного борта раскопа 11 видно, что северо-восточная стенка дома, а именно в эту сторону шло понижение материка, «подпиралась» подсыпками, основу которых составляла материковая глина. То, что это не просто выброс, как раз хорошо фиксируется в профиле: стенка как бы «обрезает» подсыпки (рис. 28).

Имеются аргументы в пользу того, что северо-восточная стенка сруба была поставлена без отступа и проходила по линии котлована. Постройка 20, по мнению А.В. Кузы, погибла при пожаре одновременно с древнейшими укреплениями (Куза, 1981. С. 25–26). В отчете указывается, что жилище было сознательно «встроено» в обратный откос вала и ориентировано по линии укреплений. От фортификаций сохранились полуобгоревшие бревна. Одно из них, лежавшее прямо на скифском слое, шло параллельно «оси вала» и одним концом упиралось в северо-восточный угол постройки. К нему под прямым углом подходило второе бревно, «уходившее в восточный борт», а в целом «конструкции вала упираются в стены жилища». В свою очередь, глина составляла основу подсыпок вала (Куза, Отчет… 1972–73. Л. 34).

То, что глина была использована при сооружении укреплений, не отрицает одновременного устройства площадки под основания стен. Более того, на профилях хорошо видно, что склон отсыпался глиной не менее двух раз, а скорее всего, даже трижды (рис. 28, профиль восточного борта). Верхняя, самая мощная глиняная подсыпка стратиграфически несомненно связана с постройкой. Кроме того, вал как таковой в профиле прослеживается очень неясно. Речь может идти только о небольшой подсыпке с целью получения относительно ровной поверхности на склоне мыса. Судя по всему, это была основа под настил, который примыкал со стороны площадки к расположенному далее так называемому «косому» частоколу. Реконструкция такого рода фортификаций на основе данных Ратского городища с привлечением горнальских материалов была нами предложена ранее (Енуков, Енукова, 1992; Енуков, 2005а. С. 69–82. Рис. 16–17).

Таким образом, северо-восточная стена постройки 20 подходила вплотную к настилу укреплений и должна была стоять на краю котлована, опираясь на его обшивку. В пользу этого конструктивного решения косвенно свидетельствует столбовая ямка около северного угла котлована (восточный угол остался за пределами раскопа). В Горнале ямки около жилищ встречаются редко. Она не показана на чертеже жилища (Куза, 1981. Рис.9: 2), однако присутствует на общем плане как в публикации (Куза, 1981. Рис. 12), так и в отчете (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 62). Столб располагался на одной линии со стенкой котлована и, вероятнее всего, играл роль стула. Установку опоры можно расценить как попытку дополнительного укрепления основания под бревно нижнего венца. Местоположение столба, таким образом, маркирует угол постройки, а отступ стен к северо-западу составляет около 0,8 м. В данном случае нельзя точно установить, насколько размеры стен превышали размеры котлована в юго-западной и юго-восточной частях сооружения, поэтому условно был использован определенный ранее полуметровый минимальный стандарт (рис. 28).

Постройка 20 имела деревянный пол, от которого сохранился древесный тлен. Характер облицовки котлована не ясен. Можно только с уверенностью утверждать, что она не была каркасно-столбовой. А.В. Куза указывает: «Вдоль южной стены сохранилась труха от бревен. Вдоль северной – слой обожженной глины и древесных углей. …вдоль восточной стены лежали три обгоревших бревна» (Куза, 1981. С. 25). В профиле по указанной стенке следы тлена не отображены, зато отмечена тонкая вертикальная углистая прослойка, которая идет по северо-восточной стенке (рис. 28). Такого рода остатки конструкций могут соотноситься как со срубом, так и с обшивкой заклиненными досками, которая была укреплена столбиком в северном углу. Второй вариант предпочтительнее, так как сруб нельзя было сомкнуть в южном (с печкой) углу. Большая часть восточной стенки уходит за пределы раскопа, но в профиле указанные бревна не обозначены, из чего следует, что они располагались ближе к центру. В принципе, они могут быть остатками рухнувшей обшивки, однако, судя по их местоположению, скорее всего, это – остатки упавших перекрытий.

Постройка 15 была исследована не полностью, однако в нее вошел участок котлована, который оказался весьма информативным (рис. 29). Печь постройки сооружена в материковом останце, причем топка располагалась настолько близко к стенам котлована, что отступ стен дома от него как к юго-востоку, так и к юго-западу был просто необходим. Столбовые ямки на участке, примыкающем к котловану, отсутствуют, что дает основание предполагать срубную конструкцию стен. Еще одним подтверждением отступа стен являются остатки рухнувших деревянных перекрытий в верхней части заполнения, которые выходили за пределы котлована. Однако окончательный вывод о превышении срубными стенами пределов котлована можно сделать только в случае фиксации планировочных работ на прилегающей территории, так как объект располагается на участке с заметными перепадами рельефа. Это видно по опубликованному А.В. Кузой разрезу котлована, где его границы даны по материку (рис. 29). Нивелировочные подсыпки хорошо заметны в профилях раскопа 8. Они состояли из перемещенного слоя скифского времени, перекрывавшего слой того же времени, сохранившийся in situ. Строители были вынуждены даже слегка подсыпать наиболее «высокий» борт с западной стороны, так как здесь дневная поверхность также имела заметный наклон. В результате юго-за-

падная стенка котлована имела высоту до 1,2 м. Около юго-восточной стенки, где наблюдается заметное падение материка, подсыпка была намного толще, что хорошо видно на смежных участках профилей северного и восточного бортов раскопа 8. В итоге высота стенки оказалась практически идентичной юго-западной стороне: около 1,1 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 30) (рис. 29). Более того, в восточном борте на верхней границе подсыпки фиксируется «ступенька», которая могла остаться только от нижнего венца сруба. По ее внешней границе фиксируются остатки горелого дерева. Таким образом, можно определить величину отступа стен, которая составляет 0,7 м, считая от внутренней границы обгоревшего дерева, что достаточно близко минимальному стандарту.

Итак, по комплексу признаков постройку 15 можно определить как срубную, стены которой были поставлены с отступом от котлована. В жилище были прослежены деревянные полы. К сожалению, характер облицовки стен котлована остается неясным в силу недостатка сведений, хотя можно уверенно констатировать отсутствие каркасно-столбовой конструкции. В заключение отметим, что с внешней стороны постройки в профиле восточного борта раскопа 8 отмечается небольшой участок сформировавшегося еще при функционировании жилища грунта слоя III. Это заставляет предположить, что жилище относится к более позднему времени, нежели было определено в публикации А.В. Кузы.

Постройка 14 стратиграфически связана со слоями IV или III. Отметим, что на чертежах отчета отмечаются небольшие столбовые ямки в южном углу и примерно посередине юго-западной стенки, которые отсутствуют в публикации (рис. 30). Таким образом, в котловане имеется количество столбов, приближающееся к «полному комплекту», который, как указывалось выше, может являться признаком как каркасно-столбовой, так и подпорной конструкции облицовки. Отсутствие столбовых ямок в углу с печью, а также их малый диаметр у юго-западной стенки, свидетельствуют в пользу последнего варианта. Эти же признаки указывают на то, что стены дома не совпадали с границами котлована и были поставлены с отступом, что подтверждается печкой, сооруженной в материковом останце. Отсутствие следов столбов в непосредственной близости от котлована говорит о вероятности срубной конструкции. Для окончательного решения надо выяснить, имелись или нет подсыпки под основание сруба, что вызывает заметные затруднения, так как сооружение было значительно повреждено более поздним жилищем 16 и отчасти жилищем 13 (рис. 27, 30).

По профилю восточного борта раскопа 7 можно установить глубину котлована в северном углу от уровня скифского слоя, где он начинает «читаться». Соответственно, глубина доходила до 1,3 м (Куза. Отчет… 1972–73. Рис. 18). Здесь подсыпок не отмечено, что вполне понятно: этот участок рельефа был самым высоким. Однако уже в 0,5 м к востоку, то есть в стороне, куда идет падение дневной поверхности, в профиле западного борта раскопа 12 появляется подсыпка из материковой глины, которая стратиграфически может быть увязана только с постройкой 14 (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 34). Здесь высота стенки составляет более 1 м. Ее первоначальный вид не мог сохраниться, так как на данном участке объект уже перекрывается постройкой 15. Вероятнее всего, верхняя граница отсыпки должна была доходить примерно до отметки 1,3 м, считая от уровня дна котлована. Отметим, что значительная глубина котлована с севера подтверждается косвенными данными. С остальных сторон по профилям ее определить сложно, так как борта заглубленной части постройки 14 были уничтожены. Однако по отметкам материка за пределами постройки 15 в жилище 14 она не могла быть менее чем 1 м с запада, 0,7 м с востока.

Пример рассматриваемого жилища представляется очень важным: даже в условиях исключительно сложной стратиграфической и планиграфической картины имеются возможности выявления необходимых реконструктивных признаков, причем в их взаимосвязи. Границы отступа стен точно установить нельзя, поэтому условно он определен в 0,5 м.

Таким образом, три постройки, отнесенные А.В. Кузой к числу древнейших, имеют ряд общих черт. Во всех случаях стены по комплексу признаков были срубными и поставлены с отступом, для чего были проведены соответствующие планировочные работы. Конструкция облицовки котлованов реконструируется как подпорная только в постройке 14. В целом котлованы отличались значительной глубиной (1,2–1,3 м), если судить по их лучше всего сохранившимся стенкам. В двух случаях были отмечены деревянные полы.

Проанализируем жилища, которые А.В. Куза связывает со слоем III. Облицовка котлована постройки 6 имела «некомплектный» набор столбовых ямок. Такой вариант соотносится с подпорной облицовкой стен облегченного характера, что подтверждается отсутствием столбовых ямок в углу с печью (рис. 31). Она не могла быть несущей, так как столбов в юго-западной половине объекта вообще не зафиксировано. С учетом этого, а также расположения отопительного сооружения в материковом останце, занимавшем весь западный угол, стены должны были быть возведены с отступом. Отсутствие столбовых ямок вокруг котлована свидетельствуют о вероятной срубной конструкции.

А.В Куза указывает: «Снаружи жилища, у южной стенки [так обозначена юго-западная стенка. – О.Е.], была сделана в материке ступенька глубиной до 0,4 м, расширяющаяся к югу до 0,6 м». Соответственно, в публикации граница юго-западной стенки котлована дана по внутреннему краю полочки, а не котлована (Куза, 1981. С. 17. Рис. 6:3).

Однако в профилях восточного и южного бортов раскопа 4 видно, что заполнение объекта из серо-коричневого слоя с вкраплениями материковой глины, по верхней границе которого проходит тонкая прослойка из мела, полностью перекрывает полочку (Куза, Отчет… 1972–73. Рис.7). Соответственно, она является неотъемлемой частью интерьера объекта.

Глубина котлована в восточном углу по разрезу в публикации А.В. Кузы (Куза, 1981. Рис. 3) составляет около 1,4 м, с южной, считая от верхнего края полочки, – около 1,3 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис.7). По направлению к востоку наблюдается значительное падение материка, поэтому в северо-восточной части котлован врезается в материк всего на 0,2 м (рис. 31). В профиле восточного борта раскопа 4 у северо-восточной стенки фиксируется подсыпка из материковой глины. Ее сохранность неудовлетворительная: после окончания функционирования постройки часть глины сползла в котлован. Тем не менее видно, что с этой стороны нивелировочными работами площадка под основание сруба была подсыпана (считая от пола котлована) не менее чем на высоту в 0,6 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 7). Таким образом, предполагаемый отступ стен котлована подтверждается.

Полочка, примыкая своей наиболее широкой частью к южному углу, несомненно, ослабляла его как возможную опору под сруб. Какие-либо дополнительные крепления обшивки котлована здесь не прослеживаются. В таком случае остается предполагать, что отступ стены дома от котлована с юго-запада должен быть «увеличенным» до 1 м, при этом с остальных сторон по «техническим условиям» он вполне мог быть в пределах полуметра. Такое предположение подтверждается планиграфией находок. На приведенном А.В. Кузой плане участка 4 их большинство находится в пределах котлована дома и за его границами не встречены. Исключение составляет юго-западная часть дома: здесь зона концентрации находок «перекрывает» полочку и заканчивается на расстоянии 0,8 м от границы котлована по А.В. Кузе (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 6). Предложенные параметры не противоречат планиграфии, так как постройка 6 размещалась в стороне от других объектов. Вид полочки (в плане – треугольник, своей вершиной упирающийся в останец печи, высота – около 0,85 см) не имеет аналогов. Можно только осторожно предположить ее назначение. Постройка 6 имела самый глубокий из всех горнальских жилищ котлован. Возможно, полка играла роль ступени, облегчавшей доступ к высоко расположенной лавке.

У северной и западной стенок котлована постройки 4 были прослежены несколько столбовых ямок (в одном случае – двойная), что дает основание предполагать «неаккуратную» подпорную обшивку со следами ремонта, которая, соответственно, не могла быть несущей (рис. 32). Это подтверждает и печь в материковом останце. Отсутствие системы столбовых ямок на прилегающем участке свидетельствует о срубной конструкции стен, возведенных с отступом, что доказывают отчетливые следы планировочных работ. В профиле западных бортов раскопов 5 и 6 хорошо прослеживается подрезка материка, в результате которой значительный участок в пределах указанных раскопов приобрел горизонтальную поверхность (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 11, 16) (рис. 32). В то же время на участке, прилегающем к северо-восточной части постройки 4, где идет понижение материка, в профиле южного борта раскопа 6 отмечена подсыпка из культурного слоя, перемешанного с материковой глиной (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 16) (рис. 32). В результате котлован имел глубину около 0,75 см. Следует отметить, что указанная подсыпка, судя по высотным отметкам и стратиграфии, использовалась и для одновременно существовавшей постройки 5.

Таким образом, по сочетанию признаков постройка 4 имела стены срубной конструкции, поставленные с отступом. Косвенно на это указывает и совершенно необычная, трапециевидная в плане форма котлована. «Привести» дом к обычной прямоугольной или квадратной форме могли только «внешние» стены строения. Параллельные северо-западная и юго-восточная стены вполне могли быть возведены с полуметровым отступом, а их основания были несущими в окладном венце. Минимальный отступ от северо-западной стенки котлована можно рассчитать более определенно, так как здесь был вход, от которого сохранилась ступенька глубиной 0,22 м от уровня материка (Куза, 1981. С. 15). С учетом ее размеров отступ стены должен составлять не менее 0,4 м. Однако по материалам северных городов, приведенным в главе I, известно, что дверной проем вырубался в третьем-четвертом венце. Таким образом, если бы стена проходила по внешней границе ступеньки, то ее «высота», с учетом толщины бревен, достигала 0,7–0,9 м. Вероятнее всего, перед ступенькой, с внутренней стороны дома, оставалась площадка близких размеров, что заметно облегчало вход. Таким образом, с этой стороны котлована отступ, судя по всему, был больше «минимального» и составлял не менее 0,8 м.

Что касается юго-восточной стены дома, то здесь мы вправе предположить, что она, скорее всего, проходила по линии, частично совпадавшей с краем котлована. Отступ здесь сделать было невозможно, так как рядом находилась синхронная постройка 5. По отчету А.В. Кузы, у юго-восточного края котлована, за его пределами, была столбовая ямка (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 15). Напомним, что в Горнале столбовые ямки рядом с постройками исключительно редки. Если провести линию через эту ямку и северо-восточный угол жилища 4, то она пройдет под практически прямым углом к прилегающим сторонам сруба (рис. 32). Вероятнее всего, столб играл роль опоры.

В котловане постройки 5 около северо-западной и северо-восточной стенок имеются столбовые ямки

(рис. 33). Яма, расположенная у юго-западной стены, была хозяйственной. Обшивка котлована, судя по «некомплектному» количеству столбов, была подпорная. С юго-восточной и юго-западной сторон она имела, в таком случае, «облегченный» характер, что, наряду с печью в материковом останце и отсутствием столбовых ямок около котлована, подразумевает срубные стены дома, поставленные с отступом.

Верхняя граница южного угла котлована постройки совпадает с уровнем материка, при этом высота стенки составляет около 1,2 м (по публикации – 1,1 м)**. С западной стороны котлована, как уже отмечалось, имелась общая подсыпка со срубом постройки 4. В результате здесь стенка прослеживалась на высоту до 1 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 30) (рис. 33). В восточной части подсыпка пролеживалась лучше за счет большей примеси материковой глины. В профиле северного борта раскопа 4 она доходила до 1,1 м от уровня пола жилища (Куза, Отчет… 1972–73. Рис.7) (рис. 33). Хуже всего подсыпка сохранилась в северной части, где ее как бы «обрезал» слой II, что, возможно, явилось следствием каких-то более поздних по сравнению с хронологией рассматриваемого объекта земляных работ. В профиле восточного борта раскопа 6 фиксируются только редкие вкрапления глины, идущие рядом с краем котлована на уровне верхней границы сохранившегося заполнения постройки (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 16).

Таким образом, северо-западная стенка сруба постройки 5 могла проходить только по границе котлована, так как ее западный угол подходил почти вплотную к постройке 4 (рис. 27). Напомним, что вдоль близкорасположенных стен у них имелась и общая планировочная подсыпка. Реальность такого конструктивного решения подтверждается наличием мощных, овальных в сечении вертикальных плах вдоль стенки котлована. Примерную величину отступа позволяет просчитать размеры подсыпки около восточной части котлована: ее ширина составляет около 1 м. Поэтому и отступ должен быть менее 1 м.

Постройка 9 вошла в исследованную площадь частично, однако, как и в случае с постройкой 15, при ее раскопках зафиксированы признаки реконструктивного характера (рис. 34: 1). Дно котлована было покрыто деревянным полом, уложенным на лаги. Тип обшивки до конца не ясен, и его можно установить предположительно методом исключения. Он не мог быть каркасно-столбовым (отсутствие ямок) или срубным (печь в материковом останце). В этой ситуации облицовка наверняка имела облегченный характер из досок или плах.

По местоположению печки в останце и отсутствию ямок по краям котлована правомерно предположение о том, что стены представляли собой сруб, поставленный с отступом от котлована, чему имеются и другие подтверждения. А.В. Куза отмечает, что «с юга к жилищу примыкает ступенька неправильных очертаний: шириной до 1,2 м, глубиной до 0,5 м [глубина указана от уровня материка. – О.Е]», а «над юго-восточным углом сохранились остатки обгоревшего бревна (длина 0,7 м, диаметр 0,15 м». В публикации на чертеже постройки ступенька не нанесена, однако на общем плане присутствует (Куза, 1981. С.19. Рис. 12), (рис. 27).

Неправильной формы ступенька вполне объяснима, так как она попадает на участок, где материк имеет подъем к югу и понижение к востоку. Тот факт, что она была сооружена для нижнего венца сруба, подтверждается находкой сохранившегося обгоревшего бревна: оно проходит по линии юго-восточной стены котлована и на 0,4 м «заходит» в пределы ступеньки. Таким образом, есть основания считать, что с этой стороны стена дома и обшивка котлована совпадали, а к югу отступ доходил до 1,2 м. Данных об отступе с северо-западной стороны нет, поэтому можем предполагать только стандартный минимум (рис. 34: 1). Глубина котлована с учетом нивелировочных работ составляла около 0,6 м.

Постройка 18 имела печь в материковом останце, что, наряду с отсутствием столбовых ямок по краям котлована, предполагает возведение срубных стен отступом (рис. 35: 2). К сожалению, графическая документация по раскопам 16 и 17, представленная в отчете А.А. Узянова, не позволяет найти вероятные следы планировочных работ (Узянов, Отчет… 1973). Можно только условно предположить минимальный полуметровый отступ. Обшивку стен следует определить как подпорную облегченного характера. Отметим, что пол жилища был специально промазан желтой глиной, а котлован жилища, как и в заметной части ранее рассмотренных случаев, имел значительную глубину, составлявшую не менее 1,3 м (Куза, 1981. С. 25).

Подведем промежуточные итоги анализу древнейших построек Горналя. Можно полагать, что для них характерны срубные стены, превышающие своими размерами котлованы, которые, в свою очередь, отличались значительной глубиной: в 6 случаях из 8 она составляла 1,2 и более метров.

Анализ жилищ, связанных со слоем II, целесообразно начать с расположенных вплотную жилищ 13 и 16 (рис. 27, 35). В постройке 13 впервые из рассматриваемых сооружений отмечена печь нового типа. Нижняя ее часть была вырезана в материковом останце, который несколько отступал от стен угла, а верхняя вылеплена из глины, конусов и камней с применением какого-то деревянного каркаса (Куза, 1981. С. 21). Следует, однако, отметить, что в научном отчете, в отличие от публикации, отопительное сооружение выглядело несколько иначе: материковый останец примыкал к стенам (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 22). В данном случае лучше опираться на сведения отчета. Отметим, что впервые в котловане

** В тексте публикации ориентация разреза указана ошибочно: север попутан с югом (Куза, 1981. С. 17).

встречено несколько хозяйственных ям: крупная колоколовидная и мелкая, грушевидная в плане, а также небольшая ямка у северного угла. Связь с жилищем хозяйственной ямы, примыкавшей снаружи к северо-восточной стенке котлована, небесспорна. Не исключено, что она не синхронна постройке (рис. 35: 1).

Местоположение печи несовместимо со срубной облицовкой стен котлована. Показательно и расположение столбовых ямок только в восточной половине котлована***. В таком случае мы имеем дело с «неаккуратной» обшивкой подпорного характера. В этой ситуации стены не могли являться ее продолжением и должны были возводиться с отступом. Ввиду отсутствия ямок около котлована конструкция стен могла быть только срубной. Есть все основания полагать, что постройка 13 была существенно повреждена при сооружении жилища 16. Прежде чем перейти к ее рассмотрению, отметим, что наибольшую глубину котлован постройки 13 имел в западной части, где высота его стенок достигала 1,3 м (рис. 35: 1).

Постройка 16 представляет собой единственный случай, где А.В. Куза предположил срубный характер стен по следующим причинам. Во-первых, в котловане отсутствовали столбовые ямки (рис. 35: 2). Во-вторых, в северо-западном углу были прослежены следы сгоревшего бревна «с подкладкой под него камней, служивших своеобразным фундаментом» (Куза А.В., 1981, с. 23). Расположение печи, целиком вылепленной из глины и стоящей на заметном расстоянии от стен, позволяет предположить, что сруб котлована и стены самого дома представляли собой единое целое. В таком случае, планировочные работ на прилегающей дневной поверхности не требовались, однако они как раз хорошо фиксируются. У южной границы котлована в восточном борте раскопа 13 имеется подсыпка шириной до 0,6 м из культурного слоя с большой примесью материковой глины, при этом высота стенки от уровня дна становится около 0,6 м (Куза, Отчет… 1972–1973. Рис.22). А.В. Куза в публикации приводит профиль северного борта раскопа 15, где в восточной части сооружения подсыпка не фиксируется. Отметим, что и здесь глубина котлована, если судить по толщине заполнения, составляла около 0,6 м (Куза, 1981. Рис. 2) (рис. 30). Однако в отчете в этой же бровке, но в ее северном фасе (профиль южного борта раскопа 12) отчетливо выделяется подсыпка шириной до 0,7 м, основу которой составляет материковая глина. Высота «наращенной» стенки становится 0,65 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 22) (рис. 35: 2). На строительной площадке в месте, на которое приходился северный угол дома, нивелировочные работы не требовались, так как они были проведены раньше, при возведении жилища 14. Поэтому здесь глубина котлована была 0,65 м.

Аналогичную глубину имел котлован и в западной части, причем здесь, практически на стыке с постройкой 13, наблюдаются важные стратиграфические детали. Верхняя граница материковой «перемычки» между двумя объектами имеет выровненную поверхность, явно «подогнанную» по высоте под котлован жилища 16, так как глубина котлована постройки 13 составляла 1,3 м (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 18) (рис. 35, южный борт раскопа 7). Поверхность «перемычки» по горизонтальной линии далее на запад продолжает материковая глина, которой была засыпана постройка 13. Интересно отметить, что горизонтальная площадка глиняной засыпки была выведена только на участке шириной до 1,4 м, примыкающем к постройке 16, а далее котлован был засыпан не полностью и использовался, как отмечал А.В. Куза, в качестве мусорной ямы. В профиле южного борта раскопа 7 очень четко видно, что мусорную яму перекрывал слой II, который был достаточно толстым, местами до 0,4–0,6 м, что свидетельствует об определенном промежутке времени его формирования (рис. 35).

Таким образом, есть все основания считать, что котлован постройки 13 был засыпан глиной при планировочных работах, предшествующих возведению постройки 16, которая, соответственно, являлась более поздней. Однако хронологический разрыв в их существовании был минимальным, если вообще был. В пользу этого свидетельствует тот факт, что стенки заглубленной части жилища 13 нигде не обсыпались, глина перекрывает котлован «плотно», без «зазоров» по стенкам и дну. Интересно, что, судя по всему, одновременно с засыпкой котлована постройки 13 была подсыпана глиной и значительная площадь к югу от нее, где имелось падение рельефа. А.В. Куза расценил это как «следы преднамеренной планировки» (Куза, Отчет… 1972–73. С. 21).

Анализ планиграфического и стратиграфического соотношения построек 13 и 16 приводит к следующим выводам. Во-первых, свободное на момент строительства пространство позволяло возвести стены жилища 13 с отступом, который, в связи с отсутствием более точных данных, условно можно определить в 0,5 м (рис. 35). Жилище 16 также имело стены с отступом. В противном случае, нивелировочные работы, в результате которых поверхность площадки городища у котлована была выведена на один уровень, теряли смысл. Можно определить и величину, на которую стены превышали котлован. С учетом ширины подсыпок с юго-востока отступ составлял до 0,6 м, с северо-востока – до 0,7 м, с северо-запада – до 2 м.

Пример построек 13 и 16 представляется весьма важным. Оказалось, что даже в случаях, когда стены котлована в силу местоположения печи могли представлять собой единое целое со стенами котлована, они все равно возводились с отступом, что было характерно для более ранних сооружений. Остальные

*** В публикации А.В. Кузы на чертеже не приведена ямка в центре у юго-восточной стенки котлована, однако в описании постройки и в отчете она указана (Куза, 1981. С. 22. Рис.10; Отчет… 1972–73, рис.7).

постройки, связанные со слоем II, к сожалению, не пригодны для стратиграфического и планиграфического анализа. В постройках 19 и 21 не было обнаружено отопительных сооружений, так как они вошли в исследованную площадь частично (Куза, 1981. С. 25–26). Эти жилища были незначительно заглублены в материк, однако реальную глубину котлованов выявить нельзя в виду явного недостатка информации в отчетной документации. По этой же причине сложно использовать и постройку 17, которая была вскрыта полностью (Куза, 1981. С. 24–25. Рис. 11). Глинобитная печь располагалась в котловане на заметном расстоянии от его бортов, поэтому стены котлована и дома могли представлять собой единое целое. Против этого, однако, свидетельствуют две столбовых ямки, расположенные по южным углам. В связи с этим речь может идти, вероятнее всего, об облегченной каркасной обшивке. Судя по всему, стены были поставлены с отступом и имели срубную конструкцию. Расположенная рядом постройка 19 не мешала такому конструктивному решению, так как она была возведена позже. А.А. Узянов указывает, что остатки жилища 17 были перекрыты выбросом при сооружении жилища 19 (Узянов, Отчет… 1973. С. 8). Отметим, что в Горнале практически во всех случаях грунт выбросов использовался для нивелировки прилегающих участков, имеющих понижение. В связи с этим можно предположить, что такие отсыпки имели место и в случае с постройкой 19.

Сложно говорить и о конструктивных особенностях постройки 22, от которой сохранилась только глинобитная печь, а границы были нанесены достаточно условно (Куза, 1981. С. 26). Тем не менее этот объект весьма важен. На Горнале это единственный случай, который можно интерпретировать как остатки наземного жилища. Однако В.А. Куза в специальном исследовании показал, что на самом деле верхняя граница постройки располагалась заметно выше уровня основания печи, о чем свидетельствует планиграфия находок (Куза, 1989. С. 71; 1990. С. 94). Таким образом, это жилище было также заглубленным.

Четыре жилища (№№ 1–3, 7) слоя I располагались «парами» (рис. 27). Постройка 3, выявленная на фоне материка сразу после удаления дерна, является единственной в Горнале, у которой имеется полный комплект столбовых ям: по три вдоль западной и восточной стен (рис. 36: 1). Именно такой набор является признаком возможной каркасно-столбовой конструкции стен, что подтверждается и расположением печи, состоящей из материкового останца и глинобитного верха, на некотором расстоянии от стен. Ямки остались от столбов диаметром 0,4 – 0,5 м, которые были вкопаны на глубину до 0,6 м. В Горнале столь мощных столбов в конструкциях больше нигде не отмечалось. Обращает на себя внимание и еще один факт. В подавляющем большинстве жилищ роменского времени расположение в котлованах ямок таково, что вывод может быть только один: столбы только прижимали к стенкам обшивку. Такая конструкция не могла возвышаться над уровнем дневной поверхности без специальной опоры, что, собственно, и привело П.А. Раппопорта к выводу о полном перекрытии дома земляными насыпями. Однако в постройке 3 был иной вариант крепления, который хорошо фиксируется, по крайней мере с восточной стороны: столбы были «утоплены» в стенки, поэтому никак не могли прижимать обшивку. Судя по всему, здесь использовалась забирка в паз горизонтально расположенных толстых досок или бревен с затесанными концами. Следы планировочных работ не прослеживаются, что еще раз подтверждает каркасно-столбовой характер стен дома, поставленных без отступа. Отметим еще одну отличительную черту данной постройки от рассмотренных выше: почти все свободное пространство помещения было заполнено крупными ямами-хранилищами.

В котловане постройки 7 были столбовые ямки нечетких в плане очертаний и «некомплектного» характера, что, наряду с глинобитной печкой на базе материкового останца, примыкавшего к западному углу, предполагает ослабленную подпорную конструкцию. Это вкупе с фактом отсутствия ямок за пределами котлована приводит к выводу о сооружение стен дома в виде сруба с отступом (рис. 36: 2). Постройка располагалась на участке площадки городища, который имел наклон с запада на восток. Соответственно, в западной части котлован имел глубину 1,2 м, в восточной – всего 0,3 м, считая от уровня скифского слоя (Куза, 1981. С. 17). В этих условиях под основание сруба должна быть обязательно спланирована специальная площадка, поиски которой, однако, затруднены: северная и южная части объекта оказались вне бровок, а в непосредственной близости от восточного края постройки располагалась большая хозяйственная ямы 10. Именно здесь, на оставшейся между двумя объектами перемычке, видны остатки подсыпки из материковой глины, сохранившейся на высоту всего около 0,1 м (сверху ее как бы «обрезает» слой 1). Судя по всему, реально подсыпка была намного больше, что подтверждается «языком» глины, который идет за пределами хозяйственной ямы далее на восток (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 18, профиль северного борта раскопа 7). Тот факт, что подсыпка представляет собой не просто выброс, а остатки нивелировки дневной поверхности, подтверждается тем, что ее восточная граница по вертикали точно продолжает стенку котлована постройки.

Попытаемся дать ответ на вопрос о величине отступа. Вроде бы, ориентиром для его расчета могла стать яма 15, которая начинается с юго-восточной стороны от границы котлована (рис. 36: 2). Однако нет аргументов для вывода о ее связи с рассматриваемым объектом, а тот факт, что ее дно выше уровня пола свидетельствует, скорее всего, в пользу асинхронности в существовании двух сооружений. Основание для расчета дает расстояние между западным

углом постройки 7 и северо-восточным углом постройки 3: отступ стен анализируемого объекта не может превысить 0,6 м, что, в свою очередь, близко «минимальному стандарту» (рис. 36: 2).

Следующая пара близко расположенных объектов представлена постройками 1 и 2, которые имеют черты своеобразия в своем облике. В постройке была ступенька («лавка» по А.В. Кузе) шириной 0,6 м (Куза, 1981. С. 13) (рис. 37). Печь имела комбинированный характер (нижняя часть вырезана в материковом останце, верхняя выполнена из глины с применением вальков) и примыкала к краям котлована. Есть и другие признаки возведения стен дома в виде сруба с отступом. Во-первых, столбовых ямок явно недостаточно для того, чтобы срубная конструкция имела несущий характер. Во-вторых, на прилегающих участках площадки отсутствуют следы столбовой конструкции. В-третьих, наличие входа в западном углу котлована делает практически невозможной применение иной конструкции. Размер отступа, в свою очередь, диктуется параметрами входа. Так как его ступенька имеет небольшую глубину от поверхности материка (всего 0,2 м) и относительно пологие края, что, видимо, неслучайно, то здесь стены сруба могли ставиться в непосредственной близости от него или с небольшим отступом. В таком случай, северо-западная стенка должна была быть поставлена минимально на расстоянии 0,9 м, юго-западная – около 0,5 м, что определяется не только размерами входа, но и близостью к постройке 1. Последний размер, совпадающий с «минимальным стандартом», может быть принят и для юго-восточной и северо-восточной стенок (рис. 37).

Постройка 1, несомненно, была центральным объектом в застройке Горнальского городища на заключительном этапе существования, что подтверждается богатым инвентарем (серебряные браслеты, височные кольца, подражание дирхему и другие многочисленные находки). Необычны крупные размеры, а также планировка жилища: котлован прямоугольной формы состоял из двух помещений, одно из которых было отапливаемым, второе – холодным (рис. 38). Неординарность постройки дополняют и другие детали: поперечная «перегородка» из мощных бревен поперек отапливаемой комнаты, а также 6 крупных колоколовидных ям-хранилищ под полом (по три в каждом помещении).

Выявление конструктивных особенностей объекта вызывает большие затруднения. Имеется признак, позволяющий сделать вывод о срубных стенах, поставленных с отступом. Это – печь в материковом останце, занимающая северный угол, а также отсутствие столбовых ямок около котлована. Однако именно в отапливаемой части встречен полный набор ямок, которые стоят на одинаковом расстоянии друг от друга. На чертеже в публикации нет только «замыкающей» ямки в северо-западном углу, где располагалась печь. Однако она имелась, о чем свидетельствуют общие планы, как в публикации (Куза, 1981. Рис. 12), так и в отчете (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 62). Указывает на нее и исследовавшая постройку Г.Ф. Соловьева, которая приводит следующие размеры: диаметр 0,38 м, глубина – 0,26 м (Соловьева, Отчет… 1971. Л. 6). Ситуация, когда столб, явно связанный с конструкцией стен, располагался в материковом останце печи, в пределах исследуемого региона нигде больше не фиксируется.

Таким образом, количество и расположение столбов получается пригодным для возведения каркасно-столбовых стен с закладом из горизонтальных досок или плах. Однако в не отапливаемом и гораздо более просторном помещении фиксируются совершенно иные реконструктивные признаки. Во-первых, форма ямки посередине юго-восточного борта свидетельствует о том, что она, скорее всего, осталась от расколотого пополам бревна, что мало подходит для вырубки вертикального паза. Во-вторых, это помещение не могло иметь каркасно-столбовых стен. Для этого, с одной стороны, явно «не хватает» ямок, а, с другой – в южном углу располагалась большая хозяйственная яма, что исключало возможность установки здесь опорного столба. Следовательно, стены здесь могли быть поставлены только срубные, с отступом от «длинных» сторон, по которым должны были располагаться несущие бревна нижнего венца. В свою очередь, юго-западная стена могла проходить только по краю котлована, о чем свидетельствует «перемычка» между ним и округлой ямой-«входом».

Таким образом, зафиксированные археологически конструктивные признаки вступают, на первый взгляд, в противоречие между собой: северо-восточное помещение имеет признаки каркасно-столбовой конструкции стен, совпадающие с границами котлована, при этом юго-западное могло быть заключено только в сруб, поставленный с отступом. Однако такое сочетание реально представить себе сложно по следующим соображениям. Во-первых, срубная стена большей по размерам холодной комнаты и каркасно-столбовая стена меньшей отапливаемой комнаты тогда не имели бы жесткой связки друг с другом, что вряд ли могло быть, не говоря уже о неоправданной толщине внутренней перегородки. Во-вторых, «внутренняя» стенка сруба приходилась бы на поперечный материковый выступ, а в основание прохода, приходящееся на второй-третий венец, имелась бы «преграда» высотой в 0,6–0,8 м.

Создавшееся противоречие можно «примерить» только одним путем: дом имел общие срубные стены, а каркасно-столбовая конструкция отапливаемого помещение служила только обшивкой стен котлована. В нижнем венце несущими были бревна «длинных» стен (рис. 38). «Короткая» северо-восточная стена дома должна была проходить практически по линии котлована, так как отодвинуть ее было нельзя из-за примыкающей постройки 2 (рис. 27). Судя по всему, по линии котлована проходила и юго-восточная «короткая» стенка, о чем

свидетельствуют уже высказанные соображения о примыкающем «входе». На последнем необходимо остановиться немного подробнее.

В публикации А.В. Куза вслед за Г.Ф. Соловьевой определил углубление у юго-западной стенки котлована постройки как остатки входа, хотя и без какой-либо аргументации. Строго говоря, яма перед входом могла быть не связана с входом. Более того, углубление до 0,6 м препятствовало проникновению внутрь, поэтому нельзя предположить, что его соорудили специально. По своей форме он мало подходит и для хозяйственной ямы. Можно осторожно предположить иной характер происхождения данного углубления. Не исключено, что оно не является входом, а обозначает его. Другими словами, участок перед дверью просто «вытаптывался». К сожалению, графическая документация по постройке отличается крайней скупостью. В частности, отсутствуют стратиграфические разрезы, что делает невозможным выявление дополнительных реконструктивных признаков.

Остальные жилища Горналя у А.В. Кузы располагались «вне пределов» стратиграфии. В частности, постройка 12 находится на участке, где культурный слой отсутствовал. Следует, правда, напомнить, что и некоторые другие объекты также были обнаружены в условиях несформировавшегося слоя (например, только что рассмотренные постройки 1 и 2), поэтому их соотнесение конкретными слоями носит условный характер, что отмечал и сам А.В. Куза.

Постройка 12 была исследована на раскопе 14, который располагался за пределами основной исследованной площади городища. Объект имеет признаки, предполагающие срубную конструкцию стен, поставленных с отступом от котлована (рис. 39: 1). Во-первых, печь в материковом останце примыкала к стенкам котлована. Во-вторых, расположение ямок в котловане таково, что они могли только поддерживать обшивку, не являясь основой стен всего дома. В-третьих, в непосредственно близости от заглубленной части дома нет столбовых ямок, хотя в условиях практически отсутствующего слоя они должны были бы хорошо прослеживаться в материке. В то же время следы планировочных работ не фиксируются, хотя глубина котлована от поверхности материка в восточной части составляла 0,8 м, а в западной – 0,3 м. Вероятнее всего, это объясняется не отсутствием нивелировки площадки, а невозможностью ее проследить в силу расположения объекта сразу под дерном. И косвенные доказательства стратиграфического характера тому имеются. В северном борте западной траншеи, которая пересекает объект, хорошо видно, что в западной части заполнение постройки «выплескивается» через борт котлована на 0,8 см, а верхняя граница даже как бы «врезается» в дерн (Куза, Отчет… 1972–73. Рис. 14). В целом, однако, признаки, позволяющие определить размер отступа, отсутствуют, поэтому условно он определен в минимальные 0,5 м (рис. 39: 1).

Постройка 10 располагалась на селище, в 100 м от городища. Особенностью этого жилища было наличие двух отопительных сооружений: очага и печи (рис. 39: 2). Печь была целиком сложена из глины и конусов. А.В. Куза предполагает, что она, по-видимому, «строилась на деревянном каркасе», следами которого являются три ямки по периметру печи (Куза, 1981. С. 20). С учетом отсутствия ямок обшивка котлована могла быть срубной. Однако тогда выходит, что огонь в очаге горел прямо у стены, что невозможно себе представить. Нельзя также объяснить, как бревна обшивки могли соединяться в северо-восточном углу. Если между северной стенкой котлована и печью имелось небольшое пространство, то зазор в восточной части, судя по всему, отсутствовал. Помимо разреза, где это хорошо видно, на это указывает столбовая ямка, связанная с конструкцией печи, которая находится прямо у борта котлована. С учетом этого печь изначально, уже при строительстве, примыкала к котловану, как и зафиксировано на разрезе (рис. 39: 2). Таким образом, остается только предположить, что конструкция стен была выполнена заклиненными досками, которыми была обшита также и печка, что хорошо согласуется с упомянутыми ямками.

Аргументом в пользу того, что стены дома были срубными и поставлены с отступом, является вход, который явно приходился на угол постройки. Конструктивно он мог быть «вписан» в дом только при отступе сруба на 1 м к западу (рис. 39: 2). Относительно ровная площадка, на которой была возведена постройка, не мешала этому.

Подведем итоги анализу материалов Горналя. Все постройки были заглублены в грунт, при этом ведущим типом обшивки стен котлованов был подпорный. В подавляющем большинстве случаев есть основания предполагать срубную конструкцию стен, которые были поставлены с отступом от котлована. Каркасно-столбовая конструкция была использована жителями Горналя только дважды: один раз – предположительно при возведении стен (постройка 16) и один раз как облицовка котлована (постройка 1).

В представительной серии объектов по планировочным работам устанавливаются не только направления «отступов», но и их абсолютные размеры, хотя в большинстве случаев в пределах определения «больше-меньше». Они варьируют от 0,5 до 1 м (рис. 40), что достаточно близко установленному ранее минимальному стандарту. В свою очередь, это позволяет, хотя бы примерно, рассчитать «реальную» площадь жилища. В случаях, когда какие-либо сведения о размерах отступа отсутствовали, но его существование подтверждалось данными планиграфии и стратиграфии, использовался его «минимальный» предел. Естественно, речь идет только о некоторых ориентирах. Сложно учесть и толщину бревен, которая колебалась от 0,18 до 0,30 м (Гупало, 1981. С. 139; Раппопорт, 1975. С. 120), что также уменьшало внутреннее пространство. Расчеты подобного рода позволяют получить данные, пригодные для сравнительного анализа.

Как следует из таблицы 1 (приложение), площадь домов в основном варьировала от 20 до 30 кв. м, что находит практически полное соответствие в близких по времени материалах как северорусских городов, так и Киева (Гупало, 1981. С.141; Фараджева, 1998. С.72). Использование приема возведения стен с отступом от котлована в среднем увеличивала жилую площадь помещения примерно на 40%.

Домостроительство в свете материалов Горналя

Проверку того, насколько широко выводы о ведущей строительной схеме Горналя распространяются на территорию всего Посемья, лучше всего начать с анализа объектов, расположенных на памятниках с близкими микротопографическими характеристиками. В данном случае несомненный интерес представляет Ратское городище, которое в литературе известно под названиями «Бесединское» или городище у д. Городище (АКР. Ч. 1, 1998. С. 92). Его площадка имеет заметный перепад с севера на юг (на каждые 10 м – 1 м падения), что также неизбежно должно было привести к планировочным работам в случаях возведения срубных стен за пределами котлована. Несмотря на значительную площадь раскопок (672 кв. м) и представительный ряд открытых сооружений, среди которых три имели подпрямоугольную форму, отопительное сооружение было обнаружено только в постройке 5 (Енуков, Отчет… 1990. Л. 25) (рис. 41).

Котлован жилища, ориентированный углами по сторонам света, имел размеры 4 х 3,4 м при глубине 0,3 м. Нижняя часть печи была вырезана в материковом останце, верхняя граница которого совпадала с прилегающей площадкой материка. Задняя стенка топочной части находилась практически на одной линии с северо-восточной стенкой котлована. Верхняя часть печи не сохранилась. Не исключено, что она была долеплена из глины с использованием вальков, один из которых был обнаружен в примыкающей с северо-запада округлой яме, судя по всему, более позднего происхождения.

Обшивку котлована можно установить только предположительно. Она не могла быть каркасно-столбовой. Отсутствует вероятность и срубной конструкции, чему мешала печь в материковом останце. Скорее всего, она была подпорной ослабленного типа. В пользу этого свидетельствует небольшая столбовая ямка в западном углу, а также правильные, почти прямые углы котлована, что, в условиях плотного глинистого грунта материка, давало возможность заклинивания досок или плах.

С учетом типа отопительного сооружения и характера облицовки заглубленной части, а также отсутствия на прилегающей территории столбовых ямок стены дома могли быть возведены только в срубной технике с отступом от котлована. Это подтверждают следы планировочных работ: падение рельефа было искусственно ликвидировано путем подрезки материка к северу и северо-востоку от постройки, в результате чего образовалась ступенька, а глубина котлована оказалась практически одинаковой со всех сторон (рис. 41). Следует отметить, что участок площадки городища был снивелирован сразу для возведения двух объектов: построек 4, не имевшей отопительного сооружения, и 5.

Подрезка материка определяет отступ северо-восточной стены дома от котлована до 0,3 м. С юго-восточной стороны прослежена ступенька входа высотой 15 см. Судя по тому, что глубина котлована небольшая, следует считать, что стена сруба могла подходить к входу вплотную и располагалась на расстоянии около 0,4 м от борта. Остальные ямы, обнаруженные в непосредственной близость к постройке, судя по всему, были асинхронными постройке. В частности, яма 16 относится к древнерусскому времени.

Таким образом, с двух сторон пределы превышения срубом котлована устанавливаются. Попытка «вписать» в получившуюся площадку границы стен неизбежно приводит к выводу о том, что северо-западная стенка должна была совпадать с границей углубленной части жилища, что подтверждает более поздний характер ямы, обнаруженной рядом с печью. В целом обращает на себя внимание тот факт, что при возведении Ратской постройки стены были «подвинуты» к котловану с двух сторон, что в Горнале практически ни разу не отмечалось. В связи с чем это было сделано, объяснить сложно, однако такую «подвижку» позволяли как отличающийся высокой плотностью материк, так и небольшая глубина котлована

Площадка Шуклинского городища также имела заметный уклон, что дает дополнительные возможности для выделения реконструктивных признаков. На памятнике Т.Н. Никольской было исследовано 5 построек. Материалы раскопок опубликованы (Никольская, 1958), однако в самом общем виде, что заставляет использовать научный отчет (Никольская, Отчет… 1952–53). Сразу оговоримся, что в публикации и отчете план городища неправильно ориентирован (рис. 42), что следует иметь в виду, так как в дальнейшем мы будем использовать чертежи исследователя памятника, на которых изменять указанную ориентировку нецелесообразно.

Едва ли не наибольший интерес из числа изученных объектов представляет собой землянка 1 на раскопе 1 (рис. 43). Котлован дома имел правильную прямоугольную форму с размерами север-юг – 2,7 м и запад-восток – 3,6 м. Его глубина «от уровня горизонта», где были зафиксированы границы пятна котлована, составила 0,7–0,8 см (Никольская, 1958. С. 70). По углам, за исключением северо-западного, были столбовые ямки диаметром от 20 до 35 см глубиной 25–40 см. Интересно, что на дне самой крупной и глубокой из них, расположенной в юго-запад-

ном углу, были мелкие камни, на которых стоял глиняный конус из обоженной глины (Никольская, Отчет... 1952–53. Л. 10–11). Две ямки поменьше размерами находились у печки. Нижняя часть отопительного сооружения представляла собой останец из материкового мергеля, «углом, входящий в землянку», верхняя была сложена из глины без деревянного каркаса. Возможно, при этом использовались глиняные конусы, которые в слабообожженном виде были найдены рядом. Устье печи выходило на восток, под возвышался над уровнем пола на 5–7 см.

Облицовка стен котлована, судя по всему, состояла из горизонтальных плах, которые с внутренней стороны подпирались столбиками. Обшивки «в паз» здесь не могло быть, так как расстояние между столбами было достаточно велико и доходило до 2,4–3 м. По этой же причине стены дома не могли представлять собой единой конструкции с облицовкой котлована и должны были возводиться с отступом, что подтверждается и устройством печи на останце. В пользу такой строительной схемы свидетельствует также отсутствие в углу за печью столбовой ямки. В свою очередь, отсутствие столбовых ямок около котлована предполагает срубную технологию возведения стен.

Через землянку 1 проходили две бровки (рис. 43). Если разрез А-Б соответствует плану объекта, то в разрезе В-Г имеется явная ошибка: при совпадении северной границы котлована южная заметно «отодвинулась», в результате чего площадь заглубленной части постройки «увеличилась». В данном случае есть все основания доверять плану. Во-первых, размеры котлована на чертеже отчета совпадают с размерами, приведенными в публикации. Во-вторых, при черчении профилей бровок была использована несколько необычная система. Если по вертикали промеры даны в масштабе 1:10, то по горизонтали – 1:40 (для разреза А-Б) и 1:20 (для разреза В-Г). Видимо, при этом и была допущена ошибка. Тем не менее «относительный» порядок картины в разрезе сохраняется: подсыпка с южной стороны котлована проходит по его краю, ее ширина практически совпадает с планом. Это позволяет использовать приведенные в отчете графические материалы, несмотря на их искажение по горизонтали. Разрезы на рис. 43 приведены к единому масштабу.

Итак, вдоль всех четырех бортов в профилях прослеживаются отсыпки, внутренние границы которых совпадают со стенками котлована. С южной стороны при отсыпке в основном использовался материковый грунт из котлована, поэтому стратиграфическая и планиграфическая ситуация «читается» особенно отчетливо. Здесь отсыпка в разрезе имеет вид почти правильного прямоугольника, немного «осевшего» внутрь котлована. Ее ширина составляет около 1 м при высоте с внешней стороны 0,4 м. Такая картина могла сложиться только в одном случае: с обеих сторон грунт «удерживали» искусственные конструкции. Логично было бы предположить, что зафиксированные отсыпки связаны с нивелировочными работами с целью получения горизонтальной площадки под сруб, как и в достаточно многочисленных случаях, рассмотренных выше. Однако такой трактовке противоречит планиграфия находок, которые образуют скопление, в плане практически точно совпадающее с границами мергелистого грунта, что, в свою очередь, четко фиксирует внутреннее пространство помещения (рис. 43). За его пределами идет «нейтральная» зона без находок, составляющая два и более метров. Исключение составляет только пряслице из мергеля за номером 45.

Из факта совпадения планиграфического распределения и мергелистого грунта можно сделать только один вывод: подсыпки использовались не для нивелировки площадки, а с какой-то иной целью при оформлении уже внутреннего интерьера. Но тогда каким образом устанавливался сруб, если строительная площадка имела наклонную плоскость? Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить одну важную деталь. Реально падание рельефа, отраженное на профилях рис. 43, шло не к западу, а к юго-западу. Другими словами, у сруба мог «повиснуть» только юго-западный угол. И точно на этом месте зафиксирован мощный опорный столб диаметром не менее 45 см, который явно играл роль «стула». С его помощью и был ликвидирован уклон. Отметим, что в целом в пределах раскопов за границами объектов Т.Н. Никольской отмечено очень небольшое количество столбовых ямок. В этой ситуации становится абсолютно понятна и роль мергелистых подсыпок: они заполняли пространство между стенами сруба и обшивкой котлована. Выше уже было отмечено, что последняя не могла быть каркасно-столбовой. Однако заклинить доски подпорной облицовки выше стенок котлована можно было только засыпкой, что и было сделано. В данной ситуации мы столкнулись с ранее неизвестным приемом: при сооружении неглубокого котлована часть его была, по сути дела, «наращена».

Поставленные с отступом стены землянки 1 фиксируются по целому комплексу признаков, причем появляется возможность определить достаточно точно размеры дома: север-юг – 4,3 м, запад-восток – 5,8 м. Соответственно, отступы от стен котлована составили: с запада и востока – около 1,1 м, с юга – 0,8 м, с севера – 0,6 м. Эти размеры укладываются в пределы, ранее определенные на горнальских материалах. Высота «полок-полатей» от уровня пола, судя по южной стороне, составляла 55 см.

Остальные постройки Шуклинского городища были обнаружены в пределах раскопа 2. Землянка 2 (по отчету – №1) имела почти правильную квадратную форму со стороной 3,2 м, хотя западный угол прослеживался нечетко (рис. 44). Границы постройки были прослежены еще на глубине около 30 см, при этом общая глубина котлована составляла 0,75–1 м. Печь располагалась в западном углу. Она была сооружена из обожженной докрасна глины и кера-

мических конусов. Отопительное сооружение возвышалось над полом на 0,3 м и стояло на глиняной «подставке» толщиной 7–10 см. В полу, по углам, около юго-восточной стены обнаружены ямки от столбов, а у середины стен котлована они были сдвоенными.

Конструкцию обшивки стен вряд ли можно расценивать как каркасную «в паз», так как в северном и западном углах они отсутствовали. В этой ситуации она не могла быть несущей. В пользу этого предположения свидетельствует и характер отопительного сооружения. Тот факт, что котлован «прорезал» материк примерно на 0,5 м, однако при этом восточный угол «прослеживался нечетко», дает все основания считать, что реально здесь имелся материковый останец. То, что в ходе исследований было определено как «печь», на самом деле являлось ее развалом, что подтверждается планиграфией: пятно обожженной глины протянулось почти до центра котлована (рис. 44). Такая картина гораздо больше соответствует ситуации рухнувшей верхней части печи, которая завершала конструкцию на материковом останце. Отметим, что яма 18, вероятнее всего, асинхронна постройке, что подтверждает расположенная в ней столбовая ямка 19, связанная с обшивкой котлована. Сочетание отопительного сооружения на останце с «некомплектным» количеством ямок соответствует подпорной облицовке. Что касается двойных ямок у стен, то они, с большой долей вероятности, могут быть связаны со следами ремонта. Обшивка подобного рода может сочетаться только со стенами, поставленными с отступом, которые, судя по отсутствию ямок рядом с котлованом, имели срубную конструкцию. В пользу такого решения свидетельствует и малая площадь котлована. Условно отступ стен от него был определен в 0,5 м.

От землянки 5 (по отчету 4) сохранился котлован размером 3,5 х 2,75 м при глубине с восточной стороны до 0,6 м (рис. 45). Развал печи в виде слоя обоженной глины с золой и углями занимал северо-восточный угол. В юго-восточном углу располагалась хозяйственная яма глубиной 0,34 м от уровня пола, в юго-западном – выступ высотой 0,3 м, который соотносится, по мнению Т.Н. Никольской, со ступенькой входа (Никольская, 1958. С. 73). В профиле бровки под остатками печи отмечено углубление, которое исследователь определила как «подочажную яму» (Никольская, Отчет… 1952–53. Л. 30).

Характер облицовки стен котлована точно определить нельзя. Ясно, однако, что она не могла быть срубной, чему мешали ступенька входа и хозяйственная яма 34, и тем более каркасно-столбовой. По тем же причинам ее нельзя было соорудить только с применением подпорки или расклинивания досок. Вероятнее всего, два последних приема сочетались, причем какие-то участки могли быть вообще без обшивки. Так или иначе, облицовка явно носила облегченный характер и не могла совпадать со стенами, которые неизбежно должны были отступить от котлована, что только подтверждается наличием входа в юго-западном углу котлована и небольшой площадью заглубленной части (9,5 кв. м).

На участке строительства дома наблюдается падение рельефа с запада на восток, составляющий на 3,5 м около 0,35 м. Следов нивелировочных работ с восточной стороны котлована не прослеживается. Следует отметить, что в приведенном в отчете профиле присутствуют малообъяснимый стратиграфический элемент: большую часть дна котлована, как и прилегающие участки, перекрывает предматерик (рис. 45). Так или иначе, целый комплекс признаков указывает на то, что стены могли быть только срубные с отступом. Вполне вероятно, перепад расценивался как некритичный и был исправлен с применением подвалин.

Что касается сооружений, обозначенных Т.Н. Никольской как «землянки 3 и 4», то их соотнесение с жилыми домами проблематично. Так, следы предполагаемого отопительного сооружения «землянки 3» носят крайне неясный характер, а его расположение в центре возможного помещения не соответствует интерьеру роменского дома (рис. 44). С «землянкой 4» связано несколько неправильной формы ям и скоплений обожженной глины, одно из которых трактуется как «очаг» (Никольская, 1958. Рис. 21). Кстати аналогичный «очаг» примыкает и «к землянке 3». Вероятнее всего, в обоих случаях мы имеем дела с участками поселка, на которых располагались «летние кухни». По мере разрушения временных печей возводились новые, причем места их сооружения несколько смещались, что и объясняет наличие в объектах нескольких скоплений обожженной глины.

На Липинском городище было исследовано в общей сложности 8 построек, из них 5 – П.И. Засурцевым (1951 г.) и 3 – автором (1997–98 гг.) (рис. 46). Кроме того, Р.Л. Розенфельдтом (1947 г.) и П.И. Засурцевым (1951 г.) были обнаружены остатки еще двух построек (Воеводский, 1949. С. 75; Засурцев, Отчет… 1951. Л. 28–30). П.И. Засурцев охарактеризовал раскопанные им дома как землянки, у которых облицовка стен из нетолстых плах или досок поддерживалась столбами. В четырех постройках из пяти помимо печи в котловане имелось еще по одному развалу отопительных сооружений, которые находились выше. Исследователь предположил, что они связаны с более поздними постройками, имевшими срубные стены (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 52–53).

П.И. Засурцев и Н.К. Лисицына опубликовали материалы раскопок в кратком виде, что делает необходимым обращение к полевому отчету. Сразу оговоримся, что при работе с отчетной документацией имелись определенные сложности, порожденные способом подачи графики. Чертежи были представлены в виде сильно уменьшенных фотографий, что в некоторых случаях привело к их плохой «читаемости». В ре-

зультате на приведенных нами профилях изредка отсутствуют условные обозначения прослоек. Кроме того, абсолютные размеры, указанные в публикации, иногда отличаются от чертежей, содержащихся в научном отчете. Ввиду того что в полевой документации профили и планы, как правило, «сходятся», в дальнейшем будут указываться данные отчета.

П.И. Засурцев при исследованиях городища выделил 3 слоя. Слой 1 толщиной 0,5–0,6 м состоял из темно-серого грунта и был отнесен к «великокняжескому времени». Слой 2, аналогичный по толщине, был более светлым и содержал примесь золы. Он был определен как «роменско-боршевский». Именно с ним было связано подавляющее большинство объектов, в том числе и все постройки. Слой 3 был «очень темного, местами черного цвета» (по отчету – коричневого), соотносится с юхновской и скифской культурами (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 47). Материк представлял собой песок, местами сохранились участки предматерика.

Исследования 1997–1998 гг. дали практически идентичную стратиграфическую картину, которая, правда, имела некоторые хронологические уточнения. Со слоем 1 (по П.И. Засурцеву) оказались связаны очень немногочисленные хозяйственные ямы и в целом он датирован XII–XIII вв. К слою 2 относятся большинство объектов, среди которых были все постройки. Слой 3 сохранился плохо.

Рассмотрим материалы из раскопок П.И. Засурцева. От жилища А (яма 15) сохранился котлован почти правильной прямоугольной формы, который имел размеры: северо-запад – юго-восток – 4,8 м, северо-запад – юго-восток – 4,4 м (рис. 47). Глубина котлована по разрезам, приведенным в отчете, составляет около 1,2 м.

В котловане у стенок по центру, а также в южном углу имелись столбовые ямки. С учетом их отсутствия в северном и западном углах (восточный остался за пределами раскопа) они могли соответствовать только стойкам, которые удерживали обшивку котлована. Следовательно, стены должны были быть поставлены с отступом. Это подтверждает и отопительное сооружение, обозначенное нами как печь 2. На общем плане публикации она изображена стоящей на определенном расстоянии от стены котлована (Засурцев, Лисицына, 1968. Рис. 1). В отчете печь 2 описывается как развал, «состоящий из кусков обожженной глины, среди которых имелись куски… конусов» (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 39). Графическая документация (план и разрез II-II) позволяют считать, что основой печи был материковый останец высотой около 0,5 м, примыкавший вплотную к стенкам котлована, и только верхняя часть была возведена из глины с конусами. Отметим, что еще один развал печи (обозначена как печь 1), но уже в северо-восточной части сооружения «висел в заполнении» котлована (рис. 47).

В непосредственной близости от заглубленной части дома отсутствуют столбовые ямки, которые можно было бы интерпретировать как опоры столбовой конструкции. Таким образом, стены должны были быть возведены в срубной технике. В связи с этим еще раз необходимо вернуться к одному из количественных параметров котлована – глубине. По разрезам в отчете она составляла 1,2 м. Однако в профиле восточного борта раскопа, к которому непосредственно подходит разрез I–I, глубина котлована составляет 0,7–0,8 м (рис. 47), что совершенно, на первый взгляд, непонятно. Объяснение такой «нестыковки» профиля и разреза может быть только одно. Именно к востоку от жилища наблюдается падение рельефа, что при возведении сруба требовало нивелировки прилегающей площадки. И следы такой подсыпки из глины с золой как раз фиксируются в профилях восточного и южного (в квадрате линии 16) бортов раскопа. Отметим, что это – не выброс из ямы, так как материк представлял собой песок. Подсыпка немного «не дотягивает» до нужного уровня. Вероятно, реально она была выше, однако ее верхняя часть состояла уже в основном не из глинистого грунта, а из культурного слоя. Это подтверждает прослойка глины в восточном борте, которая явно связана с развалом печи 1 и фиксирует глубину котлована уже как минимум на уровне 0,9 м. Величина отступа стен в данном случае может быть определена условно исходя из «минимального стандарта» в 0,5 м.

Теоретически к конструкции дома могла иметь отношение яма, которая с северо-востока примыкала котловану. Ее дно было на 0,2 м выше уровня «пола» постройки. По мере удаления от объекта она расширялась. П.И Засурцев предположил, что это вход в жилище (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 39). С этим, однако, сложно согласиться ввиду не имеющей аналогов формы ямы в плане. Вероятнее всего, здесь речь должна идти о другом объекте, причем, судя по профилю восточного борта, несколько более позднем.

Котлован жилища Б имел подквадратную в плане форму с размерами 4,9 х 4,9 м при глубине 1–1,1 м (рис. 48: 1). Печь 1 представляла собой развал, который «висел» в заполнении. Печь 2 вплотную примыкала к стенкам северо-восточного угла. Ее основу составлял материковый останец, верхняя часть была сконструирована из белой глины с использованием глинных конусов, что свидетельствует о вероятном отступе стен дома. Еще одним аргументом в пользу такого варианта является оформление обшивки стен. От нее осталось три столбовых ямки, что никак не может соотноситься с несущей каркасной конструкцией. Судя по всему, это следы «облегченной» подпорной облицовки. Ямки, расположенные в печном останце, в данном случае ничего не меняют, так как, во-первых, они расположены в непосредственной близости друг от друга (на расстоянии 0,2–0,7 м) и не могли являться стойками стен, а, во-вторых, ни одна из них по сво-

ему местоположению не совпадает с возможным углом дома. В целом интерпретация ямок затруднена. Они (или некоторые из них) могут быть связаны с конструкцией печи, что наиболее вероятно, или с обшивкой «полки» за печкой.

Столбовые ямки за пределами котлована есть, однако в их расположении не прослеживается никакой системы (рис. 46). Стены дома в такой ситуации могли быть только срубными. Это подтверждается и профилем А-Б. С внешней стороны северной стенки котлована фиксируется «ступенька» шириной 0,6 м, которую перекрывают золистые прослойки, составлявшие свиту заполнения объекта (рис. 48: 1). С остальных сторон отступ был условно определен в 0,5 м.

Котлован жилища В имел не совсем правильную подквадратную форму с размерами запад-восток – 4,2 м, север-юг – 4,3 м при глубине 1,2 м (рис. 48: 2). С восточной стороны, по мнению П.И. Засурцева, располагался вход (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 48), который был на 0,5 м выше дна котлована. Следует оговориться, что форма ступеньки входа была несколько необычной, сегментовидной в плане. Так как материк в Липино представлял собой песок, не совсем понятно, как вырезанный уступ не обрушился. На наш взгляд, это может быть следствием наложения разновременных объектов, на что, собственно, косвенно указывает и сам исследователь, сообщая, что с восточной стороны жилища «перекрещиваются несколько ям», которые уходят в стену раскопа (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 48).

Характер облицовки никаких сомнений не вызывает, так как часть ее в виде обгоревшего дерева сохранилась в северо-западном углу постройки. Стенки котлована были обшиты досками, которые прижимались «неполным» набором столбиков. По мнению П.И. Засурцева, три доски, встреченные в южной части, также служили обшивкой стен, которая обрушилась (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 48), хотя позднее, в публикации, он связывал их с остатками пола (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 52), что, на наш взгляд, логичнее. Таким образом, мы имеем дело с классическим случаем «облегченной» облицовки котлована, которая может соотноситься только со стенами, поставленными с отступом. Столбовые ямки, встреченные рядом с котлованом, не имеют сколько-нибудь регулярного расположения (рис. 46), поэтому стены дома должны были быть срубными. Это подтверждает и конструкция печи 2, нижняя часть которой представляла собой материковый останец, занимавший весь северо-восточный угол, а верхняя была вылеплена из глины. Отметим, что в верхней части заполнения был зафиксирован развал печи 1.

Жилище Г частично уходит за пределы раскопа (рис. 49: 1). Кроме того, ее перекрывает плохо сохранившаяся постройка, которую П.И. Засурцев специально не выделял. Она была означена нами как жилище Е. По линии северо-восток – юго-запад котлован сооружения имел ширину 4 м при глубине 0,75 м. С юго-востока к котловану примыкал объект, прорезавший жилище и явно с ним не связанный. Печь жилища вошла в раскоп не полностью, однако по представленному в отчете разрезу и профилю северного борта можно полагать, что конструктивно она не отличалась от объектов, описанных выше: нижняя часть ее состояла из материкового останца, верхняя была вылеплена из глины. С учетом материковой основы, а также того факта, что практически все исследованные в Липино котлованы построек имели подквадратную форму, можно с достаточной долей уверенности полагать, что северо-восточная стенка котлована подходила к границе раскопа. Из этого следует, что печь стояла вплотную к стенкам. Такое расположение отопительного сооружения вкупе с единственной столбовой ямкой, что предполагает облегченный характер подпорной облицовки, приводит к выводу об отступе стен от котлована. В свою очередь, отсутствие столбовых ямок в непосредственной близости от сооружения (рис. 46) свидетельствует о срубном характере их конструкции.

Параллельно жилищу Г, в 1 м от него, располагалось жилище Д (рис. 46; 49: 2). В принципе, этого расстояния вполне достаточно для того, чтобы поставить стены дома с отступом. Однако есть основания полагать, что постройка Г была более ранней. Как отмечалось выше, П.И. Засурцев в публикации указал, что все жилища прослеживались с поверхности пятого пласта (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 52), что не соответствует данным отчета. Если четкие границы жилища Д проявляются в пласте 5, а верхняя часть заполнения объекта – даже в пласте 4, то контуры жилища Г – значительно ниже, только в пласте 7. Вероятнее всего, оно было возведено в более раннее время.

Котлован жилища Д имел подпрямоугольную форму (рис. 49: 2). Его параметры правильнее будет дать по дну и с учетом столбовых ямок, так как северно-западная и отчасти юго-западная стенки были довольно пологими. Таким образом, его размеры составили: юго-запад – северо-восток – 4,5 м, северо-запад – юго-восток – 4,2 м. В западной половине дна котлована было небольшое, около 0,25 м углубление неправильной формы, что может соотноситься с небольшой хозяйственной ямой под полом.

Глубина котлована по профилю А-Б, разрезу I-I и южной части разреза II-II – 1–1,15 м. Однако в северной части разреза II-II она, совершенно неожиданно, достигает 1,75 м (рис. 49: 2), что в роменских постройках нигде больше не наблюдается и требует специальной оценки ситуации. Четкие границы всей постройки Д проявляются на уровне пласта 5, то есть перепад не фиксируется. По нивелировочным отметкам на генеральном плане разница между уровнем материка и дном котлована составляла не более 0,6 м. Не отмечен существенный перепад высот стенок и на фотографиях отчета. Вы-

вод из приведенных фактов может быть только один: налицо явная ошибка в графической документации.

В заполнении постройки, как отмечает автор исследований, «наблюдается многослойность» (Засурцев, Отчет… 1951. Л. 46). На уровне пласта 4 в окружении этих прослоек открылся крупный развал печи 1 из кусков белой обожженной глины, который находился над юго-восточным углом котлована. Следует отметить, что для многих построек городища и селища в Липино, причем как роменских, так и древнерусских, характерно использование для сооружения печей именно белой глины, которая в непосредственной близости к комплексу не встречается и явно доставлялась откуда-то специально. Вторая печь находилась в северном углу котлована и конструктивно не отличалась от предшествующих: останец, занимавший весь угол, на котором была глинобитная верхняя часть. Обшивка, от которой сохранилось 4 столбовых ямки, располагавшихся по углам котлована и с двух сторон печи, явно имела «облегченный» характер: 3 из 4 ямок были малы диаметром. Перечисленные признаки, а также отсутствие следов возможных опор каркасной конструкции рядом с котлованом, свидетельствуют в пользу срубного характера стен дома, возведенных с отступом от заглубленной части.

Отопительное сооружение, заметно отличающееся от остальных построек, исследованных П.И. Засурцевым, было встречено в плохо сохранившемся жилище Е, которое перекрывало жилища Г и Д, что свидетельствует о его более позднем характере. Пол сооружения фиксировался только по уплотненному грунту и небольшому участку стенки котлована в западном борте раскопа (профили на рис. 49). Полный разрез отопительного сооружения был получен в профиле А-Б (рис. 49). В плане печь имела подквадратную форму. Данных для реконструкции жилища Е очень мало. Можно только полагать, что оно, как и все ранее рассмотренные объекты, имело заглубленную часть. Интересно, что в заполнении сооружения на высоте 0,5–0,8 м от уровня пола прослеживалась обширная прослойка обожженной глины, которая, вполне вероятно, как и в большинстве исследованных П.И. Засурцевым объектов, соответствовала развалу рухнувшей печи второго этажа.

Печь постройки Е была исследована как в плане, так и в разрезе, что позволило П.И. Засурцеву предложить ее реконструкцию (рис. 50: 2). Она оказалась очень близкой отопительному сооружению, изученному Р.Л. Розенфельдтом в 1947 г. шурфом 1, которое отличалось только более округлой в плане формой (рис. 50: 1). В обоих случаях верхние части были оформлены в виде жаровни с бортиками. К сожалению, шурфом был изучен только небольшой участок жилища, с которым была связана находка печи. Она стояла прямо на полу жилища, которое было зафиксировано в виде тонкой прослойки песка на глубине 1,5 м (Розенфельдт, Отчет… 1948. Л. 77). Границы постройки не прослежены. Только за печью, на расстоянии 0,3 м от нее, был обнаружен участок стенки котлована, возвышавшейся над полом на 0,3 – 0,35 м (Розенфельдт, Отчет… 1948. Л. 79). Таким образом, данных для реконструкции постройки слишком мало. Хронология сооружения небесспорна. Исследователь отмечает, что на поверхности пода было найдено несколько черепков «от сосуда с линейным орнаментом, изготовленного на ручном круге (XI–XIII вв.)» (Розенфельдт, Отчет… 1948. Л. 79). Однако правленая керамика в роменских объектах хорошо известна. Кроме того, в отчете отмечено, что в нижних «горизонтах» 7–8 круговой керамики очень мало. Залегание объекта на значительной глубине также свидетельствует в пользу его роменской принадлежности. Таким образом, постройку можно суммарно датировать IX–X вв.

Подводя краткие итоги раскопкам в Липино в сер. XX в., отметим, что основные строительные решения его населения находились в русле ранее отмеченных традиций. Единственное отличие заключается в том, что с большинством объектов связаны находки «вторых» печей, к чему мы позднее еще вернемся. Рассмотрим, как соотносятся эти результаты с материалами, полученными в 1997–98 гг. Верхние части заполнений всех трех объектов в той или иной мере пострадали от погребений, совершенных в XIII в. Тем не менее в жилищах прослеживались комплексы черт, важных для воссоздания их общего облика.

Котлован жилой постройки, обозначенный как яма 100, имел практически правильную квадратную в плане форму со сторонами по 4,2 м при глубине 0,7–0,8 м (рис. 51). Пол был глинобитным. Он три раза заливался жидким суглинком и трамбовался по мере его высыхания. В среднюю прослойку пола были вмазаны фрагменты керамики роменского времени. Общая толщина «заливок» достигает 13–16 см. В южном углу постройки, на «заливке», размещалась глинобитная печь, которая имела следы ремонта. Первоначально поверх плотно сбитой глиняной подушки толщиной 20 см был вылеплен свод, перекрывавший под, имевший размеры с севера на юг 84 см, с запада на восток – не менее 76 см. В под были вмазаны мелкие известняковые камешки. Позднее в процессе ремонта западная сторона печи была срезана до уровня пола постройки, чем было сформировано основание новой конструкции (север-юг – 114 см, запад-восток – 86 см). В нижней части заполнения печи находилась прослойка из мелких древесных угольков, которая перекрывалась завалом из кусков обожженной глины и глиняных вальков.

Почти полный комплект столбиков и печь, возведенная с отрывом от стен, предполагает вероятную каркасную конструкцию облицовки котлована, составлявшей единое целое со стенами дома. Ввиду того, что постройку уничтожил сильный пожар, в объекте сохранились следы дерева. Стенки котлована укреплялись лежащими горизонтально «на ребре» плахами,

которые частично сохранились. Их толщина колебалась в пределах 4–5 см при ширине не более 15 см. В то же время по остаткам дерева не удалось точно установить, была ли обшивка каркасно-столбовой или подпорной. Несколько «утопленные» столбы в южном и восточном углах котлована предполагают вероятное использование первого из них. В то же время юго-восточная стенка, вполне вероятно, имела подпорную конструкцию. Не вызывает сомнений тот факт, что прочности обшивки котлована строители уделили заметное внимание, и в данном случае ни о какой неаккуратности не могло идти и речи.

Были прослежены и остатки стен дома, что позволяет с полной уверенностью сделать вывод об их срубной конструкции. В верхней части заполнения постройки на значительных участках параллельно границам котлована отмечались отпечатки обгоревших бревен нижнего венца сруба шириной до 20 см. Планиграфически они совпадали со ступенькой-уступом шириной 25–30 см.

С учетом толщины бревен облицовка котлована из плах и внутренняя сторона сруба составляли практически единую вертикальную плоскость. Сложно себе представить, что столбы облицовки первого этажа не использовались и стояли в виде «пеньков», тем более что их диаметр доходил до 30–35 см. Судя по всему, они служили опорами лавок. В профилях хорошо видно, что с юго-западной и юго-восточной сторон ступеньки по краям котлована были двойными: верхняя часть, где и прослеживались следы бревен, была полукруглой, нижняя имела горизонтальную плоскость. Такая картина могла получиться в случае, если под нижний венец сруба был заведен край лавки. Южный угол был занят печью, которая располагалась на некотором расстоянии от деревянных стен.

Стратиграфический анализ заполнения позволяет предполагать, что постройка имела два отапливаемых этажа. Выделяется три основных массива напластований, под которыми находился глинобитный пол (рис. 51). Заполнение первого этажа состояло из грунта с включениями угольков (слой 3). У стен котлована его подстилали клиновидные в разрезе прослойки супеси практически без находок, представлявшие собой «просочившийся» при разрушении облицовки грунт. Подобная картина прослеживалась практически во всех сооружениях Липина как на городище, так и на поселении. Слой 2 в основе своей имел супесь с примесью угольков и гумусированных включений. По нижней его границе отмечены концентрации углей, которые в ряде случаев превращались в сплошную горелую прослойку. В целом этот стратиграфический элемент следует трактовать как остатки потолочных перекрытий. В профилях отчетливо прослеживалось, что он превышал пределы котлована. Маркерами для выделения слоя 1 главным образом были крупные скопления обожженной глины с кусками пода, которые соответствуют рухнувшей со второго этажа печи. Следует отметить, что глина первоначально образовывала монолитное скопление, однако верхняя часть заполнения постройки была прорезана древнерусскими погребениями 13, 15 и 17. По верхней границе слоя 1 проходила интенсивная горелая прослойка, соответствующая кровле дома.

Становится понятной и несколько необычное расположение ямки В, которая соответствовала мощному, диаметром 0,4 м, столбу. Судя по всему, это была опора под печь второго этажа, чем и объясняется ее смещение к центру помещения. Подобная система установки отопительного сооружения (укрепление подпорным столбом или перерубом нижнего этажа) прослежена в постройках древнерусского времени (Спегальский, 1972. С. 113).

Яма с северо-восточной стороны, похожая на вход, им не являлась, так как она перекрывалась стеной сруба. Ее трактовка затруднена из-за значительных повреждений напластований над ней древнерусским погребением. Вполне вероятно, здесь располагалась полочка-ниша. Ее устройство не вызывало затруднений с учетом расположенных по бокам стоек из бревен. Вход в помещение нижнего уровня предположительно мог располагаться с южной стороны, так как с восточной стороны, почти вплотную к постройке, был сооружен еще один дом (яма 46).

Еще одна постройка (яма 46), практически примыкавшая своим северо–западным углом к рассмотренному жилищу (яма 100), имела, судя по всему, очень близкую конструктивную схему (рис. 52). Большая часть ямок была «утоплена» в стенки котлована, а сами опоры были мощными, диаметр некоторых из них превышал 0,5 м. Отдельные фрагменты обшивки в виде следов горелых плах толщиной 3,5–4 см при ширине 10–12 см сохранилась на высоту до 0,7 м. В то же время, как и в предыдущем случае, по следам дерева нельзя точно определить, были ли плахи прижаты стояками или забирались в паз. Последняя схема практически наверняка использовалась при закреплении стенок котлована с юго-западной и северо-западной сторон, вполне вероятно, и с северо-восточной стороны. Некоторые сомнения вызывает ямка Е: судя по всему, она подпирала участок перекрытий с печью второго этажа и с каркасной конструкцией могла быть не связана. Закрепление же в паз досок по юго-восточной стенке длинной более 3,5 м выглядит малореально: здесь скорее использовалась подпорная конструкция. В любом случае, как и в яме 100, укреплению стенок было уделено особое внимание.

Рыхлый песок материка предполагал какое-то покрытие дна котлована. С этой целью центральная, чуть более углубленная, часть пола была на толщину до 0,12 м плотно забутована обломками обожженных глиняных печных блоков с суглинком. Блоки, похоже, являлись остатком или браком после изготовления печи. Затем по всей площади дна котлована была произведена заливка и трамбовка пола, чему соответствовали 6 тонких суглинистых прослоек, каждая из которых укладывалась в жидком виде, после чего, по мере просыхания, тщательно трамбовалась.

Глинобитная полусферическая печь, в основании которой была прослойка черного грунта толщиной 2–3 см, размещалась на расстоянии около 0,3 м от стен, что делает возможным интерпретацию обшивки котлована и стен дома как единого целого. Однако, как и в предыдущем случае, котлован имел сложную форму со ступенькой в верхней части, оставшейся от нижнего венца. В профилях хорошо читаются отступы, которые с северо-восточной стороны достигали 0,2–0,4 м, с северо-западной – 0,3–0,4 м (рис. 52). С юго-восточной стороны стена сруба должна была проходить очень близко к границе котлована, так рядом располагалась яма 100. Здесь ступенька не прослеживалась, что вполне понятно: в этом направлении шло падение рельефа. В этой части отступ был условно определен в 0,5 м.

Заполнение котлована расчленяется на три массива. В основании залегали слои 6 и 7, связанные с первым этажом (рис. 52). Прослойка 5 соответствовала межэтажным перекрытиям, 3 и 4 – второму этажу. Между последними располагался развал печи. Прослойка 2, содержавшая заметную примесь углей, соотносится с рухнувшей кровлей, которую перекрывал затек культурного слоя 1, образовавшийся после разрушения жилища.

Две рассмотренные постройки смыкались своими углами, что ставит вопрос об их синхронности. В целом на славянских памятниках, в том числе и роменской культуры, близкорасположенные жилища встречаются нередко, и такие ситуации уже рассматривались. В частности, практически аналогичная планиграфическая картина была проанализирована в Горнале, где постройки 3 и 7 также почти соприкасались углами (рис. 27). Особенно важно отметить, что горнальская постройка 3 и липинская яма 46 имели общие и мало распространенные черты: в обоих случаях использовались мощные опорные столбы, врезанные в стенки котлована. Таким образом, «слитному» расположению домов сопутствовала заметно усиленная обшивка котлованов. Видимо, такая схема использовалась в конкретных ситуациях, когда жилища по каким-то причинам необходимо было поставить только вплотную друг к другу.

Стратиграфически постройка, обозначенная как яма 6, более поздняя по сравнению с ямой 46 (рис. 52, профиль III-III). Котлован имел квадратную форму со стороной 4,4 м при глубине 0,65–0,7 м (рис. 53). Печь, стоящая с отступом от стен прямо на дне, обмазанном жидкой глиной, была глинобитной. При ее возведении использовались конусы и веретенообразные блоки. Верхняя часть свода была как бы «армирована» брусом 10 х 8 см, от которого сохранился древесный тлен.

Облицовка котлована по формальным признакам выполнена с применением подпорной конструкции, однако имеющей специфические черты, ранее не отмечавшиеся. Стены были сложены из горизонтально расположенных подтесанных бревен, которые были прижаты стойками. От бревен вдоль трех стен сохранились канавки шириной 16–18 см, заполненные грунтом с сильной примесью древесного тлена. Вертикальные опоры стояли посередине сторон, причем ямки Б и З отличались заметно большими размерами, а последняя была еще и двойной, что, вероятно, отражает следы ремонта.

Как и в предшествующих случаях, в верхней части котлована, по его краям, имелись ступеньки, зафиксированные с трех более высоких сторон. С северо-запада и северо-востока их ширина составляла около 0,2 м, с юго-запада около 0,3 м. В данном случае мы пренебрегли размерами «ступеньки» в западной части профиля II-II, так как здесь располагалась ямка 88, что могло привести к искажению реальной картины. За основу были взяты размеры, зафиксированные в добавочном профиле I-I по линии север-юг. Таким образом, границы стен дома, несколько превышающие размеры котлована, достаточно хорошо фиксируются. С юго-восточной стороны размер отступа стен стратиграфически не прослеживался, однако, судя по верхней границе пятна постройки, выявленном в пласте 4, он был также близок к 0,2–0,3 м.

По линии выявленных границ стен дома идет целый ряд ямок (№№ 93, 83, 59, 87, 88), отличающихся правильной круглой формой и близкими размерами: при диаметре 25–30 см они все имеют глубину 40–50 см. В их ряду занимает свое место и яма Ж. Это говорит о том, что они готовились одновременно и явно связаны с конструкцией стен, которая, однако, не могла быть каркасно-столбовой. Против этого свидетельствуют, с одной стороны, их «нерегулярность» и «некомплектность», а, с другой – их явное тяготение к западной части дома. В данном случае, объяснение может быть только одно: стены дома, как и в предыдущих случаях, были срубными, а строители, по каким-то причинам, укрепили восточный угол дома «сваями-стульями». Не исключено, что опора была и под восточным углом (ямка 92, вошедшая в раскоп частично).

Стратиграфия объекта позволяет предположить, что яма 6 также представляет собой остатки двухэтажного дома. Нижняя часть (слои 3–5) соответствовала первому этажу (рис. 53). Необычен слой 3, который соотносится с потолочными перекрытиями. Он несет следы сильного пожара, при этом верхняя его граница выстлана двухсантиметровой прослойкой чешуи небольших рыб, среди которых встречаются кости. Выше залегает слой 2, который в плане определяет внешние границы постройки. В нем встречено несколько линзовидных прослоек обожженной глины, а также глиняные блоки, которые соотносятся с рухнувшей со второго этажа печью. Интересно, что в слое была заметна примесь обломков керамики раннего железного века, что, вероятнее всего, можно объяснить тем, что в него попала потолочная засыпка. Таким образом, в постройке имеются археологические признаки чердачного помещения.

Слой 2 перекрывался отчетливо выраженной прослойкой древесного тлена, выше которой начинался слой 1, относящийся уже к древнерусскому времени. В принципе, остатки древесного тлена могут быть соотнесены с активной строительной деятельностью, которая зафиксирована на городище в кон. XI – нач. XII вв. Однако тот факт, что слой планиграфически хорошо укладывается в пределы границ слоя 2, скорее свидетельствует в пользу того, что это – остатки кровли дома.

Таким образом, все три исследованные в 1997–1998 гг. липинские постройки дают новый вариант конструктивной схемы, ранее не отмечавшийся. Стены котлована возводились в срубной технике, однако с небольшим отступом, меньше ранее определенного в качестве минимального. Строительство сруба, опиравшегося на края котлована, становилось возможным только по причине заметного усиления облицовки котлована. Во всех случаях были обнаружены развалы печей, связанные со вторыми этажами, при этом стратиграфическая картина была «чистой», не допускающей предположений о случайном попадании печных развалов в заполнение.

В ходе раскопок на Горе Ивана Рыльского исследовано 3 постройки конца I тысячелетия н. э. Все жилища соотносятся со слоем V роменского времени толщиной 1,2–1,7 м, представлявшего собой черный плотный суглинок с многочисленными прослойками**** . Жилище 1 было исследовано раскопками 1985, 1986 и 1992 гг. (Фролов, Отчет… 1985. Л. 24–26; Отчет… 1986. Л. 13–16; Отчет… 1992. Л. 10–11). Котлован почти квадратной формы 3,2 х 3,4 м при максимальной глубине 0,6 м располагался в нижней части слоя V, прорезая слой VI с отложениями волынцевского времени, что позволяет отнести сооружение постройки к относительно раннему периоду (рис. 54). По профилю в западной стенке имелся небольшой уступ, однако в плане он отсутствует. В любом случае, он не мог служить опорой для нижнего венца бревен в силу своей незначительной высоты. Вероятнее всего, это – след «неаккуратного» сооружения котлована, который, кроме того, был поврежден древнерусскими ямами 11 и 25. Пол представлял собой плотно утрамбованную серую глину, на которой имелись следы «выстилки» из желтой обожженной глины. В юго-западном углу прослеживались горелые прослойки, которые, вероятнее всего, связаны с рухнувшей обшивкой. В северо-западной части располагалась яма 31 хозяйственного характера глубиной около 0,3 м. Подквадратная в плане печь была глинобитной, устьем обращенная к западу. Под на 4 см превышал уровень пола. В заполнении постройки были встречены глиняные вальки, связанные, видимо, с отопительным сооружением.

Обшивка котлована в виде тонких досок и углового столбика сохранилась только в северо-восточном углу, по бокам печи. Еще одна ямка располагалась рядом, в массиве отопительного сооружения. В юго-западном углу отмечены углистые прослойки, которые, видимо, соотносятся с рухнувшей облицовкой. Такого рода остатки свидетельствуют о подпорной облицовке котлована. В связи с этим, а также отсутствием столбовых ямок рядом с котлованом, основная конструкция могла быть только срубной. В заполнении имелись прослойки из обожженной глины, однако они не образовывали сколько-нибудь заметных прослоек, что не дает оснований предполагать существование второго этажа. В пользу этого свидетельствует и очень простая стратиграфия заполнения. Размер отступа стен дома от границ котлована в этой ситуации можно условно определить в 0,5 м.

Жилище 2 было изучено в ходе раскопок 1990–1991 гг., однако южная его часть осталась неисследованной (Фролов, Отчет… 1990. Л. 19–22; Отчет… 1991. Л. 11) (рис. 55). Объект чрезвычайно интересен в силу того, что в нем выделяется два строительных периода, при этом есть все основания полагать, что хронологический разрыв между ними отсутствовал, а размеры котлована в плане, составлявшие 3,7 х 4 м, практически не изменились. Уровень верхней границы котлована фиксируется по следам нивелировки грунта в юго-западной части сооружения (рис. 55, северный фас, кв. Б-4, и восточный фас, кв. Б-3), а также по «ступеньке» в северной стенке (западный фас кв. А-3). Соответственно, глубина котлована периода 1 составляла 1,2–1,27 м.

Пол жилища периода 1 представлял собой прослойку светло-коричневой плотной глины толщиной 1–2 см. В северной части котлована располагалась колоколовидная в сечении хозяйственная яма. Рядом с ней отмечена несколько необычная конструкция в виде глинистой площадки, внешние края которой имели следы обжига. Вокруг нее шли столбовые ямки диаметром 3–7 см и глубиной до 20 см, которые образовывали фигуру, близкую прямоугольнику. Печь занимала юго-западный угол. Она была исследована не полностью, однако представление о ее конструкции дает профиль. Печь располагалась в 30 см от западной стены котлована и была сделана из глины с использованием вальков. Она находилась в яме глубиной около 15 см, края которой были укреплены вертикально поставленными досками. В печи прослеживались какие-то конструкции из колышков. Ямки от колышков были и вокруг отопительного сооружения. Под печи находился практически на уровне пола, устье ориентировано на север.

Вдоль западной и северной стен котлована хорошо сохранилась обшивка подпорной конструкции, в которой были использованы доски толщиной до 4 см при ширине до 32 см. При таком оформлении, а также ввиду отсутствия столбовых ям вокруг котлована, стены дома могли быть только в виде сруба, поставленного с отступом, величина которого фиксируется по отмеченной «ступеньке» и составляет около 40 см.

**** Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность автору исследований М.В. Фролову за возможность использовать неопубликованные материалы.

Периоду 2 в существовании жилища соответствует подсыпка толщиной 40 см. Понижение рельефа с юго-западной стороны сооружения было выровнено подсыпкой из культурного слоя, в результате чего глубина нового котлована составила около 120 см, что практически идентично предыдущему периоду. Пол представлял собой тонкую (1–2 см) прослойку плотно утрамбованной и слегка обожженной глины. Для возведения глинобитного отопительного сооружения опять была выкопана яма глубиной 15 см. По мнению М.В. Фролова, печь была двухкамерной и могла использоваться для обжига керамики.

Обшивка стен котлована сохранилась на высоту 10–20 см и была выполнена из досок, имевших размеры, аналогичные элементам обшивки периода 1, при этом следы столбов отсутствовали. Это заставляет предположить, что облицовка была сделана с использованием приема заклинивания. Отсюда следует вывод о том, что стены дома могли быть только срубными, возведенными с отступом от котлована, что подтверждается и отмеченными следами нивелировки на участке, примыкающем к юго-западной части котлована.

Не исключено, что жилище 2 является одним из самых ранних в рассматриваемых материалах. В его заполнении была встречена волынцевская круговая керамика. В принципе, ее присутствие может быть объяснено тем, что котлован прорезал слой, связанный с волынцевскими древностями. Однако на возможную раннюю дату указывают и радиоуглеродные анализы печей двух периодов, которые фиксируют возраст соответственно в 1320 и 1290 лет (Фролов, 1994. С. 305).

Жилище 3 было исследовано полностью в ходе раскопок 1992–1993 гг. (Фролов, Отчет... 1992. Л. 15–16; Отчет... 1993. Л. 11–13). Котлован имел прямоугольную форму 3,8 х 3,7 м при глубине до 1,1 м (рис. 56). Пол представлял собой плотно утрамбованную черную глину толщиной до 2,5 см. В западной половине постройки размещалась хозяйственная яма 33, к которой примыкал вход в виде ступеньки (яма 34). Южнее отмечено скопление ямок от кольев глубиной 4–6 см, которые были связаны с какой-то деталью интерьера.

М.В. Фролов предполагает, что ямы 19 и 32 представляли собой остатки входа. На наш взгляд, речь должна идти скорее о разновременных объектах, на что указывает разрез: дно ямы 32 размещалось глубже уровня пола котлована жилища. Это подтверждает и заполнение ямы 32: в слое угля с золой было обнаружено крупное скопление чешуи рыбы. Судя по всему, не связана с домом и яма 56, от которой к западу отходило небольшое углубление.

Вдоль северной и восточной стен котлована шли столбовые ямки, в одной из которых встречены остатки вертикального бревна. В северо-западном углу, за печкой, сохранились доски обшивки, которые не оставляют сомнений в том, что она была подпорной. Основание отопительного сооружения находилось на уровне пола, «опираясь» на специально вбитые деревянные колья и перекрывая более древнюю хозяйственную яму 35. Печь была выполнена из глины с использованием необработанных камней и глиняных вальков. Последние были встречены и в заполнении ямы 34.

Конструкция облицовки котлована свидетельствует в пользу того, что она не могла составлять единого целого со стенами, которые могли быть возведены только с отступом. Косвенно это подтверждается и тем, что заполнение объекта заметно «перекрывает» пределы котлована. К северу от котлована было обнаружено несколько столбовых ямок, однако в их расположении не прослеживается какого-либо порядка, что не позволяет их связывать с возможной каркасной конструкцией. Судя по всему, стены были срубными. Стратиграфические данные об абсолютных размерах отступа отсутствуют, поэтому условно их можно определить в 0,5 м.

Почти все рассмотренные до сих пор жилища были исследованы на городищах, за исключением постройки 10 Горнальского селища, имевшем, однако, фортификационные сооружения. В то же время для носителей роменской культуры курского течения Сейма и верхнего Псла чрезвычайно характерны небольшие неукрепленные поселения-хутора с одним жилым домом (Енуков, 2005а. С. 168–172). Такие поселения изучены несравнимо меньше, что объясняется главным образом субъективными причинами: городища привлекали внимания исследователей в гораздо большей степени.

Именно на таких «хуторах» была обнаружена серия построек с отопительными сооружениями в виде печей-каменок. Впервые подобного рода жилище было открыто Э.А. Сымоновичем на многослойном поселении у д. Воробьевка 2-я. Роменская землянка 2 в плане была практически квадратной с полукруглым выступом на месте входа (5 х 4,85 м) (рис. 57). Автор исследований указывает, что ровный утрамбованный пол залегал на глубине 1,15 м от уровня дневной поверхности, а в материк нижняя часть постройки была впущена на 0,3–0,35 м (Сымонович, 1974. С. 80). Печь была возведена с отступом от стен из больших камней, которые подпирались более мелкими. Под находился на уровне пола. Остатки отопительного сооружения у юго-восточного борта котлована, интерпретированные Э.А. Сымановичем как «очаг», относились к древнерусскому времени.

Позднее еще четыре очень похожих жилища были исследованы Е.А. Горюновым на верхнем Псле. Котлован постройки II (раскоп I) селища в Гремячке, ориентированный углами по сторонам света, имел правильную, приближающуюся к квадрату, форму со сторонами 4,2 х 4, 7 м и глубиной в материке 0,16–0,45 м. Расположенная в восточном углу печка была аналогичной отопительному сооружению из Воробьевки 2-й. Отсутствие столбовых ямок и расположение печи на некотором расстоянии от стен позволили Е.А. Горюнову предположить срубную конструкцию жилища (Горюнов, Отчет ... 1978. Л. 6–7).

Роменская постройка V была обнаружена на значительном удалении от предыдущей. Котлован имел размеры 3,4 х 3, 6 м при глубине 0,7–0,8 м. По конструктивным особенностям котлована и печи жилище было практически идентично постройке II, за исключением отдельных деталей. Так, в углах жилища и вдоль стен были прослежены куски горелого дерева, а параллельно стенам, перекрывая развал печи, были найдены небольшие плахи. В заполнении также было отмечено горелое дерево, связанное, видимо, с рухнувшими перекрытиями. Стоит отметить, что под печи был подмазан глиной (Горюнов, Отчет… 1978. Л. 11–12).

Котлован постройки на селище в Каменке, как и другие дома на Псле, не имел столбовых ям. Его размеры составляли 4,2 х 4,3 м при глубине 0,5 м от уровня материка. От остальных сооружений его несколько отличает конструкция печи. Это, как и ранее, каменка, однако она была возведена на материковом останце прямоугольной формы. Топочная часть была обмазана глиной, а при сооружении свода использовались вальки (Горюнов, Отчет… 1978. Л. 27–28). Часть постройки, изученной в Песчаном, была уничтожена оврагом, однако удалось установить, что котлован был близок в плане квадрату со стороной 3,8 м при глубине до 1 м. От разрушенной печки-каменки сохранились только отдельные куски кварцита (Горюнов, Отчет… 1979. Л. 9).

Таким образом, все 5 рассмотренных объектов имеют котлованы без следов использования подпорной или каркасно-столбовой конструкции, а также отопительные сооружения, поставленные на определенном расстоянии от стен, что предполагает большую вероятность возведения срубов, впущенных непосредственно в котлован. Не противоречит такому решению и площадь заглубленных частей построек. Исключение составляет только дом из Воробьевки 2-й. Наличие ступеньки-входа, уровень которой совпадал с полом, делает в данном случае невозможным возведение «впущенного» в котлован сруба. Выше уже отмечалось, что дверь чаще всего врезалась в третий-четвертый венец сруба. Следовательно, в этом направлении стена должна была «отодвинуться» от края котлована. Однако она не могла подходить вплотную к ступеньке, так как в противном случае перепад между полом и порогом дверного проема должен был составить не менее 0,9–1 м (0,3–0,35 м от уровня котлована плюс 0,6 м, соответствующие высоте трех венцов). Таким образом, стена в этом направлении должна была находиться на расстоянии не менее чем в 0,8 м.

Приведенные соображения реконструктивного характера порождают вопрос о том, как были оформлены стенки котлована жилища из Воробьевки 2-й, ответить на который можно только методом исключения. Обшивка не могла быть подпорной, каркасно-столбовой или срубной. Исключается и вариант расклинивания досками. Вероятнее всего, облицовка вообще отсутствовала, что позволял грунт материка в виде глины. Эта ситуация предполагает отступ стен дома как минимум с противоположной от входа стороны (несущие бревна окладного венца).

Своим конструктивным решением отличается от всех рассмотренных ранее построек жилище 1, исследованное А.В. Григорьевым на поселении 4 в Тазово. Котлован квадратной в плане формы со стороной в 4,5 м был заглублен всего на 0,15 м (Григорьев, 2000. С. 100. Рис. 37) (рис. 58). В северо-восточной части котлована располагалась большая подпрямоугольная яма, видимо, хозяйственного назначения, у которой с юго-восточной стороны имелась уступ-ступенька. По мнению А.В. Григорьева, он использовался для крепежа балок перекрытий. Последние сверху были обмазаны суглинком и располагались на одном уровне с полом остальной части постройки, который, в свою очередь, был подсыпан материковым суглинком. Над хозяйственной ямой располагалась печь, сохранившаяся в виде развала. Тот факт, что скопление глины связано именно с отопительным сооружением, убедительно аргументируется распределением керамики в заполнении объекта (рис. 58). Стены, как считает А.В. Григорьев, имели срубную конструкцию и совпадали с границами котлована, что, на наш взгляд, абсолютно верно.

Пример тазовского жилища чрезвычайно интересен. Ранее только в двухэтажных постройках Липинского городища были отмечены случаи, когда глинобитные печи были возведены «в отрыве» не только от стен, но и от дна котлована. Обитатели древнего Тазово также обладали навыками возведения отопительных сооружений на деревянном перекрытии. Как мы увидим позднее, широкое распространение этого приема относится уже к древнерусскому времени.

Интерпретация тазовской постройки, в основе которой лежат скрупулезные и крайне тщательные полевые исследования А.В. Григорьева, позволяют обратиться к сооружениям, которые ранее выглядели малопонятными. В частности, на Ратском городище в 1990–1991 гг. В.В. Енуковым был исследован объект, обозначенный как постройка 1 (Енуков, Отчет... 1990. Л. 18; Отчет… 1991. Л. 7). Уже в ходе раскопок было выдвинуто предположение о том, что, вероятнее всего, речь должна идти о жилом доме, однако окончательное решение этого вопроса стало возможным только после публикации А.В. Григорьева.

Хозяйственная яма под полом постройки 1 также имела вытянутые пропорции (5,9 х 2,9 м) при глубине около 0,4 м, хотя, в отличие от Тазово, в плане ее форма не имела правильных геометрических очертаний (рис. 59). Оба объекта «роднит» уступ-ступенька с юго-восточной стороны, который в ратском варианте был более пологим. В северо-западной части ее заполнения располагался развал печи. Косвенно на то, что постройка была жилой, указывает и относительно обильный (по роменским меркам) инвентарь: помимо обломков лепных и круговых сосудов, обнаружены две стеклянные и одна бронзовая пронизки, бусина-лимонка, обломок ножа, каменное битрапецоидное пряслице и астрагал. Интересна находка трех-

дырчатой подвески, которая относится к числу украшений, характерных для кривичей (культура смоленских длинных курганов).

Отсутствие столбовых ямок свидетельствует в пользу срубного характера стен. О размерах дома судить сложно, так как общие контуры постройки не прослеживались. Объясняется это тем, что, в отличие от Тазово, подсыпки под пол не требовались, так как материк представлял собой плотный суглинок. Культурный слой на данном участке имел незначительную толщину, что также затрудняло поиски вероятных границ дома. Постройка, если судить по хозяйственной яме, имела довольно крупные размеры. По крайней мере, ее стены, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток, не могли быть меньше 6 м.

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с несколько необычной конструкцией. Достаточно крупные срубные дома были практически наземными, а их отопительные сооружения располагались на перекрытиях небольших по глубине, но обширных по площади ям. С большой долей уверенности можно предположить, что они использовались для хранения каких-то продуктов, так как для размещения инвентаря это место было явно неподходящим.

Жилая постройка (яма 24) селище 3 у хут. Студеновский в целом укладывается в достаточно «традиционный» конструктивный облик роменских домов. Сразу оговоримся, что ямы 24А и 24Б более ранние и к анализируемому объекту не относятся. Котлован прямоугольной формы имел размеры 4,75 х 3,8 м, глубина – 0,75–0,95 м (рис. 60). Западная часть сооружения выходила за пределы раскопа, однако крайне незначительно. Дно котлована перекрывала горелая прослойка толщиной 5–8 см, оставшаяся от деревянного пола.

Печь, имевшая в плане форму прямоугольной трапеции, была сооружена следующим образом. Первоначально из материкового песка с небольшой примесью кусочков глины был возведен небольшой постамент высотой 10–20 см, который для прочности был обожжен. Стенки топки выполнены из белой глины с добавлением мелких камней, свод – с использованием вальков, которые найдены в развале на уровне пода, а также рядом с печкой. Прослеживались следы ремонта.

В дне находился ряд ямок, которые никак не могут быть связаны с каркасно-столбовой конструкцией. В пользу этого свидетельствуют следующие соображения. Во-первых, в их расположении отсутствует какая-либо система. Во-вторых, почти все они имеют очень небольшую глубину, что в данной ситуации принципиально. Дело в том, что материк, на котором располагалось селище, представлял собой очень рыхлый песок. Несущие с пазами стойки в этой ситуации должны были крепиться глубоко в грунте. Своими размерами выделяется только угловая яма 24И, которая действительно могла использоваться под столб подпорной конструкции. Остальные ямки, вероятно, служили опорами под лавки, что, в свою очередь, исключает использование срубной конструкции в обшивке котлована. Противоречит срубной облицовке и тот факт, что один угол печи практически касался стенки котлована. В свою очередь, облегченная подпорная обшивка заглубленной части дома подразумевает срубные стены постройки, что подтверждается отсутствием столбовых ямок на премыкающей территории. Размеры отступа стен постройки от котлована не фиксируются, однако с учетом сыпучего грунта они должны были быть не менее полуметра.

Следует отметить, что в заполнении были встречены только обломки лепных сосудов, за исключением фрагмента толстостенного салтовского кухонного горшка (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. С. 72–73). Отсутствие в комплексе даже правленой на примитивном гончарном круге посуды, которая, по мнению А.В. Григорьева, распространяется по всей роменской территории во 2-й пол. IX – X в. (Григорьев, 2000. С. 156), а также ложногребенчатого орнамента на горшках, что также является архаичным признаком (Узянов, 1982), позволяет отнести исследованную постройку к начальному этапу в существование роменской культуры. Ранняя хронология жилища представляет заметный интерес в связи с тем, что в ней присутствовала печь развитого облика.

Рассмотренными выше жилищами практически исчерпываются материалы, пригодные для реконструктивного анализа. Так, на поселении в Зеленом Гае были раскопаны две постройки, имеющие многочисленные признаки, указывающие на использование конкретных конструктивных решений. Однако невозможно установить, к какому культурно-историческому горизонту – роменскому или древнерусскому – относятся эти объекты (Моця, Халиков, 1997. С. 113–114. Рис. 51). Несколько иначе выглядит ситуация с городищем 2 в Переверзево. Материалы этого памятника не опубликованы. Автор исследований А.А. Узянов предложил схему развития жилого строительства обитателей древнего Переверзево, однако без каких-либо аргументов (Узянов, 1981; 1983; 1984; АКР. Ч. 1, 1998. С. 199–200), что делает практически невозможным их использование в общих построениях.

В результате в нашем распоряжении оказалось 40 объектов, о которых имеется достаточно полная информация, позволяющая перейти к выявлению основных конструктивных черт в домостроительстве населения междуречья Сейма и Псла в IX–X вв.

Ведущие тенденции в жилой архитектуре населения роменской культуры

Материалы по домостроительству роменской культуры явились своего рода полигоном для проверки «работоспособности» выделенных в главе I признаков реконструктивного характера. Предложенный подход, основанный на анализе только хорошо документированных в процессе исследования построек,

неизбежно ведет к количественным потерям, однако в итоге приводит к выигрышу в качестве. Суммируем полученные результаты.

В конструкции роменских жилищ населения междуречья Сейма и Псла, несомненно, ведущую роль играл углубленный в грунт котлован (38 построек из 40). К числу наземных построек можно отнести только два объекта: жилище 1 в Тазово и постройку 1 Ратского городища. Естественно, наземные дома зафиксировать в ходе полевых исследований несравненно сложнее. Однако есть все основания полагать, что полученная картина имеет объективный характер. Так, в случае, если бы наземные постройки имели заметное распространение, то неизбежно в ходе раскопок к числу частых находок относились бы развалы печей. В междуречье Сейма и Псла ряд роменских памятников изучен крупными площадями (городища Большое Горнальское, Ратское, Шуклинское, Липинское), однако находки остатков отопительных сооружений «вне построек» достаточно редки и вполне объяснимы. На Горнальском и Липинском городищах они связаны с котлованами жилищ, которые по разным причинам плохо прослеживались или исследовались только частично. На городище в Шуклинке речь идет, скорее всего, о «летних кухнях».

Необходимо подробнее остановиться на двух отопительных сооружениях Ратского городища. Печь 1, найденная в раскопе 3, принадлежала дому, который был полностью разрушен при строительстве крупного по размерам древнерусского объекта (Енуков, Отчет… 1991. Л. 27). Нижняя часть ее была вырезана в материковом останце, который примыкал с востока к небольшому участку сохранившейся стенки котлована, верхняя была уничтожена. Вероятнее всего, печь 1 конструктивно была близка отопительному сооружению, обнаруженному в постройке 5, а разрушенная постройка относилась к числу котлованных.

Печь 2 вошла в раскоп частично и была плохой сохранности (Енуков, Отчет... 1990. Л. 15). Она представляла собой «висевший» в слое развал из сильно обожженной глины с примесью щебня, а также отдельными крупными камнями. В непосредственной близости от него было найдено 4 конуса из обожженной глины. Под развалом был прослежен небольшой участок золисто-угольной прослойки толщиной 4–7 см, которая, видимо, соответствовала уровню пола жилища. По стратиграфии печь с большой долей вероятности можно отнести к роменскому времени. Судя по тому, что она находилась в толще напластований этого периода, с большой долей уверенности можно предполагать, что она также находилась внутри постройки с котлованом.

Таким образом, господство жилищ, в основании которых был прямоугольный котлован, особых сомнений не вызывает. В подавляющем большинстве случаев их глубина колебалась в интервале от 0,5 до 1,3 м. Интересно отметить, в этих пределах наблюдается тяготение к двум «нормативам». Из 38 котлованных построек 18 имели глубину 0,5–0,8 м и 12 – 1,2–1,3 м (рис. 61). Естественно, нельзя утверждать, что речь идет о закономерности, так как репрезентативность выборки невелика.

Отличительной чертой домов IX–X вв. является срубная конструкция стен дома (39 построек из 40). Только в одном случае (Большое Горнальское городище, постройка 3) есть основания для вывода о каркасно-столбовых стенах. Не исключено, что частично этот прием был использован и при облицовке котлована горнальской постройки 1. Важным является сравнение характеристик, свидетельствующих о конструктивных особенностях стен домов, для чего удобно признаки разделить на две группы. В первую группу вошли признаки, указывающие на то, что стены дома были поставлены с отступом от заглубленной части жилища, во вторую – свидетельствующие об их срубном характере (приложение, табл. 2). В таблицу не включена каркасно-столбовая постройка 3 из Горналя, а также два наземных жилища, обнаруженные в Тазово и на Ратском городище (постройка 1). Следует оговориться, что одна из характеристик использовалась дважды: «ступенька» по верхнему краю котлована свидетельствует как об отступе стен, так и об их срубной конструкции. Последнее справедливо для тех случаев, когда в пределах «ступеньки» отсутствовали следы столбов, однако «уступы» с ямками неизвестны.

В подавляющем большинстве случаев у заглубленных построек фиксируются признаки, указывающие на то, что стены дома не являлись продолжением облицовки котлована и были поставлены с отступом от него (32 постройки из 37). В свою очередь, во всех этих 32 случаях постройки с признаками первой группы сочетаются с признаками второй группы, что указывает на их жесткую корреляцию. Значимым является также тот факт, что признаки первой и второй групп в большинстве своем совпадают по целому ряду позиций, что также свидетельствует о прочности взаимосвязей. Так, например, в горнальской постройке 6 два признака первой группы фиксируются наряду с четырьмя второй, в постройке 4 это соотношение будет выглядеть как 3 и 3, в жилище 2 горы Ивана Рыльского (2-й строительный период) как 2 и 3 и т.д. (табл. 2). Из общего контекста выпадают жилища с печами-каменками из Гремячки, Песчаного и Каменки, в которых срубы могли быть впущены непосредственно в котлованы.

К числу несколько неожиданных относятся общие результаты анализа конструкции обшивки котлованов, на которую в первую очередь обращают внимание большинство исследователей при классификации жилищ эпохи средневековья. Как оказалось, при возведении дома этот элемент явно относился к числу второстепенных. В большинстве случаев облицовка не имела несущего характера, а ее сооружение было

направлено главным образом на то, чтобы воспрепятствовать обрушению стенок котлована. Отсюда вытекает часто встречающаяся «неаккуратность» ее оформления, что выражается в некомплектности ямок, их небольших размерах, отсутствии системы в их расположении, а то и просто крайне небольшом их количестве. В тех объектах, где остатки облицовки сохранились, фиксируется только подпорная конструкция (Липинское городище, постройка В, Гора Ивана Рыльского, жилища 1, 2 периода 1 и жилище 3) или применение расклинивания (Гора Ивана Рыльского, жилища 2 периода 2).

С точки зрения конструкции обшивки жилища с заглубленной нижней частью условно можно разделить на 3 группы (приложение, табл. 3). В группу 1 входят постройки, облицовка стен которых не могла быть несущей. Для большей объективности картины в подпорной конструкции были выделены случаи, когда облицовка с одной или двух сторон была усилена дополнительной центральной стойкой. В эту группу попало более половины всех жилищ (всего 18), у которых срубные стены были поставлены с отступом от котлована.

В группу 2 были объединены дома (9 построек), у которых тип облицовки заглубленной части точно установить нельзя, однако она по разного рода признакам не могла быть каркасно-столбовой или срубной. Другими словами, здесь также использовалась несущая облицовка.

Самая малочисленная группа 3 (5 объектов) объединяет дома, у которых срубные стены были поставлены с отступом, однако облицовка котлована заметно укреплена. Следует отметить, что в их число попали жилища, в которых имелись признаки использования каркасно-столбовой конструкции, однако при этом не исключено, что одновременно использовались и другие приемы. Так, в котлованах двух построек Липинского городища (ямы 46 и 100) у одной из сторон отсутствовали центральные несущие опоры. Соответственно, здесь, вполне вероятно, применялась подпорная конструкция.

Для характеристики группы 3 еще раз обратимся к ситуациям, когда в ходе полевых исследований были установлены пределы отступа срубных стен от котлованов (рис. 62). Сразу же бросается в глаза его уменьшение в целом ряде случаев по сравнению с установленным ранее на других материалах, в частности Горналя, «минимальным» стандартом. Однако это уменьшение определяется тремя постройками, исследованными на Липинском городище в 1997–1998 гг. (ямы 6, 46, 100). Ранее уже было отмечено, что при возведении сруба достаточно было, чтобы только две параллельных стены, нижние бревна которых были несущими, были поставлены на определенном расстоянии от заглубленной части постройки. Стены, которые не несли нагрузки, могли в плане совпадать с границами котлована или располагаться в непосредственной близости от них. Такие ситуации зафиксированы в постройках 1, 4, 5, 9 Горналя и постройке 5 Ратского городища. Отметим, что при этом совершенно необязательно было дополнительно укреплять стенки заглубленной части. Однако в трех указанных постройках Липинского городища к котловану с нарушением «стандарта» были поставлены смежные стены сруба, т.е. как минимум основание одной из них было несущим. И именно в этих случаях строители заметно усиливали обшивку. Особенно интересна в этом смысле яма 46 из Липино. Центральная опора в облицовке отсутствовала именно с юго-восточной стороны, где предположительно стена была поставлена с учетом обычного отступа (рис. 52).

Таким образом, в группе 3 в трех постройках из 5 значительно усиленная облицовка котлованов соответствовала ситуациям, когда строители в силу каких-то причин ставили срубные стены в непосредственной близости к котловану. В определенной мере объясним случай с конструктивно крайне неординарной «аристократической»постройкой 1 Горналя: перегородку с дверным проемом между двумя помещениями невозможно было возвести только с использованием каркасно-столбовой техники. Интересно, что «полноценному» отступу стен в случае с каркасно-столбовой постройкой 3 в Горнале мешала расположенная рядом постройка 7 (рис. 27).

Сделанные наблюдения позволяют еще раз обратиться к немногочисленным жилищам, не обладавшим несущей обшивкой котлованов, в которых, однако, одна или две стороны были усилены дополнительными центральными стойками (соответственно 4 и 2 случая). Логично предположить, что все они, или, по крайней мере, их часть, относятся к ситуациям, когда срубная стена проходила в непосредственной близости от котлована.

Анализ имеющихся материалов в целом подтвердил выводы, полученные при рассмотрении хорошо стратифицированных данных Горналя. В частности, в подавляющем большинстве случаев были отмечены отступы срубных стен. В горнальском варианте, как уже указывалось, это могло приводить к увеличению жилой площади примерно на 40%. Естественно, эти расчеты представляют собой достаточно условный показатель, который может заметно варьировать в конкретных случаях, на что указывает пример Липино. Однако колебания могли быть направлены не только в сторону уменьшения площади дома. Так, в Шуклинке общая площадь строения, границы которого были зафиксированы по целому ряду показателей, превысила аналогичный показатель котлована на 68% (рис. 43). Следует, однако, признать, что выявить жестко выраженную закономерность в соотношении площадей котлованов и жилищ пока невозможно. Для решения этой проблемы необходимо иметь достаточно представительную с точки зрения статистики базу данных, в основе которой лежали бы материалы детально документированных и проведенных на современном уровне раскопок.

Господство конструкций, в которых котлован представлял собой только часть жилья, ведет к еще одному важному выводу, касающемуся интерьера помещения. Судя по всему, неподвижные лавки вдоль стен, весьма характерные для домов русских крестьян вплоть до XIX–XX вв., были достаточно устойчивой деталью интерьера жилых помещений уже в IX–X вв. Котлованы, являясь конструктивным элементом дома, позволяющим уменьшить высоту его срубных стен и, вероятно, способствующим лучшему сохранению тепла, одновременно во многом определяли внутреннее обустройство жилого дома на многие столетия.

Несомненно, одной из важнейших характеристик жилья является отопительное сооружение. В 40 рассматриваемых постройках присутствовали остатки 47 печей (с учетом отапливаемых помещений на вторых этажах). В литературе достаточно традиционно отопительные сооружения классифицируются с учетом материала, из которого они возводились, что целесообразно сделать и в нашем случае. К типу 1 отнесены печи, вырезанные в материковом останце. «Комбинированные» печи типа 2 возводились следующим образом: их нижние части вырезались из материкового останца, верхние возводились из глины. К типу 3 отнесены глинобитные печи, к типу 4 – каменки. Варианты выделялись по расположению отопительных сооружений. Вариант А соответствовал ситуации, когда печь примыкала к стенкам котлована, при варианте Б печь возводилась на некотором расстоянии от стен. Этот признак является важным с учетом реконструктивной направленности настоящей работы, причем в данном случае речь идет не только о стенах домов. Логично предположить, что распространение приема возведения отопительных сооружений на некотором расстоянии от стен лежал в основе их «отрыва» от пола, правда, в сочетании с глиной как основного используемого в конструкции материала. Объясняется это следующим. Сооружение печи на деревянном полу, тем более на перекрытиях, требовало применения в конструкции опечка, возведение которого без использования грунта (а глина в данном случае была наиболее подходящим его типом) было невозможно. Следов опечков в роменских материалах междуречья Сейма и Псла зафиксировано не было, однако на их использование в конструкциях указывает факт возникновения где-то в пределах X в. двухэтажного строительства.

Результаты типологии представлены в таблице 4 приложения, в которой в качестве дополнительных характеристик учитывались некоторые конструктивные особенности, а именно: использовались при возведении печей глиняные блоки, камни и дерево или нет. Данные показатели к числу типообразующих было отнести сложно по следующим соображениям. Дерево в отопительных сооружениях имеет очень невысокую степень сохранности, поэтому, как правило, речь идет только о констатации его присутствия в печном массиве. Форма глиняных блоков была разнообразной (вальки, конусы, округлые разных размеров, «колбаски»), разделение этого признака по морфологическим особенностям не имеет смысла и, кроме того, может привести к излишнему дроблению общей схемы.

В целом отопительные сооружения домов IX–X вв. отличаются заметным разнообразием, хотя при этом можно выявить и определенные тенденции. В количественном отношении преобладали глинобитные печи типа 3 (19 случаев), а если учесть, что глина использовалась и в комбинированных сооружениях типа 2 (13 случаев), то этот материал следует признать в качестве ведущего. Конструктивно комбинированные печи представляют собой переходный тип между глинобитными и вырезанными в материковом останце (10 случаев). В свою очередь, доля сооружений, в которых полностью или частично использовался материковый останец, также является достаточно заметной (23). В то же время на уровне вариантов отмечается явная специфика в использовании материалов. Сооружения, связанные с материком, как правило, примыкали к стенам котлованов, глинобитные, за небольшим исключением, располагались на некотором удалении от стен.

Сохранившиеся своды отопительных сооружений в раскопках встречаются очень редко. Тем не менее именно в Посемье на Липинском городище отмечено два таких случая. Верхние части печей были оформлены в виде жаровен с бортиками (рис. 50). Видимо, для возведения сводов главным образом и нужны были разнообразные глиняные блоки. По крайней мере, их находки являются очень частыми в развалах печей, сделанных с использованием глины (приложение, табл. 4). Они способствовали укреплению сводов при их формовке в «сыром» виде, что, видимо, относится и к значительно реже используемым камням и деревянным деталям.

В трех из десяти построек с печами типа 1 были найдены глиняные блоки. В горнальских постройках 1 и 4 их было довольно много, в частности, в заполнении топочных камер. Судя по всему, именно с их применением были сделаны своды, которые перекрывали тело печей, вырезанных в материковом останце. Эти случаи представляют собой переходные конструкции между типами 1 и 2. Однако весьма показательным примером является постройка 4 Ратского городища. Единственный глиняный валек был обнаружен рядом с печкой в яме, которая прорезала объект и являлась более поздней. Верхние края у материковой печки были скруглены и аккуратно «заглажены», при этом носили следы заметного обжига. Весьма вероятно, в данном случае свод вообще отсутствовал, а блок если и относился к печи, то использовался несколько иначе, например, при установке горшка над огнем.

Приведенные факты позволяют предположить, что у части печей типа I стационарные своды вооб-

ще могли отсутствовать. Они являются более примитивными по сравнению с глинобитными сооружениями и, по сути дела, представляют собой усовершенствованные очаги. В определенной мере это относится и к печам-каменкам. В целом их находки немногочисленны (всего 5), и в общем массиве материала они выглядят как бы даже инородными. Свод у них, если и был, то мог состоять только из одного или нескольких крупных камней. В то же время при возведении отопительного сооружения в постройке из Каменки использовалась глина, а также вальки, что «роднит» этот объект с комбинированными печами типа 2.

В этой ситуации выглядит весьма привлекательной идея интерпретировать типы 1–3 как эволюционную цепочку, тем более что глинобитные печи, как будет видно ниже, безраздельно господствуют в древнерусское время. С точки зрения относительной хронологии находят свое место в этой схеме и печи-каменки, которые в силу своей определенной примитивности должны, вроде бы, соотноситься с ранними этапами становления роменской культуры. Однако конкретные материалы противоречат такого рода трактовке. Так, все четыре постройки с печами-каменками, обнаруженные на поселениях по Пслу, имели архаичные признаки, что проявлялось в отсутствии в керамических комплексах правленой посуды и декора в виде ложногребенчатого орнамента. Однако землянка 2 селища 2 Воробьевки 2-й явно датируется временем не ранее сер. X в. По набору керамики к раннему этапу в существовании роменской культуре относится постройка 1 селища 3 у хут. Студеновский, имевшая развитую глинобитную печь типа 3 варианта Б (Енуков, 2005а. С. 113–115. Рис. 116–117). Постройка 1 с печкой в материковом останце является одной из самых поздних на Горнальском городище и датируется по находкам монет кон. X в. (Куза, 1981. С. 29; Енуков, 2005а. С. 267–268).

Из сказанного может следовать только один вывод: все выделенные типы печей сосуществовали. Наглядно это подтверждают четыре постройки из Липино (А, Б, В и Д), в которых фиксируется одновременное использование печей типа 2 варианта А (на первых этажах) и типа 3 варианта Б (на вторых). Вероятно, можно говорить только о наиболее продуктивных тенденциях, которые позднее становятся господствующими.

К числу достаточно редких элементов жилья, которые фиксируются археологически редко, относятся входы в виде специальных ступенек, вырезанных в стенке котлована. Подобные детали обустройства жилья встречены всего в пяти постройках (приложение, табл. 2). Еще в одном случае (Шуклинское городище, землянка 5) ступенька имела необычный вид: небольшое возвышение, занимавшее юго-западный угол помещения. Малочисленность такого рода конструктивных элементов позволяет сделать вывод о том, что вход в пределах жилого помещения обычно выполнялся из дерева, хотя его характер можно определить только предположительно. Это могла быть дощатая лестница, колода с вырубленными ступеньками или конструкция в виде «трапа», зафиксированная в Киеве (Толочко, 1981. Рис. 4, 16). Следы оформления внешней части входа в материалах междуречья Сейма и Псла ни разу не отмечались. Есть все основания полагать, что сооружения типа холодных сеней-«тамбуров» в роменское время не использовались.

В случаях, когда сохраняются следы специального обустройства полов, чаще сего они представляли собой глинистые или суглинистые подмазки. Такой прием был использован в 11 случаях (Большое Горнальское городище, постр. 2, 7, 18; Липинское городище, ямы 6, 46, 100; Гора Ивана Рыльского, жилища 1, 2 (период 1), 2 (период 2), 3; Тазово, жилище 1). В двух жилищах (землянка 2 в Воробьевке 2-й и постройка 3 в Горнале) материковое дно котлована было просто хорошо утрамбовано. В шести домах были найдены остатки деревянных полов (Большое Горнальское городище, постройки 9, 15 и 20; Липинское городище, жилища Б и В; селище 3 у хут. Студеновский, яма 24), причем в постройке 9 Горнальского городища были обнаружены остатки лаг, что указывает на использование вполне совершенной конструкции, предохраняющей дерево от гниения. В целом же, как можно полагать, «земляные» полы были обычными, а там, где грунт был достаточно плотным, обитатели домов вполне могли обходиться без специального оформления дна котлована.

Кратко подведем основные итоги анализа общего облика жилищ населения междуречья Сейма и Псла в IX–X вв. В домостроительстве господствующей техникой возведения стен была срубная. В подавляющем большинстве случаев стены были поставлены с отступом от котлована, что привело к широкому распространению расположенных по периметру помещения неподвижных лавок-лав, которые по материалам этнологии были очень популярны у русского населения вплоть до новейшего времени. Обшивка стен котлованов, к которой часто апеллируют исследователи, в общей конструкции играла второстепенную роль. Использование котлованов как части жилого помещения позволяло в условиях относительно глубокого залегания в лесостепной зоне грунтовых вод лучше сохранять тепло, уменьшать количество используемого при строительстве леса, и, общие трудозатраты при одновременном увеличении полезной площади, которая становится соответствующей «северным нормативам». Отопительные сооружения демонстрируют определенное разнообразие, однако ведущим (хотя и не господствующим) материалом была глина, что очень характерно для последующих исторических периодов.

Представленная картина в определенной мере статична и имеет суммарный характер, что, как мы полагаем, может быть не только следствием уровня наших современных знаний и состояния источнико-

вой базы, но и объясняться вполне объективными причинами. В древности домостроительство, несомненно, во многом определялось традиционностью и утилитарностью. Это делает его, на наш взгляд, одним из самых консервативных элементов материальной культуры, что особенно характерно для быта обществ догосударственного периода. Выделенные в литературе хронологические признаки при ближайшем рассмотрении перестают действовать, что наглядно продемонстрировал пример с отопительными сооружениями. Помимо печей А.В. Куза к числу поздних признаков относил наличие большого количества хозяйственных ям в жилищах (Куза, 1981. С. 26–27), однако совокупность материалов Посемья позволяет уточнить это наблюдение. Видимо, этот признак «работает» только применительно к Горналю, так как в постройках других памятников ямы либо вообще отсутствуют, либо их количество не превышает одной, да и то небольших размеров. Объяснение этому, на наш взгляд, может быть только одно. А.В. Куза аргументированно обосновал статус Горналя как племенного центра. Судя по всему, признак, выделенный исследователем, является отражением не столько хронологии, сколько социально-экономических процессов. Особая роль Горналя проявляется на зрелом этапе его развития, который завершается гибелью поселения. Большое количество в ряде домов хранилищ характеризует социальное положение части обитателей поселка. В частности, как раз в «аристократической» постройке 1 было найдено 6 крупных колоколовидных ям-хранилищ (рис. 39).

Пока едва ли не единственным хронологическим признаком, указывающим на относительно поздний характер постройки, является наличие второго этажа в доме. Впрочем, не исключено, что это объясняется субъективными причинами. Два жилых уровня можно установить только в случае детальных стратиграфических наблюдений в ходе полевых исследований. Немногочисленность известных на сегодняшний день двухэтажных построек у роменцев оставляет возможность для предположения о том, что при дальнейших раскопках будут получены материалы, позволяющие удревнить появление этой конструктивной схемы.

Таким образом, при внешнем разнообразии артефактов домостроительство роменцев междуречья Сейма и Псла выглядит сравнительно монолитным, хотя в каждом отдельном случае могут фиксироваться специфические черты, которые, однако, принципиально на конструкцию не влияли. Обратимся к конкретному облику жилищ семичей на примере маркерных объектов. Несомненно, в их число входит землянка 1 Шуклинского городища, которая относится к числу редких случаев, когда отступ стен дома от котлована был достаточно точно определен со всех четырех сторон. Специфика данной постройки заключается в том, что часть котлована была искусственно «наращена» до необходимой глубины, хотя правильнее говорить о высоте (рис. 63). В результате появилась возможность крепления подпорной обшивки стен котлована, а лавки, расположенные по периметру помещения, приобрели добавочную прочность. В данном случае был предположительно реконструирован вход, который, вероятно, располагался с западной стороны. В пользу этого свидетельствует следующее. При определении границ стен дома было обращено внимание на распределение находок, образующих «нейтральные» зоны на прилегающей территории. С трех сторон дома они вообще отсутствовали, однако к западу от него, хотя и в «разреженном виде», были отмечены единичные предметы. На наш взгляд, это и является указанием на вход в жилище.

Общий конструктивный облик постройки 16 Горнальского городища близок рассмотренному дому в Шуклинке, однако здесь также имеется определенное своеобразие, которое, однако, не имеет принципиального характера. Обшивка стен котлована выполнена в срубной технике, что фиксируется довольно редко (рис. 64). Сооружение находилось на неровной поверхности, имеющей перепады к югу и востоку. Кроме того, рядом располагался котлован постройки 13, которая, напомним, перестала использоваться непосредственно перед возведением постройки 16. Особый интерес представляет форма подсыпок у северо-восточного и юго-западного бортов котлована: как внешние, так и внутренние их границы почти вертикальные (рис. 35). Такой вид со стороны котлована вполне понятен, так как здесь проходила бревенчатая обшивка. Внешние «вертикальные» границы могли объясняться только одним: здесь были возведены какие-то конструкции, препятствующие «расползанию» грунта подсыпки. Вероятнее всего, они охватывали три стороны подсыпки (северо-восточную, юго-восточную и юго-западную). С северо-запада такого рода укрепление было не нужно, так как здесь сруб опирался на глиняную засыпку котлована постройки 13. С этой стороны, судя по размерам засыпки, отступ стен от границы котлована мог достигать немногим менее 2 м, чему в интерьере дома соответствовала широкая лавка. Отметим, что стратиграфические наблюдения позволяют предположить существование у нивелировочных подсыпок внешних подпорных конструкций и при возведении некоторых других горнальских построек.

Примером реконструкции двухэтажного дома может служить яма 100, исследованная на Липинском городище (рис. 65). К числу ее специфичных черт относится незначительный отступ стен дома от котлована, в силу чего обшивка была усилена, что отмечено еще в одной липинской постройке (яма 46). Причины его применения в силу немногочисленности открытых объектов подобного рода пока определить сложно. Однако отклонения от правила только подтверждают общую конструктивную схему домов с котлованами: нарушение «минимальной» нормы отступа, помимо случаев, когда речь идет о не несу-

щих сторонах сруба или строительной площадки с грунтом повышенной плотности, было возможно только при заметном укреплении обшивки стен котлована. Отметим и еще одну особенность. Небольшой отступ стен обусловливал уменьшение опоры для лавок по периметру помещения, наличие которых хорошо фиксируется стратиграфически. Однако они могли быть легко расширены путем использования добавочных досок, помещенных своими концами внахлест на более узкие лавки.

Примером облика наземного дома является реконструкция А.В. Григорьева жилища 1 поселения 4 в Тазово (рис. 66). В данном случае уже нет свидетельств тому, что в интерьере присутствовали лавы, столь характерные для котлованных построек, хотя, как уже отмечалось, в некоторых наземных постройках при определенных условиях они были прослежены.

Обзор маркерных объектов следовало бы завершить реконструкцией одной из построек с печами-каменками типа 4, которых, напомним, было 5. Однако имеющиеся материалы не дают оснований для однозначной трактовки облика этой немногочисленной группы жилищ. Размещение в них печей позволяет предположить, что срубные стены стояли непосредственно в котлованах. Но, строго говоря, такое оформление интерьера не отрицает возможности использования конструкции с отступом стен, на что указывает пример землянки 2 селища 2 в Воробьевке. Достоверные случаи возведения стен с отступом известны и в объектах, содержащих отопительные сооружения типов 1 и 2 вариантов Б. При любом решении вопроса есть все основания полагать, что конструкция с отступом стен от котлована занимала господствующее положение, что, наряду с расположением печей в одном из углов, определяло своеобразие планировки жилых помещений IX–X вв.

ГЛАВА III
Домостроительство жителей курской волости–княжения в XI–XIII вв.

Постройки с жилыми котлованами

Переход от роменской культуры к древнерусской сопровождался крупными социальными потрясениями, что особенно ярко проявляется в принципиальном изменении структуры расселения. Так, в курском течении бассейна Сейма количество памятников уменьшается вдвое (Кашкин, Узянов, 1987. С. 15–16), а в Потускарье, где в предыдущий период фиксируется несопоставимая ни с одним другим регионом концентрация поселений, в древнерусское время они становятся вообще крайне немногочисленными (Узянов, 1985. С. 81). На всех исследованных роменских городищах Посемья фиксируется одна и та же картина: поселки гибнут в пожарах, и жизнь на них или уже никогда не возрождается (Большое Горнальское городище, Кудеярова гора), или возобновляется, но после заметного промежутка времени (городище Ратское, Липинское, Люшинка, Капыстичи). На смену ранее господствующей структуре «городище с округой из мелких поселений-«хуторов» приходят крупные селища. Видимо, только в XII в. рядом с ними отстраивается основная часть городищ. Отступления от этого достаточно редки и вполне объяснимы. Так, центр волости – Курск бурно развивается уже с кон. X – нач. XI вв., а на его территории исследованы укрепления времен проживания здесь Феодосия Печерского.

Вопросы хронологии финала роменской культуры, а также дальнейшей судьбы ее носителей, относятся к числу дискуссионных. В 2002 г. В.В. Енуков в обобщающей статье предложил их решение на материалах Посемья. Проанализировав самые разнообразные (не только археологические) источники, автор предположил, что регион был покорен Русью в пределах кон. X – нач. XI вв., а вероятнее всего, в 90-х гг. X в. в ходе восточных походов Владимира Святославича (Енуков, 2002). Вероятно, позиция автора небесспорна. В целом анализ причин разгрома Посемья и «узкой» хронологии протекавших социально-экономических процессов выходят за рамки настоящего исследования. Пока предложенная дата, основанная в немалой степени на данных нумизматики, представляется вполне обоснованной и будет в дальнейшем нами использована. Для нас важнее другое. В недавно вышедшей книге В.В. Енуков развил свои взгляды, обратившись к проблеме судеб роменского населения. Исследователь, отталкиваясь от ранее сформулированной мысли А.В. Григорьева о специфике керамических наборов позднероменского времени, рассчитал, что на момент гибели роменских городищ региона доля импортных киеворусских сосудов в комплексах не превышала 10 %, увеличиваясь только до 20 % на поселениях по Сейму ниже устья Реута. В то же время на некоторых исследованных памятниках, представленных неукрепленными поселениями крупных размеров, что нехарактерно для роменцев, доля киеворусской посуды значительно возрастает (селища 1 в Липино и 1 в Жерновце). В ряде объектов, датированных кон. X – нач. XI вв., она даже превышала 90 %. Отсюда следует вывод о том, что сооружения с повышенным содержанием круговой керамики относятся к новой исторической эпохе, когда Посемье уже было включено в состав Руси. В свою очередь, небольшая примесь обломков лепных роменских горшков, встречающихся в объектах XI–XII вв., является материальным отражением исторической памяти населения Курской волости-княжения (Енуков, 2005а. С. 280–294). Таким образом, появился легко фиксируемый критерий, позволяющий отделить позднероменские объекты от раннедревнерусских.

Домостроительство относится, несомненно, к числу едва ли не самых консервативных и традиционных элементов материальной культуры, которые не изменяются, по крайней мере, активно, под влиянием факторов «не утилитарного» характера, как, например, мода (эволюция комплексов украшений) или политико-религиозное воздействие (распространение христианства и его влияние на погребальную обрядность). В связи с этим выявление традиций и новаций в облике жилья является крайне важным и значимым с точки зрения реконструкции этнокультурных процессов, особенно приходящихся на переломные исторические периоды.

В предыдущей главе были определены наиболее характерные конструктивные схемы, используемые населением Посемья в IX–X вв., поэтому анализ домостроительства древнерусского населения региона логично начать с поисков традиций, которые могли бы восходить к предшествующему историческому периоду. В этом смысле представляют несомненный интерес дома, основу конструктивной схемы которых представляли котлованы прямоугольной формы с отопительным сооружением, расположенным в одном из углов. Таких жилищ в древнерусское время известно всего 6, из них 4 открыты на селище 1 в Липино. При анализе последних необходимо отметить специфику сохранности объектов, исследованных на этом памятнике. Селище существовало с рубежа X–XI по XIII в., при этом сформировавшийся культурный слой в силу своеобразия грунта (песок) отличался небольшой толщиной (около 0,4 м). В результате многочисленные разновременные объекты оказались как бы

«спрессованными», часто накладываясь друг на друга своими заглубленными частями. Нередко это приводит к тому, что возникают трудности с ответом на вопрос: синхронны или нет объекты, и если да, то составляют ли они единый комплекс. Особенно в данном случае сложно интерпретировать достаточно многочисленные столбовые ямки. Кроме того, исследования на селище проводились на участке, где в ходе вскрышных работ, предшествующих карьерным разработкам, культурный слой был срезан. Судя по материалам раскопа 5, где культурные напластования сохранились, их стратиграфическая информативность была не высокой. Удаление культурного слоя, конечно, также добавляет трудностей в интерпретации сооружений. Липинское селище на сегодняшний день представляет собой ведущий в регионе с точки зрения исследованности памятник, без обширных материалов которого изучение древнерусской проблематики практически было бы невозможным. Однако указанные условия ведут к тому, что «суммарно-статистический» подход при рассмотрении его материалов неприемлем. Роль анализа каждой конкретной ситуации, которая и так высока в исследовании реконструктивного анализа, в условиях Липино еще более возрастает.

К числу ранних объектов селища относится постройка Р-11, я.21*. Она примыкала к большой насыпи из складированного строителями культурного слоя, поэтому была исследована только частично. Котлован в плане имел почти правильную квадратную форму с размерами 4 х 4,2 м при глубине 1,3 м (рис. 67–68). К северному углу примыкал вход-«тамбур», у которого ширина и длина были примерно одинаковы и составляли около 2,5 м. Верхние части стенок с северо-западной и северо-восточной сторон были пологими и явно образовались при сооружении котлована в условиях рыхлого песка. Восточный угол был немного попорчен ямой 3, которая имела нечеткие очертания в плане и сложную («неправильную») форму в разрезе. Вероятнее всего, она представляла собой следы каких-то земляных работ более позднего времени. Видимо, не относятся к следам конструкций и три как бы накладывающиеся друг на друга канавки на стыке котлована и входа, среди которых нижняя имела вид узкой ступеньки с ровным дном (рис. 68, профиль I-I). В юго-восточной стороне в стенке имелась «полка», ровная поверхность которой возвышалась на 1 м над уровнем пола. К сожалению, о ее характере говорить очень сложно, так как в пределы раскопа попал очень небольшой ее участок.

К северо-восточной стороне котлована примыкало небольшое углубление с «плавными», покатыми краями, в центральной части которого располагалась яма 21А. Она имела правильную округлую форму диаметром около 55 см, отвесные стенки, резко переходящие *в горизонтальное дно. Судя по всему, здесь* стояла деревянная емкость типа ушата или небольшого бочонка, нижняя часть которого была вкопана. Подобные находки отмечены в целом ряде липинских сооружений. Еще две ямки (Б и В) от емкостей, имевшие такою же правильную как в плане, так и в разрезе форму, были обнаружены в заполнении котлована, причем в обоих случаях их дно находилось практически на уровне пола котлована (рис. 68).

При сооружении котлована в рыхлом песке строители натолкнулись на тонкую глинистую прослойку естественного происхождения. Она была дополнительно укреплена подмазкой из глины и использована под пол жилища, в котором была выкопана небольшая хозяйственная яма Ж. На полу в юго-западном углу, на некотором расстоянии от стен, была поставлена глинобитная печь, в основании которой была сделана небольшая (3–5 см) подсыпка из материкового грунта. Ее под выступал за пределы топочной камеры на 20 см, образуя предпечек. Рядом располагалось несколько небольших столбовых ямок, вероятно, имеющих отношение к оформлению пространства около печи.

Тип отопительного устройства предполагает возможность использования строительной схемы, при которой облицовка котлован и стены дома представляют собой единой целое. Этому соответствует и прослеженный в исследованной части полный набор столбовых ямок, что соотносится с признаком каркасно-столбовой конструкции. Однако центральные ямки Д и З вряд ли могли соответствовать остаткам стояков-держателей в силу своего небольшого диаметра (до 16 см). Отметим, что при укреплении столбика в ямке Д для забутовки был использован череп лошади. Противоречит каркасно-столбовой схеме и угловой вход в постройку. В силу этого обшивку котлована следует трактовать как подпорную усиленную. Соответственно, стены дома должны были быть возведены на расстоянии от котлована. С северо-востока и северо-запада размеры отступа определяются границами входа и составляют не менее 2 м. С северо-западной стороны это подтверждается и углублением под бочку, длина которого также составляет около 2 м. На линиях предполагаемых границ стен дома были зафиксированы отдельные столбовые ямки, которые не образуют какой-либо системы. Из этого следует, что стены, вероятнее всего, имели срубную конструкцию.

Анализ стратиграфии и планиграфии указывает на возможность существования второго жилого этажа. С первым этажом соотносятся слои 4–6, со вторым – слой 3, в основании которого залегала тонкая золисто-угольная прослойка, соответствовавшая межэтажным перекрытиям (рис. 68). В слое 3 было встречено множество кусков обожженной глины, которые в северной части котлована образовывали скопление. Золисто-угольный слой 2, видимо, представлял собой остатки кровли, а слой 1 образовался уже после гибели дома в огне пожара.

* В тексте приняты следующие сокращения: Р-9 номер раскопа, я.39 - номер ямы.

Котлован липинской постройки Р-7, я.27, как и в предыдущем случае, имел практически квадратную форму со стороной в 4 м при глубине 0,9 м (рис. 69). Вход в виде «коридора-тамбура» с постепенно понижающимся полом примыкал к западной стороне котлована. В основании глинобитной печи подквадратной в плане формы, расположенной на расстоянии 10–15 см от стенок котлована, отмечен слой материкового песка с примесью золы и гумусированных включений толщиной до 25 см. Похоже, внешние стенки печи, по крайней мере с восточной стороны, были обшиты деревом, на что указывают столбовые ямки В и Б. С южной стороны отопительного сооружения имелся небольшой предпечек, отделенный от пода вмазанной в глину доской. Вероятно, в помещении имелся деревянный пол, от которого на дне котлована сохранилась темно-серая прослойка с золой и угольками. У южной стенки под полом имелась небольшая хозяйственная яма Г. Характер и количество ямок вдоль стен котлована соотносятся с подпорной обшивкой; что, вкупе с входом, указывает на то, что стены дома были поставлены с отступом от заглубления. Имеется и еще одно подтверждение такому решению. К востоку от котлована была отмечена прослойка из материкового песка, что хорошо прослеживается в профиле (рис. 69). Можно, конечно, предположить, что это просто выброс из котлована. Однако опыт изучения домов Посемья IX–X вв. показывает, что при возведении жилищ грунт из заглубленной части, как правило, использовался для нивелировочных работ.

С трех сторон на участках, примыкающих к жилому котловану, столбовые ямки отсутствовали, что свидетельствует о срубной конструкции стен. На расстоянии 1,2–1,3 м от южной стенки котлована и параллельно ей шла цепочка ямок. Их относительно правильное и регулярное расположение делает возможным предположение о том, что они каким-то образом были связаны с жилищем. Они не могли представлять собой остатки стены жилища, так как сочетание трех срубных стен с одной каркасно-столбовой выглядит малореальным строительным приемом. Кроме того, цепочка ямок была «короче» стороны дома. Можно предположить, что это – следы какой-то легкой пристройки, возможно, типа навеса. С учетом отступа стен, она получалась довольно узкой (менее 1 м).

Постройка Р-8, я. 41 пострадала от вскрышных работ больше, нежели другие объекты. Верхняя ее часть была заметно срезана бульдозером. Вход сохранился в виде слабовыраженной западины, примыкавшей к северо-западной части котлована (рис. 70). На фоне материка она выделялась пятном темного цвета, по бокам которого имелись «выступы» с ямками. Яма 41А асинхронна рассматриваемому объекту.

Постройка обладала и другими конструктивными особенностями. Впервые была зафиксирована облицовка стен в виде плетня, от которого сохранились следы основы в виде ямок от вертикальных жердей диаметром до 8 см при глубине до 10 см. Подобный прием был использован при облицовке стен подклета на поселении Лесковое (Шекун, Веремейчик, 1999. С. 118. Рис. 48), в постройках Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 247. Табл. 19). Естественно, такая обшивка носила облегченный характер, что делало необходимым возведение стен с отступом, которые, судя по отсутствию системы столбовых ямок, были срубными. В пользу отступа стен свидетельствуют и небольшие размеры котлована, «полезная» площадь которого легко устанавливается по плетневой облицовке (3,1 х 3 м), а также расположение печи у стенок котлована. В северо-западном от котлована секторе столбовые ямки были зафиксированы, однако они по своему расположению вряд ли могли иметь непосредственное отношение к конструкции стен, хотя часть из них может быть соотнесена с подпорками под сруб.

Глинобитная печь практически примыкала к стенкам котлована. Она была возведена на подсыпке из материкового песка, которую накрывал слой камней, обмазанных глиной. Печь была обшита деревом, о чем свидетельствуют ямки большего, нежели жерди плетня, диаметра, расположенные по ее углам. В дне котлована обнаружено несколько столбовых ямок, которые, скорее всего, отражают оформление внутреннего интерьера, а также два углубления (Б и Е), имеющие хозяйственное назначение. Ямки по углам котлована, вероятнее всего, были призваны укреплять лавки. Чашеобразные углубления перед входом, судя по их расположению, были связаны с его оформлением. По крайней мере, яма В весьма похожа на след щеглы.

Постройка Р-5, я.5 располагалось на краю старого карьера в непосредственной близости от городища. Южная её часть обвалилась в овраг. Яма была ориентирована углами по сторонам света, в плане прямоугольна. Её размеры по сохранившейся северо-западной стенке составляют 4,3 м при глубине 0,3 м (рис. 71). Глинобитная печь, возведенная на небольшой подсыпке, примыкала к стенкам котлована. Каких-либо следов обшивки не сохранилось, однако сложно представить, что ее не было вообще в виду сыпучести материкового песка. Ясно, что она не могла быть подпорной усиленной, каркасно-столбовой (отсутствие столбовых ямок) или срубной (печь варианта А).

Ненесущий характер облицовки котлована и местоположение печи предполагают возведение стен, поставленных с отступом, чему имеются стратиграфические подтверждения. Исследования на раскопе 5 велись с использованием частой сетки бровок, в которых со всех сторон сохранившейся части объекта была зафиксирована подрезка грунта. На первый взгляд, в ней даже не было необходимости, так как дневная поверхность имела совершенно незначительный наклон к югу, которым можно было пренебречь. Однако сохранившиеся участки рельефа указывают на то, что наклон площадки, на которую приходилась

южная часть постройки, становился уже заметным, что и привело к необходимости нивелировки. В свою очередь, это является еще одним аргументом в пользу срубной конструкции стен, а отсутствие столбовых ямок на прилегающих участках материка только лишний раз подтверждает это предположение.

В заключение анализа жилища остановимся на одной необычной детали нивелировки участка. С северо-запада площадку подрезки ограничивала идущая практически по прямой линии канавка, которая первоначально при полевых исследованиях была даже воспринята как след бревна нижнего венца. Однако такая трактовка невозможна по следующим причинам. В таком случае сруб получался заметно смещенным по отношению к котловану, а лавки по его периметру имели бы вид равнобедренных треугольников, что представить довольно сложно. Отдельные жилища, в которых лавка принимала подтреугольный в плане вид, были зафиксированы в постройках Большого Горнальского городища. Однако там речь шла об относительно небольшом сужении, и только с одной стороны, в случаях, когда котлован был сооружен как бы «неаккуратно». Кроме того, полученная при подрезке площадка имела ровную поверхность (перепад на 5 м не превышал 0,04 м). Заглубление по отношению нее бревна нижнего венца еще на 0,2 м не только не имело смысла, но нарушало бы общую конструкцию сруба. Видимо, канавка не имела непосредственного отношения к дому. Вероятно, она соответствовала усадебным ограждениям, остатки которых неоднократно прослеживались при исследованиях на Липинском селище. В свою очередь, участки подрезки, ближе всего «подходящие» к котловану, определяют расстояние, на которое стены дома отступали от котлована. С трех сторон размер отступа составил 0,2–0,3 м (рис. 71).

Постройка, исследованная А.Е. Алиховой на Моисеевском городище, опубликована (Алихова, 1962. С. 84–86), однако без ряда важных иллюстраций, несущих информацию о реконструктивных признаках (Алихова, Отчет…1955 г. Л. 19–21. Рис. 11). Следует отметить, что в отчетной документации чертежи даны в сильно уменьшенном виде, что затрудняет восприятие некоторых деталей. В иллюстрации авторская графика сохранена, однако подписи, которые были нередко трудно читаемыми, были увеличены (рис. 72). Котлован имел в плане почти правильную квадратную форму со стороной в 3,6 м при глубине 1,2 м. С юга к нему примыкал вход, размеры которого по длинной оси достигали 2,4 м. Его продольный разрез отсутствует, однако есть все основания полагать, что в южной части «коридора» имелась ступенька. В пользу этого свидетельствует следующее. По бокам входа были зафиксированы следы «столбиков», явно связанных с обшивкой. Цепочка из них пересекает также вход, причем на этом участке их количество заметно увеличивается. Реально их, видимо, было даже больше, чем обозначено на плане, на что указывает поперечный разрез входа, где обнаруживаются следы «дополнительных» столбиков (рис. 72). Укреплять они могли только бортик ступеньки, а их количество отражает следы ремонта, что вполне понятно, так как на этот участок входа приходились заметные дополнительные нагрузки.

Пол котлована, под которым были обнаружены две неглубокие хозяйственные ямы 1 и 2, имел следы глиняной подмазки. Под ней располагалась столбовая ямка неясного назначения. По трем углам были обнаружены ямки от столбов обшивки. Еще одна маленькая ямка, которая в тексте отчета не упоминается, располагалась в северной части котлована. Как по своим размерам, так и по местоположению она не могла быть связана с облицовкой котлована.

Глинобитная печь, поставленная с отступом от стенок котлована, относится к числу редких случаев, отличающихся неплохой сохранностью. Ее описание дается весьма кратко, однако, судя по рисунку, свод сооружения подобно печам Липинского городища завершался жаровней с бортиками. Сходность конструкций печей двух памятников отмечала в публикации и А.Е Алихова (Алихова, 1962. С. 85). Сверху печи был найден «комок обожженной глины» (Алихова, Отчет…1955. Л. 20), который, вероятнее всего, представлял собой валек. Печь была возведена на подсыпке из грунта.

Характер отопительного сооружения предполагает возможность конструктивного решения, при котором стены дома были возведены прямо в котловане. Однако остальные факты свидетельствуют против этого. Облицовка котлована явно была ослабленной и не имевшей несущего характера, что только подтверждается отсутствием столба в юго-западном углу, куда, кстати сказать, заходила цепочка небольших столбиков обшивки входа (рис. 72). Такой тип укрепления заглубленной части жилища соотносится со стенами дома, которые возводились на некотором расстоянии от котлована, что подтверждается и наличием входа. В пользу этого имеются аргументы и стратиграфического характера. Разрезы, проходящие через постройку, фиксируют очень важную деталь. К западу от постройки материк имеет значительное падение. Именно здесь, в крайне простой стратиграфической картине напластований, выделяется, по терминологии А.Е. Алиховой, «культурный слой» и подстилающая его «супесь сероватая пятнистая» толщиной около 0,8 м (рис. 72). На первый взгляд, последний тип грунта выглядит подсыпкой, с помощью которой был выровнен прилегающий к котловану участок, тем более что к востоку от постройки он уже отсутствует. Однако несравненно более реальным является иная трактовка стратиграфии. В ходе исследований Посемьской экспедиции на территории области было установлено, что в тех случаях, когда на памятниках материк представлен плотным суглинком, обычно под культурным слоем залегает мощный (0,6–0,8 м) диффузионный слой (Курск, Рыльск). Его

основу составляет древняя почва, на поверхности которой первые поселенцы начинали строительство. Именно такая картина была засвидетельствована в Моисеево в 2005 г. при раскопках Р.С. Веретюшкина на селище, примыкающем к городищу. Таким образом, в чертежах А.Е. Алиховой фиксируется значительная подрезка склона с восточной стороны, что особенно хорошо видно в разрезе АБ (рис. 72). «Пятнистость» грунта, а также нечеткость его границ как раз очень характерны для диффузионного слоя. Тот факт, что в поперечном разрезе входа сохраняется перепад прилегающей площадки около 0,35 м, ничего не меняет. Весьма похоже, что на этом участке характер нивелировок был более сложным, на что указывает четкая и в тоже время неровная граница поверхности диффузионного слоя. Выравнивание строительной площадки перед возведением дома, отсутствие столбовых ямок около котлована наряду с входом-«коридором» и облегченной обшивкой доказывают срубную конструкцию стен. Размер отступа фиксируется только с южной стороны. Судя по входу, он должен был быть не менее 2,4 м.

Облик постройки 7, исследованной Г.Ю. Стародубцевым в 2000 г. на Люшинском городище, очень близок описанным (Стародубцев, Отчет… 2000. Л. 21–22. Рис. 71–72, 79). Котлован глубиной 0,3–0,7 м имел в плане форму не совсем правильного квадрата со сторонами 2,6 х 2,9 м, ориентированными примерно по сторонам света. В юго-западном углу, на некотором удалении от стен располагалась плохо сохранившаяся глинобитная печь, при возведении которой использовались куски мергеля. С южной стороны примыкал вход в виде «коридора» длиной 1,9 м и шириной 1,4 м с постепенно понижающимся дном, который на стыке с котлованом имел ступеньку высотой 17–20 см.

По поводу характера облицовки можно высказать только некоторые соображения. Обшивка не могла быть каркасно-столбовой конструкции, так как в дне постройки вообще отсутствовали какие-либо ямки. Расположение печи вкупе с последним фактом позволяет предположить срубную конструкцию, однако против этого свидетельствуют размеры котлована: если его «чистая» площадь составляла 7,5 м, то при помещении внутри него сруба она вряд ли могла превысить 5 кв. м. В свою очередь, столь малая площадь указывает на отступ стен дома от границ котлована, а отсутствие поблизости столбовых ямок говорит об использовании срубной конструкции. Перепад высоты стенок котлована в 0,4 м подразумевает проведение нивелировочных работ, однако их следы не обнаружены. Судя по всему, это объясняется стратиграфически невыразительным («глухим») культурным слоем. Естественно, специфика грунта могла привести к тому, что в нем могли не сохраниться и следы ямок от стояков каркасной конструкции стен дома. Это верно по отношению к северной части строительной площадки, однако в южной столбы должны были бы прослеживаться ввиду того, что здесь материк залегал почти сразу под дерном.

Проанализированными объектами исчерпывается список домов с жилыми котлованами. Общие характеристики сооружений, включая признаки реконструктивного характера, приведены в таблице 5 приложения. Количество построек рассматриваемого типа довольно невелико, однако их облик довольно целостен, что свидетельствует о конструктивной близости. Все печи были глинобитными, причем в случаях относительно хорошей сохранности в их основании прослеживался слой грунта, нередко материкового. Без специальных подпорок он должен был «расползтись». Исключение, возможно, составляет только печь липинской постройки Р-11, я.21, в основании которой слой песка был небольшой толщины. Однако рядом с печью располагались ямки, часть которых могла быть связана с конструкцией опечка. К сожалению, объект был исследован неполностью, поэтому данные конструктивного характера имеют неполный характер.

Гораздо определеннее следы опечков прослеживаются в других липинских домах. В постройках Р-7, я.27 и Р-8, я.41 рядом с печами обнаружены небольшие ямки от столбиков, которые были явно связаны с обшивками основы отопительных сооружений. В постройке Р-5, я.5 Липинского селища и землянке Моисеевского городища ямки отсутствовали, однако заметная «приподнятость» печей нельзя объяснить иначе, как наличием опечков в их основаниях, которые, вероятнее всего, имели срубную конструкцию. Отопительное сооружение постройки 7 Люшинского городища имело плохую сохранность. Выше уже говорилось о том, что по ряду косвенных данных опечки появляются еще в роменское время. Рассмотренные объекты представляют на этот счет свидетельства уже «материального» характера.

Жилища по своим конструктивным признакам демонстрируют заметную степень сходства с наиболее распространенными строительными схемами роменского времени. В обоих случаях использовалась срубная техника, стены дома возводились с отступом от котлована, что формировало внутренний интерьер. Отличие наблюдается только в одном. В жилищах IX–X вв. встречаются, хотя и не часто, небольшие по размерам ступеньки-входы, примыкающие к котлованам. По сути, они являлись деталью интерьера. Особенно это отчетливо видно на примере ранее упоминавшихся жилищ В и Г летописного Донца (Дьяченко, 1991. Рис. 3: 1–2; 4–5). Врезанные в стенки котлована окна неизбежно приводят к выводу о том, что входы были «вписаны» во внутреннее пространство жилья. Практически все рассмотренные в настоящем разделе жилища имеют входы, которые превращаются в «коридоры» длиной около 2 м. Исключение представляет собой только липинская постройка Р-5, я.5, однако ее заметная часть была уничтожена обрывом. Интересно отметить, что в этом направ-

лении в древности имелся наклон дневной поверхности. Именно здесь было удобнее всего сделать вход, что сокращало объем трудозатрат.

Встает закономерный вопрос: отмеченное отличие имеет только количественный характер или фиксирует качественное изменение? На конкретном примере дома в ур. «Пидтополэвэ» этот вопрос попытался решить В.К. Козюба (Козюба, 1998). В целом планиграфия изученного дома оказалась удивительно близкой рассмотренным жилищам Посемья, однако, в отличие от них, в постройке сравнительно хорошо сохранились некоторые деревянные детали, что в лесостепной зоне встречается нечасто (рис. 15). Исследователь пришел, на наш взгляд, к совершенно справедливому выводу о том, что такой вход представлял собой остатки закрытых сеней. В условиях заглубленных жилищ их наличие вызывало сомнения, которые, по мнению В.К. Козюбы, не распространяются на объекты в виде котлованов с примыкающими «тамбурами». Из контекста работы следует, что подобные сооружения, обнаруженные на территории Среднего Поднепровья, исследователь в определенной мере соотносит с пятистенками, известными по раскопкам древнерусских городов. В свою очередь, котлованные дома с небольшими входами в виде одной-двух ступенек он рассматривает как однокамерные (Козюба, 1998. С. 42–43).

В целом В.К. Козюба затронул один из спорных вопросов древнерусского домостроительства, касающийся сеней. Впервые он встал при изучении Великого Новгорода, в ходе которого были открыты двухчастные (двухкамерные) дома. Их меньшие, неотапливаемые части П.И Засурцев определил как сени (Засурцев, 1963. С. 55). С резкой и обстоятельной критикой такой трактовки выступил Ю.П. Спегальский. Опираясь на разные источники, он предложил свою схему появления и развития сеней. По его мнению, сени вплоть до XVI–XVII вв., оставаясь холодным помещением, имели облегченную каркасно-стоечную конструкцию с дощатой забиркой между столбами, а рубленные, тем более вместе со срубом основного объема, появляются не ранее кон. XVII вв. Наличие двухтрехметровых «отсеков» в новгородских домах Ю.П. Спегальский объясняет следующим образом. По его мнению, именно здесь в богатых домах находилось помещение для ночлега, куда вела лестница. Существование таких маленьких спален-горниц являлось следствием стремления к созданию комфортных условий, в частности, без дыма и копоти, исходящих от топки печи по-черному, а также излишнего перегрева (Спегальский, 1972. С. 96–134). Следует отметить, что, по Ю.П. Спегальскому, такой узкий «отсек» был проходным: именно через него, пройдя под горницей или горницами, можно было попасть в общее отапливаемое помещение («повалушу», как полагает исследователь). Сам же «отсек», в силу того что в нем располагалась лестница (или лестницы) в спальни, возможно, носил название «всходниц» (Спегальский, 1972. С. 135).

Заметно пополнившиеся в ходе дальнейших исследований Новгорода материалы позволили существенно уточнить как облик, так и характер эволюции пятистенок. Сравнительно недавно Н.Н. Фараджева посвятила специальное исследование этим своеобразным постройкам, разделив их на основании расположения пятой стены на две подгруппы. В подгруппе А основная камера сильно превосходит другую по площади, при этом меньшая представляла собой проходное помещение и чаще всего использовалась в качестве сеней (рис. 73: 1–4). В постройках подгруппы Б площадь меньшей камеры сильно увеличена, а иногда размеры помещений практически одинаковы. Эти сооружения, как правило, отличаются от подгруппы А более вытянутыми пропорциями. Доля домов подгруппы А в общем объеме срубных строений относительно мала, однако их роль в системе усадебных комплексов весьма заметна: такие пятистенки средних (32,5 – менее 60 кв. м) и больших (60 – 85 кв. м) размеров с кон. X по сер. XIII в. являлись основными владельческими постройками на усадьбах Новгорода. Иначе выглядит и развитие схемы оформления привходного пространства. Цельнорубленные пятистены в X в. известны, однако довольно редки и датируются последней четвертью этого века. Наряду с ними в X в. широкое распространение имели дома с трехстенными прирубами и привходными настилами-помостами. В целом же в X – нач. XI в. прослеживается процесс унификации, который привел к постепенной замене многообразных двухчастных строений цельнорубленными пятистенками, что характерно не только для средних и больших домов, но и для построек малой площади. В результате в первые десятилетия XI в. цельнорубленные пятистенки полностью вытесняют другие варианты, при этом они составляют 41 % всех усадебных строений. В 1-й пол. XII в. их число сокращается до 27,5 %, однако пятистенки среднего размера, которых было большинство (75 %), остаются основными жилыми постройками усадеб. Во 2-й пол. XII – XIII вв. доля пятистенок заметно сокращается при одновременном увеличении количества четырехстенных срубов, что приводит к их полному исчезновению в XIV в. Следует отметить, что к эволюционной линии подгруппы А никакого отношения не имели постройки подгруппы Б, которые чаще всего использовались как хозяйственные (Фараджева, 1998).

Мы не случайно подробно изложили основные выводы Н.Н. Фараджевой, которые, на наш взгляд, являются очень важными. Проведенный анализ существенно уточняет построения предшествующих авторов. Предложенная исследовательницей схема приобретает динамику и социальную окраску. В целом же эволюция пятистенок вписывается в процесс формирования единой строительной культуры Новгорода, представляя собой его определенный этап (Фараджева, 1998. С. 75). Однако есть основания полагать, что отмеченные закономерности отража-

ют тенденции гораздо более общего характера. Как оказалось, похожая картина фиксируется на Подоле Киева, где также хорошо сохраняется дерево (рис. 73: 5–9). Здесь в 1-й пол. XI в. появляются цельнорубленные пятистенки площадью 25–30 кв. м идентичной Новгороду конструкции и планировки. Большее помещение имело форму квадрата или приближалось к ней, печь стояла у входа, который через проходной «отсек» шириной около 2 м выводил на улицу. Во 2-й пол. XI в. дома такой конструкции становятся преобладающими, что характерно и для жилого домостроительства 1-й пол. XII в. (Сагайдак, 1991. С. 94–95; 103–104; 108. Рис. 50; 60; 62). К сожалению, в напластованиях 2-й пол. XII в. дерево в напластованиях Подола сохраняется плохо, поэтому к полученным материалам следует относиться с осторожностью. В это время пятистенки не зафиксированы. Прослежены остатки квадратных срубов площадью 15–20 кв. м, которые на территории усадеб стояли по 2–3 в один ряд, причем иногда они были впущены в котлованы глубиной до 1 м. М.А. Сагайдак предполагает, что, возможно, такие срубы были объединены в единые жилые комплексы (Сагайдак, 1991. С. 121–122).

Таким образом, Новгород и Киев демонстрируют заметную близость тенденций в домостроительстве, что приводит к выводу: несмотря на региональную специфику, развитие жилья севера и юга Руси, по крайней мере городского, имело общие магистральные пути. Конечно, использовать выводы, полученные на основе изучения стольных русских градов, нужно с большой долей осторожности, однако обратимся к фактам. Итак, «отсеки» пятистенок Киева и Новгорода представляли собой проходные холодные помещения, через которые вел проход в общую отапливаемую камеру. Но именно через вход-«тамбур» можно было проникнуть в жилое помещение рассмотренных домов Курской волости-княжения. Сени киевских и новгородских построек обычно имели ширину около 2 м, иногда до 3 м. Такую же длину имели «тамбуры» в курских домах. Основное отапливаемое помещение в киево-новгородских пятистенках было квадратным. Это же характерно и для котлованов курских построек. Общие принципы планировки проявляются и в расположении печи. В пятистенках не только Новгорода, но и Киева отопительные сооружения располагались около входа в общее помещение, что, кстати сказать, противоречит устоявшемуся мнению, гласящему: для северных районов Руси характерно размещение печи у входа, для южных – в одном из углов напротив входа (Борисевич, 1982. С. 276). В курских домах такое расположение отмечено в четырех случаях из пяти определимых. Шестой объект (постройка Р-5, я.5 в Липино) был заметно поврежден. Однако ранее мы предположили, что с учетом особенностей рельефа вход располагался как раз с южной стороны, разрушенной обрывом. К юго-западной стороне примыкало и отопительное устройство. В одной постройке (Липино, Р-11, я.21) печь находилась напротив входа.

Обратимся еще раз к работе В.К. Козюбы. Постройка, рассматриваемая исследователем, является по своим признакам идентичной курским жилищам с «тамбурами». Автор при воссоздании облика сеней предполагает следующий вариант реконструкции. По его мнению, они представляли собой трехстенку из горизонтальных досок, которые входили в пазы стоек-столбов и бревна стенки сруба, хотя в последнем случае допускается и крепление с использованием кольев, прижимавших доски к выступающим венцам жилой камеры. Сверху вертикальные столбы были связаны очепом. Соответственно, ширина сеней была несколько уже, чем размеры сруба (рис. 15). На наш взгляд, такой вариант отличается излишним усложнением. Неслучайно автор при моделировании отмечает, что конструктивно перекрытия «тамбура» было непросто связать с фронтонной стеной сруба (Козюба, 2000. С. 43). Однако все проблемы снимаются, если предположить, что конструкция представляла собой цельнорубленную пятистенку.

Отметим еще одну деталь: в анализируемой В.К Козюбой постройке на месте тамбура отсутствовали столбовые ямки, которые можно было бы соотнести со стойками каркасно-столбовой конструкции. В результате автор помещает в основание сеней как бы окладной венец, состоящий, однако, из трех бревен. В этом случае сочленения оснований вертикальных столбов-стоек и углов «венца» должны были составлять довольно сложный замок. Находки таких узлов известны, однако они относятся к числу немногочисленных, что свидетельствует об их ограниченном применении. Так, в Новгороде подобная схема сочленения была обнаружена в одной постройке, представлявшей собой небольшое квадратное в плане сооружение явно нежилого характера, в стойках которого, кстати сказать, отсутствовали пазы. Вторая находка представлена бревном опорного венца, которое было вторично использовано в настиле мостовой (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 149. Табл. 51: 9–11).

В пяти курских постройках рядом с тамбурами также отсутствуют столбовые ямки, которые можно было бы связать с каркасно-столбовой конструкцией стен привходных помещений. Их нет во всех жилищах с «тамбурами» в Старой Рязани (В-3, Г-1, О-1) (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 19, 26, 38) и на поселении в Лесковом (№№5, 6 и 85) (Шекун, Веремейчик, 1999. Рис. 15, 36, 77), постройке С-6 Сампсониева Острова (Моргунов, 2003. С. 79–81. Рис. 31). На общем фоне выглядит исключением постройка Р-8, я.41, однако, строго говоря, в ней и не было «коридора-тамбура»: вход был обозначен только слабовыраженной западиной. В этом жилище можно предположить существование открытых сеней в виде каркасно-столбовой конструкции или навеса, для чего планиграфически вполне подходят ямки Л и О (рис. 70). По нашему мнению, скорее всего, речь должна идти

о навесе, в пользу чего имеются следующие аргументы. Каркасная конструкция подразумевает как минимум четыре столба. Два (О и Л) имеются, «вписываются» в прямоугольник ямка К и, хотя уже и с определенной натяжкой, ямка П. Однако две последние стоят на линии границы котлована, а ямка К даже врезается в его угол, тогда как если бы они соответствовали стоякам, то должны были бы быть выдвинуты немного к северо-западу. Судя по их расположению, их роль была иной: эти ямки соответствовали стульям-опорам, призванным укреплять основание проходившей здесь стены сруба. Аналогичная конструкция была прослежена Ю.Ю. Моргуновым в упоминавшейся постройке 6 Сампсониева Острова. Косвенно в пользу навеса указывает и отсутствие столбовых ям от опор – дверных косяков, хотя в случае использования для забирки затесанных бревен дверь могла располагаться и выше.

Постройку из «Пидтополэвэ» В.К. Козюба датирует нач. – 1-й пол. XII в., т.е. временем широкого распространения цельнорубленных пятистенок в условиях Южной Руси, причем уже с более чем вековой традицией, что подтверждается материалами киевского Подола. Напомним, что в Новгороде, по данным Н.Н. Фараджевой, трехстенные привходные помещения исчезают уже к кон. X в. В связи с этим уместно обратиться к выводу Ю.Ю. Моргунова, проанализировавшего в рамках монографического исследования домостроительство рядового сельского поселения в урочище Сампсониев Остров на Суле. Автор, интерпретируя постройки с жилыми котлованами в качестве наземных, считает, что «в этом плане южнорусское домостроительство XII–XIII вв. практически ничем не отличалось от северного», а, в свою очередь, домостроительство жителей расположенного на далекой степной окраине поселения отражает картину южнорусских строительных традиций (Моргунов, 2003. С. 131).

Точное совпадение комплекса признаков, на наш взгляд, говорит только об одном: постройки с жилыми котлованами и примыкающими к ним «тамбурами» являются теми же самыми срубными пятистенками. Отклонение от жилищ киевского Подола и Новгорода заключается в том, что их нижние части были заглублены. Однако это легко объяснимо. «Классические» пятистенки Новгорода и киевского Подола были наземными, так как возводились в условиях «мокрого» слоя, что, собственно, и определило их сохранность, а в конечном итоге и привлекло внимание исследователей. В условиях сухого грунта строители предпочитали нижнюю часть таких жилищ возводить как бы «утапливая», что являлось делом привычным и имело характер устоявшейся многовековой традиции.

В связи с предложенной интерпретацией котлованных домов с «тамбурами» важно обратиться к хронологии такого рода сооружений в условиях Посемья. Возведение постройки Р-11, я.21 в Липино по керамическому комплексу, в котором при наличии лепной роменской керамики большинство обломков (66,3 %) принадлежало сравнительно ранним формам круговой киеворусской посуды, относится к кон. X – нач. XI вв. Следует отметить, что в Липино безраздельное господство круговой посуды наступает очень быстро: в некоторых объектах, датирующихся тем же временем, ее доля уже превышает 90 % (Енуков, 2005а. С. 283. Табл. 12). Набор керамики в постройке 7 Люшинского городища также обладает архаическими для древнерусского времени чертами: доля лепной керамики роменского облика в нем достигает 47 %, однако здесь присутствуют формы круговой посуды кон. XI – нач. XII вв. Неординарность ситуации В.В. Енуков связывает с активизацией Киева в деле государственного освоения Земли вятичей, в среде которых на протяжении всего XI в. сохранялась традиция изготовления сосудов роменского облика. Вероятно, какой-то коллектив из Поочья был переселен на вновь обживаемое Люшинское городище, что являлось довольно обычной практикой в те времена (Енуков, 2005а. С. 280, 304–306. Табл. 10).

Единственной датирующей находкой в постройке Р-8, я. 41 был костяной двухсторонний гребень трапециевидной формы, который по типологии Б.А. Колчина ближе всего типам Д и М. Такие вещи использовались в пределах широкого хронологического периода от кон. X до кон. XII – нач. XIII вв., хотя при этом и отмечается, что уже в 1-й пол. XII в. они начинают постепенно исчезать (Колчин, 1982. С. 164). Уточнить хронологию постройки можно только с привлечением керамики. На сегодняшний день применительно к памятникам Левобережья Днепра лучше всего типология круговой посуды разработана на материалах Посулья, которое является регионом, смежным с курскими землями. Венчики представлены формами, характерными для конца XI – нач. XII вв. («рудиментарная» манжета), сер. – 2-й пол. XII вв. (появление желобка с внутренней стороны) и кон. XII – нач. XIII вв. (край отогнут и как бы нависает над шейкой) (Моргунов, 1996. С. 20–26. Рис. 4–7). Таким образом, постройка использовалась достаточно длительное время, практически на протяжении всего XII в., возможно, вплоть до нач. XIII в.

В липинской постройке Р-7, я.27 был найден втульчатый ключ, предназначенный для нутряного комбинированного замка с деревянным засовом и металлическим механизмом. Подобные находки, по классификации Б.А. Колчина, соответствуют второму типу первого варианта и датируются кон. X – началом – 1-й пол. XIII вв. (Колчин, 1959. С. 94; 1982. С. 161). Керамический комплекс объекта выглядит достаточно «компактным». Большинство венчиков имеет желобки с внутренней стороны, что характерно для посуды начиная с сер. XII в., причем находки развитых форм этого типа единичны. Судя по этим признакам, постройка существовала в основном в пределах сер. – 2-й пол. XII вв.

В отличие от двух предыдущих, липинская постройка Р-5, я.5 дает картину полного господства в кера-

мическом наборе венчиков развитых типов, причем часть из них была вмазана в под печи. Вероятнее всего, она была возведена не ранее рубежа XII–XIII вв. Это подтверждают и находки двух стеклянных браслетов. В Киеве они появляются в последней четверти XI в. (Сагайдак, 1991. С. 107). В древнерусских городах со временем их количество постепенно возрастает, достигая своего пика накануне татаро-монгольского нашествия, после чего продукция киевских мастеров резко исчезает с рынков (Столярова, 1997. С. 96–99). Таким образом, постройку Р-5, я.5 можно с большой долей уверенности датировать 1-й пол. XIII в.

Крайней скудостью отличался инвентарь из постройки, обнаруженной на Моисеевском городище. Автор исследований А.Е. Алихова по находкам круговой керамики, которая, к сожалению, не опубликована, а ее рисунки отсутствуют в отчете, суммарно датирует сооружение XII–XIII вв. (Алихова, 1962. С. 85).

Таким образом, в Посемье котлованные дома с тамбурами появляются одновременно с наземными пятистенками Киева и Новгорода. Верхняя граница их бытования совпадает с новгородскими сооружениями, хотя в Киеве пока фиксируется более раннее «исчезновение» срубов, что, однако, вряд ли должно смущать. Выше уже отмечалось, что в напластованиях Подола дерево начиная со 2-й пол. XII в. сохраняется плохо. Синхронность сооружений является еще одним аргументом в пользу того, что наземные пятистенки и котлованные дома с «тамбурами» представляют собой два варианта одного типа строительной схемы.

При реконструкции курских пятистенок с «тамбурами» встает один вопрос технического характера. Каким образом оформлялся вход из «отсека»-сеней в основное помещение? Логично было бы предположить, что роль косяков дверей могли играть опорные столбы, скрепленные с примыкающими бревнами пятой стены. Такая конструкция отличалась бы простотой и прочностью. Однако следы опор, как уже отмечалось, отсутствовали. Следовательно, применение такой схемы исключается. В реконструкции В.К. Козюбы вход представлен в виде несущей рамы, хотя причины использования такого варианта специально не оговорены (рис. 15). Мы полагаем, что предложенный вариант в принципе верен. Объясняется это следующим. В большинстве случаев вход в отапливаемое помещение «прорезал», в зависимости от глубины котлована, только 2–3 нижних бревна пятой стены, при этом внешние концы «обрезанных» бревен довольно жестко крепились в двух параллельных стенках сруба путем рубки в обло. В этой ситуации концы бревен, примыкавших к входу, судя по всему, связывались с рамой «в замок», при этом верхняя часть рамы врезалась в перекрывающее бревно. Такая схема придавала всей конструкции достаточную жесткость. Нагрузка на основание пятой стены в данном случае получалась самой минимальной, что позволяло поместить ее практически на одной линии со стенкой котлована.

Обратимся к конкретному облику домов с жилыми котлованами и примыкающими «тамбурами». К числу маркерных объектов отнесены постройки Р-7, я.27 и Р-8, я.41, которые отличает сравнительно хорошая сохранность и исчерпывающая полевая документация. Кроме того, если первая из них являет собой типичный пример цельнорубленой пятистенки с заглубленной жилой частью (рис. 74), то во второй, как исключение-анахронизм, использовался вариант открытых сеней (рис. 75). С большой долей уверенности можно полагать, что в последнем случае перед входом имелось деревянное покрытие, которому и соответствует небольшое углубление. Подобные настилы – нередкая находка в городах с «мокрым» слоем (Спегальский, 1972. Рис. 4; Лысенко, 1985. Рис. 31; 47; 77; 93; Фараджева, 1998. С. 75).

Итак, в постройках выделенной группы прослеживаются черты, свойственные традициям домостроительства предшествующего времени. К их числу относятся использование срубной техники, возведение стен с отступом от котлована, обшивка которого была подпорной и не имела несущего характера. Предполагаемая двухэтажность постройки Р-11, я.21 селища 1 в Липино находит полные аналогии в роменских сооружениях на площадке расположенного рядом городища. К числу роменских черт этой постройки относится и размещение печи в противоположном от входа углу. В IX–X вв. уже хорошо были известны глинобитные печи, обнаруженные и в древнерусских домах с жилыми котлованами, а оформление верхней части печи в виде жаровни (землянка из Моисеево) полностью повторяет конструкцию двух отопительных сооружений Липинского городища. Однако исчезают печи с использованием материкового останца, их как бы «заменяет» опечек.

Различия в сооружениях двух эпох обнаруживаются в появлении привходных неотапливаемых помещений, которые, похоже, в основном использовались как сени. Материалы Новгорода и Киева дают основание утверждать, что этот важный элемент жилья появился под влиянием общерусских традиций. В связи с этим стоит еще раз вернуться к постройкам Р-11, я.21 в Липино и 7 в Люшинке, в керамических комплексах которых заметная доля принадлежала керамике роменского облика, однако В.В. Енуков, как было указано выше, на основании соотношения лепной и круговой керамики отнес их уже к периоду, последовавшему за разгромом Русью «племенного» Посемья. Материалы домостроительства полностью подтверждают это.

Наземные жилища с подпольными ямами

Дома, анализу которых посвящен настоящий раздел, впервые без всяких оговорок можно отнести к числу наземных, так как пол их жилой части находился на уровне дневной поверхности или незначи-

тельно выше ее. Их следы фиксируются по подпольным ямам, которые в плане имеют вытянутые пропорции и нередко «неправильную» форму, заметно отличающиеся от рассмотренных выше «привычных» прямоугольных очертаний. Чаще всего именно в ямах находятся развалы упавших печей. Переход к рассмотрению этих жилищ сразу после пятистенок не случаен. Подобные сооружения в предшествующий роменский период весьма редки, но все-таки известны. Таким образом, данный тип домов остается фактически последним претендентом на звание «носителя» строительных традиций «племенной» эпохи.

В ходе полевых исследований атрибутировать такие объекты как жилые нередко бывает крайне сложно, а в ряде случаев просто невозможно. Так, например, дом, разобранный по причине ветхости, полностью теряет признаки жилья и при раскопках будет выглядеть как хозяйственный объект. Если дом сгорел и во время его обрушения отопительное сооружение особенно сильно разрушилось или попало за пределы подпольных ям, может быть сделан аналогичный вывод. Эти соображения носят теоретический характер, однако приводят к неизбежному выводу о том, что реально домов подобного типа было заметно больше.

В древнерусское время на территории Курской волости-княжения жилищ с подпольными ямами известно 18, из них 10 было обнаружено на селище 1 в Липино, 4 – на селище 1 в Жерновце и 4 – в Курске.

Липинская постройка Р-4, я.5 относится к числу редких случаев данной группы жилищ, когда основание печи сохранилось in situ (рис. 76). Отопительное сооружение было возведено из белой глины, часть которой под воздействием температуры приобрела оранжевый цвет. В сохранившемся участке пода имелись вмазанные куски керамики. В основании печи прослежены плахи, которые, вероятнее всего, представляют собой не пол жилого помещения, а следы невысокого опечка. В пользу этого свидетельствует тот факт, что под отопительным сооружением располагалась небольшая (5–8 см) прослойка темно-серого грунта, заполнявшая небольшую западину. Случаи, когда печь была как бы «приподнята» над уровнем пола, выше уже рассматривались.

Вокруг печи располагался целый ряд ям, однако непосредственно с ней связана только примыкающая с севера яма 5. Яма 5А является более ранней, что хорошо видно на профиле I-II (рис. 76). Яма 31, наоборот, была более поздней, так как прорезала край печи. Вряд ли может иметь отношение к постройке и канавка 95 (например, след нижнего венца сруба), так как она имеет изгиб, а кроме того неминуемо «вписывается» во внутреннее пространство жилого помещения. Вероятнее всего, она представляла собой какую-то загородку, связанную с ямами 5А и 5Б. В свою очередь, столбовые ямки не образуют какой-либо системы, да и расположены на заметном расстоянии от печи. Вполне вероятно, они также связаны с огораживанием более ранних хозяйственных ям, так как большая их часть чрезвычайно близка линии канавки 95.

Подпольная яма 5 имела овальную в плане форму с размерами 3,1 х 2,3 м при глубине до 0,65 м. С южной и восточной сторон стенки ямы имели уступы. Северная и западная стенки были относительно пологими, в нижней части переходившие в ровное дно. В заполнении выделялось три слоя. В слое 1 «висел» развал верхней части печи, в котором помимо кусков обожженной глины были прокаленные камни, а также крупные фрагменты большой лепной жаровни, которая венчала отопительное сооружение. Ниже залегала золотисто-угольная прослойка 2, соответствующая, судя по всему, рухнувшему полу. Придонная часть ямы 5 была заполнена темно-серым грунтом, но со значительными включениями угля (слой 3).

Основным датирующим материалом постройки является керамика. Весьма показательным является сочетание фрагментов лепной и круговой посуды. Доля последней в напластованиях и печи составляет 78–80 %, а в прослойке под отопительным сооружением опускается даже до 57,4 %, что характерно для начального этапа освоения Русью территории Посемья, который приходится на кон. X – нач. XI вв. (Енуков, 2005а. С. 278–286. Табл. 10–12).

Липинская постройка Р-7, я.103 представляла собой самое раннее жилое сооружение на территории усадьбы А, когда еще собственно усадебный комплекс не сложился. От нее сохранилось углубление вытянутых пропорций по линии север–юг с размерами 6,6 х 3 м при глубине до 0,4 м. Яму 103 прорезала яма 104, а также еще более поздняя яма 103А (рис. 77).

Верхнюю часть подпольной ямы 103 перекрывал затек культурного слоя, образовавшийся после гибели сооружения. Непосредственно с жилищем были связаны залегавшие ниже слои 1–3, которые представляли собой остатки рухнувшей после пожара наземной части дома. В наиболее мощном слое 2, который содержал большую примесь продуктов горения, находилась рухнувшая печь в виде скопления белой обожженной глины толщиной до 10 см. В плане развал имел вид, близкий прямоугольнику. Это, похоже, объясняется тем, что отопительное сооружение упало с небольшой высоты и в определенной степени сохранило свою изначальную форму. В его основании имелась тонкая прослойка древесного тлена с вкраплениями угля, которая соотносится с участком упавшего вместе с печью пола.

Большая часть находок была обнаружена в горелом слое 2. К числу датирующих предметов относится односторонний наборный гребень из рога, накладки которого были украшены циркульным орнаментом. По классификации О.И. Давидан находка относится ко второй группе, которая бытовала до XI в. (Давидан, 1962. С. 100–101). На основании новгородских материалов Б.А. Колчин внес уточнение: подобные гребни использовались до сер. XI в., после чего они выходят их употребления (Колчин, 1982. С. 164). Дата находит подтверждение в керамике. В нижней

части заполнения ямы 103 более 20% обломков принадлежало роменским лепным горшкам, что характерно для кон. X – нач. XI вв. (Енуков, 2005а. С. 278 – 293). Таким образом, постройка существовала в пределах кон. X – 1-й пол. XI вв., причем вряд ли «доживая» до сер. XI в., так как, судя по керамике, прорезавшая ее яма 104 появилась не позднее этого времени, а сооружение ямы 103А относится к кон. XI – нач. XII вв.

От постройки Р-8, я.20 также сохранился мелкий (до 0,4 м) котлован вытянутых пропорций, имевший размеры 5,9 х 2,2 м (рис. 78). Поблизости от него было несколько столбовых ямок, которые, однако, нет оснований связывать с конструкцией жилища. В верхней части заполнения располагался развал печи из белой глины, в котором прослеживались куски свода и пода, причем последний был укреплен вмазанными камнями. Основная масса обломков как круговых, так и лепных сосудов приходилась на слои 2 и 3. Венчики круговых сосудов в подавляющем большинстве случаев представлены манжетовидными формами, что позволяет отнести бытование сооружения к XI в.

Постройка Р-9, я. 1 сохранилась очень плохо, так как участок, где она располагалась, позднее был перекрыт проезжей частью улицы II, а затем по нему прошли ограждения усадьбы Б. Сохранившаяся подпольная яма имела овальную в плане форму с размерами 4,6 х 3,6 м при глубине 0,2–0,4 м (рис. 79). Северный угол ямы занимали остатки печи, рухнувшей с жилого уровня дома. В скоплении обожженной глины присутствовали относительно крупные куски пода и свода. В северном и южном углах ямы имелись небольшие, 10–20 см глубиной, плавные углубления (1А, 1Б), в одном из которых располагались четыре небольших столбовых ямки.

Встреченная в заполнении ямы керамика относится к обширному хронологическому периоду, что вполне понятно, так как объект сильно пострадал в результате строительной деятельности. В то же время профильные части тяготеют к двум хронологическим отрезкам: 2-я пол. XI – нач. XII в. и 2-я пол. XII – нач. XIII в. Ввиду того что постройка существовала до того, как появилась улица II и ограждения усадьбы Б, есть все основания полагать, что материалы более раннего времени определяют хронологию объекта.

Постройка Р-10, я.19 находилась в скоплении разновременных ям и канавок (рис. 80). Яма 28Б относится к более раннему времени, так как развал печи перекрывал ее край. Кроме того, в ее заполнении, как и в яме 28А, присутствовали ранние по отношению к постройке материалы. Канавка 38, частично прорезавшая остатки печи, наоборот, была более поздней. Что касается столбовых ямок, то их соотнесение с каким-либо конкретным объектом невозможно.

Остатки отопительного сооружения в виде белой глины, в которой встречались крупные обожженные куски, располагались прямо на материке, частично заполняя находившуюся ниже плавную западину глубиной до 10 см. Примыкавшая к ним подпольная яма 19 имела подпрямоугольную в плане форму, размеры которой составляли 3,9 х 2 м при глубине 0,5 м. В ее заполнении выделялись два слоя, которые разделяла тонкая, прерывистая прослойка древесного тлена, только на отдельных участка достигавшая толщины 8 см. Судя по всему, она соответствовала рухнувшему полу жилого помещения. В слое 1 встречались куски белой глины, которые в некоторых случаях были прокалены до оранжевого цвета. Среди них были части свода и пода печи, которые в западной части образовывали скопление. В слое 2 количество фрагментов печи было еще большим. В северо-восточном углу они концентрировались и составляли еще одно небольшое скопление.

Расположение остатков печи дает все основания полагать, что она находилась практически на уровне дневной поверхности. Ее плохая сохранность, вероятнее всего, объясняется распашкой и вскрышными работами.

На первый взгляд, объект хорошо датируется временем до сер. XI в. находкой футляра от одностороннего гребня. Однако этому противоречит керамика, найденная в развале печи и подпольной яме. По своим морфологическим признакам она более всего соответствует 1-й пол. – сер. XII вв. В этом смысле находки из верхней части заполнения объекта, которыми при датировке нередко приходится пренебрегать, кажутся не случайными. К их числу относится темно-синяя пронизка, состоящая из двух зонных бус, и обломок стеклянного крученого браслета темно-синего цвета. Бусы соответствуют типу 2 по Ю.Л. Шаповой, которые по новгородской стратиграфии датируются XII – сер. XIII в. (Щапова, 1956. С. 167). На XII в., даже, точнее, на время не ранее его середины, указывает находка браслета (Столярова, 1997. С. 98). С учетом этих предметов и керамики, в которой отсутствуют развитые типы венчиков с ложбинкой по внутреннему краю, постройку следует датировать 1-й пол. – сер. XII вв., а находку футляра от гребня расценивать как случайную, тем более что рядом располагались объекты более раннего времени.

В постройке Р-11, я.1 развал рухнувшего отопительного сооружения был сравнительно небольшим, однако в заполнении объекта имелась заметная примесь глины как в обожженном, так и в необожженном состоянии (рис. 81). В пользу того, что это был все-таки жилой дом, свидетельствует многочисленный инвентарь, большая часть которого была сконцентрирована в нижней части заполнения. Он представлен 11 фрагментами стеклянных браслетов, обломком серебряной орнаментированной пряжки, бронзовым перстнем с орнаментом в виде «косички», тремя шиферными пряслицами, костяной накладкой, пуговицей из стенки кругового сосуда, иголкой, двумя ножами, ушком и дужкой от ведра, обломком керамического изделия с поливой зеленого цвета и некоторыми другими предметами. Особый интерес представляют цилиндрический

замок, имевший на корпусе декор из бронзовых накладок, и ключ от него. Эти находки, кстати сказать, логично связать именно с жилым домом. По классификации Б.А. Колчина они относятся к типу В. Такие замки появились в сер. XII в. и бытовали до XIV в. (Колчин, 1959. С. 82; 1982. С. 160). Датировка постройки сер. XII – нач. XIII в. подтверждается находками стеклянных браслетов и общим обликом керамического комплекса.

Подпольная яма имела неправильную в плане форму вытянутых пропорций, к которой с западной стороны примыкала как бы «полочка». Общие размеры объекта составляли 4,6 х 4,2 м при глубине до 0,5 м (рис. 81). Стенки ямы были чуть наклонными. У южной стенки в дне также прослеживалось углубление до 0,3 м (яма 1К). В дне сооружения располагался ряд небольших ямок от кольев, большая часть которых образовывала окружность. В заполнении ямы выделялось два слоя, в которых было много кусочков обожженной глины, образовывавших по восточной стенке скопление. В слое 2 были встречены куски пода. В напластованиях залегали камни и куски мергеля, которые, вполне вероятно, были использованы при возведении печи. По дну котлована проходила тонкая горелая прослойка.

Скопление ям на раскопе 11, которым первоначально по общему пятну был присвоен №4, в результате анализа стратиграфии и находок «распалось» на разновременные объекты (рис. 82). Прямоугольная в плане яма 4К была более ранней, что хорошо видно в профиле I-II. Рядом с ней располагались яма 4А, представлявшая собой несомненный интерес как сравнительно нечасто встречающийся хозяйственный объект. В разрезе она представляла собой практически правильный цилиндр, в дне которого имелась еще одна цилиндрическая яма меньшего размера. Ее стенки сохранили следы обмазки глиной, поверх которой на отдельных участках прослеживался древесный тлен. Заполнение состояло из песка с отдельными мелкими угольками, что, видимо, отражает засыпку объекта после окончания его использования. Облик сооружения не вызывает сомнений в трактовке: это – льдохранилище с трапом для водоотвода, или «желудок» (нижняя часть ледника). В деревянную заглубленную в грунт емкость укладывали крупными кусками лед, заполняя промежутки мелким колотым льдом и снегом. Верх накрывали соломой. Холодильники подобной конструкции применяются и в наши дни.

Стратиграфически не установлено соотношение льдохранилища и смежной с ним ямы 4К, поэтому теоретически можно предположить, что она представляла собой часть ледника. Однако против этого свидетельствует тот факт, что дно ямы 4К было на 0,3-0,4 м ниже, нежели устье «желудка». Кроме того, яма 4А прорезала верхнюю часть ямы 4К, что свидетельствует о более позднем характере первой. В свою очередь, напластования ямы 4 полностью перекрывали льдохранилище, которое в таком случае является более ранним. Похоже, самостоятельным объектом была небольшая, неправильной формы яма 4Б, в заполнении которой было помимо кусков железного шлака, глиняной обмазки и камней встречено множество фрагментов керамики, а в верхней части ее заполнения – скопление костей птиц.

Таким образом, с остатками предполагаемой постройки можно связывать только яму 4, которая имела овальные в плане очертания при размерах 5,6 х 2,7 м. Ее дно было неровным, а северо-западную половину занимало углубление (яма 4В). Остатки отопительного сооружения связаны главным образом со слоем 2, содержавшим многочисленные включения обожженной глины и углей, а также камни и куски шлака, которые, возможно, использовались при возведении печи. У северо-восточной стенки белая глина, в которой содержались прокаленные куски, образовывали сплошное скопление толщиной около 6 см. Слой 2 ограничивали интенсивно горелые прослойки 1А и 2А, которые, судя по всему, соответствовали полу и потолочным перекрытиям с кровлей. В залегавшем выше слое 1 прослеживалась также примесь кусков глины, среди которых был фрагмент пода, а также небольшие камни.

В заполнении постройки отсутствовали находки с «узкими» датами, поэтому ее хронологию можно определить только на основании керамики. Большая часть венчиков представлена манжетовидными формами, среди которых присутствовали рудиментарные манжеты в виде утолщений, что позволяет отнести сооружение ко 2-й пол. – кон. XI – нач. XII в.

Подполье липинской постройки Р-11, я. 44 имело вид плавного углубления восьмеркообразной в плане формы с размерами 5,5 м х 2,4 м при глубине до 0,45 м (рис. 83). В принципе, нельзя исключать возможности, что ее северо-восточная часть, отделенная «перемычкой» и обозначенная как яма 44А, представляла собой самостоятельный объект. Однако оба углубления были заполнены однородным темно-серым грунтом, а керамические материалы, встреченные в них, относились к одному хронологическому периоду. По бокам перемычки прослежены две столбовых ямки. На дне ямы 44 располагался развал печи толщиной до 24 см, состоящий из кусков обожженной глины, среди которых были обломки пода. К юго-востоку от него находились вкрапления белой глины. В заполнении ямы 44 обнаружено два десятка камней, которые, возможно, были использованы при возведении отопительного сооружения.

К числу датирующих предметов относится шарообразная стеклянная бусина желтого цвета, найденная в яме 44. По типологии Ю.Л. Щаповой она относится к варианту 2 типа 1 отдела I. В Новгороде такие украшения бытовали в кон. XI – XII вв. В XIII в. они известны, однако становятся редкими (Щапова, 1956. С. 165–166). Характерность таких бус именно для XII в. отмечал и Б.А. Колчин (Колчин, 1982. С. 169). Следует отметить находку еще одной элипсоидной бусины, имеющей розоватый цвет, которая была обнаружена выше, при зачистке слоя, потрево-

женного бульдозером. Данный тип имеет аналогичные закономерности бытования (Щапова, 1956. С. 170–171). Уточнить хронологию объекта позволяет керамический комплекс. Наряду с манжетовидными венчиками, среди которых заметная часть представлена поздними вариантами («сглаженная» манжета или в виде небольшого утолщения), присутствуют формы с ложбинкой по внутреннему краю. Подобная керамика появляется в сер. XII в. Отсутствие развитых типов, в первую очередь с цилиндрической или конической шейкой, позволяет определить это время как верхнюю дату объекта. Постройка, таким образом, существовала в пределах кон. XI – сер. XII в. Интересно отметить, что одна из находок указывает на то, что данное сооружение и постройка Р-11, я.1, которая была датирована сер. XII – нач. XIII вв., какое-то время существовали: в обоих сооружениях были найдены фрагменты одной керамической крышки.

Кроме проанализированных выше построек, на селище 1 в Липино были изучены сооружения, которые были отнесены к жилым домам с определенной долей условности (постройки Р-7, я. 35 и Р-7, я.36). Рассмотрим эти случаи.

На раскопе 7 Липинского селища было обнаружено скопление ям. В двух из них (№№ 35 и 36) залегали развалы белой глины, которые, однако, не имели отчетливых следов воздействия высокой температуры (рис. 84). В принципе, подобного рода скопления могли быть и не связаны с остатками отопительных сооружений. Но следует отметить, что объекты больше, чем обычно, пострадали при вскрышных работах: верх их заполнения был срезан бульдозером. Таким образом, части печных развалов, и вполне возможно основные, могли быть просто уничтожены. Белая глина часто использовалась обитателями древнего Липино именно при сооружении печей, а подполья, связанные с их скоплениями, содержали повышенное количество индивидуальных находок по сравнению с обычными хозяйственными объектами, что является показателем жилья. В яме 35 были найдены: обрывок железной кольчуги, односторонний костяной гребень, сердоликовая цилиндрическая бусина, побывавшая в огне, фрагмент стеклянной гладкой глазчатой бипирамидальной бусины, шиферное пряслице, пуговица из стенки кругового сосуда и железная скоба. В заполнении ямы 36 обнаружены: перстнеобразное височное кольцо, призматическая стеклянная бусина печёночного цвета, железная игла, три шиферных пряслица, поделка из рога оленя, амулет из таранной кости собаки, проколка из грифельной кости лошади, кость со следами обработки и неопределенные железные предметы.

Из-за подрезки тракторной техникой информация о планиграфии и стратиграфии, позволяющая судить об относительной хронологии ям, была минимальна. Было только установлено, что яма 50 относится к более раннему времени по сравнению с перекрывавшими ее ямами 34 и 35. В то же время материалы, встреченные в них, позволяют полагать, что они хотя и хронологически близки, однако не одновременны. В яме 36 сразу обращает на себя внимание находка призматической бусины печеночного цвета, которая является индикатором кон. X – нач. XI в. В целом не противоречит этой дате и посуда, венчики которой представлены манжетовидными формами на фоне небольшого количества фрагментов лепной роменской керамики, среди которой был обломок сковороды. Небольшая примесь лепной керамики имелась и в яме 35, в том числе крупный кусок горшка с веревочным орнаментом и часть сковороды. Заметная часть венчиков также имеет манжету по внешнему краю, однако среди них имеются и рудиментарные формы в виде просто небольшого утолщения, что уже характерно для кон. XI – нач. XII в. Односторонние гребни выходят из употребления в сер. XI в. Сердоликовые цилиндрические бусы на Руси почти не встречаются позднее XI в. (Фехнер, 1959. С. 174). Глазчатая бусина отличается плохой сохранностью, однако, в целом подобные украшения с «гладким» декором также были распространены до XI в. включительно (Щапова, 1956. С. 177–178). Таким образом, яму 35 следует датировать в пределах периода с сер. XI по рубеж XI – нач. XII в.

Из сказанного следует, что в скоплении, судя по всему, имеются остатки двух разновременных построек. С более ранней связана подпольная яма 36 грушевидной в плане формы с размерами 3,4 х 2,5 м, имевшая вид плавной западины глубиной до 0,4 м (рис. 84). Точно установить ее соотношение с ямой 36А невозможно, хотя небольшое количество керамики, встреченное в ней, не противоречит их одновременному существованию. Отопительное сооружение располагалось над южной частью ямы 36, вероятнее всего, даже выходя за ее пределы. Горелый слой 2 может быть соотнесен с рухнувшими перекрытиями.

Яма 35 в плане имела неправильную, несколько приближающуюся к треугольной форму. Ее размеры составляли с юго-запада на северо-восток 2,9 м, с северо-запада на юго-восток – до 2,2 м (рис. 84). Стенки плавно понижались и в центральной части образовывали углубление до 0,7 м, в центре которого была ямка от какой-то довольно мощной столбовой опоры. Развал печи располагался на углистом слое 2, который представлял собой рухнувший во время пожара пол с лагами перекрытий. Слой 3 в виде серого грунта с примесью гумусированного песка отражает заполнение непосредственно подпольной ямы. Поблизости от построек располагались столбовые ямки, которые, однако, нет оснований связывать с возможной конструкцией стен домов. Ямки, которые шли в виде цепочки по линии север–юг в квадратах линии П, планиграфически соотносятся с ограждением раннего периода усадьбы В.

В заключение обзора наземных домов с подпольными ямами из Липино остановимся на двух случа-

ях, когда были обнаружены остатки печей, однако объекты, с которыми они были связаны, нельзя соотнести с жилыми постройками. К их числу относится сложное по конфигурации скопление ям 1, 1А и 1И раскопа 12, которые находились на территории усадьбы Д, прямо перед въездом. Судя по всему, перед возведением усадебного забора с воротами была проведена забутовка западины, которая образовалась на месте нескольких наложившихся друг на друга более ранних объектов. При нивелировке площадки были использованы остатки глинобитной печи с кусками свода, содержавшиеся в виде значительной примеси в слое 1. Само по себе расположение обломков печи в верхней части заполнения объекта еще не может быть расценено однозначно как факт «вторичного» использования. Однако остатки печи вместе с большим количеством камней, похоже, были использованы в качестве особо прочных фракций при забутовке. «Нежилой» характер объекта подтверждается и большим количеством керамики: всего в слоях 1 и 1А было встречено более 3000 фрагментов (Енукова, Отчет…2001. Л. 43–46. Табл. 3).

Нельзя отнести к числу жилых домов и яму 65, которая была самой поздней в скоплении объектов на раскопе 8. В отличие от предыдущего случая, здесь остатки печи в виде белой глины, в том числе обожженных кусков, образовывали скопление. Оно находилось в самой верхней части заполнения, а в нем было встречено большое количество костей животных, среди которых были крупные, а также рыбьей чешуи (Енукова, Отчет …1997. Л. 20–21). Такая картина больше соответствует западине от объекта, которая засыпалась мусором.

Постройка Р-6, я.1А относится к числу самых ранних жилищ, открытых на территории Курска. Она располагалась на территории, которая, видимо, во время строительства дома представляла собой неукрепленное поселение. От постройки сохранилась небольшая овальная в плане яма, имевшая размеры 1,5 х 1,3 м при глубине до 0,5 м (рис. 85). В ее северной половине располагалась мелкая столбовая ямка. В заполнении выделялось 3 слоя. Слой 2, который значительно выходил за пределы ямы 1А, состоял из обожженной глины с большим количеством крупных кусков, среди которых были части пода, и представлял собой остатки рухнувшего отопительного сооружения. В заполнении была встречена круговая керамика, с преобладающими манжетовидными формами венчиков 1-й пол. XI в. Эту дату подтверждает и бронзовая подковообразная треугольного сечения фибула со спиральными концами. В целом такие застежки были широко распространены в древнерусское время, однако в основном они характерны для X–XI вв. Именно к этому периоду относится подавляющее большинство подобных фибул в Великом Новгороде (Седова, 1981. С. 86). По мнению В.М. Мальм, застежки X – 1-й пол. XI в. отличает узкое основание иглы, равенство ширины спирали и поперечного сечения дуги, отсутствие орнамента (Мальм, 1967. С. 153). Все эти признаки присутствуют у находки из ямы 1А.

В ходе исследований 2001–2002 гг. в Курске был открыт наземный жилой дом, обозначенный как сооружение 1. Следует отметить, что объект отличается исключительной сложностью с точки зрения интерпретации составляющих его напластований. В частности, это касается ямы 19 и заполняющего ее слоя 5 (рис. 86). Основная часть ямы представляла собой погреб-хранилище практически правильной цилиндрической формы, сооружение которого было возможно только в плотном материковом суглинке. Верхняя ее часть имела воронковидную форму. В восточной стороне располагались два небольших углубления, в одном из которых была столбовая ямка.

Практически вся цилиндрическая часть ямы 19 была заполнена материковым грунтом, в котором, несмотря на большой объем, было найдено всего 54 фрагмента керамики при полном отсутствии индивидуальных находок. Такая картина указывает на преднамеренный характер засыпки погреба, перед которым из него были удалены все припасы. Возникает вопрос, было ли хранилище засыпано перед возведением дома при подготовке строительной площадки, или оно чем-то не устроило обитателей уже существовавшего дома, что привело к перепланировке подпольного помещения. Последнее предположение, на наш взгляд, ближе к истине, что объясняется следующим. После нивелировки основной части ямы осталось воронковидное углубление, в котором была выкопана уже овальная яма, располагавшаяся точно над погребом цилиндрической формы. Ее западная часть прорезала склон предшествующего сооружения (рис. 86, разрез V-VI, план ямы 19). Видимо, с какими-то элементами конструкции были связаны расположенные по ее бокам столбовые ямки. Стенки восточной части нового хранилища прослеживались плохо, однако в плане границы устанавливались хорошо, так как придонную часть заполнения ямы занимали остатки рухнувшей печи 2 в виде скопления обожженной глины. На наш взгляд, использование незасыпанной части ямы 19, а также планиграфическое совпадение погреба и нового хранилища, скорее всего, указывают на то, что перестройка была проведена уже в условиях существовшего жилого дома.

Данный вывод подтверждается и характером залегавшего выше золисто-угольного слоя 4, который своими размерами в плане заметно выделяется в свите напластований сооружения 1. Он полностью перекрывал яму 19 и пересекал почти весь раскоп с востока на запад (12 м). На отдельных участках, тяготеющих к ее периферии, главным образом западной, имелись следы не до конца сгоревшего дерева в виде тлена коричневого цвета. В целом слой представляет собой остатки основной части деревянных конструкций дома, судя по которым постройка была значительной по своим размерам. Широтная протяженность слоя 4 объясняется, однако, не только боль-

шой площадью дома, но и тем, что к западу имелось падение рельефа, сначала небольшое, затем постепенно увеличивающееся. В основании слоя как раз и находился развал печи 2. Отсутствие каких-либо прослоек между слоями 4 и 5 лишний раз подтверждает, что цилиндрический погреб был засыпан.

Со слоем 4 связаны остатки еще одного отопительного сооружения. Развал печи 1 в виде подквадратного в плане скопления желто-коричневой глины имел размеры 2,2 х 2,3 м при максимальной толщине 13 см. Его юго-восточная часть представляла собой слой обожженной глины толщиной до 4 см, на поверхности которой располагались остатки пода печи толщиной 7–8 см. Под подом и прокаленной глиной было обнаружено скопление кусков мергеля, а также отдельные камни и куски железного шлака, которые были вмазаны в основание печи для придания ему большей прочности. Сохранность печи предполагает, что она упала с небольшой высоты. То, что она именно упала, не вызывает сомнений, так как глиняный развал, как и слой 4, повторял наклон дневной поверхности с востока на запад, составлявший около 0,4 м.

Имеются затруднения в интерпретации располагавшихся выше напластований. В слоях 1, 1А и 3 присутствуют остатки дерева, причем горелый слой 1 вполне соответствует рухнувшей кровле, заметная часть которого «съехала» в центр западины на месте ямы 19, достигая толщины 0,5 м. Подобная картина неоднократно прослеживалась и в заполнении других построек курских земель. Однако определенное сомнение в отнесении слоев 1–5 к одному сооружению вносит характер слоя 2, который крайне близок использованному для засыпки погреба грунту слоя 5. Соответственно, это дает возможность для теоретического предположения о том, что слоем 2 были снивелированы остатки сгоревшего сооружения 1, а слои 1–1А относятся уже к постройке более позднего времени. Однако слой 2 перекрывал подпольный котлован не полностью, что хорошо видно в профиле I-II. Основная часть объема грунта тяготела к юго-востоку сооружения. Кроме того, в нем, как и в слое 5, было встречено мало керамики, однако присутствовали индивидуальные находки, среди которых были неопределенные предметы из бронзы и железа, а также часть коромысла складных весов. Кроме того, все лежащие выше слоя 4 напластования точно повторяют общую конфигурацию его «прогиба» в центре, что можно расценивать как еще один аргумент в пользу синхронности их образования. Еще одним доказательством в пользу этого служат находки, включая керамику, которые, естественно, не дают возможность уловить небольшой хронологический разрыв в напластованиях, однако представляют собой археологически единый по времени комплекс.

В слое 1А была сделана несколько неожиданная находка – скелет девочки в неестественной позе (рис. 86). По боковым сторонам черепа встречено два перстнеобразных бронзовых височных кольца. Ребенок попал в напластования сооружения 1 явно в момент его гибели при пожаре.

Анализ стратиграфии и планиграфии позволяет сделать следующие выводы. Сооружение 1 представляет собой остатки наземного жилого дома с подпольными ямами. Оно имело вытянутые в широтном направлении пропорции, что следует из общей конфигурации пятна слоя 4. Два развала печей невозможно связать с одним отопительным сооружением, тем более с учетом характера их залегания. В то же время их «привязка» к слою 4 указывает на то, что они соответствовали двум отапливаемым помещениям одного жилого уровня. Судя по остаткам печи 1, пол был незначительно поднят над уровнем дневной поверхности. Слой 3, видимо, соответствовал потолку, а слой 2 – потолочной засыпке. Крайне интересен с конструктивной точки зрения характер слоя 1А. Он прослеживался только в восточной части «воронковидного» верха ямы 19 (рис. 86, профиль I-II). Расположение его между потолочной засыпкой (слой 2) и предполагаемыми остатками кровли (слой 1), а также находка в нем погибшей девочки приводит к выводу о том, что в постройке имелся еще и второй уровень, который занимал заметно меньшую площадь, нежели помещения первого уровня. Отметим, что между слоем 1А и 2 прослеживалась тонкая прослойка темно-серого грунта с примесью древесного тлена (рис. 86, профиль I-II). В плане она почти не выделялась, так как была очень близка по своему составу слою 3, а также слою 1А, хотя между ней и последним стратиграфическая граница прослеживалась довольно четко. Данная прослойка, в таком случае, хорошо соотносится с остатками полов помещения второго уровня.

Попытаемся ответить на вопрос, была ли верхняя «пристройка» холодной или имела отопительное сооружение. В заполнении слоя 1 присутствовала примесь глины, однако ее небольшое количество вряд ли могло быть связано со следами разрушенного отопительного сооружения. Кроме того, потолочная засыпка (слой 2) имела бы очень мало смысла, если бы расположенная выше «пристройка» имела печь. В связи с этим обратимся к этнографическим исследованиям. И.И. Шангина отмечает, что в некоторых северных деревнях Европейской России в домах богатых крестьян на втором этаже имелись «светелки» или «светлицы», которые могли быть как отапливаемыми, так и холодными. На приведенных иллюстрациях домов XIX в. из Ярославской губернии светелки представляют собой верхние пристройки, занимающие часть чердачного помещения. Впрочем, автор отмечает, что светлицей или горницей в XV–XVII вв. называли любое жилое отапливаемое или не отапливаемое помещение (Шангина, 2003. С. 126–127). Л.Н. Чижикова указывает, что в русских и украинских селах Рыльского, Суджанского, Обоянского, Тимского, Новооскольского уездов Курской губернии, Нижнедевицкого, Коротоякского, Павловского, Бирючинского уездов Воронежской губернии известны светлицы или светелки, являвшиеся вторым жилым помещением, которое нередко не отапливалось. Этот термин, по ее мнению, достаточно древний для этих мест,

что фиксируется воронежскими документами XVIII в. (Чижикова, 1988. С. 98). Этнографические параллели позволяют осторожно предположить, что в сооружении 1 имелась холодная светелка, занимавшая часть площади чердачного помещения.

Анализ керамического комплекса и находок из сооружения 1, среди которых из числа датирующих помимо упомянутой детали складных весов был односторонний костяной гребень и призматическая бусина из глухого бордового стекла, был проведен В.В. Енуковым, который отнес постройку к кон. X – нач. XI вв. (Енуков, 2005а. С . 290–292. Рис. 59).

Курская постройка Р-6, я. 43Д также отличается заметной конструктивной сложностью, хотя особые затруднения при анализе и трактовке стратиграфии объекта отсутствуют. Объясняется это большой глубиной подпольной ямы, которая составила 1,6 м. Реально, однако, она была еще больше, т.к. объект сверху был «срезан» поздними перекопами. В результате подполье выступило в качестве идеального «консерванта» информации по стратиграфии и конструкции объекта. Яма имела почти правильную овальную форму, размеры которой составляли 3,2 х 1,6 м (рис. 87). Ее самая крайняя восточная часть в раскоп не вошла. В заполнении ямы было выделено 7 основных слоев, которые можно разделить на три группы. Границами между ними являлись горелые угольные прослойки, соответствующие рухнувшим полам и перекрытиям. Непосредственно с заполнением подпольной ямы связаны слои темно-серого грунта 8 и 9, которые были близки по своему составу, однако слой 9 отличался чуть более светлым тоном. С расположенной выше наземной жилой частью связана вторая группа слоев (№№ 4–7). Его основу составлял перекрывавший всю площадь ямы слой 4, который отличался заметной примесью кусочков обожженной глины. В нижней части прокаленная глина образовывала сплошное скопление толщиной до 30 см, которое занимало почти две трети ямы, за исключением восточной трети и небольшого участка у южной стенки. В этом развале, обозначенном как печь 2, были крупные куски пода и топочной камеры, а также три обломка бортика жаровни, входившей в конструкцию отопительного сооружения. Развал печи подстилал золисто-угольный слой 5, в основании которого угли образовывали сплошную прослойку, достигавшую местами толщины 8 см. Этот слой явно соответствовал рухнувшему полу жилого помещения, что, помимо прочего, подтверждается находками в нем горелых досок или плах толщиной 3 см (рис. 87). Еще один горелый слой 7 соответствует рухнувшим балкам перекрытия и отдельным участкам провалившегося ниже пола.

Группа 3, в которую входят слои 1–3, соотносится со вторым жилым этажом. Горелый слой 3 представляет собой остатки рухнувшего пола и межэтажных перекрытий. Выше располагался развал печи 1 в виде прокаленной до оранжевого цвета глины толщиной до 8 см (слой 2), который занимал центральную и южную часть ямы. Крупные куски обожженной глины встречались также в слоях 1 и 3.

Керамический комплекс из напластований ямы 43Д выглядит достаточно монолитным. Из отдельных обломков, найденных в слоях 4 и 5, склеился целый сосуд, а также верхние части еще двух. Все венчики имели манжету по внешнему краю, что позволяет надежно датировать объект XI в. Однако при этом как ранние («стреловидные», с подрезкой по краю манжета), так и поздние (сглаженная, рудиментарная манжета) формы представлены единичными находками, что позволяет исключить из времени бытования объекта начало и конец XI в. Стоит отметить, что целостность керамического облика касается и слоя 1. Обычно верхняя часть заполнения объектов представляет собой затек культурного слоя и непосредственного отношения не имеет. Общность керамики из слоя 1 и нижележащих напластований подтверждает его непосредственную связь с объектом и свидетельствует о том, что верхняя граница ямы, как и предполагалось ранее, находилась выше.

Остальные находки не дают оснований для сужения датировки. Из их числа стоит только отметить небольшой кусок мергеля, на котором был схематично процарапан всадник на коне.

Постройка Р-6, я.49 из Курска была исследована частично, так как рядом с раскопом располагались строения, поэтому полного представления о форме подпольной ямы составить нельзя. Размеры исследованного котлована составляли 1,9 х 3,4 м при глубине до 0,8 м (рис. 88). В юго-западном углу ямы была мелкая, всего 5 см глубиной, столбовая ямка. С севера и северо-запада к краям котлована примыкали две чашеобразные в разрезе ямки до 10 см глубиной.

Стратиграфически заполнение ямы разделялось на три слоя. Слой 1, судя по всему, в значительной степени образовался уже после гибели постройки. Слой 2 имел заметные следы пожара в виде угольков и соотносится с жилым помещением. В его основании находился развал глинобитной печи, который выходил за пределы ямы. На значительных участках ее подстилала тонкая горелая прослойка, соответствующая полу жилой части дома. К северу и северо-западу от ямы углистая прослойка выходила за границы ямы на 0,5 м, что явно указывает на тот факт, что площадь дома заметно превышала подпольную яму. Под слоем 3, также имевшем признаки горения, проходила угольно-золистая прослойка толщиной 4 см, которая перекрывала почти все дно ямы и, судя по всему, представляет собой остатки деревянного пола.

К числу датирующих находок относятся две мелкие сердоликовые бусины. Анализ этих украшений на материалах самого широкого круга памятников привел М.Д. Полубояринову к выводу о том, что на территории Восточной Европы они были распространены в кон. I – нач. II тыс. н. э., до XI в. включительно (Полубояринова, 1991. С. 20–23). Ромбовидный черешковый

наконечник стрелы без упора ближе всего к типу 47 по А.Ф. Медведеву, который характерен для северной полосы Восточной Европы и появляется в Поднепровье только в кон. XI в. (Медведев, 1966. С. 68). Уточнить хронологию объекта позволяет керамика. Заметная часть найденных венчиков имела манжету, однако в основном сглаженную, рудиментарного характера, что характерно для кон. XI– нач. XII вв. В то же время отдельные профильные части имели более архаичный облик. С учетом этого постройку можно датировать 2-й пол. XI – нач. XII вв.

Еще несколько построек рассматриваемого типа было обнаружено на селище 1 в Жерновце. Как уже указывалось, В.В. Енуков на основании специфики керамического набора в сооружениях отнес этот памятник к периоду, последовавшему сразу после разгрома роменского населения Посемья в кон. X в., причем, по его мнению, поселение вряд ли доживает даже до сер. XI в. (Енуков, 2005а. С. 288–289).

Как полагает А.А. Узянов, сооружение II раскопа 1 состояло как бы из двух частей: «основной» овальной ямы и примыкающего «коридора» (Узянов, Отчет…1979. Л. 51). Однако, скорее всего, речь должна идти о разновременных сооружениях. Во-первых, в «коридоре» полностью отсутствовали находки, что довольно странно на фоне их сравнительно большого количества в заполнении овальной ямы. Во-вторых, большая часть «коридора» была преднамеренно засыпана материковым грунтом. Собственно, и сам исследователь в итоге высказывает сомнения в синхронности объектов (Узянов, Отчет…1979. Л. 52).

Итак, от постройки сохранилась яма приблизительно овальной в плане формы, имевшая размеры: северо-восток – юго-запад – 3,8 м, северо-запад – юго-восток – 2,4 м при глубине 0,4 м. Северную треть ямы занимала возвышенность-уступ, поэтому здесь глубина составляла всего 10 см. В заполнении центральной части находился большой (1,8 х 0,9 м при толщине до 45 см) развал печи из сильно прокаленной глины и материкового суглинка, который А.А. Узянов интерпретировал как под. В скоплении прослежены следы двух обгоревших столбиков, по предположению автора исследований, остатки опечка. Остатки глинобитной конструкции были «погребены» под мощным завалом камней, золы и углей. Их связь с объектом А.А. Узянов никак не обозначает (Узянов, Отчет…1979. Л. 52). Не исключено, что таковой и не имелось. В ходе раскопок Липинского городища в 1997–1998 гг. была отмечена аналогичная ситуация: в верхних частях «западин» котлованов построек были выявлены скопления камней.

Основная часть сооружения I раскопа 3 представляла собой овальное углубление, имеющее размеры 2,9 х 2 м при глубине до 0,6 м. Вдоль его восточной стенки имелись два уступа-«полочки». С севера (по длинной оси) к основной яме примыкал прямоугольный «отросток» с размерами 1,4 х 1 м, северная оконечность которого была разрушена береговым обрывом. Прямоугольная часть сооружения была заполнена завалом камней, большая часть которых была обожжена. А.А. Узянов полагает, что это – остатки печи, которая возвышалась над его дном, обвалившаяся при разрушении сооружения (Узянов, Отчет…1979. Л. 79–81). Таким образом, данная постройка являет собой редкий пример использования отопительного сооружения из камней. В то же время при ее возведении использовалась глина, причем не только в качестве связующего раствора, но и при конструировании свода. Об этом свидетельствуют находки комочков обожженной глины, обломки жаровни и конусов.

На наш взгляд, сооружение 19 раскопа 5 в Жерновце также реально соответствует разновременным объектам, на что указывает уже простой анализ его конфигурации и размеров. На фоне материка выделилось пятно в виде буквы Т, «ножка» которой была ориентирована на север. Его размеры с запада на восток составляли 6,5 м, с севера на юг – 3,8 м. Все три «отростка» были слабо заглублены (0,2–0,3 м), а в их пределах располагались еще три небольших ямы-хранилища. В свою очередь, каждому из трех «отростков» соответствовали остатки отопительных сооружения. Поверхность северного была полностью покрыта завалом печи-каменки, которая явно располагалась выше, так как скопление камней полностью перекрывало две хозяйственные ямы. На дне восточного и западного «отростков» прослеживались, по определению А.А. Узянова, поды глинобитных печей (Узянов, Отчет…1983. Л. 47–49).

Нарисованная картина более всего соответствует трем частично наложившимся асинхронным сооружениям, хотя разрыв в их существовании, судя по всему, был самым минимальным. В пользу такой трактовки свидетельствует еще одно наблюдение: часть восточного «отростка» была перекрыта материковым грунтом (Узянов, Отчет…1983. Л. 48–49). Это, вероятнее всего, указывает на следы нивелировочных работ перед возведением следующей постройки, которой планиграфически мог соответствовать только северный «отросток».

Общая ситуация с анализом рассматриваемых объектов усложняется ввиду того, что они были заметно повреждены строительной техникой в ходе нивелировочных работ по возведению дамбы. В связи с этим с известной долей осторожности для наших целей можно использовать только часть материалов, конкретно – северный «отросток», который соответствовал лучше сохранившейся постройке. В дальнейшем будет сохранено обозначение отчетной документации (сооружение 19), однако под этим будет подразумеваться только часть объекта. Итак, сооружение 19 представляло собой яму вытянутых с севера на юг пропорций, имевшую размеры 3,8 х 2,8 м при глубине до 0,3 м. В ее дне располагались два углубления. К северо-восточной ее стенке примыкала неглубокая (10 см) овальная (1,7 х 1 м) яма Б. В центре располагалась грушевидная в плане яма В, имевшая

размеры 1,5 х 1,1 м, глубина которой составляла от 3–5 см в южной части до 20 см в северной. Большая часть ее площади перекрывали остатки рухнувшей печи в виде сплошной массы обожженных фосфоритов, кусков ожелезненной породы и углей. В нижней части скопления были обнаружены развалы раннекругового и кругового сосудов X – нач. XI в.

От сооружения 71 раскопа 5 сохранилась подпольная яма подквадратной в плане формы, с заметно скругленными углами, размеры которой составляли 1,6 х 1,4 м при глубине 0,6 м. Развал глинобитной печи примыкал к яме с запада. Кроме того, большой «сползший» кусок печи был обнаружен в заполнении северной части (Узянов, Отчет…1983. Л. 32).

По формальным признакам к группе рассматриваемых построек относится сооружение 14 раскопа 5 в виде овальной ямы, имеющей размеры 3,2 х 1,5 м и глубину 0,3 м. Ее юго-западную часть с «выходом» за пределы углубления перекрывал развал печи в виде кусков железоносных пород, фосфоритов, обломков конусов и жаровен. Однако в заполнении объекта было встречено много кухонных отходов в виде костей животных (Узянов, Отчет…1983. Л. 35–37). Это позволяет предположить, что и сам «развал печи» представлял собой часть мусорной ямы.

В заключение обзора построек Жерновца кратко остановимся на заметно поврежденном тракторной техникой сооружении 10 раскопа 5. Комплекс состоял как бы из четырех «сдвоенных» ям: соответственно А и Б, В и Г. На верхней границе заполнения ям А и Б располагались развалы рухнувших отопительных сооружений (вполне вероятно, одного) в виде глины с обожженными конусами. Во второй «паре» ям также присутствовали остатки печи, «сползшие» на дно небольшой (менее 20 см глубиной) овальной ямы Г. В данном случае речь идет о явно разновременных комплексах. Так, А.А. Узянов на основании распределения находок в яме Б предполагает, что «возможно, в истории бытования сооружения 10 можно будет наметить два хронологических периода» (Узянов, Отчет… 1983. Л. 41). Однако реально таких периодов, судя по всему, было даже больше, так как исследователь указывает, что по керамическому материалу остатки глинобитной печи и яма Г «предшествовали завалу печи над ямой Б» (Узянов, Отчет… 1983. Л. 43). К сожалению, данных для хронологического расчленения комплекса и выявления изначальных параметров каждого из составляющих его объектов очень мало. С известной долей уверенности можно только полагать, что здесь, как и в остальных постройках Жерновца, были возведены 2, а возможно, 3 наземных жилища с подпольными ямами.

Итак, все рассмотренные постройки имели подпольные ямы. Естественно, возникает вопрос, был ли это непременный атрибут наземных домов. На существование наземных построек без подпольных ям могут указывать находки отдельно стоящих печей. Собственно, на такого рода ситуациях мы уже останавливались при анализе домостроительства роменской культуры. Три отдельно стоящие печи в древнерусских напластованиях Горы Ивана Рыльского отмечал М.В. Фролов (Фролов, Отчет…1993. Рис. 2). Однако эти материалы до их полной публикации также сложно интерпретировать. В частности, не исключено, что эти объекты относятся к более позднему времени. Косвенно это подтверждает пример Курска. Единственная отдельно стоящая печь, найденная за все годы его исследований, по керамике, находке «большого» ножа и нюренбергскому бронзовому счетному жетону хорошо датируется московским временем (Енуков, Отчет…1995. Л. 42. Рис. 124). На территории селища 1 около д. Липино, где, напомним, исследовано около 10000 кв. м, также не было обнаружено отопительных сооружений без подпольных ям. Единственный случай находки печи вне жилого помещения относится к территории усадьбы А, однако он объясняется другими причинами. Здесь во 2-й пол. XII в. рядом с вновь отстроенным домом (постройка Р-4, я. 50, которая будет рассмотрена ниже), возводится крупный хозяйственный комплекс, центром которого являлось большое наземное сооружение с прослеженными воротными столбами. С западной стороны с ним была связана легкая постройка (одна стенка в виде плетня с основой из тонких жердей), а с юга – пристройка с крупными опорными столбами, внутри которой находился погреб. К юго-востоку, на стыке вышеописанных сооружений, вероятно, находился навес. Скопление белой глины под предполагаемым навесом может соотноситься с небольшой печью летней кухни (Енукова, Отчет…1998. Л. 34). Эти факты позволяют осторожно предположить, что по крайней мере большая часть наземных домов Курской волости-княжения имели подпольные ямы.

Таким образом, основным дошедшим до нас компонентом рассматриваемых жилищ являются подпольные ямы. Сразу следует отметить, что не было отмечено ни одного достоверного случая, когда бы с одним сооружением было связано несколько ям. Все скопления соответствуют ситуации, когда разновременные объекты накладываются «друг на друга». Облик ям, на первый взгляд, производит впечатление значительного разнообразия и «пестроты», их форма очень часто неправильна, дно имеет неровности, углубления. Отсутствуют какие-либо свидетельства существования обшивки стен, хотя в некоторых случаях, видимо, имелись какие-то покрытия дна из органики, о чем свидетельствуют горелые прослойки. Однако некоторые общие черты при анализе формы и количественных параметров все-таки улавливаются*. Так, подавляющее их большинство имеет вытянутые пропорции, однако «узких» ям нет: ширина никогда не составляет менее 40% длины.

* При анализе абсолютных размеров были опущены некоторые данные не полностью исследованных объектов.

В 5 случаях из 16, в которых подполье было вскрыто практически полностью, ширина приближается к длине, однако ни разу с ней не сравнивается. В остальных ямах ширина составляла 0,4–0,7 длины.

Нет особых закономерностей в абсолютных размерах по длинной оси подполий, если не считать того, что несколько более характерной по сравнению с другими является длина в 4 м (рис. 89). Однако график, отражающий количественное распределение ширины подполий, дает несколько иную картину: он имеет вид, по сути, приближающийся к кривой нормального распределения. Интересно отметить, что такой же облик имеет и график глубин ям, где, правда, имеется одно исключение (рис. 90). Оно соответствует глубокому подполью постройки Р-6, я.43Д из Курска, в которой, напомним, стратиграфия предполагает существование двух этажей. Эти наблюдения позволяют предположить, что строители при сооружении подполий стремились к соблюдению двух параметров, а именно ширины и глубины. Длина ямы представляла собой гораздо более «вольную» характеристику и, видимо, могла ограничиваться только размерами дома.

Таким образом, можно составить условную схему «идеальной ямы». Она имела вытянутые пропорции при небольшой глубине (в большинстве случаев 0,4–0,7 м) и ширине, тяготеющей к 2–3 м. Последний параметр указывает на то, что подполье занимало не всю площадь дома, при этом четко прослеживается связь ямы с отопительным сооружением. Тот факт, что развалы печей зачастую находятся в заполнении подполья, указывают на то, что отопительные сооружения либо непосредственно примыкали к ямам, либо немного перекрывали ее. Первый вариант зафиксирован в двух случаях, когда печи сохранились in situ (постройки Р-4, я. 5 и Р-10, я.19 в Липино). Второй вариант носит характер предположения, при этом следует отметить, что печь могла перекрывать подполье только частично, с одного из краев. Причина тому проста: при смещении отопительного сооружения к центру овальной ямы неминуемо нарушался бы один из основных принципов оформления интерьера славяно-русского жилья – размещение печи в углу помещения. Случаи, когда развалы печей располагались в центральной части, объясняются, видимо, тем, каким образом и в какой последовательности разрушился пол жилища.

Для обозначения ям в постройках используются разные определения: «предпечные» (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 139), «подпечные» (Седова, 1978. С. 64; Григорьев, 2003. С. 330), «припечные» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 125), «подпольные» (Раппопорт, 1975. С. 130; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 125). В принципе, все они верны и лишний раз указывают на связь ям с печью, а также ее расположение под полом. В «курском» варианте есть все основания полагать, что ямы использовались главным образом как подпольные хранилища каких-то продуктов. Во-первых, в целом ряде случаев прослежены следы рухнувших полов жилого помещения, в том числе и под печами (постройки Р-7, я.103, Р-7, я.36, Р-10, я.19, Р-11, я.4 в Липино и Р-6, я.43Д в Курске). Доступ в подполье, кстати сказать, совершенно не обязательно требовал люка: до сих пор в деревнях нередко для этого используют несколько незакрепленных досок пола. Если данное предположение верно, то становится понятным тяготение ям к вытянутым пропорциям при стремлении не превышать их ширину в 2–3 м. Во-вторых, связь подполья с печью, вероятнее всего, объясняется возможностью получить принудительную вентиляцию. Вот как объясняют схему ее действия на примере Рязани В.П. Даркевич и Г.В. Борисевич: «При сочетании подполий и припечных ям с помещением отапливаемой избы поддерживается определенный температурный режим. В опечках прорубали небольшое оконце, подобное волоковому. При топке печи у ее устья возникал вертикальный воздушный поток. В результате происходила вытяжка затхлого воздуха из подполья, которое таким образом вентилировали и осушали» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 125).

Указанная схема хорошо объясняет конструктивную связку рассматриваемых построек «яма-печь», причем вытянутые пропорции первого элемента связки только способствовали лучшей вытяжке. Естественно, нельзя однозначно установить, какой вид продуктов хранился в таких подпольях. Однако необходимо отметить, что эти условия идеально подходили для посевного зерна. Оно должно храниться в сухом состоянии, т.е. иметь пониженную влажность, для чего его перед закладкой специально просушивали. В дальнейшем сохранению сухости способствовала вентиляция, а также «перемешивание» зерна. Напомним, что наиболее распространенная глубина подполий составляла 0,4–0,7 м, что позволяло легко «перелопатить» жито. Крайне важным являлся температурный режим, который должен быть в пределах от 0є до +10єС. Такие условия понижают физиологическую активность зерновой массы, исключают возможность развиваться микроорганизмам и сокращают жизнедеятельность вредных насекомых, что, в конечном счете, является необходимым для поддержания высокой жизнеспособности семян в партиях посевного материала. Переохлаждение пагубно отражается как на сохранности зерна, так и его всхожести. Соответствуют представлению о подпольях как вероятных хранилищах посевного материала и их размеры. Они заметно различаются, но в любом случае недостаточны для того, чтобы там хранилось, например, еще и фуражное зерно. Здесь можно было поместить какую-то часть продуктового зерна, однако объемы большинства подполий явно не могли вместить его полностью.

Соотнесение подполий с хранилищами продукции сельского хозяйства позволяет объяснить и их нередко встречающуюся «неправильную» форму. Наверняка ямы перед их заполнением ввиду сбора нового уро-

жая проветривались, вычищались, при необходимости – расширялись. Их стенки и дно явно специально не укреплялись. Видимо, в качестве «прослойки» между ними и продуктами использовались подручные материалы: доски, береста, рогожа и т.д. Небольшое исключение оформления подполья, да и то не всего, а только его части, отмечено только в постройке Р-11, я.1, где было найдено «кольцо» из ямок от кольев (рис. 81).

В целом реконструкция наземных домов вызывает значительные затруднения. Представление об их конструктивных особенностях сводятся только к некоторым соображениям общего характера. Пол жилища мог располагаться на уровне дневной поверхности. В части случаев он, видимо, находился незначительно выше дневной поверхности, и тогда в развалах печей даже прослеживаются их планиграфические контуры, сохраняются участки пода. Классический пример тому – развал печи 1 в сооружении 1 Р-5,6 из Курска (рис. 86). Однако нередко остатки отопительных сооружений предстают в виде скоплений и прослоек, и здесь что-либо говорить о высоте полов невозможно.

Ни в одном из 18 рассмотренных объектов не было встречено свидетельств каркасно-столбовой конструкции стен. Столбовые ямы, примыкающие к объектам, встречаются достаточно часто, однако какой-либо системы в их расположении ни разу не отмечено, да и их количество зачастую невелико. Поэтому с большой долей уверенности можно полагать, что при возведении домов с подпольями использовалась срубная техника. Некоторое, хотя и ориентировочное, представление об их размерах может дать длина подполий, которая в большинстве случаев колебалась от 4 до 6 м (рис. 89). Соответственно, по крайней мере, одна сторона дома должна была быть не меньше этих пределов.

К реконструкции домов с подпольными ямами в разделе на примере роменских материалов мы уже обращалить. В частности, не вызывает особых возражений вариант, предложенный А. В. Григорьевым на примере дома из

К реконструкции наземных домов с подпольными ямами в разделе на примере роменских материалов мы уже обращались. В частности, не вызывает особых возражений вариант, предложенный А.В. Григорьевым на примере дома из Тазово (рис. 66). Позднее исследователь еще раз обратился к этим постройкам на материалах поселений бассейна р. Упы (Григорьев, 2003). Во всех случаях они представлены в виде наземных срубов, с чем только можно согласиться. Впрочем, нельзя исключать, что планировка домов с подпольями могла быть и более сложной. На это указывает пример сооружения 1 раскопов 5 и 6 в Курске, в котором выделяется два отапливаемых помещения первого этажа при вероятной «светлице» на втором этаже (рис. 86).

В этой ситуации заметно возрастает степень гипотетичности реконструкций, которые стоит воспринимать только как схемы общего характера. В качестве маркерного объекта использована липинская постройка Р-10, я. 19. Этот выбор объясняется следующим. Подполье жилища по своим параметрам является практически эталонным для данной группы домов (рис. 80). Отопительное сооружение хотя и пострадало, однако его первоначальное положение не вызывает особых сомнений. Наконец, в заполнении «читаются» остатки рухнувшего пола. Таким образом, объект обладает «классическим» набором отмеченных признаков.

Длина постройки по линии юго-восток – северо-запад с учетом размеров подполья и примыкающей печи не могла быть менее 6 м. Для роменских и древнерусских домов достаточно характерным является квадратная или приближающаяся к ней форма жилого помещения. В таком случае, его площадь должна была составлять не менее 30–35 кв. м. Небольшое количество столбовых ямок и отсутствие в их расположении системы не согласуется с каркасно-столбовой конструкцией стен, которые могли быть только срубными, однако размещение части из них по границам печи, вероятнее всего, соответствуют опорам опечка. Напомним, что нижняя часть развала печи занимала небольшое углубление в материке. Поскольку остатки отопительного сооружения лежали прямо на песке, можно предположить что это углубление специально прочищалось и, видимо, способствовало лучшему току воздуха, проходившего через подпечек и окошко в нем.

Доски пола, вероятнее всего, были уложены вдоль длинной оси подполья. Нельзя точно сказать, располагался ли пол на лагах или прямо на дневной поверхности. Но по крайней мере одна лага, расположенная перед печью, должна была быть, так как в противном случае на этом участке невозможно было уложить доски. Судя по тому, что юго-западные части ямы и печи находились практически на одной линии, на которой располагались и столбовые ямки от предполагаемого опечка, с этой стороны проходила стена дома. В таком случае, остальная часть жилого помещения располагалась юго-западнее подполья (рис. 91).

Постройки близкого облика в роменских материалах Посемья известны, однако относятся к числу редких и малораспространенных (всего 2 случая). Их нехарактерность для местного населения в IX–X вв. подчеркивается и другими косвенными деталями. Жилище 1 из Тазово надежно датируется временем не ранее 2-й пол. X в. (Григорьев, 2000. С. 100. Рис. 18), т.е. относится к финалу роменской культуры на территории Посемья. В.В. Енуков предположил нерядовой социальный статус обитателей дома: возможно, его хозяин был дружинником (Енуков, 2005а. С. 230–231). В постройке 1 Ратского городища инвентарь был заметно скромнее, однако в числе находок присутствует одна необычная: трехдырчатая подвеска (Енуков, 2005а. Рис. 48: 4). Подобные украшения являются характерными для

населения культуры смоленских длинных курганов – археологического эквивалента кривичей.

Таким образом, появление отдельных наземных домов с подпольными ямами в среде роменцев Посемья, вполне вероятно, не имело местных корней. Крайне показательным в связи с этим выглядит факт резкого перехода к использованию такой конструктивной схемы в кон. X – нач. XI в. Объяснить это эволюционным развитием домостроительства местного населения невозможно: налицо заметное внешнее влияние. Попытаемся определить его источник.

К северу от территории междуречья Сейма и Псла традиция возведения наземных домов с подпольными ямами известна, причем фиксируется довольно рано. А.В. Григорьев пришел к выводу о том, что в бассейне Упы переход к наземным срубам, причем очень быстрый, происходит еще в рамках IX – нач. X в. По классификации исследователя, почти все курские постройки относятся к типу 2 категории 2, который включает в себя наземные дома с подпольными ямами, занимающими только часть площади постройки. Типу 1, у которого яма занимала почти всю площадь помещения, могла соответствовать, да и то предположительно, только постройка Р-9, я.1 (рис. 79). На момент гибели поселений раннего этапа славянской колонизации бассейна Упы, последовавшей в первые десятилетия X в., жилища еще отличались заметным разнообразием. В целом эти дома, по А.В. Григорьеву, были самыми поздними из рассматриваемых, а в дальнейшем получили наибольшее распространение (Григорьев, 2003. С. 334–335). Таким образом, эта линия в развитии домостроительства расценивается как наиболее продуктивная.

Действительно, примеры подобного рода построек известны. В частности, в южной части Московской области на ряде поселений с керамикой роменского облика были открыты такие сооружения. На селище Покров-5 на р. Пахре, исследованном в 1985 г. А.А. Юшко, всем жилищам соответствовали неглубокие подпольные ямы вытянутых пропорций (Юшко, 1998. С. 327–334). Первоначально памятник был датирован IX в., однако М.И. Гоняный позднее уточнил его хронологию, отнеся его к сер. – 2-й пол. XI в. Им же на селище Жданово 1, расположенном также на р. Пахре, была открыта наземная жилая постройка, в которой было, правда, три ямы, однако одна из них, овальная, содержавшая развал печи, соответствует сооружениям рассматриваемого типа. Памятник датируется тем же временем (Гоняный, 1999. С. 132–144). На Сосновском селище (XI в.) на р. Оке изучена часть ямы овальной формы, которую В.Ю. Коваль соотнес с подпольем наземного жилища (Коваль, 2004. С. 157. Рис. 1).

Известны аналогичные постройки и на смежных территориях Северо-Восточной Руси. Так, на селище Ярополча Залесского, возникшем в кон. X – нач. XI вв., существовал только один тип домов – наземные срубные жилища с глинобитными печами и печами-каменками, многим из которых сопутствовали подпольные ямы (Седова, 1978. С. 62–64). Близкие сооружения открыты в Рязани (Монгайт, 1955. С. 41–49), на Семилукском городище в Подонье (Прях ин, Цыбин, 1991. С. 94–95), однако их напластования датируются временем не ранее XII в., что предполагает вторичный характер знакомства населения этих городов с данной конструктивной схемой.

Таким образом, к северу от Посемья хорошо фиксируются искомая строительная традиция. Следует отметить, однако, что характер связи между наземными домами IX–X и XI вв. пока не понятен, причем не исключено, что она не имела эволюционного характера. В ранних постройках отмечены только печи-каменки, тогда как в поздних известны глинобитные печи. Высказывалось даже мнение о заселении бассейна Пахры радимичами (Гоняный, 1999. С. 144).

По нашему мнению, несравненно большую перспективу имеют поиски источника строительной схемы в западном и юго-западном направлении от курских земель, что подтверждается целым рядом косвенных аргументов. В пользу этого свидетельствует общая социально-политическая ситуация. Междуречье Сейма и Псла в кон. X в. вошло в состав владений киевских князей. Одновременно широкое распространение получают наземные дома с подпольями, что позволяет предположить взаимосвязь между двумя этими событиями. Справедливость поисков источника новой конструктивной схемы на территории Среднего Поднепровья подтверждается данными погребального обряда. Заметную часть анализируемых построек составляют объекты, исследованные в Липино. В 1948–1949 гг. П.И. Засурцев раскопал на примыкающем к селищу курганном кладбище более 60 курганов с ингумациями, подавляющее большинство которых располагалось в ямах. И.П. Русанова обратила внимание на то, что в Среднем Поднепровье этот ритуал стал характерным еще в X в. (Русанова, 1966. С. 20–24). Е.А. Шинаков пришел к выводу, что в Курской группе концентрации памятников в послероменское время вообще не известно комплексов женских украшений, отличных от «общерусских» (Шинаков, 1991. С. 87, 90). Отметим, что этот вывод базируется главным образом на материалах липинских курганов. А.П. Моця, проанализировав наряду с другими ранние липинские захоронения, а также погребение «А» из Лебяжьего, расположенного под Курском, связывает появление новой обрядности с «огосударствлением» курских земель, определяя исходной точкой этого процесса Среднее Поднепровье с центром в Киеве (Моця, 1990. С. 114–122). В свою очередь, ранние липинские курганы и погребение «А» из Лебяжьего хорошо датируются временем в пределах кон. X – нач. XI вв. (Равдина, 1979. С. 101; Енуков, 1992; Енукова, 1995).

Последним аргументом в определении вектора появления строительных новаций является керами-

ка. В кон. X – нач. XI вв. на курских землях в керамических наборах объектов, в числе которых присутствуют и ранние постройки рассматриваемого типа, происходят резкие изменения, которые сводятся к безраздельному господству киеворусской круговой керамики (Енуков, 2005а. С. 278–294). На «северных» по отношению к Посемью территориях в керамических комплексах доля лепных сосудов роменского облика вплоть до 2-й пол. XI в. составляла около половины, а иногда даже превышала количество круговой керамики (Коваль, 2004. С. 158–159).

В последнее время ученые Украины заметное внимание уделяют проблемам домостроительства, хотя при этом ощущается недостаток детальных исследований, в том числе региональных. В целом раннее появление наземных построек можно считать признанным фактом. В недавно вышедшей коллективной монографии фундаментального характера «Село Киевской Руси (по материалам южнорусских земель)» в разделе, посвященном жилым постройкам, собственно эволюция конструктивных схем рассматривается относительно кратко. Тем не менее присутствует общий вывод о том, что древнерусские жилища были как углубленными, так и наземными, хотя последние получают наибольшее распространение только начиная с XII в. (Село Київскоі Русї, 2003. С. 156).

Несмотря на то что регион – вероятный источник конструктивных изменений – определен, при выявлении аналоговых явлений имеются заметные трудности. Говоря о наземных постройках с подпольными ямами, А.В. Григорьев абсолютно справедливо отмечал: «Сложность вычленения построек рассматриваемого типа не позволяет с уверенностью говорить об аналогиях им. Возможно, на ряде памятников подобные сооружения не были интерпретированы как жилые» (Григорьев, 2003. С. 326). Однако если на территории к северу от Посемья существование срубов с подпольными ямами сейчас не вызывает сомнений, то в лесостепной зоне Украины они в большинстве случаев остаются «вне закона», и следы таких сооружений зачастую не связываются с жильем. Прекрасный пример тому – один из важнейших памятников с точки зрения масштабов изученности и полученных материалов в Черниговском Подесенье – поселение Лесковое. Для нас представляет интерес уже первая публикация с предварительными итогами исследований. Ко второму этапу в развитии памятника (сер. X – нач. XI вв.) отнесены две полуземлянки (№№ 7, 8), ремесленная мастерская (№ 6А), шесть построек «производственно-хозяйственного назначения» (№№ 4, 8А, 9, 10, 13, 18) и четырнадцать хозяйственных ям. Сразу оговоримся, что аргументы в пользу «нежилой» трактовки шести сооружений отсутствуют. Указано только, что «к разряду производственных построек в первую очередь отнесены те, которые не являлись жилищами, хотя в их котлованах выявлены печные завалы или огнища» (Шекун, Веремейчик, 1997. С. 85). Здесь же приводятся краткие описания объектов, очень напоминающие курские и «северные» наземные дома с подпольями, если не сказать идентичные. Однако почему количество «производственных» сооружений (с постройкой 6А всего семь) значительно превышает количество жилых домов, которые просто редки? Зачастую на поселениях эти соотношения регистрируются с точностью до наоборот.

В вышедшей в 1999 г. монографии с полной публикацией материалов Лескового хронологические рамки второго периода определяются сер. X – сер. XI в. В целом сохраняется отмеченное выше соотношение: по нашим подсчетам, на 4 прямоугольных полуземлянки приходится 11 ям, которые в подавляющем большинстве имели вытянутые пропорции и развалы отопительных сооружений. Стоит также отметить, что в Лесковом было открыто еще более десятка овальных ям, по своим параметрам аналогичных «идеальным» размерам курских подполий. Не исключено, что некоторые из них относятся к жилищам, однако по тем или иным причинам не сохранились связанные с ними отопительные сооружения (Шекун, Веремейчик, 1999. С. 11–19. Рис. 11–13, 16, 19–20, 33–34).

Аналогичная ситуация наблюдается и на еще одном базовом памятнике Черниговского Подесенья – поселения кон. X – сер. XIII в. у с. Автуничи, где было исследовано более 10000 кв. м. Полученные материалы опубликованы пока в предварительном виде. К сожалению, объекты в работе характеризуются суммарно, в частности, в основном говорится о постройках или сооружениях, однако не оговаривается, какие из них были жилыми. Из 155 исследованных в общей сложности построек специально выделены группы овалоподобных (31) и неправильной формы (51). Особо необходимо отметить, что абсолютному большинству построек на планах периода с кон. X по нач. XI в. соответствуют ямы вытянутых пропорций при полном отсутствии прямоугольных котлованов. Таким образом, единственными «претендентами на звание жилищ» этого времени могут быть только наземные дома с подпольными ямами. Заметное количество построек в виде ям вытянутых пропорций присутствует и на планах сооружений нач. XI – кон. XI в. (Моця, Орлов, Коваленко, Козловский, Пархоменко, 1997. С. 36–37. Рис. 24).

Таким образом, есть основания полагать, что на Черниговщине с середины – конца X в. широко распространяется традиция возведения наземных срубных домов с подпольными ямами.

На некоторых других памятниках Черниговского Подесенья также фиксируются сооружения в виде неглубоких ям вытянутых в плане пропорций, однако только в отдельных случаях исследователями указывается состав заполнения, по описанию которого можно предположить содержание в них печных развалов (например, постройка 11 усадьбы А на поселении Криница) (Шекун, Сита, 1993. С. 44). К югу от Поде-

сенья жилище анализируемой конструкции (постройка Г-24), отнесенное Ю.Ю. Моргуновым к числу позднероменских, было открыто на поселении Сампсониев Остров (Моргунов, 2003. С. 126–127). Серия объектов из ям вытянутых пропорций, чаще всего овальных, близких по абсолютным размерам курским подпольям, в заполнении которых присутствовала «печина», глина, иногда куски пода, образовывавших в отдельных случаях, как отмечено в публикации, скопления, обнаружена на еще одном эталонном памятнике Среднего Поднепровья – поселении у с. Григоровка. Весьма показательно, что при описании они выведены за рамки раздела «жилищ» и помещены в раздел «построек». Это постройки 4 (рубеж X–XI вв.), 9 (XI в.), 10 (рубеж X–XI вв.), возможно, 12 (слой X–XI вв.) Центрального раскопа и постройка 1 (XI в.) Южного раскопа (Петрашенко, 2005. С. 191–192, 195, 213).

В целом вычленение в возможно полном объеме подобных объектов в Среднем Поднепровье является целью самостоятельного исследования. Пока можно констатировать, что имеющиеся материалы не только не противоречат, но и подтверждают высказанное ранее предположение о заимствовании населением Курской волости-княжения некоторых конструктивных решений с запада. Можно осторожно предположить, что решающую роль здесь играла округа Чернигова, так как здесь в середине–конце X – нач. XI в. строительная схема «наземный сруб + подпольная яма – глинобитная печь», похоже, заметно преобладала.

Полученная картина в определенной степени вступает в противоречие с довольно устоявшейся в литературе схемой древнерусского домостроительства во 2-й пол. X – XI вв., которая сводится к следующему. Для южных территорий, которые включают в себя лесостепь и часть лесной зоны вплоть до Немана и среднего течения Оки, характерно полное господство полуземлянок. Расположенные севернее земли лесной зоны отличает возведение наземных домов срубной конструкции. На юге последние получают широкое распространение позднее, в XII и особенно в XIII вв. (Раппопорт, 1975. С. 158–160; Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 138–139). В свете новых материалов граница распространения наземных домов в ранний период должна быть заметно отодвинута к югу, в лесостепную зону, хотя ее конкретизация требует дополнительных исследований.

Наземные дома на холодных подклетах

В этнологической литературе русские жилища нередко разделяются на два основных типа: наземное без подпольного помещения и на подклетах разной высоты (Бломквист, Ганцкая, 1967. С. 134), которую определяло количество венцов в срубе, колебавшееся от 3–4 до 6–10 (Этнография восточных славян… 1987. С. 228). Подклет, подполье или подызбица определяются как нижний ярус дома, который по площади равен расположенному выше жилому помещению. Обычно подклет имел самостоятельный вход с улицы. Эта часть дома использовалась как кладовая (Шангина, 2003. С. 114). Считается, что бытование домов наземных и на подклетах восходило к древней традиции и определялось климатическими условиями. Высокий подклет защищал жилое помещение от почвенной сырости, снежных заносов и весеннего половодья в северных и северо-восточных районах. В более теплых центральных и южных областях дома ставили на низких подклетах или вообще на земле (Бломквист, Ганцкая, 1967. С. 134).

Археологические материалы в определенной степени позволяют скорректировать эти выводы. Так, П.А. Раппопорт отмечал, что в XII–XIII вв. в городах юго-восточной части лесной зоны в домах распространяются подпольные ямы больших размеров, по сути представляющие собой подклеты, заглубленные в грунт (Раппопорт, 1975. С. 130; Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 140). Исследования последних лет показывают, что уже в древнерусское время граница бытования таких сооружений может быть отодвинута намного южнее. Постройки на подклетах хорошо известны в Чернигове (Казаков, 1990. С. 27), Гомие (Макушников, 1990. С. 60), Речице (Ободенко, 1991. С. 62–63), поселении Лесковое 1 (Шекун, Веремейчик, 1999. Рис. 46, 48, 49). Крайним южным пунктом распространения домов данного типа пока можно считать Сампсониев Остров в Посулье (Моргунов, 2002. С. 63). Следует отметить, что пока основная часть известных сооружений на подклетах на территории Южной Руси сконцентрирована в Чернигово-Северской земле.

На курских землях также хорошо известны аналогичные постройки. Обычно от них остаются котлованы квадратной или близкой к ней формы с развалами отопительных сооружений, рухнувших с жилого уровня. Нередко в подклет вел отдельный вход в виде углубленного коридора. Всего таких домов было обнаружено 14, из них большая часть открыта при раскопках селища 1 в Липино.

Едва ли не классическим примером жилища на холодном подклете является постройка Р-4, я.50, которая была центральным объектом самой большой на Липинском селище усадьбы А на заключительном этапе ее существования. От нее сохранилась заглубленная часть в виде котлована с косым угловым входом глубиной 0,2 м от уровня материка (рис. 92). Стратиграфия котлована указывает на два строительных периода. В общем массиве заполнения объекта выделялись 4 слоя, из которых три связаны со вторым, более поздним строительным периодом. Верхние напластования (слои 1 и 2) относились к наземной жилой части дома. В слое 1 залегала мощная линза рухнувшей глинобитной печи. В слое 2 помимо примеси продуктов горения также присутствовали обломки отопительного сооружения. Большинство находок происходит из

этих двух слоев (стеклянные и бронзовые браслеты, перстни, предметы быта). Ниже залегал слой 3, который соотносится с заполнением подклета. Он состоял из грунта с обильными включениями угля, местами прокаленного до оранжевого цвета. В нем на высоту двух досок по всему периметру сохранилась обшивка котлована. Ширина одной доски в обугленном состоянии составляла 12 см при толщине в 3 см. Реальные размеры были, несомненно, больше. Их закрепление достигалось путем заклинивания продольных досок поперечными. В центральной части ямы в слое 3 также располагались плахи, ориентированные в основном по линии запад-восток. Судя по всему, они являлись остатками потолочных перекрытий подклета и пола жилого помещения. Под завалом деревянных конструкций находилось 4 скопления раздавленных круговых сосудов, а также некоторые бытовые предметы.

Слой 4, занимающий придонную часть, связан с первым строительным периодом. Котлован в это время был несколько больших размеров. Его дно перекрывала очень тонкая прослойка более темного цвета, которая представляла собой остатки деревянного пола. Под ним находились хозяйственные ямы 50Б и 50В.

Несомненно, при обновлении подклета первоначальная обшивка была повреждена, поэтому о ее конструкции судить однозначно нельзя, хотя некоторые конструктивные признаки фиксируются. Так, внешние выступы по углам котлована хорошо соотносятся со следами «утопленных» в стенки стояков каркасно-столбовой конструкции. Один из стояков (в юго-восточном углу) сохранился. В то же время такой трактовке конструкции противоречит два наблюдения. Во-первых, нижние части стоек не были заглублены в дно котлована. Во-вторых, отсутствуют промежуточные стойки посередине стенок. Вероятнее всего, обшивка была все-таки каркасно-столбовой, однако практически «стояла», а ее жесткость достигалась за счет досок, упиравшихся в пазы угловых бревен. При таком конструктивном решении обшивка имела облегченный характер и не могла быть несущей.

Возникает вопрос: два строительных периода соответствуют только ремонту заглубленной части подклета или отражают строительство нового дома на старом месте? Последнее решение, судя по всему, является более предпочтительным, так как в западной части котлована в слое 4 был встречен развал печи 2, который как бы «стекал» по стенке. Если наше предположение справедливо, то налицо стремление строителей возвести новый дом точно на месте сгоревшего, при этом сохранить его планировочную структуру. В любом случае есть основания полагать, что хронологический разрыв между строительными периодами или отсутствовал, или был минимальным, что подтверждается находками стеклянных браслетов и морфологически близкой керамики.

Еще лучше сохранились деревянные конструкции подклета в постройке Р-6, я.47, которая также погибла при сильном пожаре (рис. 93). Выкопанный котлован значительно превышал своими размерами подклет. Обшивка последнего была сделана, как и в предыдущем случае, путем расклинивания: восточная и западная стенки, составленные из досок шириной 0,2 м, упирались в северную и южную. Для закрепления обшивки пространство между досками и стенками ямы было засыпано песком. В результате подклет имел размеры 3,2 х 3 м. Иначе были укреплены стенки косого входа: доски были помещены вертикально, а их основания как бы «утоплены» в канавке.

Доски пола входа были настелены поперек его длинной оси. Пол подклета сохранился плохо, однако есть основания полагать, что он был настелен таким образом, что вдоль восточной и западной сторон остались непокрытые полосы. Их границы определялись остатками лаг (рис. 93: 2), а ширина составляла 0,6 м с восточной стороны и 0,8–0,9 м – с западной. Сделано это было специально: вдоль стен были выкопаны ямки Б–З, в которых стояли сосуды с продуктами. В двух ямках (Б и В) горшки в виде развалов сохранились. Ближе к восточной стенке, но уже на дощатом полу стояли два деревянных бочонка или ведра, которые были прослежены по остаткам обгоревших днищ. Похоже, еще один бочонок стоял у восточной стенки, продолжая линию ямок Б–В (рис. 94). От него сохранилось только углистое пятно круглой формы. Таким образом, использование подклета как помещения для хранения продуктов питания, не вызывает сомнений.

Стратиграфически заполнение ямы разделялось на 6 слоев (рис. 94). Слой 1, в котором содержалась примесь угольков, видимо, соответствовал перекрытиям жилого уровня. С самим помещением соотносятся слои 2–4А. В слое 3 присутствовало множество кусков белой глины, частью со следами прокала, которые представляли собой остатки упавшей печи.

Слои 4А и 4Б были очень похожи по своему облику: они представляли собой прокаленный до оранжевого цвета песок с большой примесью углей и рухнувших обгоревших конструкций. Температурное воздействие было столь сильным, что на многих участках слой 5, засыпанный между стенками котлована и обшивкой подклета, прокалился до того же оранжевого цвета и не отличался от слоев 4А и 4Б (рис. 94, профили). Между двумя последними прослеживалась граница, которая в заполнении входа «превращалась» в слой 6. В слое 4А в основном содержались остатки рухнувшего пола жилого помещения и перекрытий подклета. Здесь были встречены доски шириной от 16 до 28 см с преобладающей меридиональной ориентацией. В слое 4Б в основном залегали конструкции, связанные с нижней частью подклета. В подклете, перед входом, были зафиксированы два рядом лежавших обгоревших бревна со ступенчатой высечкой, вероятно, служивших лестницей. В заключение отметим, что на ряде участков обшивка подклета обрушилась внутрь и грунт слоя 5, которым было забутовано пространство между стенками подклета и котлованом,

местами вклинивался в заполнение хозяйственного помещения, что хорошо видно на профиле В-Г (рис. 94).

В заполнении объекта было встречено значительное количество находок, большая часть которых была обнаружена в слоях, связанных с жилым помещением. Трактовка объекта именно как жилого дома, не вызывает сомнений, несмотря на то что сконцентрированного скопления упавшего отопительного сооружения не встречено. Помимо большого количества обломков печи, обнаруженных, как уже указывалось, в слое 3, а также многочисленного и разнообразного инвентаря в пользу такой интерпретации имеется и еще один аргумент. На заключительном этапе существования усадьбы Б постройка Р-6, я.47 явно представляла собой центрообразующее сооружение комплекса. Этот дом был явно синхронен рассмотренной выше постройке Р-4, я.50, а обе усадьбы, похоже, гибнут одновременно в пожаре, вероятнее всего, в ходе монгольского завоевания.

Облегченный характер обшивки подклета, косой вход в него и отсутствие столбовых ямок говорят о том, что стены дома были срубными и поставлены с отступами от котлована, минимальные размеры которых с северной и западной сторон определяются «коридором». Особый интерес представляют две столбовых ямки в северной части входа (№86 и 87), причем первой из них соответствовал и сохранившийся кусок покосившегося обгоревшего столба (рис. 93, 94: 1). С большой долей уверенности можно утверждать, что это – остатки опор-косяков двери. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

Постройка Р-10, я. 16 являет собой пример еще одного дома, подклет которого имел косой вход (рис. 95). Она представляла собой центральный объект усадьбы Г на заключительном этапе ее существования. Котлован в плане имел квадратную форму с размерами 3 х 3 м при глубине 0,6 м. Около стенок котлована в дне прослеживались канавки от деревянной облицовки, в которых были отдельные ямки от кольев. Столбовые ямки были также по углам котлована. Как будет видно ниже, следы обшивки в таком виде зафиксированы и в ряде других объектов. В целом подобная облицовка, несомненно, соотносится с облегченной конструкцией подпорного характера. Вдоль западной стены располагались в виде цепочки три округлые ямки, в которых, судя по предыдущей постройке Р-6, я.47, помещались сосуды с продуктами. Возможно, аналогичным образом использовались и ямы вдоль северной и южной стен, которые, однако, имели вытянутые пропорции.

С жилым помещением связаны слои 1 и 2. Последний выделялся множественными включениями обожженной глины и песка, в числе которых были и куски пода. Как и в предыдущем случае, большая часть остатков отопительного сооружения была «рассеяна» по всему слою, хотя в юго-восточном углу, на краю котлована, они составляли небольшое скопление. В слое 2 также были встречены небольшие камни и куски мергеля, которые, возможно, были использованы при сооружении печи. Ниже располагался горелый слой 2А, соответствующий полу жилого помещения и перекрытиям подклета. Слой 3 относится к заполнению подклета. Многочисленные находки располагались в основном в напластованиях жилой части (слои 1–2А).

К углу подклета постройки Р-9, я.39 также примыкал вход, однако он имел форму почти правильного квадрата, а его западная сторона лежала на одной линии с границей котлована (рис. 96). Восточная и южная стенки входа были укреплены плетнем, северная, судя по всему, досками, которые были прижаты тремя кольями. Прослеженная здесь же канавка, видимо, отражает следы мелкого ремонта. Приближался к квадрату и котлован, имевший размеры 2,8 х 2,4 м при глубине 1,3 м. Реальные размеры подклета, которые точно устанавливаются по сохранившимся обгорелым остаткам дерева, были меньше и составляли 2,5 х 1,8 м. Доски обшивки шириной 16–18 см и толщиной до 2,5 см с внешней стороны удерживались столбиками (рис. 96: 1–2, 4). Лучше всего облицовка сохранилась с восточной стороны (рис. 96: 5). Вдоль южной стенки имелась вырезанная в материке ступенька, которая была обшита деревом. Его остатки были прослежены как в плане, так и в профиле (рис. 96: 3, 6). Видимо, реально ступенька, располагалась выше зафиксированного уровня, а снизу она поддерживалась столбиками (ямки И и К), которые одновременно усиливали подпорную обшивку.

Дно подклета определяла тонкая, местами прерывающаяся, горелая прослойка, соответствующая деревянному покрытию. Удалось проследить, что доски пола, уложенные по линии запад–восток, выстилали только восточную и центральную части подклета. Сложно сказать, отсутствовало ли покрытие на месте ямки З, которая, как и в предыдущих объектах, соотносится с деревянной емкостью, или она существовала первоначально, а деревянный настил был сделан позднее. Вдоль западной стенки, где полы отсутствовали, располагались две небольшие хозяйственные ямы (рис. 96: 4, 6). В одной из них (Б) был обнаружен скелет поросенка в анатомическом порядке, на правом боку, головой на северо-восток (рис. 96: 4).

Напластования подклета в силу каких-то специфических причин обрушения оказались как бы «спрессованными» и тяготели к нижней части заполнения (рис. 96: 6). В связи с этим остатки упавшего сверху отопительного сооружения в виде множества кусков глины белого и желтоватого цвета, среди которых были куски пода и небольшие прокаленные камни, присутствовали в нижней части слоя 1, а также в слое 2, 3 и 5. Это в полной мере относится и к обгоревшим конструкциям из дерева, в скоплениях которых удалась выделить два яруса, в основном связанных с разными уровнями дома. Судя по всему, ярус 1 главным образом представлял собой остатки потолочных перекрытий жилого помещения (рис. 96: 1). Его основу составляли три широкие доски,

ориентированные по линии запад-восток. Доски яруса 2 относятся к потолочным перекрытиям подклета или полу наземной части жилища (рис. 96: 2). Они располагались в направлении север–юг и поддерживались лагами, которые, судя по одной сохранившейся, были ориентированы запад-восток. Отметим, что в обоих ярусах присутствовали также куски рухнувшей обшивки котлована.

Проанализированная постройка являлась объектом усадьбы К, которую от усадеб А и Б отделяла улица II. Все три усадьбы погибли в огне большого пожара. Постройка Р-9, я.39 обладает комплексом признаков, свидетельствующих о том, что срубные стены дома были поставлены с отступом от границ подклета (малая площадь, облегченная подпорная конструкция обшивки как котлована, так и входа, отсутствие на прилегающей площадке системы столбовых ямок). Этому вроде бы противоречит «неровность» строительной площадки, что хорошо видно в профиле I-II (рис. 96: 6). Этой деталью можно было бы пренебречь, так как культурный слой был срезан. Однако при вскрышных работах бульдозер, хотя и приближенно, «повторял» особенности микрорельефа. Таким образом, к юго-востоку от постройки, вероятнее всего, имелась западина естественного происхождения, которая при возведении дома требовала нивелировки. И именно в этом месте была прослежена яма от мощного столба с сохранившимся деревом (яма 40). Есть все основания полагать, что это – остатки стула под угол сруба. Яма 41, скорее всего, является подпоркой по второй угол дома. Здесь перепад был уже незначительным, поэтому и столб был меньше. Формы ям свидетельствуют о том, что в обоих случаях первоначально выкапывалась яма, после чего в нее вбивался столб-опора. Заметим, что дом был выстроен на ранее незастроенном участке, поэтому указанные ямы вряд ли могли быть связаны с асинхронными объектами.

В постройке Р-8, я.42-42Б также имелся вход, примыкающий к углу подклета (рис. 97). Котлован имел почти правильную в плане квадратную форму. У северной стенки сохранился небольшой участок обшивки с остатками пола, доски которого были ориентированы по линии север–юг. Прослеживались горизонтально ориентированные волокна деревянной облицовки. Так как в дне котлована отсутствовали столбовые ямки, то с большой долей уверенности можно считать, что обшивка была выполнена путем расклинивания досок. Обгоревшие остатки дерева позволяют уточнить истинные размеры подклета: север–юг – 2 м, запад–восток – 2,6 м, глубина – 1,1 м. К основной камере с востока примыкала подпрямоугольная в плане яма 42Б, которая имела вид как бы немного заглубленной (до 0,3 м) полки. На ее материковом дне располагались остатки рухнувшей печи. Яма 42В была более поздней, что хорошо видно в профиле I-II (рис. 97).

В заполнении котлована выделялось 8 слоев. Слой 1 являлся заплывом культурного слоя над рухнувшим жилищем. Слой 2, имевший примесь древесного тлена, вероятно, является остатками потолочных перекрытий жилого помещения дома. Слой 4, очень близкий по грунту, можно отнести к потолочным перекрытиям подклета и пола жилого помещения. Слой 5 являлся забутовкой между стенами котлована подклета и их деревянной облицовкой. Слой 6 представлял собой заполнение камеры подклета, под которым залегала тонкая прослойка древесного тлена (слой 7), сохранившаяся от пола.

Напластования ямы 42Б при исследовании объекта получили свою нумерацию. Слой 2, видимо, соответствовал участку пола жилого помещения, заметно интенсивнее горевшему, из-за чего он обрушился в первую очередь.

Небольшие размеры подклета и подпорный характер его облицовки указывают на то, что стены дома были поставлены с отступами. На прилегающих участках было обнаружено большое количество столбовых ямок, однако значительная их часть не может быть связана с постройкой. Так, ямки, идущие цепочкой с южной стороны жилища, являются остатками забора между усадьбами В и Г. Ямки к северу от объекта относятся к большому хозяйственному объекту. В их расположении отсутствует система, позволяющая увидеть в них следы каркасно-столбовой конструкции. Как и в предыдущих случаях, здесь при возведении стен была использована срубная техника.

На Липинском селище отмечены дома на глухих подклетах, когда заглубленные складские помещения не имели входов в виде «коридоров». В этих случаях в них попадали через люки в полах жилых помещений. Классическим примером тому является постройка Р-5, я.28, которая являлась самым поздним сооружением в скоплении объектов на раскопе 5 (рис. 99). При ее возведении были нарушены ямы 23, 26, 26А, 27 и 29. Котлован правильной квадратной формы (3 х 2,8 м) имел глубину до 1,1 м от верхней границы прослеженного заполнения. Углы котлована были несколько «расширены», при этом в них было по 2–3 столбовых ямы. Подобная картина отражает ремонт обшивки подклета: все угловые ямы, кроме западной, были врезаны в стенки котлована с самого его верха. Это – следы наиболее ранних столбов. В процессе эксплуатации хозяйственного помещения их конструктивные свойства утратились и они были заменены. Общий облик с учетом небольшого диаметра ряда столбовых ямок указывает на подпорную конструкцию облицовки.

Придонную часть котлована и пространство около стенок покрывал коричневатый суглинок, который, как и в ряде предыдущих случаев, представлял собой забутовку. Слой Б соответствовал заполнению подклета. Слой А заметно перекрывал границы котлована. В нем присутствовали куски глины от отопительного сооружения, а по его нижней границе встре-

чались скопления угольков, которые не образовывали сплошной прослойки. В основном этот слой был, видимо, связан с жилой частью дома. Похоже, во время обрушения дома первыми не выдержали перекрытия под печью, так как заметная ее часть в виде обоженной глины с кусками пода и свода «провалилась» до нижней границы слоя Б, образовав скопление толщиной до 20 см в восточном углу котлована. Единство образования слоев А и Б подтверждается тем, что в них были найдены подходившие друг к другу фрагменты керамики от одних и тех же сосудов.

Еще одна постройка (Р-5, я.8) была также обнаружена в скоплении ряда разновременных объектов на раскопе 5 (рис. 99). Квадратный котлован имел размеры 2,7 х 2 м при глубине около 0,6 м. Как и в предыдущем случае, его углы были немного «оттянуты», однако столбовые ямки отсутствовали. Такая форма с большой степенью вероятности свидетельствует о том, что обшивка была выполнена с применением приема расклинивания досок. В северной части дна котлована находилось небольшое углубление, в котором была ямка диаметром около 0,4 м и глубиной 0,1 м. Вероятно, она использовалась для установки сосуда с продуктами.

В заполнении была отмечена сильная примесь угольков, кусочков глины и мелких камешков. Последние были связаны с отопительным сооружением. По верхней границе заполнения проходил прерывистый слой из углей и комьев глины, в северо-западной части которого сохранились сгоревшие плахи перекрытий подклета толщиной 3–4 см и шириной до 20 см. В юго-восточном секторе этого слоя куски обожжённой глины от упавшей сверху печи образовывали скопление толщиной до 0,3 м.

В плане подклет постройки Р-2, я.55 имел прямоугольную форму, хотя в его восточной половине в верхних частях стенок имелись уступы, которые наверняка объясняются обрушением при рытье котлована в рыхлом песке (рис. 100). Вдоль юго-западной, северо-западной и северо-восточной стенок в дне котлована имелись канавки, представляющие собой следы обшивки. Интересно отметить, что в северном углу они образовывали скругление, что явно указывает на неаккуратный, ослабленный характер облицовки. Вдоль северо-западной стенки к канавке примыкали сегментовидные в плане ямки, оставшиеся от подпорных столбиков. На первый взгляд, с такого рода конструктивными деталями связаны и ямки Д–Ж. Однако, вполне вероятно, их роль была иной, на что указывает пример ямок А и Б. В первой из них был обнаружен развал сосуда, под которым был найден цилиндрический замок типа Б по классификации Б.А. Колчина. Подобные предметы появляются в нач. XII в. (Колчин, 1982. С. 160. Рис. 3). В данном случае замок явно был спрятан как оберег. В ямке Б прослежено горелое «кольцо» от какой-то деревянной емкости (рис. 100). С использованием круглых ямок в полу подклетов в качестве «гнезд» для установки сосудов мы уже сталкивались. По крайне мере, часть ямок вдоль стен имеют близкие параметры. На то, что они могли быть такими же «гнездами», указывает расположение находок, обнаруженных практически на уровне дна подклета. В западном углу лежали два серпа, один из которых перекрывал ямку Ж, что вряд ли могло быть, если бы она представляла собой подпорный столбик (рис. 100). В восточной углу находились серп и железная крица, у юго-восточной стенки – серп и обломок косы. Все эти предметы располагались примерно на одинаковом расстоянии от стенок котлована и, судя по всему, лежали на рухнувших при пожаре полках. В любом случае, конструкцию облицовки стен котлована можно расценивать только как подпорную.

В западной половине котлована были прослежены остатки пола в виде тонкой (1–2 см толщиной) плотной прослойки темно-серого цвета со значительным количеством угольков. Он был выполнен в виде настила из досок, положенных прямо на песок в направлении, судя по прослеженным участкам волокон, с северо–востока на юго–запад. Видимо, там, где были ямки-«гнезда», настила либо не было, либо его заменяли обрезки досок. Канавки и остатки пола позволяют довольно точно определить реальные размеры подклета: 3,3 х 2,4 м при глубине около 1 м.

Стратиграфически в котловане выделялось три основных слоя. Слой 3 представлял собой заполнение собственно подклета. В нем встречались отдельные кусочки глины, однако основная часть остатков отопительного сооружения содержалась в слое 2. В северо-восточной части пережженные куски глины белого цвета образовывали скопление толщиной 30–40 см (рис. 100). Отдельные фрагменты печи наряду с угольками встречались и в слое 1.

Котлован постройки Р-2, я.48 также с одной стороны имел более пологие края, что, видимо, отражает процесс его сооружения (рис. 101). Размеры самой камеры составили 2,4 х 2 м при глубине 0,7 м. Судя по всему, в технике, аналогичной предыдущему объекту, была выполнена и обшивка подклета. Вдоль его трех сторон имелись канавки. В северо-западной канавке прослеживались «уступы», в юго-восточной – ямки от прижимающих столбов. Ямы неправильно округлой формы в западном и северном углах имели хозяйственное назначение, так как их верхние границы были перекрыты находкой плужного ножа и скелетом человека. Женщина, видимо, пряталась в подклете от опасности и была погребена под остатками рухнувшего дома. На ее руках были надеты браслеты: на левой – три крученых стеклянных, на правой – витой из трех бронзовых проволок. У головы обнаружен бронзовый ложновитой перстень. У юго-западной стенки в компактном скоплении находились дверной пробой с цепью, еще один с кольцом и 12 кованных гвоздей. Похоже, эти предметы были в какой-то несохранившейся деревянной посудине типа туеска. Рядом располагались крица, железное кольцо и еще

три гвоздя. Вероятнее всего, как и в постройке, Р-2, я.55, вещи упали с расположенных выше полок.

К сожалению, о стратиграфии постройки можно мало что сказать, так как в ходе исследований шли многочисленные ливневые дожди. В результате все стратиграфические разрезы были уничтожены. Однако, в северо-восточной части котлована еще при зачистке пятна был зафиксирован развал отопительного сооружения из белой глины, часть которой была обожжена (рис. 101). Толщина скопления доходила до 0,3 м.

Две постройки, обнаруженные на раскопе 2, отнесены к рассматриваемой группе домов условно, что объясняется следующим. Раскоп размещался в северной части Липинского селища, на краю действующего карьера, и основной целью исследований было спасение частично разрушенных объектов. Кроме того, в пределах раскопа грунт в ходе вскрышных работ был срезан на большую глубину, поэтому реальные размеры объектов по вертикали были больше. Изученные сооружения представляют собой заметный интерес из-за сохранившихся конструктивных деталей.

Северная часть постройки Р-3, я.2 была уничтожена карьером (рис. 102). Соответственно, точно можно установить только ширину котлована, которая составляла 2,8 м. Однако часть стенки, сохранившаяся по длинной оси на 3,2 м, видимо, достаточно близка изначальному размеру, так как во всех рассмотренных случаях длина котлована ненамного превышала ширину. Глубина заглубленной части постройки составляла около 0,5 м.

Вдоль стенок котлована прослеживались канавки от обшивки, причем в ряде случаев в их дне прослеживались небольшие ямки от вертикальных плах. На большей части периметра подклета эти канавки находились как бы в «подбое» (рис. 102: 1, 3). Вне всякого сомнения, такая картина является не следствием какой-то конструктивной специфики, а отражает «оседание» стенок при разрушении объекта. Постройка погибла в результате пожара, который был столь сильным, что почти все деревянные конструкции сгорели дотла. По этой причине их особенности трудно определимы, что в первую очередь касается пола и перекрытий. Однако некоторые участки обшивки стенок сохранились. Они представляли собой небольшие вертикально поставленные плашки, при этом далеко не всем им соответствовали ямки в дне канавок (рис. 102: 2). Такой прием был встречен впервые. Облицовка носила облегченный подпорный характер и не могла представлять собой основание стен дома, которые, несомненно, были возведены с отступом от границ подклета. В дне котлована имелись четыре ямки, причем большие из них (А и Б) явно представляли собой «гнезда» для установки деревянных или керамических сосудов (рис. 102: 1).

Заполнение котлована изобиловало остатками сгоревшего дерева, причем их количество по мере приближения ко дну возрастало. Слой 3 представлял собой сплошную пожарищную прослойку. Остатки отопительного сооружения в виде кусочков обожженной глины присутствовали главным образом в слое 2 (рис. 102: 3).

Заглубленная часть постройки Р-3, я.4 по своему оформлению очень напоминала предыдущее сооружение (рис. 103). Вдоль стенок котлована также имелись канавки, в которых прослеживались столбовые ямки. С южной стороны стенка образовывала «наплыв», являющийся следствием разрушения подклета. Карьером была уничтожена меньшая часть объекта, поэтому о его размерах можно судить с большей степенью достоверности. Параметры заглубленной части помещения составили 2,4 х 2,4 м при глубине 0,8 м. У западной стенки подклета располагалась круглая яма А глубиной около 0,2 м. Вероятно, здесь стояла какая-то емкость. Похоже, она была не единственной, так как в придонной части была найдена петля от дужки ведра. Сооружение также погибло при пожаре, но следы горения выражены значительно меньше. Остатки отопительного сооружения в виде кусков обожженной глины были встречены во всех слоях заполнения, однако в слое 2 их концентрация была несравненно выше.

Наиболее сложным сооружением рассматриваемой группы на Липинском селище являлась постройка Р-13, я.75, 143, представляющая собой центральный дом усадьбы Д на финальной стадии ее существования (рис. 104). Сооружение располагалось в скоплении разновременных объектов. Анализ стратиграфии и планиграфии, а также находок показал, что постройка была самой поздней из них. Вполне вероятно, остатки жилища представляла собой и яма 75Г, однако примесь кусочков обожженной глины в ее заполнении была незначительной, что не дает оснований для однозначного вывода.

Постройка Р-13, я.75, 143 имела два заглубленных подклета, которые образовывали правильный прямоугольник с небольшой перемычкой посередине. Она прослеживалась не только в материке, но и выше, отличаясь от окружающих напластований и культурного слоя серым цветом (рис. 104, профиль I-II). По периметру обоих котлованов шли канавки, имеющие разрывы, а также столбовые ямки в дне, что дает картину, близкую предыдущим объектам. Постройка погибла при пожаре, деревянные конструкции не сохранились. И все же есть все основания утверждать, что обшивка была выполнена путем установки в вертикальном положении плашек и не могла быть несущей. В дне обоих котлованов были ямы, большая часть которых соотносится с «гнездами» для установки сосудов.

Больший по площади северо-западный котлован имел размеры 2,8 х 2,4 м при глубине 0,9 м. Между ямами Д и В было прослежено очень мелкое углубление, которое по примеси древесного тлена, видимо, представляет собой остатки бочки. В заполнении выделялось четыре слоя. Слой 3 явно соотносится с рухнувшими перекрытиями подклета. В перекрывавшем его слое 2 были встречены множественные ос-

татки отопительного сооружения в виде белой глины с кусками, прокаленными до оранжевого цвета, образовавшими в северной части сплошное скопление (рис. 104). В слое также были встречены небольшие камни, возможно, использовавшиеся при возведении печи. Рядом со скоплением, в центре у северо-западной стенки, располагалась очень глубокая, до 75 см, яма. Вероятно, она представляла собой опору под печь, расположенной выше, на жилом уровне.

Яма 143 представляла собой подклет меньших размеров: 2,4 х 1,6 м при глубине около 0,4 м (рис. 104). Заполнение его было однородным и состояло из грунта темно-серого цвета с примесью кусков обожженной глины. В северо-восточной части котлована они образовывали сплошное скопление, в котором были куски пода печи и камни.

Таким образом, есть все основания считать, что постройка Р-13, я.75, 143 имела два отапливаемых помещения. То, что такой принцип планировки получает распространение в древнерусское время, подтверждает пример постройки Р-1, я.19, 21, исследованной на Нижнем посаде древнего Рыльска (рис. 105). Сооружение, несмотря на то что заметно пострадало от перекопов, несет исключительно ценную информацию реконструктивного характера. Это объясняется большой глубиной подпольных помещений, которые «законсервировали» стратиграфическую картину в возможно полном виде, чему в немалой степени способствовал плотный суглинистый материк. Полному описанию материалов этой постройки с воссозданием ее облика была посвящена специальная публикация (Енукова, 2005а), что позволяет сейчас остановиться только на основных конструктивных решениях. Отметим, что анализ весьма представительного керамического комплекса из заполнения жилища был проведен в отдельной работе (Веретюшкин, 2005).

Котлован западного подклета (яма 19) вошел в пределы исследуемой площади почти целиком: его северная стенка совпала с бортом раскопа (рис. 105). Около стен котлована находились ямки от столбов, которые составляли основу обшивки подклета. Они располагались таким образом, что у каждой из сторон их было по три: два угловых и одна – примерно по центру. Ямка Д у южной стенки была как бы «строенная», что, вероятнее всего, являлось следствием ремонта. Ямы З и К в северном борте вошли в раскоп частично. Подавляющее большинство столбов конструкции выделялось по серому рыхловатому грунту, а в целом ряде случаев сохранились пустоты. По размещению столбовых ямок определяются действительные размеры подклета: 3,1 х 2,4 м при глубине 2,2 м.

В полу подклета были еще три небольших углубления (А, В и Л). В центральной части западной стены ямы 19, в непосредственной близости ко дну, прослежена ниша-подбой. В 0,8 м к востоку от нее, на полу, найдены крупные камни, лежащие один на другом. Вероятнее всего, они служили подставками под лагу пола. Еще один камень – подпорка лаги – лежал на полу в северо-восточной части ямы.

Котлован восточного подклета (яма 21) вошел в раскоп не полностью. Так же, как и в случае с ямой 19, его северная стенка практически совпадала с бортом раскопа, поэтому его ширина восстановима и составляет около 2,8 м. Восточная стенка находилась за пределами раскопа, однако размеры по оси запад-восток можно реконструировать по проходящему через центр котлована профилю IV-VII, в котором хорошо виден прогиб слоя 2, указывающий на центр ямы. Таким образом, длина котлована по линии запад–восток составляет около 3,2 м. Если судить по яме 19, то реальная глубина ямы 21 должна была быть не менее 1,5–1,7 м.

Вдоль стен котлована ямы 21 прослежены столбовые ямки, которые, в отличие от западного подклета, располагались гораздо чаще. Вдоль северной и южной стенок располагалось по 4 ямки, вдоль западной – 2. Как и в яме 19, они имели заполнение из серого рыхловатого грунта, нередко с пустотами. В ямке Д сохранился столбик в виде горелой плахи, волокна которой шли вертикально.

Рассчитывая «чистые» размеры помещения по промерам от столбов, мы получим ширину в 2,4 м. Судя по восстановленной длине котлована, с учетом крутизны его стенок, длина подклета была не менее 3 м. Другими словами, оба подклета имели одинаковые размеры. Разницу в величинах котлованов, полученных при раскопках, следует усматривать в отличиях облицовки стен подклетов.

На стыке котлованов прослеживался своего рода небольшой «бордюр» шириной 15 см при высоте до 30 см, состоящий из материковой глины с гумусированными включениями, который представлял собой остатки горизонтальной перегородки между подклетами (рис. 105, профиль I-III). В северной части он обрезался ямой неправильной формы, примыкавшей к борту раскопа, в которую заходили ямы К и З. Эта яма представляла собой маленький котлован, образовавшийся при вкапывании соответствующих бревен.

Стратиграфия постройки была сложной, причем общих слоев в подклетах не было, за исключением скопления прокаленной глины от печи (слой 1, ямы 21). Однако в профиле IV-VII хорошо видно, что слой 2 и отчасти слой 1 как бы «просочились» своими западными краями в заполнение ямы 19, хотя столбы перегородки между подклетами стоят вертикально. Видимо, когда здание рухнуло, все-таки часть перегородки не выдержала нагрузки и сломалась, что и привело к такой, на первый взгляд нелогичной картине. В свою очередь, это служит несомненным доказательством одновременности гибели, а значит, и существования обоих подклетов.

Подробное описание стратиграфии с интерпретацией слоев имеется в указанной публикации. В виде схемы ее можно представить следующим образом. В восточном подклете (яма 21) слой 1А, в котором была

примесь древесного тлена, увеличивающаяся к его нижней границе, соответствовал остаткам кровли и перекрытий здания. Слой 1 представляет собой развал отопительного сооружения второго этажа. Слой 2 связан с помещением первого этажа. По его нижней границе проходила интенсивная горелая прослойка, в которой были встречены доска шириной 12 см и толщиной 2 см и две жерди диаметром 5 см. Судя по всему, это – остатки пола. Вклинивающийся в слой 2 слой 2А состоял из кусков прокаленной глины, среди которых были крупные, и соотносится с рухнувшей печью. Слой 3 является собственно заполнением подклета.

Стратиграфическая схема западного подклета (яма 19) сводится к следующему. Слой 1 является затеком культурного слоя, который образовался после гибели жилища. Горелый слой 4 отражает сохранившиеся участки перекрытий между первым и вторым этажом. Слой 2 и 3, возможно, связаны своим происхождением со вторым этажом. Утверждать это с уверенностью нельзя, так как они прослеживались только у северного края подклета и были невелики по площади. Слои 5 и 6 представляют собой остатки помещения первого этажа. В слое 6 – много кусков как обоженной, так и необожженной глины. Последние образуют мощное скопление, в котором было немало кусков топочной части отопительного сооружения (печь 3). Слой 6А является участком сохранившихся перекрытий между подклетом и первым этажом. Не исключено, что слой 7 отражает следы промазки глиной пола около печи, что известно по этнологическим материалам как средство противопожарной охраны. Слой 8 соотносится с заполнением подклета, слой 9 – с частью обрушившейся обшивки. Слой 10 отражает постепенное заполнение пространства между полом и дном котлована.

Западный подклет представляет собой первый случай из числа древнерусских построек, где есть все основания предполагать каркасно-столбовую обшивку стен. Однако в восточном подклете использовалась хорошо известная подпорная конструкция, при которой горизонтальные доски прижимались к стенкам вертикальными столбами. Здесь, однако, имелось одно отличие. По северной и западной стенкам столбы устанавливались гораздо чаще, нежели обычно, при этом некоторые из них были глубоко вбиты в грунт. Налицо явное стремление заметно усилить обшивку, причем именно вдоль меридионально ориентированных сторон. При этом предположить, что обшивка котлованов и стены дома представляли собой единое целое, практически невозможно. Вывод из этого может быть только один: судя по отсутствию системы столбовых ямок на прилегающей дневной поверхности, стены самого дома были срубными и возведены с отступом от подклетов. Большое внимание укреплению стен было уделено из-за их большой глубины.

Представляют интерес столбовые ямки 17, 18, 23 и 23А. Они практически одинаковы по своим размерам и образуют почти правильный прямой угол, который хорошо вписывается в предполагаемую планиграфию дома. Есть основания полагать, что они связаны с оформлением привходного пространства.

Два дома на подклетах были исследованы в Курске. К сожалению, сохранность большинства сооружений на территории города оставляет желать лучшего, что объясняется плотной застройкой территории исторического ядра как в XVIII–XIX вв., так и в настоящее время. Полностью сохранившиеся объекты достаточно редки, причем применительно к предмонгольскому периоду это является чуть ли не правилом. По этой причине от двух жилищ на подклетах (Р-4, я.2 и Р-4, я.8), обнаруженных при раскопках на месте воссоздания колокольни Знаменского собора, сохранились только относительно небольшие участки подклетов с развалами печей (Енуков Отчет…1999. Л. 35–37, 42–44).

В отличие от предыдущего раздела при анализе построек на холодных подклетах практически не разбирались вопросы хронологии, что было сделано совершенно сознательно. Причина заключается в следующем. Многие объекты содержали весьма представительный инвентарь, что объясняется их гибелью при сильных пожарах. Ряд предметов имеют относительно узкую хронологию, однако, на наш взгляд, наиболее значимыми из них являются стеклянные браслеты, обнаруженные в подавляющем большинстве объектов: всего в 11 из 14 учтенных (79%). Интересно отметить, что из 18 наземных построек с подпольными ямами только в двух (Р-10, я.19 и Р-11, я.1) присутствовали стеклянные браслеты. Подавляющее большинство браслетов, найденных на курских землях, представляет, по определению Ю.Л. Щаповой, продукцию мастерских Киева** . Напомним, что киевские браслеты в городах Руси появляются с сер. XII в. и достигают пика своего распространения в нач. XIII в. После разгрома Киева в 1240 г. их производство прекращается, хотя незначительное их количество из старых запасов какое-то время еще используется на протяжении 2-й пол. XIII в. (Столярова, 1997. С. 98).

Таким образом, большинство построек на холодных подклетах было возведено не ранее сер. XII в. Обратимся к трем жилищам, в которых стеклянные браслеты отсутствовали. В постройке Р-8, я.42-43Б было найдено овальное короткое кресало. Подобные предметы быта появляются в нач. XIII в. (Колчин, 1982. Рис. 4). В постройке Р-2, я.55, как уже указывалось, встречен цилиндрический замок типа Б, что дает основание считать датой сооружения, по крайней мере, не ранее нач. XII в. Вызывает трудности определение хронологии третьей постройки (Р-5, я.8), причем это единственный случай из всех 14 рассмотренных объектов. В нижнем слое Б (рис. 99) присутствовал керамический комплекс весьма архаа-

** Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность Ю. Л. Щаповой за определения

ичного облика: манжетовидные венчики ранних типов круговой посуды сочетались с небольшой примесью обломков лепной роменской посуды. Дату керамики в пределах кон. X – нач. XI вв. подтверждает находка призматической бусины печеночного цвета. На этом фоне особняком стоят четыре венчика сер. XII – нач. XIII вв. В слое Б керамика кон. X – нач. XI в. хотя и продолжала преобладать, однако уже немногим менее половины составляли фрагменты сер. XII – нач. XIII вв. Следует отметить, что ранняя керамика была сильно измельченной. Судя по всему, именно посуду второго хронологического периода необходимо принять за основу при датировке объекта.

Таким образом, дома на холодных подклетах возводились в основном на протяжении периода с сер. XII в. до нашествия Батыя. В этом смысле интересна постройка Р-4, я.8 из Курска, которую перекрывала интенсивная и большая по площади пожарищная прослойка, интерпретированная как след разгрома города монголами. Кстати сказать, в этом объекте, несмотря на то что значительная его часть была уничтожена перекопами, также был найден фрагмент стеклянного браслета. Пока отсутствуют материалы, позволяющие говорить о дальнейшем развитии этой традиции. В ходе раскопок Курска и Рыльска было установлено, что в этих городах после похода Батыя жизнь продолжалась, и они довольно быстро отстроились. «Запаса прочности», накопленного в предшествующий период, хватило еще на несколько десятилетий. Изучение жизни населения междуречья Сейма и Псла в ордынское время представляет собой самостоятельную исследовательскую тему, и источниковая база для ее проведения только формируется. В частности, скудостью отличаются материалы по домостроительству этого периода. Однако здесь есть одно показательное исключение в виде самого сложного сооружения из числа проанализированных – рыльской постройки Р-1, я.19, 21. Комплекс многочисленных находок, в котором послемонгольская керамика (11 целых форм) сочеталась с десятком стеклянных браслетов, позволяет ее датировать 40–50-ми гг. XIII в. (Енукова, 2005а. С. 152; Веретюшкин, 2005).

Сводные данные о домах на холодных подклетах представлены в табл. 7. В подавляющем большинстве случаев заглубленные складские помещения в плане представляли собой незначительно вытянутые прямоугольники, площадь которых колебалась от 4–5 до 9 кв. м. Самым большим был подклет постройки Р-6, я.47 – 9,6 кв. м. По сравнению с постройками с припечными ямами заметно большей становится глубина подпольных помещений: в 8 случаях она была более 1 м, а в рыльской постройке Р-1, я.19, 21 доходила до 2,2 м. В пяти случаях в подклеты вели отдельные входы. Что касается обшивки, то безраздельно господствующей была облегченная конструкция с использованием расклинивания досок, подпорных столбиков, а также впервые отмеченная из вертикальных плашек. Только в одном случае (все в той же рыльской постройке) строители заметно усилили облицовку котлованов, что вполне объяснимо.

Облегченная облицовка подклетов, а также малая площадь котлованов неизбежно свидетельствует в пользу того, что стены дома должны были заметно «отступать» от границ подклетов. На прилегающих к котлованам участках систематически расположенных столбовых ямок не встречено, на «сомнительных» случаях мы останавливались специально. Таким образом, стены домов должны были быть возведены в срубной технике, что неудивительно с учетом предшествующих традиций и общих тенденций развития русского домостроительства. Несмотря на относительно небольшое количество изученных на курских землях домов на подклетах, «претендентов» на роль маркерных объектов набирается довольно много. Однако сначала целесообразно остановиться на постройках с подклетами, от которых остались прямоугольные в плане котлованы, к одному из углов которых по косой примыкал вход. Этот выбор не случаен. Как мы увидим, эти сооружения несут дополнительную информацию реконструктивного характера, причем, что особенно важно, не только о заглубленной, но и наземной части дома.

Есть все основания полагать, что вход в подклет был «вписан» в пределы сруба дома. К этому выводу неизбежно приводит облегченная обшивка коридоров в сочетании с малой площадью котлованов. Тогда границы входа являются ориентиром для расчетов размеров отступа сруба от двух смежных стен котлована. Соответственно, перекрытия, связанные с полом жилого помещения и потолком подклета, должны размещаться на уровне венца сруба, позволявшего проникать в хозяйственное помещение.

Пространство подклета, таким образом, состояло из заглубленного в грунт котлована, стены которого были облицованы деревом, и отступов до наземных стен, которые служили полками. Следует отметить, что полученная картина в определенной мере перекликается со сложившимися традициями жилого строительства. При анализе домов котлованного типа как роменского, так и древнерусского времени, уже рассматривались ситуации, когда участки от края ямы до стены наземного сруба использовались как лавки или полки. Таким образом, вполне возможно, что оформление интерьера кладовых в определенной мере связано с традициями жилой архитектуры.

Обратимся к особенности, которая отличает рассматриваемые постройки от других, – косым угловым входам. По выражению Г.В. Борисевича, «явление тогда становится традицией, когда оно имеет какой-либо практический смысл» (Борисевич, 1982. С. 273). Отклонение от прямоугольной планиграфии в конструкции жилища необычно и, несомненно, диктовалось какой-то необходимостью, которая требует объяснения. Что могло помешать сделать вход в подклет перпендикулярно к котловану? Полагаем, что это мог быть только вход в жилое помещение дома. С учетом того, что в липинском варианте подклеты были не наземными, что хорошо известно в этнологии, а час-

тично заглубленными, расположить оба входа на одной вертикальной линии было просто невозможно. Получается, что косой вход является признаком, указывающим на ориентацию входа в отапливаемое помещение, расположенное на втором уровне дома.

Проверим сделанные выводы на примере детального анализа конкретного дома. Удобнее всего обратиться к сооружению с частично сохранившимися деревянными конструкциями, для чего вполне подходит центральный объект самой крупной в Липино усадьбы А – постройка Р-4, я.50, точнее, материалы, относящиеся к ее второму строительному периоду (рис. 92).

Чтобы попасть в заглубленную часть подклета, необходимо было понизить уровень пола в проходе и привести его в соответствие с человеческим ростом. Для этого в грунте и выкапывался небольшой коридор. Попытаемся рассчитать, какова могла быть высота подклета, для чего вспомним размеры дверного проема и высоту, на которой он вырубался в стене. Высоту проема можно восстановить по находкам дверных полотен, представительная серия которых выявлена только в Берестье. Из 28 дверей 19 имели высоту 73–98 см, 7 – 108–116 см и 2 – 127–141 см (Лысенко, 1985. Табл. 27). В нашем случае речь идет о дверном проеме, который вел в подсобное помещение. Несомненно, оно посещалось реже, нежели жилая часть дома, поэтому его высота могла быть меньше. С позиций корректности следует воспользоваться наиболее распространенным (он же наименьший) стандартом в 73–98 см (рис. 106). Дверь прорубалась в третьем-четвертом венцах (Лысенко, 1985. С. 180), что наверняка было связано с необходимостью сохранения прочности и жесткости основания сруба. Таким образом, дверной проем возвышался над уровнем дневной поверхности на 0,4–0,6 м. Балки перекрытия подклета в этой ситуации, скорее всего, врубались между бревнами двух венцов, идущих сразу над дверным проемом. В противном случае заглубленная часть подклета и коридор теряли смысл. Следовательно, нижняя граница перекрытий крайне незначительно (не более 0,1 м, что соответствовало половине бревна) превышала верхнюю границу дверного проема.

Судя по всему, балки размещались параллельно стене с дверью, т.е. по линии север–юг, в пользу чего имеются следующие аргументы. Во-первых, в заполнении котлована были встречены доски пола жилого этажа с преобладающей широтной ориентацией. Во-вторых, сделанные «с разбегом» дверные проемы в подклет и жилое помещение, хоть и незначительно, но ослабляли восточную стену сруба. Ранее нами уже обращалось внимание на то, что в срубной конструкции основную нагрузку несли только две стороны сруба (Енукова, 2005б. С. 74). В нашем случае логично предположить, что несущими являлись как раз стены без входов, т.е. северная и южная, в которые с точки зрения прочности было удобнее врубить балки.

Таким образом, расчетная высота сруба наземной части подклета могла колебаться от 1,2 м до 1,7 м (рис. 106). Мы полагаем, что именно нижний предел является более точным отражением реальной картины. Доказывается это следующим образом. Если к его абсолютному значению прибавить разницу по высоте между дневной поверхностью и уровнем дна коридора, которая составляет 0,5–0,6 м, то получится 1,7–1,8 м. Другими словами, высота коридора позволяла пройти по нему взрослому человеку в полный рост. Попав далее в прямоугольный котлован, который уже имел высоту до перекрытий 2,3–2,4 м, можно было свободно заниматься размещением припасов и прочего имущества, в том числе и на расположенных по периметру лавках-«стеллажах». Без котлована в центре подклета передвижение в помещении было бы крайне затруднено, так как расстояние между лавками и перекрытиями жилого уровня составляло немногим более 1 м.

При сравнении разницы по высоте между уровнем дневной поверхности и дном котлована выявляется два «порога» высотой в 0,6 м (рис. 106). Вполне возможно, что таким неудобством обитатели дома могли и пренебречь, однако не исключено, что эти участки были специально оборудованы. Так, в котловане угол, примыкающий к коридору, за пределами обшивки имел скругленный «отростою» диаметром около полуметра. Судя по всему, здесь располагалась щегла. На втором «пороге», возможно, помещалась лесенка-«трап», аналогичный находке на посаде в Киеве (Гупало, 1981. Рис. 7).

Имеющиеся данные позволяют примерно определить границы сруба. Восточная стена предположительно была ненесущей, поэтому она могла проходить в непосредственной близости от коридора. Северная стена, основание которой играло роль перекрытия, должна была быть поставлена с некоторым отступом от коридора. Кроме того, это было необходимо и еще потому, что дверной проем входа в подклет не мог вплотную примыкать к северной стене. Западная стена, не несущая нагрузки, могла быть поставлена в непосредственной близости от котлована, однако вряд ли ближе стенки котлована первого периода. Южная стена сруба предположительно была определена как опорная. Данные о размере отступа в данном случае отсутствуют, поэтому по ранее установленным аналогиям условно его можно определить в 0,5 м. Таким образом, минимальные размеры сруба были с севера на юг – 5,4 м, с запада на восток – около 3,9 м, а площадь – 21 кв. м (рис. 107).

Реконструкция входа в жилую часть дома затруднена. Можно только с уверенностью утверждать, что в связи с отсутствием ямок не использовались сени столбовой конструкции. Сложно что-либо сказать и о планировке жилого этажа.

Графическая реконструкция общего облика дома, в которой опущены неустановленные элементы, представлены на рис. 108. Схема воссоздания, в том числе расчета высоты подклета, в своей основе может быть применима и к другим постройка рассматриваемого типа, хотя, несомненно, в каждом конкретном случае в деталях могли иметься отличия. В частности, черты своеобразия, причем несущие дополнительную реконструктивную информацию, фиксируются в постройке

Р-6, я.47. Это сооружение представляет собой единственный случай, когда с внешней стороны входа были прослежены два опорных столба дверного проема, при этом окончание «коридора» оказывалось за пределами стен дома (рис. 109: 1). Интересно, что спуск в подклет имел характер плавного понижения со ступенькой только на стыке «коридора» и обшитой досками камеры. Такое обустройство становится понятным, если вспомнить, что в подклете были найдены остатки бочек, которые было очень удобно скатывать в подклет.

С учетом «косого» входа дверь в жилое помещение должна была располагаться на той же, северной стороне. Это подтверждает и общая планиграфия усадьбы: как и в предыдущем случае, перед предполагаемым входом в жилое помещение находилась свободная от застройки площадка с въездными воротами. Дверь в подклет четко фиксирует северную границу сруба. Легко устанавливается и линия, по которой проходила южная стена: она должна была практически совпасть с границей котлована первого строительного периода, так как чуть южнее проходил скруглявшийся забор, разделявший усадьбы А и Б. Таким образом, размер дома в меридиональном направлении составлял 6,5 м. Видимо, в окладном венце бревна, ориентированные по линии запад–восток, несли основную нагрузку, что подтверждается двумя дверями с северной стороны, так или иначе ослабляющими общую конструкцию.

Возможно и определение примерной границы западной стены: она могла располагаться на самом минимальном расстоянии от котлована, так как сам подклет был заметно «отодвинут» от его края, а некоторая нагрузка, которую испытывала облицовка, даже могла быть полезна с учетом использования приема расклинивания досок.

Попробуем рассчитать примерные размеры дома в широтной ориентации. Вход в жилое помещение находился к востоку от входа в подклет, так как в противном случае его «скошенность» теряла смысл. Двери должны были располагаться по горизонтали на каком-то расстоянии друг от друга (рис. 109: 2), которое сложно установить. Тем не менее, мы вряд ли сильно ошибемся, если в качестве минимального определим этот размер в 1 м. Собственно, ближе стена и не могла «подходить» из-за котлована.

В дальнейших расчетах необходимо учитывать некоторые характеристики по вертикали. В месте, где располагался дверной проем в подклет, пол «коридора» был заглублен уже на 0,4 м. Полагаем, что верхний край двери должен был «возвышаться» над уровнем дневной поверхности минимально на 1 м. Данных об оформлении входа в жилое помещение нет. Теоретически можно предположить два варианта: 1) лестница шла перпендикулярно стене, имея в основе рубленый рундук; 2) лестница примыкала к стене, опираясь на выпущенные из сруба лаги. Второй вариант, на наш взгляд, выглядит более реальным. «Примыкающее» крыльцо хорошо известно по материалам этнографии и имело в гражданской архитектуре самое широкое распространение. Активно использовался этот вариант и в реконструкциях домов древнерусского времени (рис. 17, 19–20). Применение такой конструкции объясняет и необычность входа в подклет, когда коридор выступал за пределы стен сруба. Без специального навеса это привело бы к тому, что складское помещение при осадках заливалось бы водой. Навесное крыльцо полностью устраняло этот недостаток.

Лестницы в древнерусских домах были довольно крутыми, а ширина марша обычно колебалась в пределах 0,8–0,9 м (Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. С. 152). В нашем случае лестница могла располагаться только к востоку от дверного проема, так как в противном случае она бы перекрывала вход в подклет. Для расчетов использовались самые минимальные размеры: ширина ступени – 0,2 м, высота – 0,33 м (рис. 109: 2). Перед верхней и нижней ступеньками должны быть хотя бы небольшие площадки, иначе будет сложно как подойти к лестнице, так и зайти в дверь. Их минимальные размеры были определены в 0,5 м. В результате длина стены составил 5,5 м. Специально отметим, что при расчетах в целях корректности везде использовались минимально возможные размеры. Реальные параметры, естественно, могли отличаться, однако в сторону увеличения и вряд ли в сторону уменьшения.

Предложенная схема вступает в некоторую оппозицию с ранее сделанным наблюдениям, когда указывалось, что сохранившиеся доски пола жилого этажа (или потолка подклета?) были ориентированы, главным образом, по линии север–юг, что подразумевает перпендикулярную врубку лаг. Однако для крыльца могли быть врублены 2–3 перекрещивающиеся лаги. Своим западным концом настил навесной «галереи», скорее всего, опирался на одну или несколько балок, образованных выпуском соответствующих бревен венцов. В деревянном зодчестве подобная схема использовалась весьма широко.

Выше, при реконструкции постройки Р-4, я.50 мы исходили из того, что подклет дома был однокамерным. Какие-либо данные о возможной стене внутри подклета отсутствовали. Однако в случае с анализируемой постройкой есть указание на то, что между «коридором» и складским помещением была дверь. В самом нижнем слое 4Б, представлявшем собой заполнение подклета, на полу в сгоревшем дереве были найдены спекшиеся два дверных пробоя с накидом и обломок щеколды (рис. 109: 3). Полный набор для запирания хозяйственного помещения однозначно указывает на то, что камера была отделена от «коридора» стеной. Это устройство было призвано не преграждать вход от «непрошеных гостей», для чего пригодны были только замки, которые, как и ключи, в постройках на курских землях встречаются достаточно часто. Щеколда с накидом и пробоями просто придавливала дверь, чтобы она «не отходила». С большой долей уверенности можно полагать, что стена была цельнорубленной. Косвенно «капитальный» характер стены подтверждает и один из пробоев: судя по загибам на его концах, дверное полот-

но была весьма мощным: его толщина составляла около 4 см. Вряд ли было целесообразно устанавливать такую дверь в легкой перегородке.

Перегораживала ли эта стена только подклет или «продолжалась» выше, разделяя и жилую часть дома? Точно ответить на этот вопрос нельзя, однако в пользу последнего варианта имеются косвенные доказательства. Площадь дома составляет 36 кв. м, причем, как указывалось, речь идет о расчетах с использованием минимальных параметров. Предположение о расчленении жилой части на два помещения при такой площади выглядит вполне целесообразным.

Вариант реконструкции постройки Р-6, я.47 представлен на рис. 110. Оговорим несколько деталей непринципиального характера. Мы предположили, что дверь подклета открывается наружу, исходя из следующих соображений. Если западный столб дверной опоры был установлен в дне коридора, то восточный – на его краю. Дверное полотно, в таком случае, не могло доходить до пола входа, тем более что ему мешала обшивка. Вероятно, проем под дверью просто временно закладывался доской или бревном. Дверь получалась довольно широкой, однако ее высота, как уже указывалась, вряд ли могла быть меньше 1 м. Если бы она была меньше, то, с учетом расположенного выше настила, попасть внутрь было затруднительно.

Запоры были найдены еще в двух случаях, причем в сооружениях, подклеты которых в связи с отсутствием прослеженных «коридоров» были отнесены к числу глухих. Пробой, «прошивающий» кусок сгоревшего дерева, вместе со щеколдой был найден в постройке Р-3, я.2. Загибы пробоя опять указывают на толстое дверное полотно в 4,5 см. Вполне вероятно, в данном случае здесь также имелся двухкамерный подклет, однако часть постройки была уничтожена карьером (рис. 102). Напомним, что в постройке Р-13, я. 75, 143 было два одинаковых по ширине подклета (рис. 104). На дне более глубокого котлована (яма 75) был найден пробой с кольцом. Если так, то между двумя помещениями имелась стена, при этом гораздо более мелкий подклет мог играть роль заметно усовершенствованного входа. Косвенно реальность существования такой своеобразной «пятистенки» подтверждается и еще одним фактом: в подклетах было найдено по развалу печи, что указывает на два расположенных выше отапливаемых помещения.

К числу бесспорных случаев существования глухих подклетов относится рыльская постройка Р-1, я.19, 21. Исследованный объект интерпретируется следующим образом (рис. 111). Первый уровень жилого дома представлял собой два смыкающихся подклета, полностью заглубленных в грунт. Стены западного подклета (яма 19) были облицованы досками, заложенными в пазы вертикально поставленных столбов. В восточном подклете (яма 21) доски были заложены между стеной котлована и часто поставленными (за исключением смежной стенки) вертикальными столбами, которые являлись держателями облицовки. Полы были также из досок, которые располагались по направлению север–юг. В западном помещении они были уложены на поперечные лаги, одна из которых подпиралась камнями и заходила в стену котлована подклета. Вход в хозяйственные помещения, изолированные друг от друга, судя по всему, осуществлялся через люки в полу комнат первого этажа.

Отсутствие системы столбовых ямок и различные схемы оформления обшивки котлованов указывают на срубный характер стен дома, поставленных с отступом. Первый жилой этаж имел две отапливаемые комнаты. По прослеженным развалам можно предположить, что в западном помещении печь располагалась в северо-западном углу, в восточном – в северо-восточном. С большой долей вероятности западную комнату по обилию найденной здесь посуды, скоплениям яичной скорлупы и рыбьей чешуи можно интерпретировать как кухню. Следует отметить и заметно более крупные размеры глинобитной печи в данном помещении по сравнению с другими. Третий уровень (соответствовал второму этажу) был также жилым. Предположительно он был оформлен в виде одной комнаты, которая, соответственно, имела площадь, равную двум помещениям первого этажа. Глинобитная печь, судя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, примыкала к северной стене и располагалась в середине помещения. Ее основная тяжесть приходилась на стену (переруб), являющуюся перегородкой между двумя комнатами нижнего этажа. Для укрепления печи в дополнение к перерубу были установлены еще и столбы (углубление в дне подклетов около ям 19К, 193), что являлось не редкостью в древнерусском домостроительстве (Спегальский, 1972. С. 113). Комнату подобного рода в литературе часто определяют как «повалушу» – общее помещение. Уже сами ее размеры и соотношение ее площади с площадями других помещений дома дают основание для предположения, что в ней собиралась вместе вся семья. Слову «общий» в Древней Руси соответствовало слово «повальный». По В.И. Далю, «повал» – все общее, поголовное, что одновременно касается всех (Даль, 1998. С. 141).

В реконструкции, представленной в публикации, оформление входа было предложено в виде холодных сеней с дощатой забиркой (Енукова, 2005а. Рис. 4). Однако корректнее, видимо, расценивать столбовые ямки к западу от подклетов как следы опор высокого крыльца, ведущего на второй этаж, так как, строго говоря, «продолжение» каркасно-столбовой конструкции вдоль стены не прослежено (рис. 105). Кроме того, расстояние между западной стеной дома и ямками 18 и 23 таково, что сени получались бы тесными. Исходя из этих соображений и представлен конечный вариант (рис. 111).

Рассмотренная двухэтажная постройка из Рыльска имеет одно заметное отличие от всех других домов: ее жилые помещения располагались почти на уровне дневной поверхности, что явилось следствием значительной глубины камер хозяйственного назначения. Что же касается построек из Липино, а также, судя по всему, Курска, то по формальным этнологическим признакам они относятся к числу домов на низких или средних подклетах, имевших высоту около 1 м. Однако умелое использование углублений в грунте при минимальных затратах труда и экономии строевого леса фактически превращали их в высокие, что было возможно только в условиях относительно глубокого залегания грунтовых вод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ накопленных материалов позволяет выявить традиции и новации в домостроительстве населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв.

Жилища семичей в IX–X вв., несмотря на кажущееся разнообразие, по своим основным строительным приемам представляют собой достаточно целостное явление. Упрощенно ведущую строительную схему можно представить следующим образом: однокамерная постройка, состоящая из жилого котлована с печью в углу, который перекрывал больший по размерам сруб. Как оказалось, обшивка котлованов, которая в исследованиях нередко воспринимается как нижняя часть стен дома и используется в качестве одного из важнейших типообразующих признаков, играла зачастую вспомогательную и отнюдь не определяющую в общей конструкции роль. Разнообразие проявляется в первую очередь в отопительных сооружениях, которые различались по используемому материалу (материковый останец, сочетание материковой «платформы» и глины, полностью из глины, камень) и расположению в котловане (вплотную к стенке или на некотором расстоянии). Изредка в котлованах имелись входы-ступеньки, которые «вписывались» во внутреннее пространство. Нет никаких оснований полагать, что в роменских постройках междуречья на поселениях Сейма и Псла существовали пристройки типа сеней. Относительная немногочисленность объектов с такими ступеньками не позволяет подтвердить или опровергнуть вывод о том, что печи в домах IX–X вв. чаще всего располагались в углу напротив входа. Развитие строительных технологий ярче всего проявляется в появлении двухэтажных домов, которые пока зафиксированы только на Липинском городище, где они выступали в качестве ведущей конструктивной схемы.

В кон. X – нач. XI в. в домостроительстве наступают серьезные изменения. Во-первых, широкое распространение получают наземные срубные дома с припечными ямами. Во-вторых, одновременно с ними появляются немногочисленные, но бытующие вплоть до XIII в. дома, у которых привходные пространства имели специальное оформление.

Дома первой группы имели характер безраздельно господствующей строительной схемы на протяжении всего XI в. Изредка подобные постройки встречались в регионе и в роменское время (два случая), однако некоторые нетипичные находки дают основание для предположения о пришлом происхождении обитателей этих жилищ или, по крайней мере, о дальних связях владельцев домохозяйств. Показательно и очень быстрое распространение новой схемы, на что указывает целая серия сооружений, датированных кон. X – нач. XI в. Объяснить это можно только влиянием извне. Совпадение аналогий в артефактах и социально-политических изменений в жизни населения междуречья Сейма и Псла указывают на то, что источником смены традиции было Среднее Поднепровье – Русь в узком смысле этого понятия. Видимо, быстрый переход объяснялся тем, что между приемами роменского домостроительства и новациями не было непроходимой грани. Имелись и общие черты, что в первую очередь проявляется в использовании срубной техники возведения стен. В то же время стоит отметить и еще одно, хотя и не имеющее принципиального характера, изменение. Глинобитные печи были хорошо известны и в роменское время, однако в XI в. они становятся основным типом отопительных сооружений.

Дома с жилыми котлованами и оформленным привходным пространством, главным образом, в виде цельнорубленных пятистенок с меньшей камерой, представляющей собой холодные сени, появляются одновременно с жилищами, имеющими подпольные ямы. Они действительно имеют много общего с роменской строительной традицией, в том числе и оформления жилого пространства с практически непременным атрибутом – неподвижными лавками вдоль стен. Однако возникновение обычая возведения сеней следует связывать только с влиянием общерусской гражданской архитектуры, что подтверждается материалами Киева и Новгорода.

В общей структуре всех построек стольных русских городов доля пятистенок относительно невелика, чего нельзя сказать об их значимости в разряде жилищ. Редки они и на территории Курской волости-княжения. Как уже отмечалось, Ю.П. Спегальский вслед за другими исследователями Новгорода полагал, что пятистенки представляли собой дома богатых посадских людей (Спегальский, 1972. С. 182). Позиция Н.Н. Фараджевой более осторожна. Она связывает этот тип построек с жилищами владельцев усадеб (Фараджева, 1998. С. 71). К.Н. Гупало, в принципе предполагая возможность связи пятистенок с одним из вариантов богатого посадского жилья, констатирует, что пока пятистенки не являются показателем социальной дифференциации населения киевского Подола и представляют собой рядовое массовое жилье (Гупало, 1981. С. 154). Однако это не отрицает вывод Н.Н. Фараджевой, так как и по материалам Подола пятистенки также обычно являются жилищами владельцев усадеб, причем начиная с момента их фиксации в культурных напластованиях (Сагайдак, 1991. Рис. 50). Вопрос о социальном статусе владельцев усадеб, тесно связанный с общей проблемой городского устройства, является дискуссионным, однако большинство исследователей относит их к числу лично свободных людей.

Естественно, определение «свободный человек» имеет весьма общий характер, однако, за отсутствием возможности на современном этапе исследований

его конкретизации, воспользуемся им. С большой долей осторожности можно предположить, что дома с сенями, которые, несомненно, обладают большей комфортабельностью, следует рассматривать как жилища лично свободного населения. Даже гипотетически вряд ли, конечно, следует утверждать, что эта взаимосвязь могла иметь жесткий характер. Как раз материалы Курской волости-княжения дают пищу для размышления на этот счет. В Липино постройки Р-7, я.27, Р-8, я. 41 и, вероятно, Р-5, я.5 представляли собой жилища – центры усадебных комплексов. Постройка Р-11, я. 21 в ряду пятистенок является самой ранней и была возведена в период, когда усадебно-уличная система в Липино еще не сложилась. Однако она явно выделялась на фоне домов с подпольными ямами этого периода двухэтажностью и использованием элемента типичной планировки жилых домов городских посадов. Постройки в Моисеево и Люшинке были единственными жилищами в пределах довольно крупных с точки зрения исследованности площадей, что также можно расценивать как признак «неординарности».

Приведенные соображения представляют собой пока не более чем некоторые наблюдения предварительного характера. Решить вопрос о вероятной социальной окраске домов с сенями можно только на основе обобщения всех имеющихся материалов по домостроительству Южной Руси, что является делом будущего.

В сер. XII в. появляются дома на холодных подклетах, которые, несомненно, какое-то время сосуществуют с пятистенками и наземными жилищами, имеющими подпольные (зерновые?) ямы, однако последние сравнительно быстро «вытесняются». Отметим, что если раньше в подпольях хранили продукты, предположительно, семенной материал, то теперь помимо сельскохозяйственной продукции, нередко помещенной в деревянную тару и глиняные сосуды, в относительно просторных помещениях с полками располагался хозяйственный инвентарь, а при неблагоприятной погоде – даже молодняк домашнего скота (находка скелета поросенка Р-9, я.39 в Липино).

Теоретически между постройками с припечными ямами и домами на подклетах можно усмотреть эволюционную связь, которая определялась значительным усовершенствованием подпольного пространства. Возможно, так оно и было, однако в целом этот процесс имел гораздо более глобальный характер и протекал в русле общерусских тенденций. Курские земли отличаются в данном случае только тем, что, похоже, накануне нашествия Батыя конструктивная схема «сруб с жилищем + подклет с котлованом» была абсолютно господствующей. Хронологически пики распространения новой конструктивной схемы и стеклянных браслетов киевского производства совпадают. Отметим, что большинство домов на подклетах представляли собой центрообразующие объекты усадеб и погибли при сильных пожарах, которые предположительно были связаны с татаро-монгольским нашествием.

Судя по этнографическим материалам, схема дома на подклете была расценена русским населением как крайне продуктивная, что выразилось в ее активном дальнейшем развитии, однако на территории к северу от лесостепи (Этнография восточных славян, 1987. С. 228). Насколько это относится к изучаемому региону, сказать сложно ввиду слабости источниковой базы. К числу известных построек ордынского времени относится единственный сложный дом из Рыльска, который, однако, имел и отличия: его заглубленные хранилища были столь велики по глубине, что превратились, по сути, в погреба, а основания жилых помещений располагались где-то на уровне дневной поверхности.

Предложенная картина развития домостроительства населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв., конечно, носит предварительный характер и отражает уровень исследованности региона в настоящее время. Расширение источниковой базы наверняка позволит внести уточнения в полученную схему. Однако тот факт, что заметная часть прослеженных изменений объясняется процессами гораздо более общими, нежели «внутреннее», региональное развитие материальной культуры, позволяет предположить, что изменения будут иметь в основном характер детализации.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Алихова А.Е. Отчет о раскопках, проведенных Курским Краеведческим музеем летом 1955 года в Курской области под руководством научного сотрудника Института истории материальной культуры Академии наук СССР А.Е. Алиховой // Архив КОКМ. №15 – н/а.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИЛА АН СССР в 1978 году // Архив ИА РАН. Р–1. №7183.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 году // Архив ИА РАН. Р–1. №7561.

Енуков В.В. Отчет о раскопках в г. Курске в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №14660.

Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №15214.

Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №16527.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №17081.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на территории Курской области в 1994 г. // Архив КГОМА. Д. I – 81.

Енуков В.В. Отчет о раскопках в Курске в 1995 г. // Архив КГОМА. I –116.

Енуков В.В. Отчет о раскопках в Курске в 1999 г. (а) // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Енуков В.В. Отчет о раскопках в г. Рыльске в 1999 г. (б) // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках поселения около с. Липино Октябрьского района Курской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р–I. №18283.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках поселения около с. Липино Октябрьского района Курской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–I. №19086.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках поселения около с. Липино Октябрьского района Курской области в 1996г. // Архив ИА РАН. Р–I. №20004.

Енукова О.Н. Отчет о работе Посемьской археологической экспедиции в 1997 году // Архив ИА РАН. Р–I. №22779.

Енукова О.Н. Отчет о раскопках городища и поселения у с. Липино Октябрьского р-на Курской области в 1998 году // Архив ИА РАН. Р–I. №21974.

Енукова О.Н. Отчет о работе Посемьской археологической экспедиции в 2000 году // Архив КГОМА. Е I – 115.

Енукова О.Н., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках в Рыльске в 2000 г. // Архив КГОМА. I – 23, I – 24.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках поселения около с. Липино Октябрьского района Курской области в 2001 г. // Архив КГОМА. Е I – 116.

Енукова О.Н. Отчет об охранных раскопках Посемьской экспедиции на территории древнего Курска в 2001 г. // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Енукова О.Н. Отчет об охранных исследованиях в Курске в 2002 г. // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Енукова О.Н. Отчет об исследованиях Посемьской экспедиции Курского государственного университета в 2003 г. // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Засурцев П.И. Отчет о раскопках в 1951 г. Липинского городища на правом берегу р. Сейм к западу от Курска // Архив ИА РАН. Р-1. №927.

Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рыльского района Курской области в 2001 г. // Архив КГОМА. Д. I – 119, I – 120.

Куза А.В. Отчет о работах Суджанского археологического отряда на Большом Горнальском городище летом 1972-1973 гг. // Архив ИА РАН. Р–1. №7362.

Никольская Т.Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого района Курской области за 1952 – 1953 гг. // Архив КОКМ. №6 – н/а.

Мельниковская О.Н. Отчет о разведках 1948 г. в Курской обл. // Архив ИА РАН. Р–I. Д. 291.

Розенфельдт Р.Л. Отчет о разведочных раскопках могильника и селища у с. Липино Авдеевского с/с Ленинского района Курской области // Алихова А.Е. и др. Работы Деснинской экспедиции в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №291.

Соловьева Г.Ф. Отчет о работе Деснинско-Сеймской экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4916.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г. // Архив КГОМА. Д. I – 121, I – 123.

Узянов А.А. Отчет о раскопках Большого Горнальского городища в 1973 г. (раскопы №16 и №17) // Архив ИА РАН. Р–1. №10019.

Узянов А.А. Отчет Роменского отряда Курской экспедиции ИА АН СССР. Т. IV. Раскопки поселения у д. Жерновец в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №8079.

Узянов А.А. Отчет о работах Роменского отряда Курской экспедиции ИА АН СССР в 1983 году // Архив ИА РАН. Р–1. №9955.

Ширинский С.С. Отчет о работах Сеймского отряда Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН ССС в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №6889.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях памятников г. Рыльска Курской области в 1984 г. // Архив КГОМА. 18.1 – 30.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях памятников г. Рыльска Курской области в 1985, 1986 гг. // Архив КГОМА. 18.1 – 31; 18.1 – 32.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях памятника архитектуры XVIII вв. «усадьба Ромадановских» в 1987 – 88 гг. // Архив КГОМА. 18.1 – 33.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях городища «Гора Ивана Рыльского» в г. Рыльск Курской области и о геофизических исследованиях городища Октябрьское – I у с. Октябрьское Рыльского района в 1992 году. Т. I. // Архив ИА РАН. Р-1. №17171.

Литература

АКР. Курская область. Ч. 1 / Автор-составитель А.В. Кашкин. – М., 1998.

АКР. Курская область. Ч. 2 / Автор-составитель А.В. Кашкин. – М., 2000.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2.– СПб., 1848.

Алихова А.Е. Моисеевское городище в период Киевской Руси // КСИА. 1962. Вып. 87.

Алихова А.Е. Авдеевское селище и могильник // МИА. 1963. №108.

Археология Украинской ССР. Т. 3. – Киев, 1986.

Арциховский А.В. Основы археологии. – М., 1955.

Байбурин И.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.

Балабанов Т.П. Массовое жилище в Плиске (VIII – XI вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов (Киев, сентябрь 1985 г.). – Киев, 1988.

Башилов В.А., Куза А.В. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище // КСИА. 1977. Вып. 150.

Белорусы. – М., 1998.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Заседание 27 апреля 1846 г. №4. – М., 1846.

Бережная С.В. Народное жилище русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII –XIX вв. // История и культура: прошлое и современность: Материалы докладов и сообщений заочной научно-практической конференции. – Курск, 1999.

Бережная С.В. Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках: Дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2000.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX вв. – М., 1956.

Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX - начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. – М., 1967.

Богусевич В.А. Археологічні розкопки в Киеві на Подолі в 1950 р. // Археологія. Т. IX. 1954.

Большаков О.Г., Монгайт А.Л., 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). – М., 1971.

Борисевич Г.В. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища // КСИА. 1969. Вып. 120.

Борисевич Г.В. Рец. на свод Раппопорта П.А. Древнерусское жилище. САИ. Е 1 – 31. – Л., 1975 // СА. 1978 . №4.

Борисевич Г.В. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982.

Борисевич Г.В., Тюрин В.П., Чистяков Г.П. Опыт реконструкции деревянной жилой застройки древнего Новгорода // Архитектурное наследство. 1963. Вып. 15.

Борисевич Г.В., Узянов А.А., 1987. Микрорельеф и грунт как вспомогательные источники для реконструкции этапов застройки Новотроицкого городища / / Методы естественных наук в археологии. – М., 1987.

Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. – М., 1988.

Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении // Курский край: Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. 1. 1925.

Веретюшкин Р.С. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // РА. 2005. №4.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII-начало XI века. – Воронеж, 1995.

Винников А.З., Ковалевский В.Н. К истории исследования славянских жилищ в Лесостепном Подонье // Материалы региональной научной конференции «Археология Юго-Востока Руси». – Елец, 1998.

Воеводский М.В. Городища Верхней Десны // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV.

Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО – 1972. – М., 1972.

Воронин Н.Н. Жилище // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. – М.– Л., 1951.

Воронин Н.Н., Каргер М.К. Архитектура // История культуры Древней Руси. Т. 1. – М.– Л., 1951.

Габе Р.М. Карельское деревянное зодчество. – М., 1941.

Габель В.Ф., Гулин И.Н. Курск. – М., 1951.

Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян / / Русские: Историко-этнографический атлас. – М., 1967.

Гончаров В.К. Райковецьке феодальне городище XI-XIII ст. // Вісник АН УРСР. 1948. №7.

Гоняный М.В. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер. Тр. ГИМ. Вып. 111. М., 1999.

Горюнов Е.А., Казанский М.М., Усова Г.А. О работе Днепровской Левобережной экспедиции // АО – 1978. – М., 1979.

Григорьев А.В. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988.

Григорьев А.В. Некоторые хронологические изменения в конструкциях жилищ роменской культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ: Избранные доклады конференции молодых ученых. – М., 1990а.

Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь // Тезисы докладов и сообщений Первой Сумской областной историко-краеведческой конференции. – Сумы, 1990б.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / ТТАЭ. Вып. 2. – Тула, 2000.

Григорьев А.В. Жилые постройки начального этапа славянской колонизации бассейна р. Упы // Куликово поле: исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. ст.: В 2 т. Т. I. Природа. Археология, музейное дело. – Тула, 2003.

Гупало К.Н. Деревянные постройки древнекиевского Подола // Древности среднего Поднепровья. – Киев, 1981.

Гуссаковский Л.П. Древнерусское народное жилище VIII – XIII вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1956.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. – Л., 1962.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. – М., 1998.

Даль Л.В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. 1872. №5.

Данилевич В.Е. Отчет о раскопках Курской губернской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. // Тр. Курской губернской архивной комиссии. Вып. I. – Курск, 1911.

Даркевич В.П. Раскопки в Старой Рязани // АО – 1971. – М., 1972.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI – XIII вв. – М., 1995.

Дмитрюков А.И. О курганах и могильных насыпях в Суджанском уезде // Исторический, статистический и географический журнал или Современная история света. Ч. 2. Кн. 1. №4. – СПб., 1828а.

Дмитрюков А.И. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Курский телеграф. 1828б. №№10-11.

Дмитрюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. II. Кн. 4. – СПб., 1854.

Дмитрюков А.И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Тр. Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. – Курск, 1863.

Древняя Русь. Город. Замок. Село // Археология СССР. – М., 1985.

Древняя Русь. Быт и культура // Археология СССР. – М., 1997.

Дьяченко А.Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX – начале XI вв. // Археология славянского юго-востока: материалы к межвузовской научной конференции. – Воронеж, 1991.

Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история юго-востока Руси. – Курск, 1991.

Енуков В.В. К вопросу о судьбе роменской культуры в Курском Посеймье // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1992.

Енуков В.В. Раскопки посада древнего Курска // АО – 1995. – М., 1996.

Енуков В.В. Становление и развитие государственных структур малых земель древней Руси в домонгольское время (на примере Посемья) // Проблемы истории государства и права: Вып.2. Россия: Межвуз. сб. науч. работ. – Курск, 1998а.

Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы. – М., 1998б.

Енуков В.В. Изучение топографии средневекового Курска: итоги и перспективы // Матер. регион. науч. конф. «Археология юго-востока Руси». – Елец, 1998в.

Енуков В.В. Процессы урбанизации на территории Посемья в X – XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1999.

Енуков В.В. Рыльск и его округа в IX – XIII вв. // Малые города России. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. – Курск-Рыльск, 2000.

Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // ОФР. Вып. 6. – М.: УРСС, 2002.

Енуков В.В. Русь и бывшие племенные территории (на примере Посемья) // Археологія та історія Північно-східного Лівобережжя: Збирник наукових праць. – Суми, 2003.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография / Курский край. Научно-популярная серия: В 20 т. Т. III. – Курск, 2005а.

Енуков В.В. Курская волость-княжение как модель эволюции малых структурных элементов древнерусской государственности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. №1. 2005б.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посемья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока древней Руси: Матер. науч. конф. – Воронеж, 1993.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Исследования городов Посеймья // АО – 1999. – М., 2001.

Енукова О.Н. Роменское погребение из Лебяжьего // РА. 1995. № 1.

Енукова О.Н. Исследования на Липинском поселении // АО – 1995. – М., 1996а.

Енукова О.Н. Раскопки на Липинском поселении в 1995 г. // Святий князь Михайло Чернігівский та його доба. – Чернігів, 1996б.

Енукова О.Н. К вопросу об усадебной застройке южной Руси в домонгольское время // Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Багалея: Тез. докл. науч. конф. – Харьков, 1997.

Енукова О.Н. Структура и планиграфия южнорусских усадеб (по материалам Липинского поселения) // Матер. регион. науч. конф. «Археология юго-востока Руси». – Елец, 1998.

Енукова О.Н. Об одной постройке средневекового Рыльска. // Малые города России: Матер. II всероссийской науч.-практич. конф. – Курск-Рыльск, 2000.

Енукова О.Н. Домостроительство населения Посемья в X–XIII вв. // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя: Збірник наукових праць. – Суми, 2003.

Енукова О.Н.. Жилая постройка средневекового г. Рыльска // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. – Тула, 2005а.

Енукова О.Н. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Лишкинг и археология Курского края. – Курск, 2005б.

Енукова О.Н. К вопросу о реконструкции роменского жилья (на материалах постройки Липинского городища) // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья: Сб. статей. – Воронеж, 2005в.

Енукова О.Н., Енуков В.В. Раскопки Липинского археологического комплекса // АО – 1998. – М., 2000.
Енукова О.Н., Енуков В.В. Исследования древнего Курска // АО – 2002. – М., 2003.
Ефименко П.П. Раннеславянские поселения на Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. №2. – Л.
Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. №8. – М.: Л.
Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. – М., 1895.
Забелин И.Е. Домащний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. –М., 2005.
Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. №123.
Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. – М., 1968.
Засурцев П.И., Чистяков Г.П., Борисевич Г.В., Тюрин В.П. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в.// Новгородский сборник. Вып. 10. – Новгород, 1961.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
Зорин А.В. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI вв. (По материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. – Тула, 2003.
Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. История изучения курских древностей // Курский край: Научно-популярная серия: В 20 т. Т. V. – Курск, 2002.
Казаков А.Л. К вопросу об усадебной застройке Черниговского Предградья XI–XIII вв. // Проблемы археологии Южной Руси: Матер. ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». – Киев, 1990.
Каргер М.К. Древний Киев. – М.; Л., 1958.
Кашкин А.В., Узянов А.А. Путивльское и Курское Посемье в IX–XIII вв. (Сравнительная характеристика по археологическим данным) // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина: Тез. докл. и сообщ. областной историко-краевед. науч. конф., посвященной 800-летию «Слова о полку Игореве». – Путивль, 1987.
Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. // Вестник МЭИ. 1999. №2.
Ковалевский В.Н. Отопительные сооружения в раннесредневековых жилищах // Археология восточноевропейской лесостепи: Вып.15: Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001а.
Ковалевский В.Н. Термин «полуземлянка» (история появления и использование в современной науке) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. – Липецк, 2001б.
Ковалевский В.Н. Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро - Донском лесостепном междуречье: Автореф. дисс… канд. ист. наук. – Воронеж, 2002а.
Ковалевский В.Н. Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье: Дисс. … канд. ист. наук. 2002б.
Коваленко В.П., Моця А.П. Жилище гончаров XI – XIII вв. на селище Автуничи на Черниговщине // Гістарычна-археалагічны зборнік. №12. – Мінск, 1997.
Коваль В.Ю. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. 2004. № 1.
Козюба В.К. Південноруське сільске житло (матеріали до реконструкції заглибленного житла XI – XIII ст.). // Археологія. 1998. №1.
Козюба В.К. Історико-демографічна характеристика давньоруськоі сім і (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археолгія. 2001. №1
Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. №65.
Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982.
Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. – М., 1981.
Корзухина Г.Ф. Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. Вып. XXV.
Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963.
Красовский М. Деревянное зодчество // Курс истории русской архитектуры. – Часть 1. – Петроград, 1916.
Куза А.В. Работы Суджанского отряда // АО - 1972. – М., 1973.
Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. – М., 1981.
Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.
Куза В.А. Некоторые уточнения в стратиграфии Большого Горнальского городища // Проблемы археологии Сумщины. – Сумы, 1989.
Куза В.А. Некоторые уточнения в стратиграфии Большого Горнальского городища // Питання археології Сумщини: Матеріали науково-практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток Сумщини». Суми. Квітень 1989 року. – Суми, 1990.
Ларионов С. Описание Курского наместничества. – М., 1786.
Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Уч. Зап. Курского государственного педагогического института. Т. 60. – Курск, 1969.
Лысенко П.Ф. Берестье. – Минск, 1985.
Ляпушкин И.И. О жилищах восточных славян-Днепровского левобережья VIII – X вв. // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. 1958. №74.
Ляпушкин И.И. К вопросу о культурном единстве славян // Исследования по археологии СССР: (Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова). – Л., 1961.
Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
Ляхов М.Е. Климатические экстремумы в центральной части Европейской территории СССР в XIII–XX вв. // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1984. №6.
Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и верхнее Поволжье. – М., 1962.
Максимов П.Н. Творческие методы древнерусских зодчих. – М., 1976.

Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси: Матер. историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» – Киев, 1990.

Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. – М., 1967.

Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М., 1960.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. / САИ. Е1 – 36. – М., 1966.

Мильков Ф.Н. Посеймье. – Воронеж, 1983.

Мовчан І.І. Давньокиівська околиця. – Київ: Наукова думка, 1993. – 174 с.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. 1955. №49.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы // МИАДЛ. Вып. 2. – Курск, 1996.

Моргунов Ю.Ю. О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев Остров на средней Суле // РА. 2002. №2.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI – XIII вв. – М., 2003.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха (из истории древнерусских поселений на Дону). – Воронеж, 1965.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). – Воронеж, 1981.

Москаленко А.Н., Винников А.З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону / / Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1966.

Моця А.П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины: Сб. науч. трудов. – Киев, 1990.

Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П., Козловський А.О., Пархоменко О.В., Потапов О.В., Покас П.М. Поселення X–XIII вв. біля с. Автуничі // Південноруське село IX – XIII ст.: (Нові пам'ятки матеріальной культури). – Київ, 1997.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. – Киев, 1997.

Народы Европейской части СССР, Т.1. – М., 1964.

Нижник Л.Д., Петрова Р.Н. По следам этнографической экспедиции // Краеведческие записки. Вып. 3. – Воронеж, 1968.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. 1958. Вып. 72.

Никольская Т.Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М., 1981.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.

Ободенко Ю.В. Подклетные конструкции в материальной культуре Речицкого посада XIII–XIV вв. //Археология и история юго-востока Руси. – Курск, 1991.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. – М., 1983.

Ополовников А., Островский Г. Русь деревянная. Образы русского деревянного зодчества. – М., 1970.

Персов Н.Е. Относительная хронология жилищ городища Новотроицкого // Вестник МГУ. 1991. Сер. 8. История. №4.

Петрашенко В.А. Житла VIII – X ст. на Правобережному Подніпров'і // Археологія. 1982. №37.

Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). – Киев, 2005.

Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури. – Київ, 1997.

Полубояринова М.Д. Керамика городища Слободка / / Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. – М., 1987.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991.

Потапов А.А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 1. –М., 1902.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Цыбин М.В. Семилукское городище (Буклет). – Воронеж, 1988.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII – XIII вв. на р. Дон // Археология славянского юго-востока: Материалы к межвузовской науч. конф. – Воронеж, 1991.

ПСРЛ. Т. 1. – М., 2001.

Путешествие Ибн – Фадлана на Волге / Перевод с коментариями А.П. Ковалевского. – М.; Л., 1939.

Равдина Т.В. Погребения с древнерусскими монетами // СА. 1979. № 3.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище / САИ. Е1-32. – Л., 1975.

Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Новые материалы о жилищах Старой Рязани // Археология Рязанской земли. – М., 1974.

Розенфельдт Р.Л. Липинский бескурганный могильник // КСИИМК. 1958. Вып. 72.

Русанова И.П. Курганы полян X-XII вв. / САИ. Е1–24. – М., 1966. *Русские.* Историко-этнографический атлас. – М., 1967.

Русские. – М., 1997.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М., 1948.

Рыбаков Б.А.. Язычество древних славян. – М., 1981.

Рыбаков Б.А.. Язычество Древней Руси. – М., 1988.

Сагайдак М.А. Давньокиівський Поділ: Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. – Київ, 1991.

Сагайдак М.А. Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. – Киев, 1988.

Самоквасов Д.Я. Историческое значение городищ // Тр. III АС. Т.1. – Киев, 1878.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. – М., 1915.

Свод этнографических понятий и терминов, 1989 / Под ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха // Материальная культура. Вып. 3. – М., 1989.

Седова М.В. Ярополч Залесский. – М., 1978.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981.

Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). – Київ, 2003.

Сергеева М.С. Некоторые вопросы реконструкции интерьера славянского жилища Днепро-Донского междуречья в VIII – X вв. // Археология и история Юго-Востока Руси. – Курск, 1991.

Сергеева М.С., 1993. К истории бытовой печи у восточных славян // Археология и история юго-востока Древней Руси (матер. науч. конф.). – Воронеж, 1993.

Сергеева М.С. До реконструкції меблів часів Київської Русі //Археологія. 1994. №1.

Сергеева М.С. К истории деревообработки в древнерусских городах лесостепного Поднепровья // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.1. – М., 1997.

Склярук В.И. К биографии Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 41. – Л., 1988.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев, 1990.

Славянские курганы и городища как исторический источник. Сочинение слушательницы Высших женских курсов в Киеве В.Е. Козловской. / Под ред. прив.-доц. В.Е. Данилевича // Отдельный оттиск из сб. «Минерва», издаваемого при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. – Киев, 1914.

Слепцов А.М., Клименко В.В., 2004. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // Сайт социоестественной истории. - http://www.kulpin.ru/.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983.

Смиленко Т.А.. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII–X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989.

Соловьев Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. №2.

Сорокин А.Н. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология: Традиции и перспективы. – М., 1998.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии // Тр. КГУАК. Вып.1. – Курск, 1911.

Спегальский Ю.П. Жилища северо-западной Руси. – Л., 1972.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1981.

Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. 1997. №4.

Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Этнографическая экспедиция // Краеведческие записки. Вып. 2. – Курск, 1963.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). – Киев, 1975.

Сухобоков О.В. Левобережная Украина в VII–XIII вв. // Чернигов и его округа в IX – XIII вв.–Киев, 1988.

Сухобоков А.П., Моця О.П. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. 1987. №58.

Сымонович Э.А. Исследования черняховского поселения Воробьевка II // АО – 1970. – М., 1971.

Сымонович Э.А. Поселение Воробьевка 2 в Курской области // КСИА. 1974. Вып. 140.

Сычева С.А., Чичагова О.А. Палеэкология древних пойменных поселений Курского Посеймья и характеристика их культурных слоев // Матер. регион. науч. конф. «Археология Юго-Востока Руси». – Елец, 1998.

Сычева С.А., Герасимова О.А. Разнообразие и химический состав культурных слоев Курского Посеймья // Сб. ст. Ю.А. Липкинг и археология Курского края. – Курск, 2005.

Терещенко А. Быт русского народа. Ч.2. – СПб., 1848.

Тимощук Б.А. Археологические признаки посада древнерусского города // Тр. V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2б. – М., 1987.

Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. – Киев, 1980.

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. – М., 1981.

Толочко П.П., Килиевич С.Р., Дяденко В.Д. Из работ Киевской археологической экспедиции // Археологические исследования на Украине в 1967 году. Вып. 2. – Киев, 1968.

Третьяков П.Н. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // СЭ. 1948. №2.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. – М., 1953а.

Третьяков П.Н. У истоков древней Руси // По следам древних культур. – М., 1953б.

Узянов А.А. Переверзевское II городище // АО – 1980. – М., 1981.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. – М., 1982.

Узянов А.А. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО – 1981. – М., 1983.

Узянов А.А. Раскопки Переверзевского II городища / / АО – 1982. – М., 1984.

Узянов А.А. Динамика заселения долины реки Тускарь (диахронный анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Мат. совещания 25-26 января 1983 г. – М., 1985.

Украинцы. – М., 2000.

Успенская А.В. Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ // Славяне и Русь. – М., 1968.

Фараджева Н.Н. Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. Проблемы их сложения и эволюции (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и новгородская земля. История и археология: Матер. науч. конф. Вып. 12. – Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1998.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 33. – М., 1959.

Фролов М.В. Раскопки в Рыльске // Археология и история юго-востока Руси. – Курск, 1991.

Фролов М.В. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 годов города Рыльска и его округи // Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльска. Ч. 1. – Курск, 1994.

Харламов В.А. Архитектура жилых деревянных комплексов Киева X–XIII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. – Рига, 1983.

Харузин А.Н. Славянское жилище в северо–западном крае. – Вильна, 1907.

Хвойко В.В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. – Киев, 1913.
Чижикова Л.Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификаций // СЭ. 1976. №4.
Чижикова Л.Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области // СЭ. 1978. №4.
Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. Истории и судьбы традиционно – бытовой культуры (XIX–XX века). – М., 1988.
Чижикова Л.Н. Жилище восточнославянских народов // Традиционное жилище народов России XIX – нач. XX в. – М., 1997.
Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. – СПб., 2003.
Шенников А.А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. – Спб., 1993.
Шекун О.В., Веремейчик О.М. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус // Південноруське село IX–XIII ст.: (Нові пам'ятки матеріальної культури). – Київ, 1997.
Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. – Чернігів, 1999.
Шекун О.В., Сита Л.Ф. Пам'ятники IX–XIII ст. в околицях с. Старий Білоус поблизу Чернігова // Старожитності Південної Русі. – Чернігів, 1993.
Шинаев С.Я. Деревянное зодчество: Толковый словарь терминов и понятий. – М., 1992.
Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. // Археология славянского Юго-Востока: Матер. к межвузовской науч. конф. – Воронеж, 1991.
Ширинский С.С. Разведки в Курской области // АО – 1968. – М., 1969.
Шрамко Б.А. Новые детали устройства раннеславянских жилищ // СА. 1960. №3.
Шрамко Б.А. Древности Северского донца. – Харьков, 1962.
Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. №55.
Щапова Ю.Л. Стеклянные браслеты и датировка городского культурного слоя // СА. 1969. №4.
Щекатов А.Ф. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 3. – М., СПб., 1804.
Эдинг Д.Н. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. // ВДИ. №1(2). 1938.
Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М., 1987.
Юшко А.А. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология: традиции и перспективы. – М., 1998.

Список сокращений

АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия. Москва
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ЕГПИ – Елецкий государственный педагогический институт
ИА – Институт археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ІЗМН – Інститут змісту і методів навчання
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КГУАК – Курская губернская ученая архивная комиссия
КОКМ – Курский областной краеведческий музей
КГТУ – Курский государственный технический университет
КГУ – Курский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
НИИ АЮВР – Научно-исследовательский институт юго-востока Руси Курского государственного университета
ОФР – Очерки феодальной России
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СумДПУ – Сумский державний педагогічний університет
СЭ – Советская этнография
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ТТАЭ – Труды Тульской археологической экспедиции
ХГУ – Харьковский государственный университет
ЭО –Этнографическое обозрение

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Большое Горнальское городище. Соотношение площадей котлованов и реконструированной площади построек

№ постройки	Площадь котлована S_1	Реконструированная площадь дома S_2	Увеличение площади за счет отступов $(S_2 - S_1) : S_2 \times 100\%$
3	16,7	16,7	0%
20	13,6	19,5	30,3%
7	25	36	30,6%
10	17,6	27	34,8%
12	16,7	27,5	39,3%
18	17,6	29,1	39,5%
14	14	23,4	40,2%
5	10,5	17,6	40,3%
2	15,7	26,4	40,5%
4	11,4	19,3	40,9%
16	14,8	25,4	41,7%
13	22,5	39	42,3%
6	15,9	30	47,0%

Таблица 2. Конструктивные особенности стен домов IX–X вв.

№ п/п	Объект	Признаки стен, поставленных с отступом						Признаки срубных стен				
		Печь у стены котлована	Ступенька–вход	Обшивка, не несущая нагрузки	Планиграфия находок	Ступенька по краю котлована	Малая площадь котлована	Нивелировочные подсыпки	Нивелировочные подрезки	Отсутствие системы ямок	Остатки дерева сруба	Ступенька по краю котлована
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
1.	Воробьевка 2-я, с. 2, земл. 2		+							+		
2.	Горналь, г. 1, п. 2	+	+	+						+		
3.	Горналь, г. 1, п. 4	+	+	+				+	+	+		
4.	Горналь, г. 1, п. 10	+	+	+						+		
5.	Ратское г., п. 5	+	+	+				+		+		
6.	Горналь, г. 1, п. 1	+		+						+		
7.	Горналь, г. 1, п. 5	+		+				+		+		
8.	Горналь, г. 1, п. 6	+		+	+			+		+		
9.	Горналь, г. 1, п. 7	+		+				+		+		
10.	Горналь, г. 1, п. 9	+		+					+	+		
11.	Горналь, г. 1, п. 12	+		+						+		
12.	Горналь, г. 1, п. 13	+		+						+		
13.	Горналь, г. 1, п. 14	+		+				+		+		
14.	Горналь, г. 1, п. 15	+		+				+	+	+	+	
15.	Горналь, г. 1, п. 18	+		+						+		
16.	Горналь, г. 1, п. 20	+		+				+		+		
17.	Липино, г., п. А	+		+				+		+		
18.	Липино, г., п. Б	+		+					+	+		
19.	Липино, г. п. В	+		+						+		
20.	Липино, г., п. Г	+		+						+		
21.	Липино, г., п. Д	+		+						+		
22.	Шуклинка, г., земл. 1	+		+	+		+			+		
23.	Шуклинка, г., земл. 2	+		+			+		+	+		
24.	Шуклинка, г., земл. 5	+		+			+			+		
25.	Гора Ивана Рыльского, жил. 1	+		+						+		

Приложение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
26.	Гора Ивана Рыльского, жил. 3	+		+						+		
27.	Гора Ивана Рыльского, жил. 2 (период 1)			+				+		+		
28.	Студеновский, с. 3, п. 1			+						+		
29.	Гора Ивана Рыльского, жил. 2 (период 2)			+		+		+		+		+
30.	Липино, г., я. 100					+				+	+	+
31.	Липино, г., 46					+				+		+
32.	Липино, г., я. 6					+				+		+
33.	Горналь, г. 1, п. 16								+	+		
34.	Гремячка, с., п. II									+		
35.	Гремячка, с., п. V									+		
36.	Каменка, с., п.									+		
37.	Песчаное, пос., п									+		

Таблица 3. Обшивка стен котлованов домов IX–X вв.

Группы	№ п/п	Постройка	Подпорная ослабленная	Подпорная, усиленная дополнительными стойками		С расклиниванием	Каркасно-столбовая	Срубная	Не установленная	Подпорная с обшивкой из бревен
				с 1 стороны	с 2 сторон					
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*
1	1.	Гора Ивана Рыльского, г., жил. 1	+							
	2.	Гора Ивана Рыльского, г., жил. 2 (период 1)	+							
	3.	Горналь, г. 1, п. 2	+							
	4.	Горналь, г. 1, п. 4	+							
	5.	Горналь, г. 1, п. 5	+							
	6.	Горналь, г. 1, п. 6	+							
	7.	Горналь, г. 1, п. 7	+							
	8.	Горналь, г. 1, п. 12	+							
	9.	Липино, г., п. А	+							
	10.	Липино, г., п. Б	+							
	11.	Шуклинка, г., земл. 1	+							
	12.	Липино, г., п. В		+						
	13.	Липино, г., п. Д		+						
	14.	Горналь, г. 1, п. 13		+						
	15.	Шуклинка, г., земл. 2		+						
	16.	Гора Ивана Рыльского, г. , жил. 3			+					
	17.	Горналь, г. 1, п. 14			+					
	18.	Гора Ивана Рыльского, г., жил. 2 (период 2)				+				
2	19.	Горналь, г. 1, п. 10				?	–	–	+	
	20.	Шуклинка, г., земл. 5				?	–	–	+	
	21.	Горналь, г. 1, п. 9					–	–	+	
	22.	Горналь, г. 1, п. 15					–	–	+	
	23.	Горналь, г.1, п. 18					–	–	+	
	24.	Горналь, г. 1, п. 20					–	–	+	
	25.	Липино, г., п. Г					–	–	+	
	26.	Ратское городище, п. 5					–	–	+	
	27.	Студеновский, с. 3, п. 1					–		+	
3	28.	Горналь, г. 1, п. 1	+				+			
	29.	Липино, г., я. 46	+				+			
	30.	Липино, г. я. 100	+				+			
	31.	Горналь, г. 1, п. 16						+		
	32.	Липино, г., я. 6								+

Примечание:
«+» – признак присутствует; «?» – вероятное присутствие признака; «–» – признак отсутствует.

Таблица 4. Печи жилых домов IX–X вв.

№ п/п	Постройка	Тип 1. В останце	Тип 2. «Комбинированные»		Тип 3. Глинобитные		Тип 4. Каменки	С использованием		
		Вар. А	Вар. А	Вар. Б	Вар. А	Вар. Б	Вар. Б	блоков	дерева	камня
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*
1.	Горналь, г.1, п.5	+								
2.	Горналь, г.1, п. 6	+								
3.	Горналь, г.1, п.9	+								
4.	Горналь, г.1, п.14	+								
5.	Горналь, г.1, п.15	+								
6.	Горналь, г.1, п.18	+								
7.	Горналь, г.1, п.20	+								
8.	Горналь, г.1, п.1	+						+		
9.	Горналь, г.1, п.4	+						+		
10.	Ратское городище, п.5	+						+		
11.	Горналь, г.1, п.2		+					+		
12.	Горналь, г.1, п.7		+					+		
13.	Горналь, г.1, п.10		+					+	+	
14.	Горналь, г.1, п.12		+					+	+	+
15.	Горналь, г.1, п.13		+					+	+	+
16.	Липино, г., п. Г		+							
17.	Шуклинка, г., земл. 1		+					+		
18.	Шуклинка, г., земл. 2		+					+		
19.	Липино, г., п.А (1-й этаж)		+					+		
20.	Липино, г., п. Б (1-й этаж)		+					+		
21.	Липино, г., п. В (1-й этаж)		+					+		
22.	Липино, г., п. Д (1-й этаж)		+					+		
23.	Горналь, г.1, п.3			+				+		
24.	Гора Ивана Рыльского, г., ж.1				+			+		
25.	Гора Ивана Рыльского, г., ж.3				+			+	+	+
26.	Шуклинка, г., земл. 5				+					
27.	Липино, г., п. А (2-й этаж)					+		+		
28.	Липино, г., п. Б (2-й этаж)					+				+
29.	Липино, г., п. В (2-й этаж)					+				
30.	Липино, г., п. Д (2-й этаж)					+				
31.	Гора Ивана Рыльского, г., ж.2 (пер. I)					+		+	+	
32.	Гора Ивана Рыльского, г., ж. 2 (пер.II)					+				

33.	Горналь, г.1, п.16					+				
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*
34.	Студеновский, с.3, п.1					+		+		
35.	Ратское городище, п.1					+				
36.	Тазово, пос.4, ж.1					+				
37.	Липино, г., я.6 (1-й этаж)					+		+	+	
38.	Липино, г., я.6 (2-й этаж)					+		+		
39.	Липино, г., я.46 (1-й этаж)					+				
40.	Липино, г., я.46 (2-й этаж)					+		+		
41.	Липино, г., я.100 (1-й этаж)					+		+		+
42.	Липино, г., я.100 (2-й этаж)					+				
43.	Каменка, с., п.						+	+		
44.	Воробьевка 2-я, с.2, земл. 2						+			
45.	Гремячка, с., п.II						+			
46.	Гремячка, с., п.V						+			
47.	Песчаное, пос., п.						+			

Таблица 5. Дома с жилыми котлованами XI-XII вв.

№ п/п	Постройка	Размеры котлована в метрах	Глубина котлована	Конструктивные особенности стен дома							Обшивка котлована						Печи				
				Признаки стен, поставленных с отступом				Признаки срубных стен									Тип 3.		С использованием		
				Печь у стены котлована	Вход	Обшивка, не несущая нагрузки	Малая площадь котлована	Нивелировочные подсыпки	Нивелировочные подрезки	Отсутствие системы ямок	Подпорная ослабленная	Подпорная, усиленная дополнительными стойками: с одной стороны	Подпорная, усиленная дополнительными стойками: с двух сторон	Каркасно-столбовая	Срубная	Не установленная	Вариант А	Вариант Б	блоков	дерева	камня
1.	Липино, с.1, Р-11, я.21	4 x 4,2	1,3		+	+				+			+					+			
2.	Липино, с.1, Р-7, я.27	4 x 4	0,9		+	+		+		+		+						+		+	
3.	Липино, с.1, Р-8, я.41	3,1 x 3	?	+	+	+	+			+	+						+			+	+
4.	Липино, с.1, Р-5, я.5	4,3 x ?	0,3			+			+	+	?	–	–	–	–	+	+				
5.	Моисеево, г., земл.	3,6 x 3,6	1,2		+	+			+	+	+							+	+		
6.	Люшинка, г., постр.7	2,6 x 2,9	0,3-0,7		+		+			+				–	–	+		+			+

Примечание: «+» – признак присутствует; «?» – вероятное присутствие признака; «–» – признак отсутствует.

Таблица 6. Наземные дома с подпольными ямами XI – XIII вв.

№ п/п	Постройка	Размеры подпольной ямы		Печь			Дата
		длина/ширина в метрах	глубина в метрах	глинобитная	глинобитная с камнем	каменка	
1.	Липино, с.1, Р-4, я.5	3,1 x 2,3	0,7	+			Кон. X- нач. XI в.
2.	Липино, с.1, Р-7, я.35	2,9 x 2,2	0,7	+			Сер. XI – руб. XI-XII в.
3.	Липино, с.1, Р-7, я.36	3,4 x 2,5	0,4	+			Кон. X – нач. XI в.
4.	Липино, с.1, Р-7, я.103	6,6 x 3	0,4	+			Кон. X – 1-я пол. XI в.
5.	Липино, Р-8, я.20	5,9 x 2,2	0,4		+		XI в.
6.	Липино, с.1, Р-9, я.1	4,6 x 3,6	0,4	+			2-я пол. XI – нач. XII в.
7.	Липино, с. 1, Р-10, я.19	3,9 x 2	0,5	+			1-я пол. – сер. XII в.
8.	Липино, с. 1, Р-11, я.1	4,6 x 4,2	0,5	+			Сер. XII – нач. XIII в.
9.	Липино, с.1, Р-11, я.4	5,6 x 2,7	0,8	+			2-я пол. XI – нач. XII в.
10.	Липино, с.1, Р-11, я.44	5,5 x 2,4	0,5		+		Кон.XI – сер. XII в.
11.	Курск, Р-5,6, соор. 1	3,2 x 1,2	0,6	+	+		Кон. X – нач. XI в.
12.	Курск, Р-6, я.1А	1,5 x 1,3	0,5	+			Кон. X – нач. XI в.
13.	Курск, Р-6, я.43Д (1-й этаж) (2-й этаж)	3,2 x 1,6	1,6	+ +			XI в.
14.	Курск, Р-6, я.49	1,9* x 3,4	0,8	+			2-я пол. XI – нач. XII в.
15.	Жерновец, с.1, Р-1, соор. II	3,8 x 2,4	0,4	+			Кон. X – сер. XI в.
16.	Жерновец, с.1, Р-3, соор. I	2,9 x 2*	0,6		+		Кон. X – сер. XI в.
17.	Жерновец, с.1, Р-5, соор. 7	1,6 x 1,4	0,6	+			Кон. X – сер. XI в.
18.	Жерновец, с.1, Р-5, соор. 19	3,8 x 2,8	0,3			+	Кон. X – сер. XI в.

* Размер указан в пределах исследованной части объекта

Таблица 7. Наземные дома на холодных подклетах сер. XII – нач. XIII в.

№ п/п	Постройка	Размеры подклета		Обшивка подклета						Вход в подклет		Печь	
		Длина х ширина	Глубина	Подпорная					Каркасно-столбовая	«косой»	с угла	глинобитная	глина + камень
				ослабленная	с 4-мя столбами	с расклиниванием	каркасная	усиленная					
1.	Липино, с. 1, Р.2, я.48	2,4 х 2	0,7	+								+	
2.	Липино, с. 1, Р-2, я.55	3,3 х 2,4	1	+								+	
3.	Липино, с. 1, Р.3, я.2	2,8 х 3,2	0,5	+								+	
4.	Липино, с. 1, Р-3, я.4	2,4 х 2,4	0,8	+								+	
5.	Липино, с. 1, Р-4, я. 50 (период 1)	3,4 х 2,7	1,1				+			?	?	+	
6.	Липино, с. 1, Р-4, я. 50 (период 2)	2,6 х 2,2	0,8			+				+		+	
7.	Липино, с. 1, Р-5, я.8	2,7 х 2	0,6			+							+
8.	Липино, с. 1, Р-5, я.28	3 х 2,8	1,1		+							+	
9.	Липино, с. 1, Р-6, я.47	3,2 х 3	1,2			+				+		+	
10.	Липино, с. 1, Р-8, я.42	2,6 х 2	1,1			+					+	+	
11.	Липино, с. 1, Р-9, я.39	2,5 х 1,8	1,2	+							+		+
12.	Липино, с. 1, Р-10, я.16	3 х 3	0,6	+						+			+
13.	Липино, с. 1, Р-13, я.75,	2,8 х 2,4	0,9	+									+
	я.143	2,4 х 1,6	0,4	+									+
14.	Рыльск, Р-1, я.19	3,1 х 2,4	2,2						+			+	
	я.21	3, х 2,4	1,7					+				+	

ИЛЛЮСТРАЦИИ

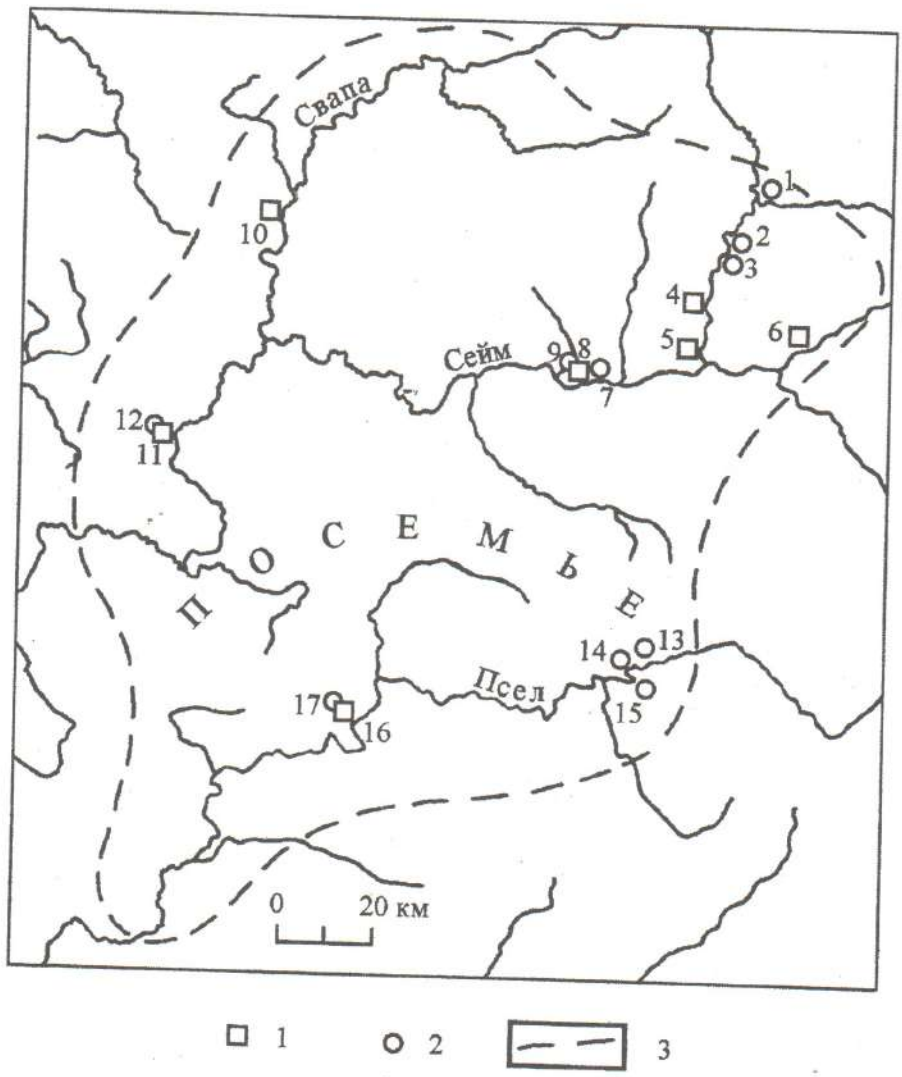


Рис. 1. Памятники IX-XIII вв. междуречья Сейма и Псла, использованные в работе:

1 - Воробьевка 2-я, с.2; 2 - Тазово, п.4; 3 - Жерновец, с.1; 4 - Шуклинка, г.; 5 - Курск; 6 - Ратское городище; 7 - Студеновский, с.3; 8 - Липино, г.; 9 - Липино, с.1; 10 - Моисеево, г.; 11 - Рыльск, г.1 (Гора Ивана Рыльского); 12 - Рыльск, Нижний посад; 13 - Каменка, с.; 14 - Гремячка, с.; 15 - Песчаное, п.; 16 - Горналь, г.1 (Большое Горнальское); 17 - Горналь, с.1

Условные обозначения: 1 - городище; 2 - неукрепленное поселение; 3 - границы Посемья (по: Енуков, 2005а)

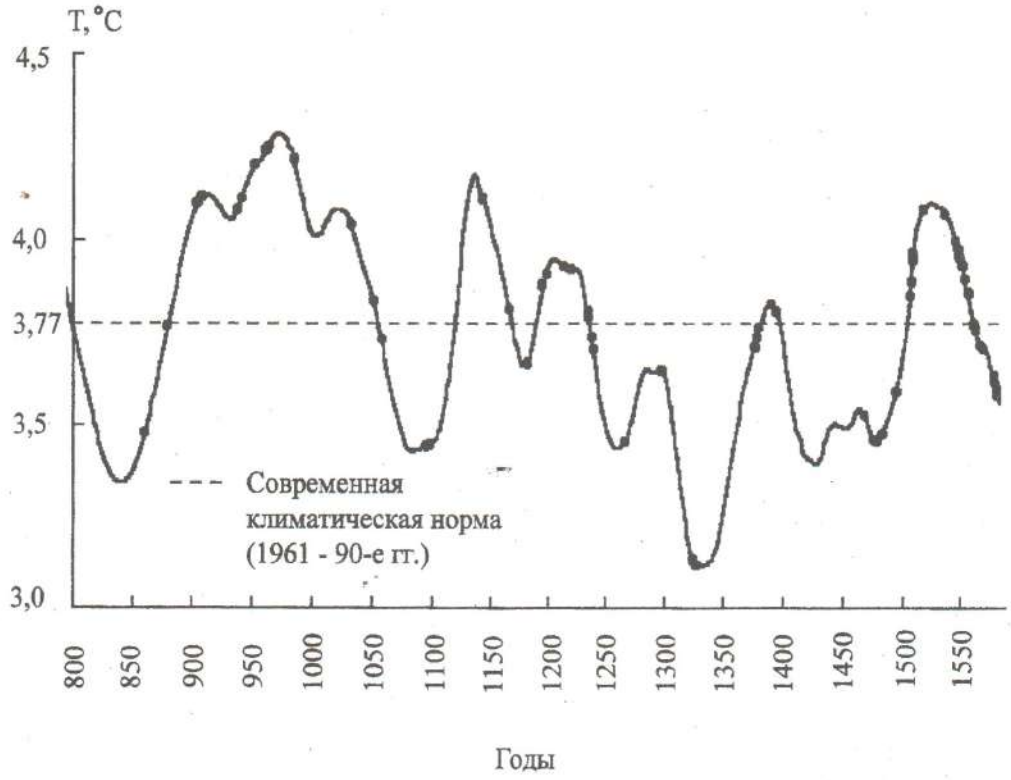


Рис. 2. Среднегодовая температура воздуха в центре Русской равнины в IX-XVI вв. (обобщенныее данные) (по: Слепцов, Клименко, 2005)

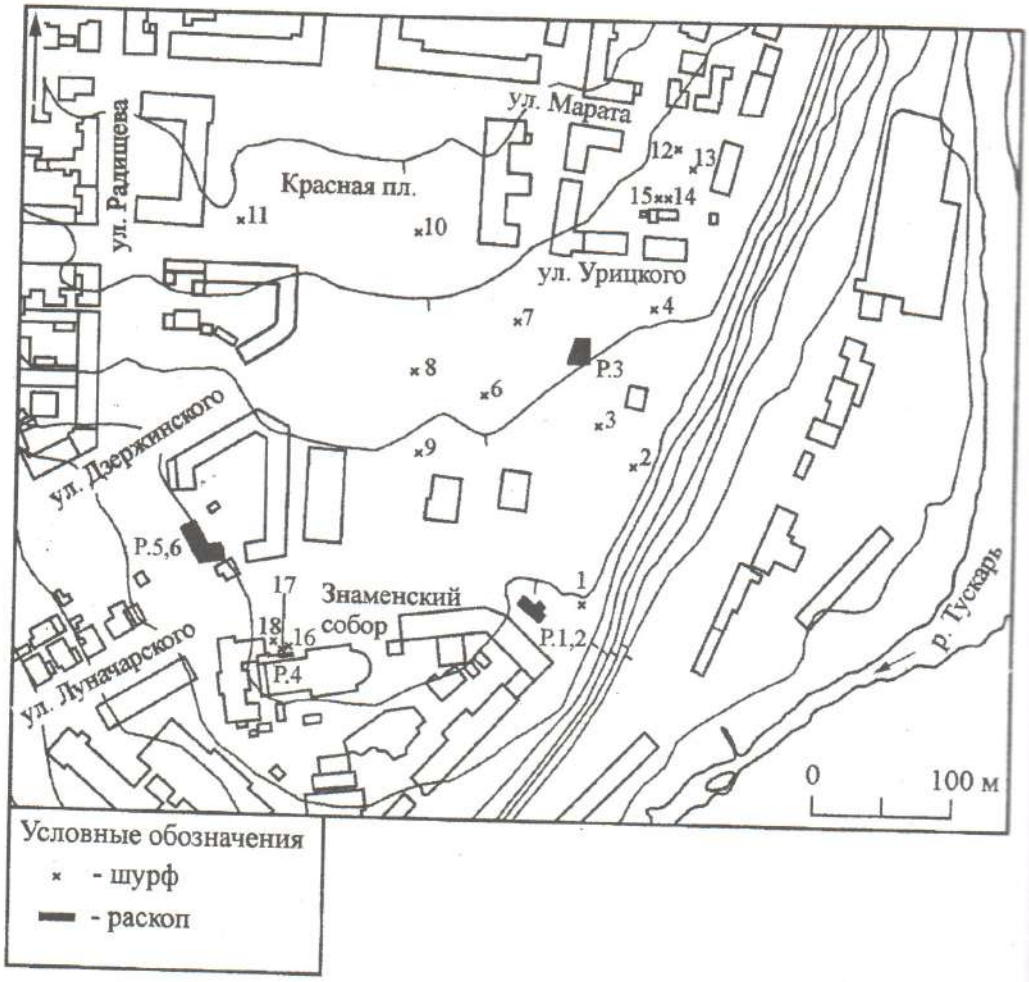


Рис. 3. Курск. План раскопов и шурфов

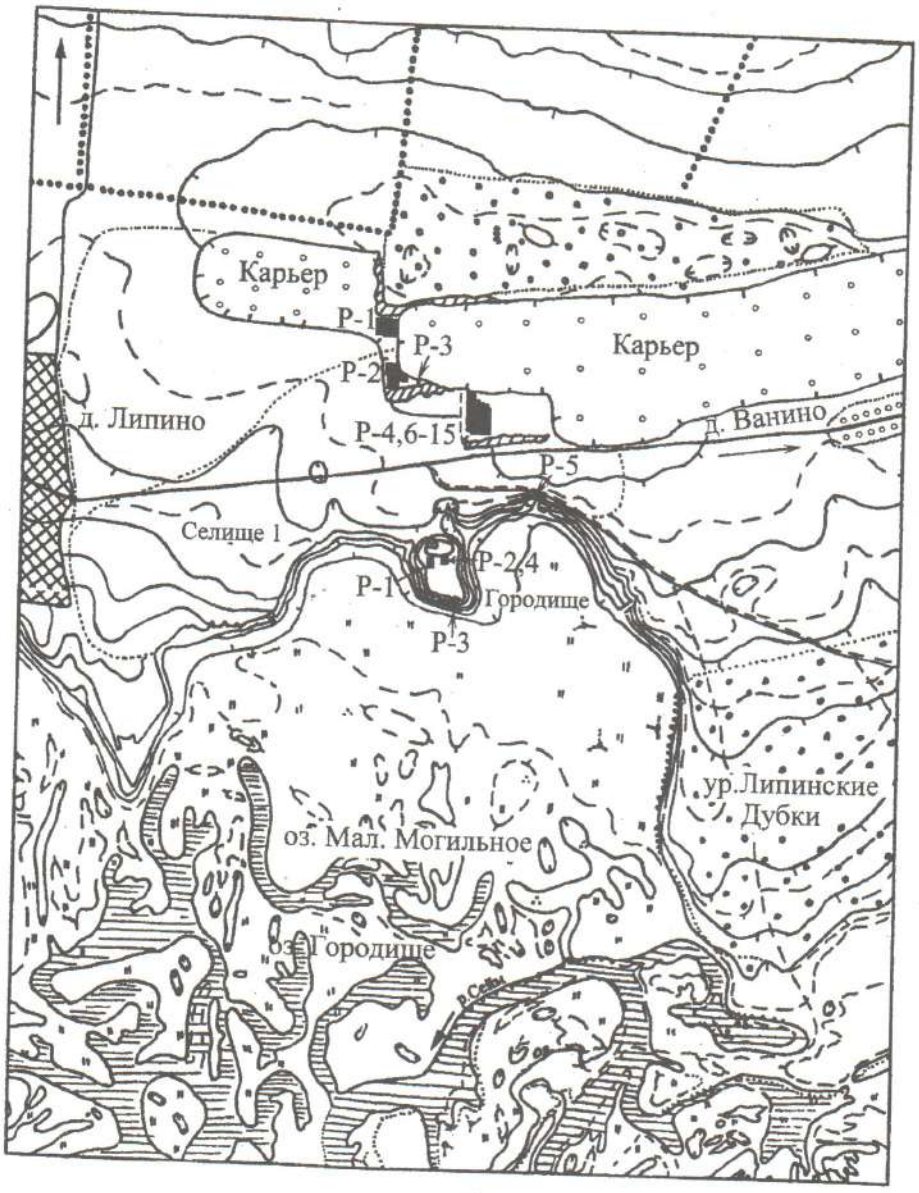


Рис. 4. Ситуационный план археологического комплекса у с. Липино
Условные обозначения: 1- границы селища с насыщенным находками культурным слоем; 2 - границы селища с редкими находками

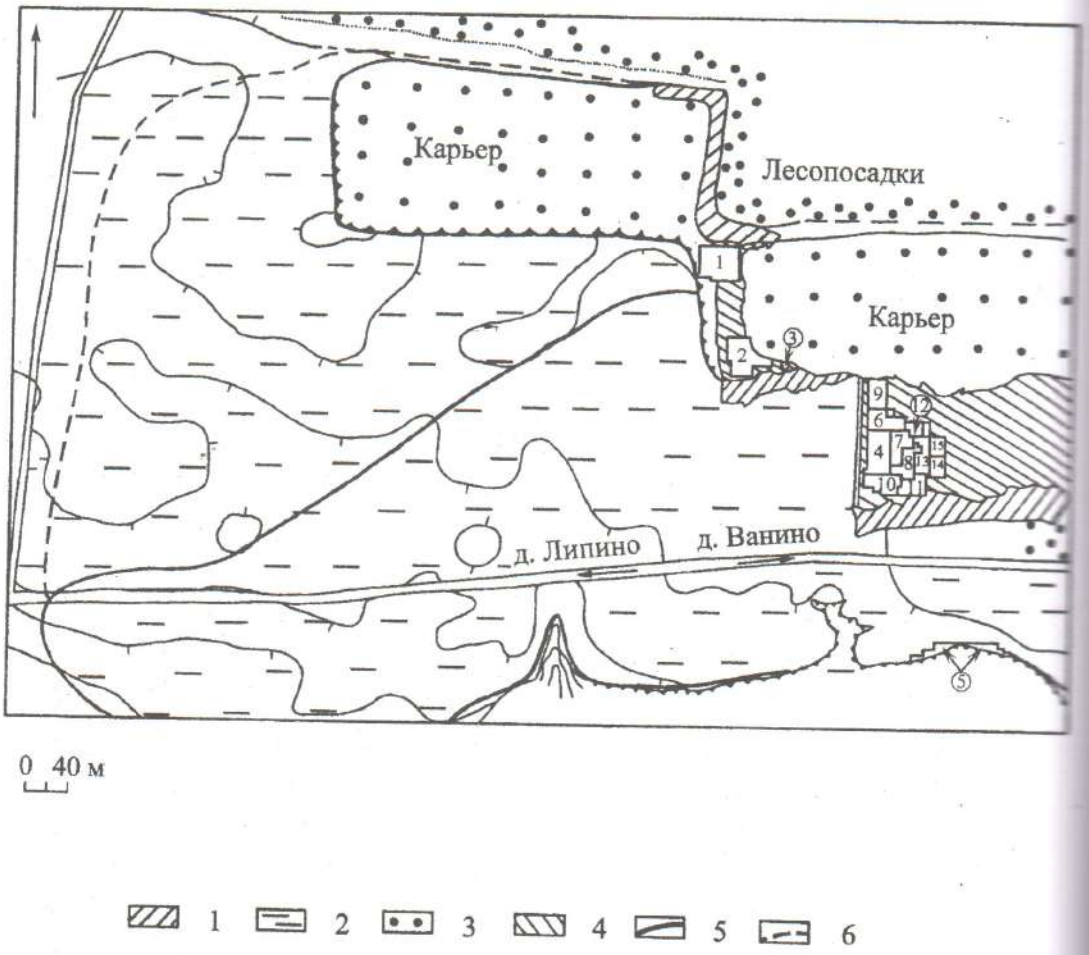


Рис. 5. Липино, селище 1. План раскопов

Условные обозначения: 1 - отвалы карьера; 2 - пашня; 3 - лесопосадки; 4 - участки с уничтоженным культурным слоем; 5 - границы поселения с насыщенным находками культурным слоем; 6 - границы поселения с отдельными находками

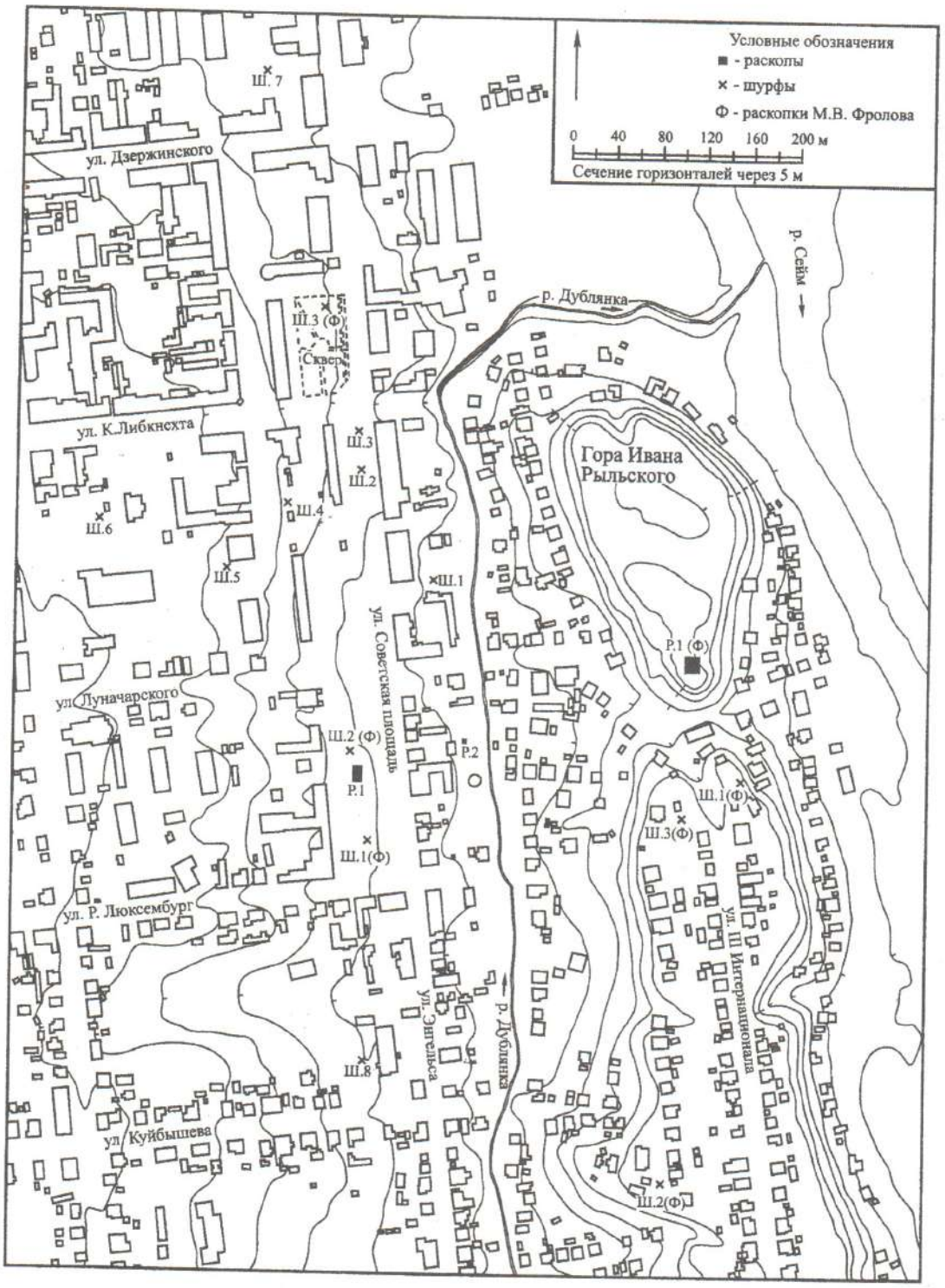


Рис. 6. Рыльск. План раскопов и шурфов

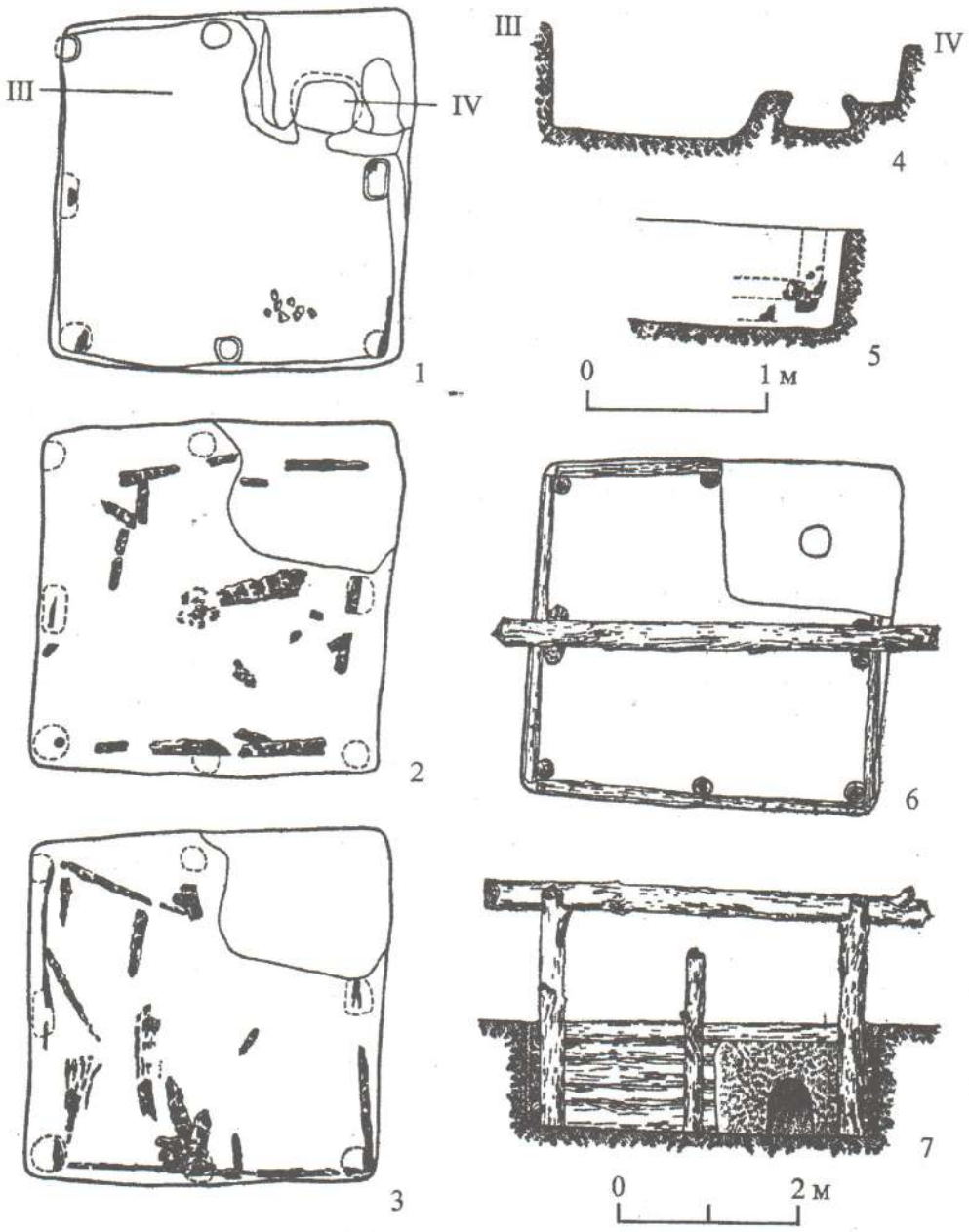


Рис. 7. Новотроицкое городище. Реконструкция жилища №10
(по: Ляпушкин, 1958)

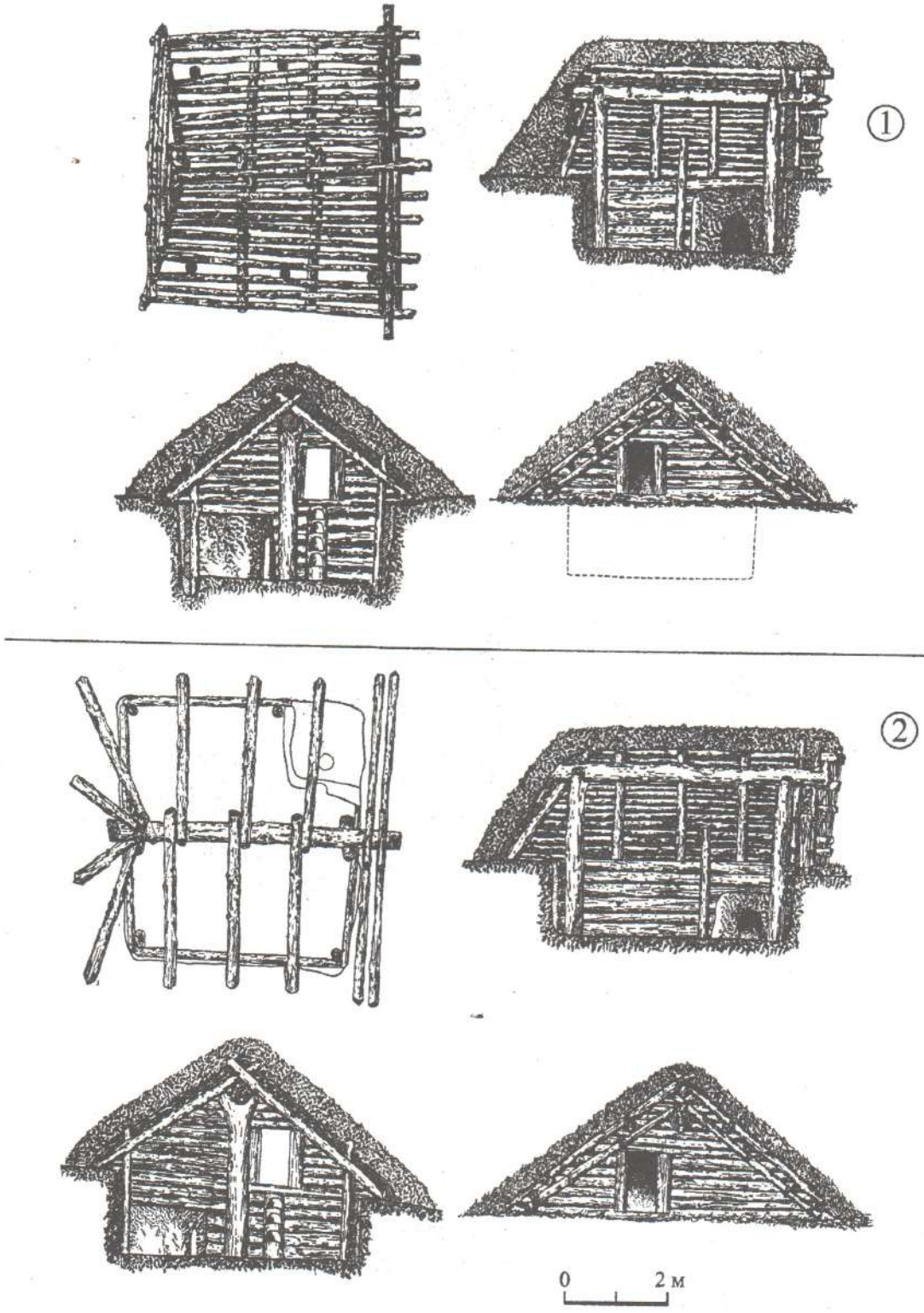


Рис. 8. Новотроицкое городище. реконструкция жилищ:
1 - жилище №10; 2 - жилище №15
(по: Ляпушкин, 1958)

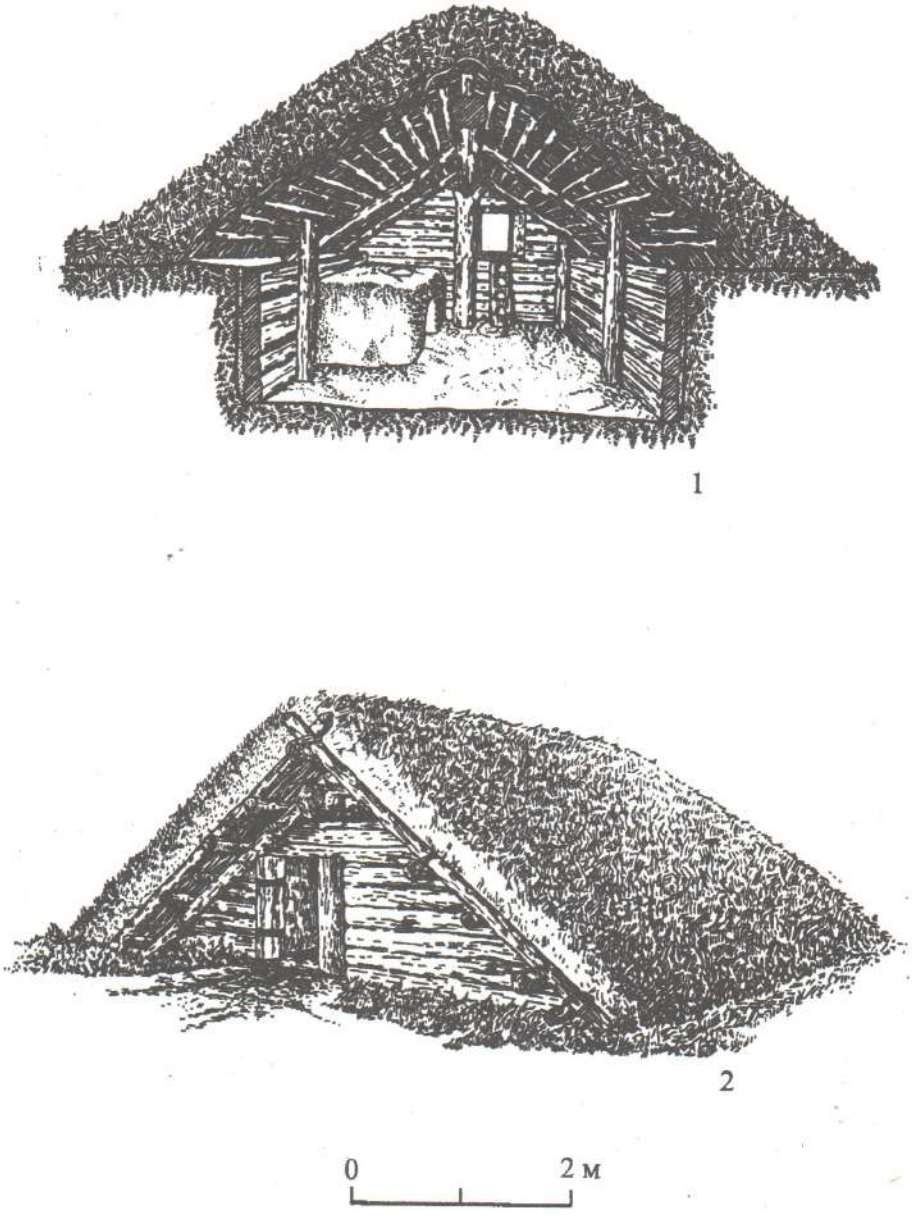
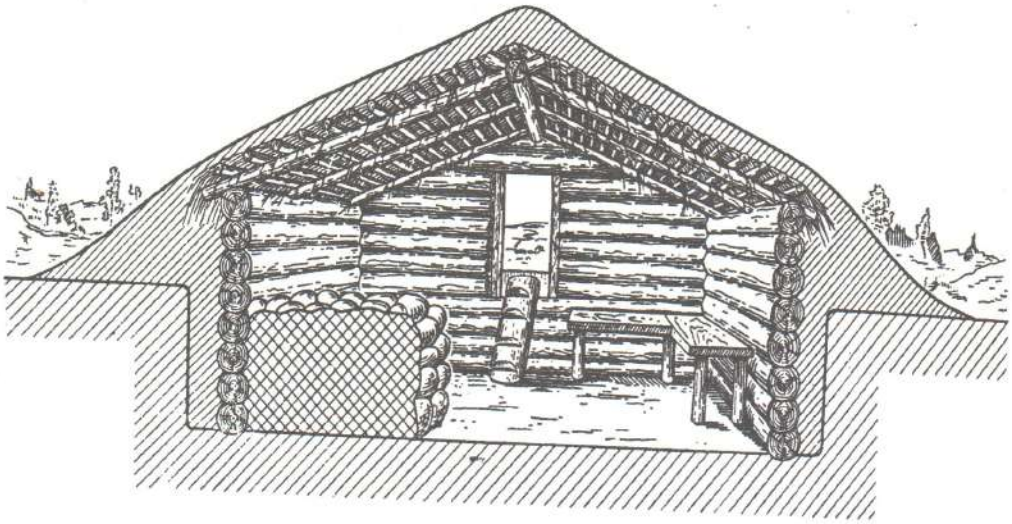


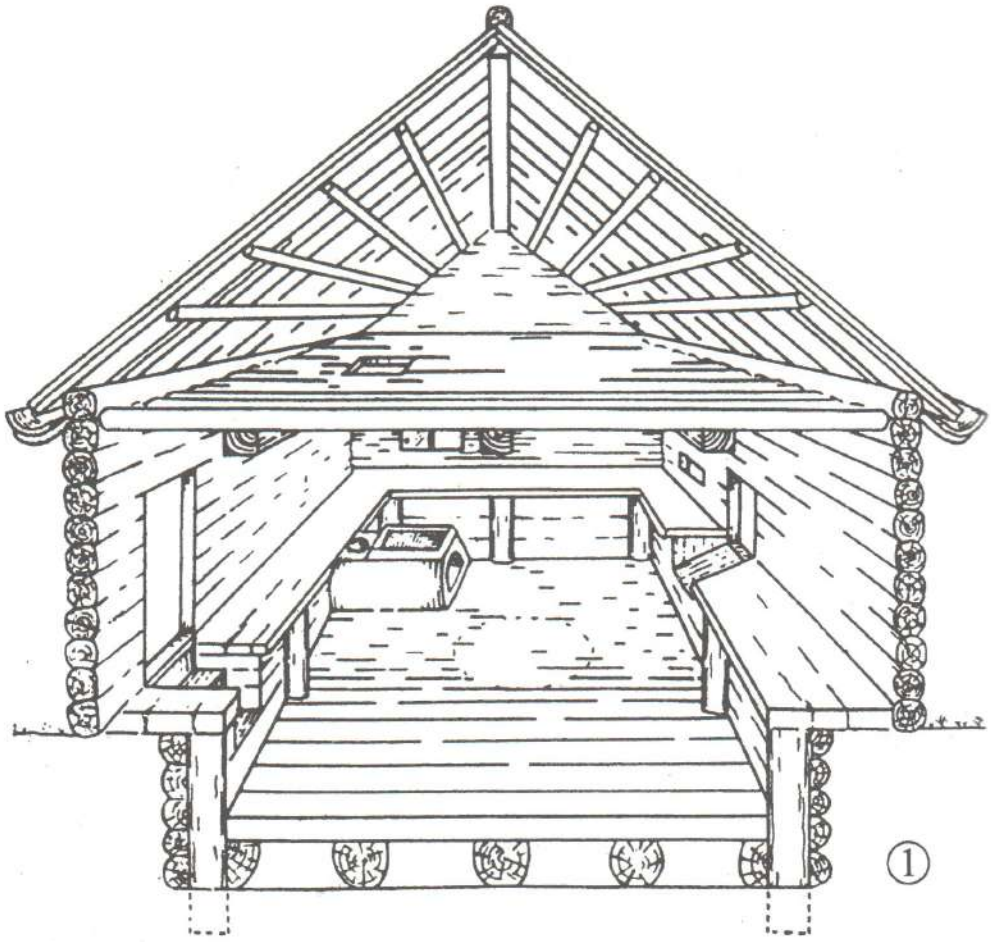
Рис. 9. Новотроицкое городище. Реконструкция жилищ:
1 - внутренний вид жилища; 2 - внешний вид жилища
(по: Ляпушкин, 1958)



1

2

Рис. 10. Реконструкции славянских жилищ П.А. Раппопорта (1975):
1 - полуземляночное жилище VIII-X вв.;
2 - полуземляночное жилище X-XI вв.



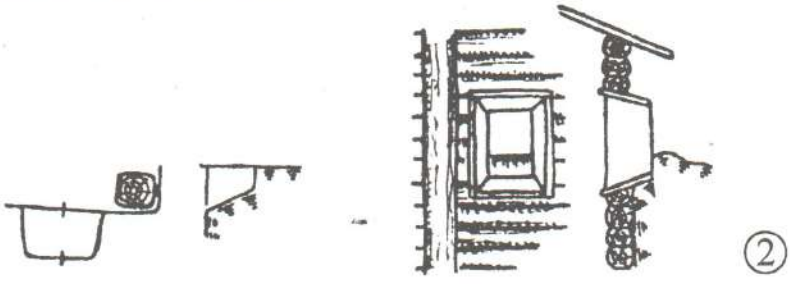


Рис. 11. Донецкое городище:
1 - реконструкция жилища Г;
2 - реконструкция окна в жилище Г (по: Дъяченко, 1991)

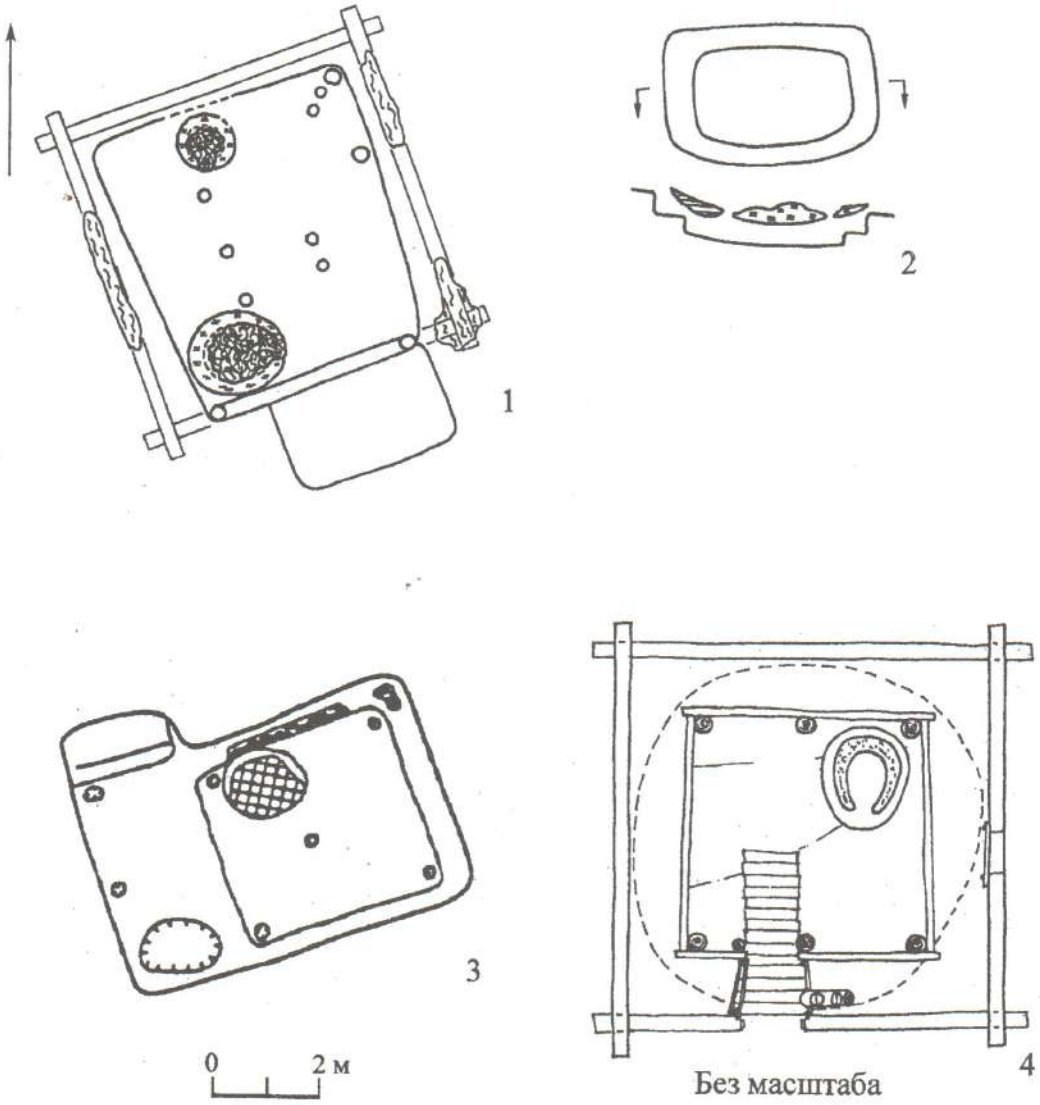
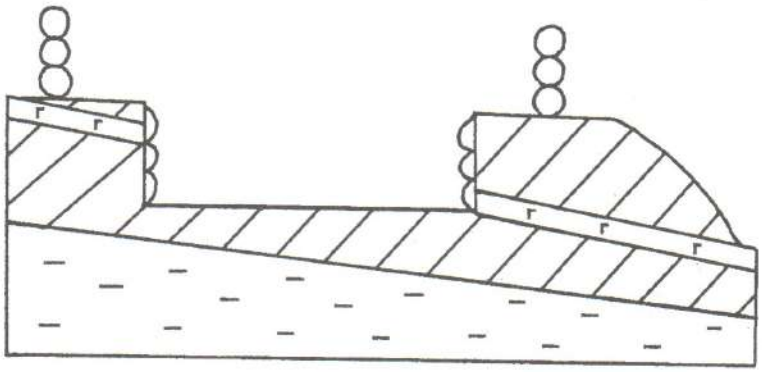
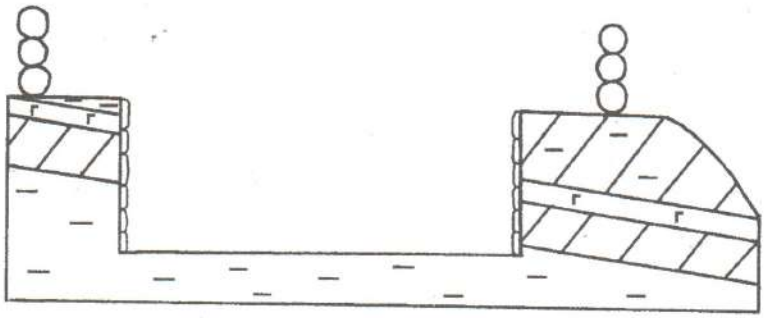


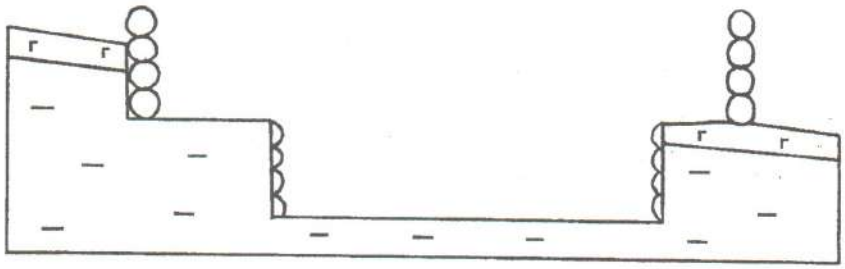
Рис. 12. Постройки с признаками отступа стен от котлована:
1 - Сампсониев Остров, постройка С-6; 2 - Сампсониев Остров, постройка Г-24 (по: Моргунов, 2002); 3 - Дорогинка, жилище 1 (по: Петрашенко, 1997); 4 - Григоровка, жилище 12 (по: Петрашенко, 2005)



1



2



3

Рис. 13. Варианты расположения срубных стен дома после нивелировочных работ (пояснения в тексте)

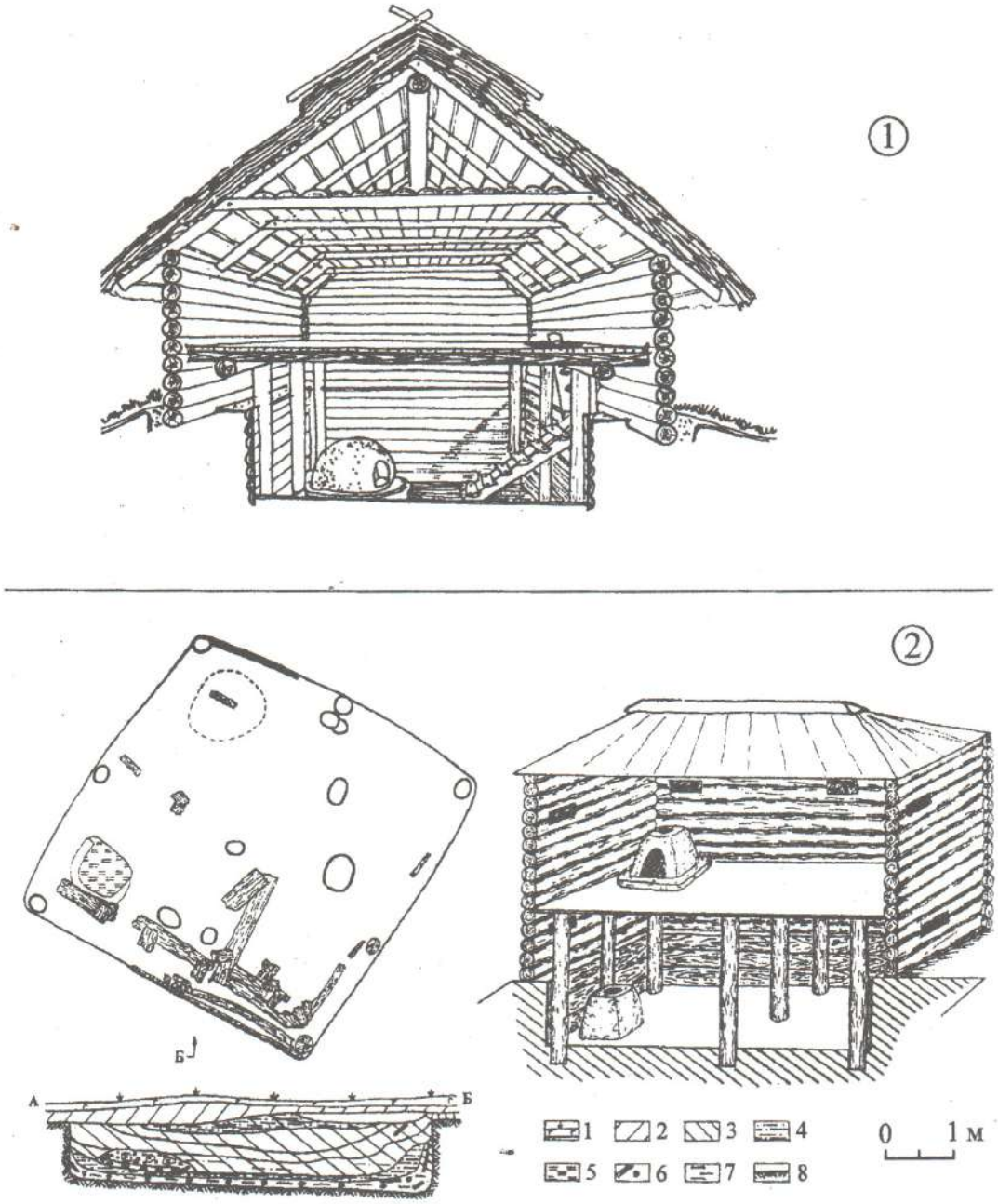


Рис. 14. Реконструкции двухэтажных жилищ:

1 - Григоровка, жилище 12 (по: Петрашенко, 2005); 2 - Горбово, жилище 4 (по: Григорьев, 2000)

Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - светло-серый суглинок; 3 - серый гумусированный суглинок; 4 - желтый суглинок; 5 - обожженная глина; 6 - уголь; 7 - зола; 8 - материк

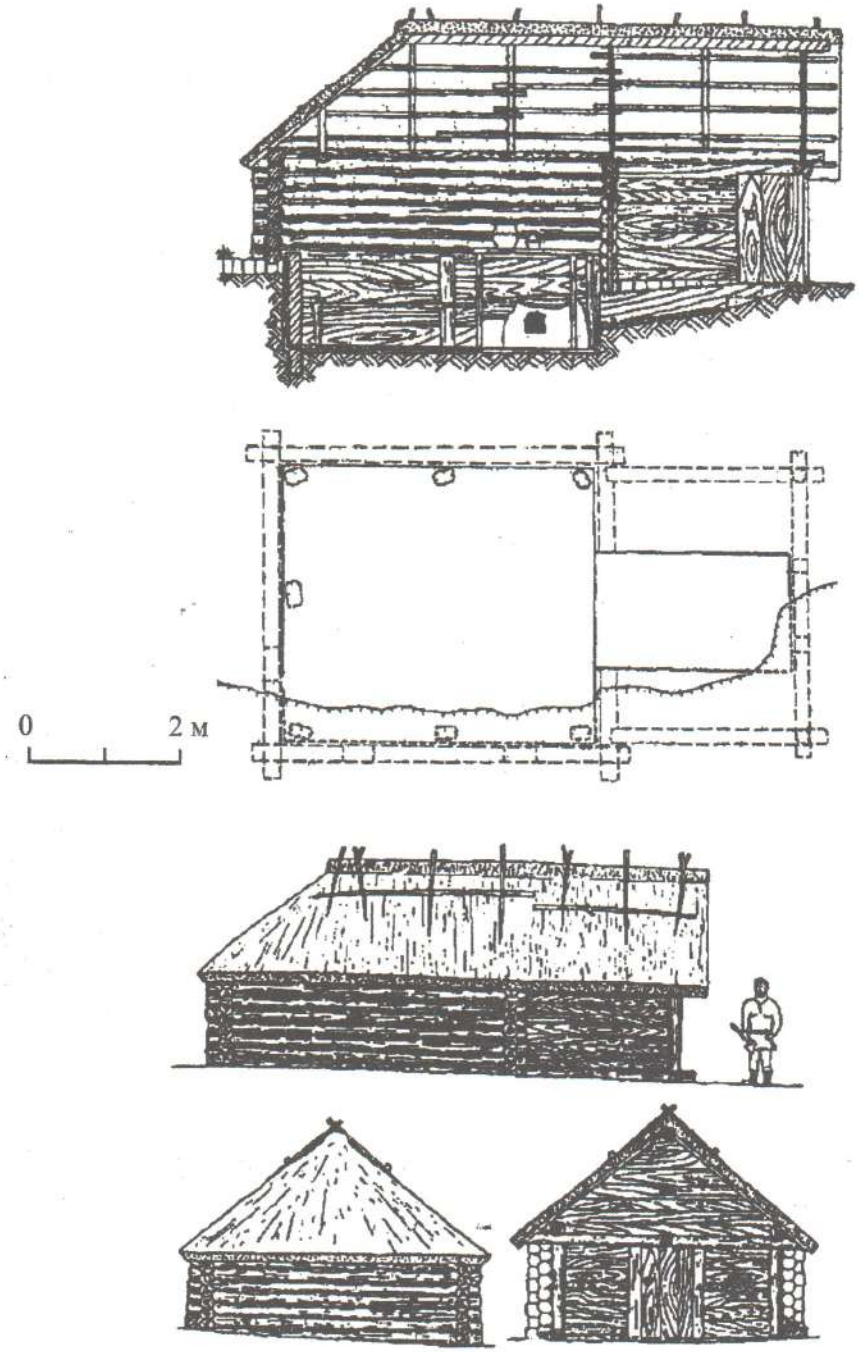


Рис. 15. Реконструкция древнерусской постройки из "Пидтополэвэ" (по: Козюба, 1998)

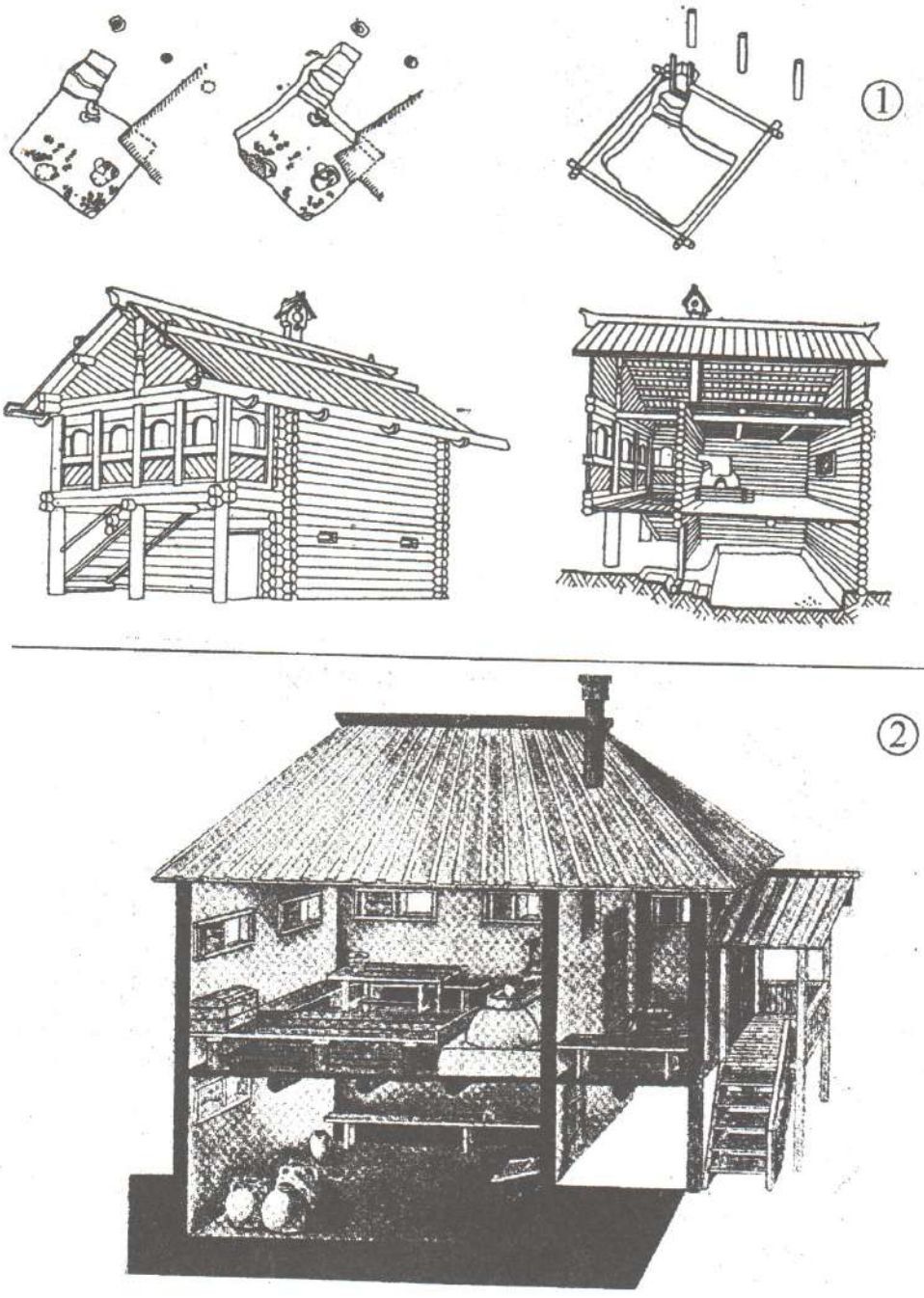
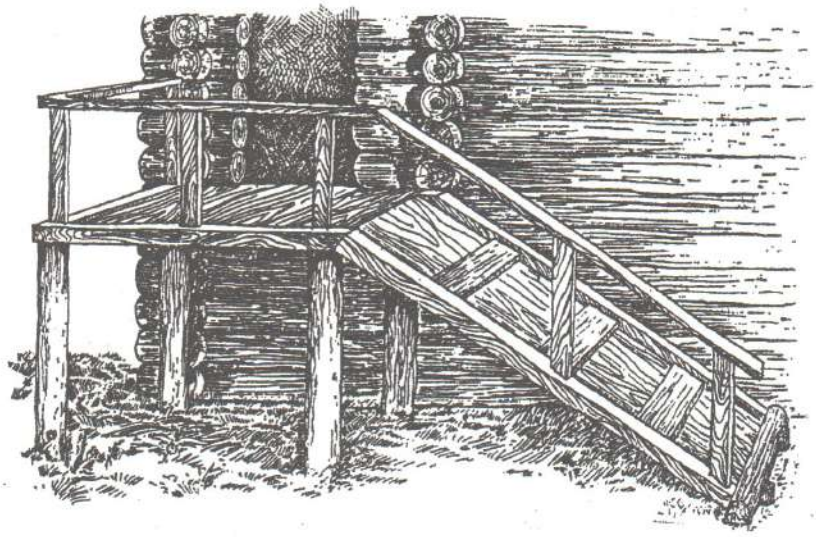
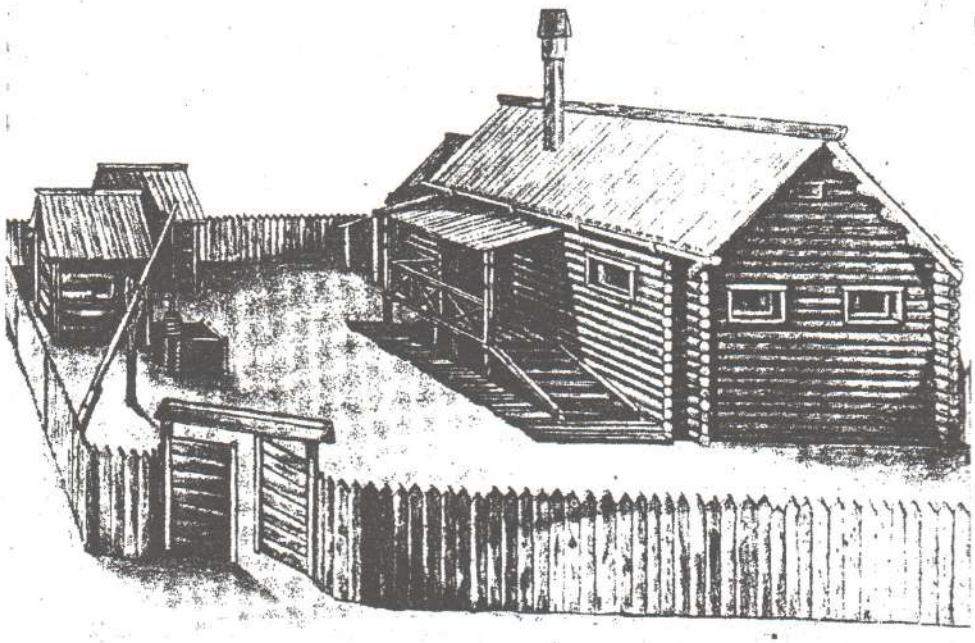


Рис. 16. Реконструкции жилищ древнего Киева
1 - жилище XI в. (по: Археология Украинской ССР, 1986);
2 - жилой дом XI-XIII вв. каркасно-столбовой конструкции (по: Толочко, 1981)



①



②

Рис 17. Киевский Подол. Оформление входов в дома:
1 - вход в двухкамерный сруб XI в. (по: Гупало, 1981); 2 - реконструкция усадьбы XI в. (по: Толочко, 1981)

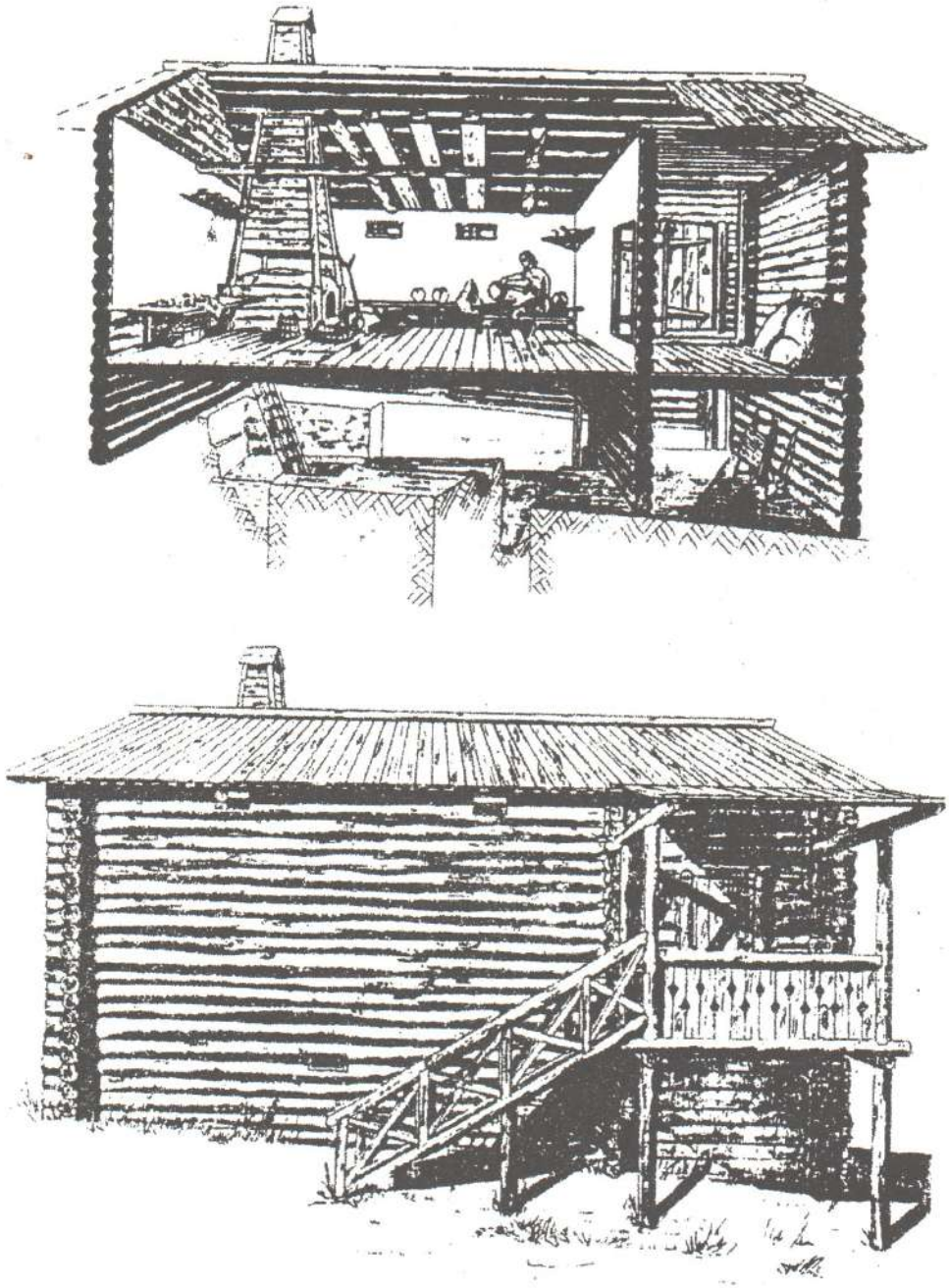


Рис. 18. Поселение Автуничи. Постройка гончара XI в.
(по: Коваленко, Моця, 1997)

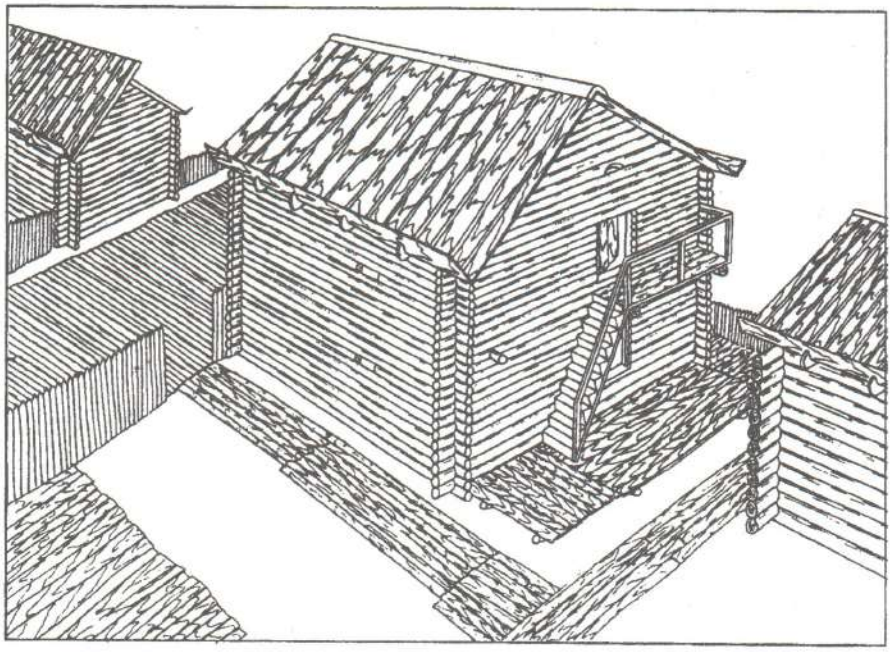
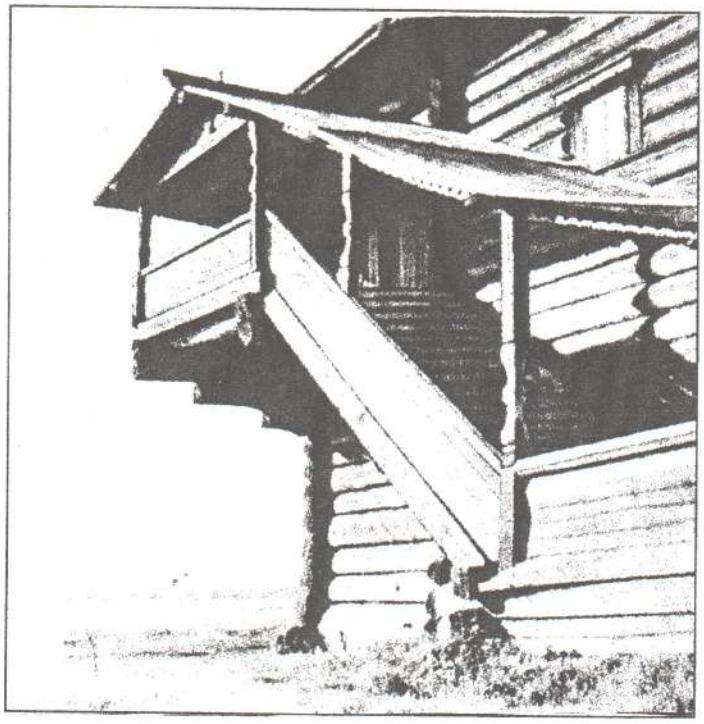
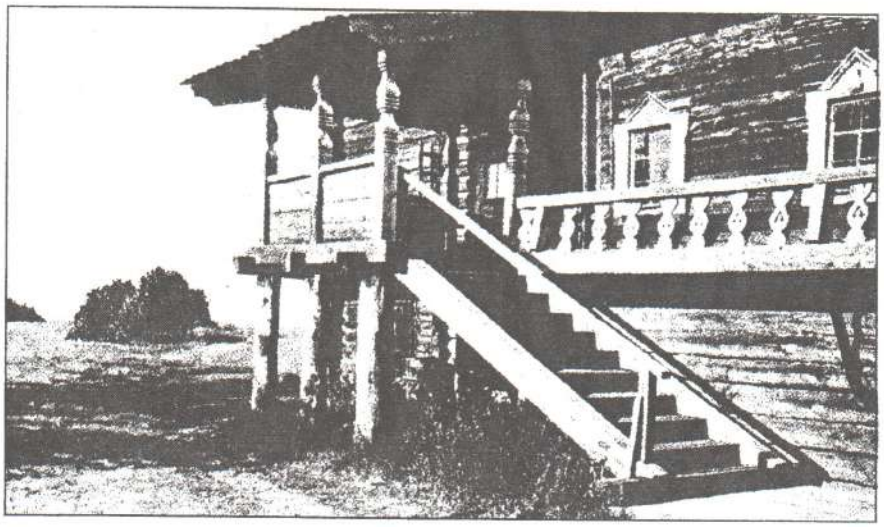


Рис. 19. Берестье. Реконструкция постройки 39Д
(по: Лысенко, 1985)



①



②

Рис. 20. Оформление входа в дом по этнологическим данным

1- Коломенское. Крыльцо Домика Петра I. XVIII в.; 2 - Кижи. Крыльцо дома Елизарова. XVIII в. (по: Шангина, 2003)

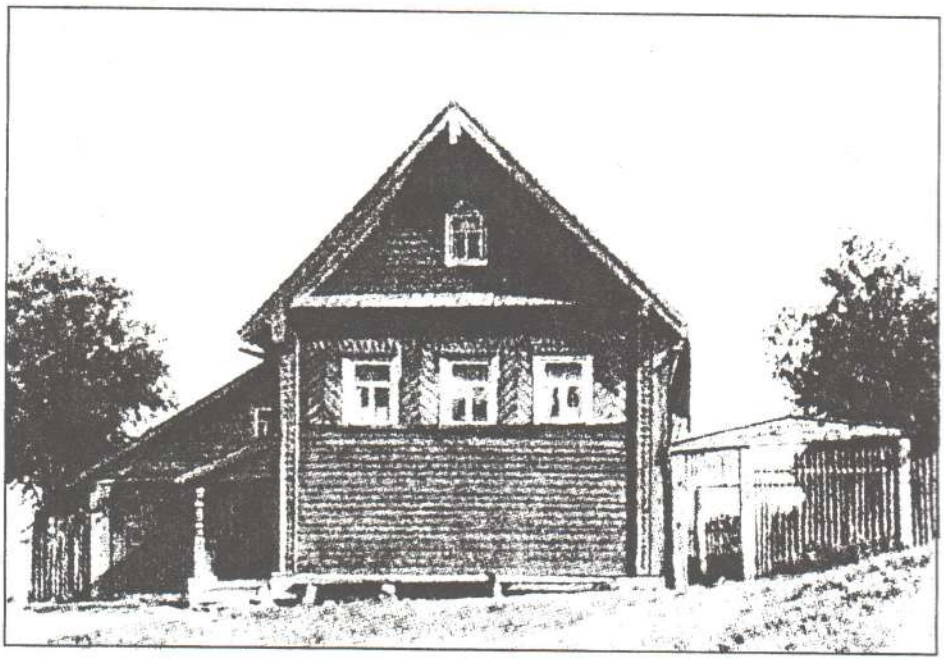
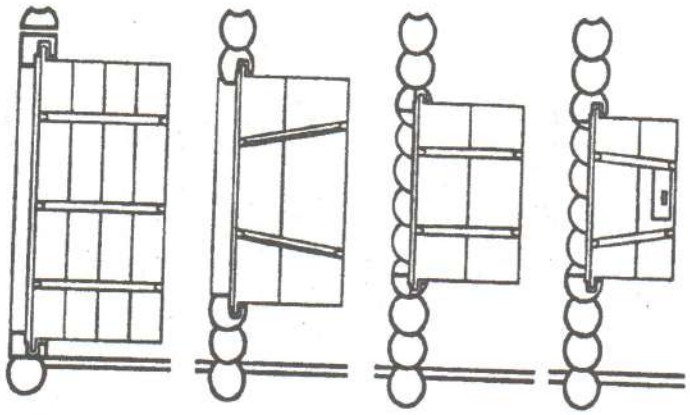
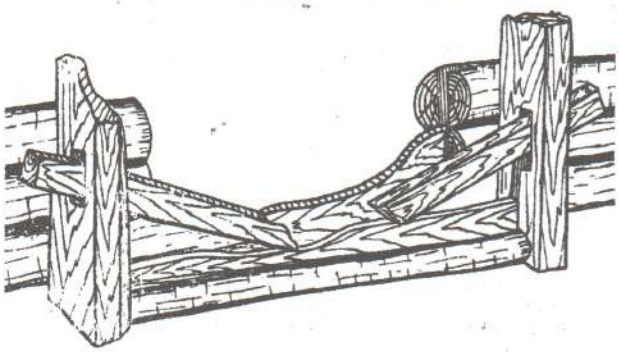


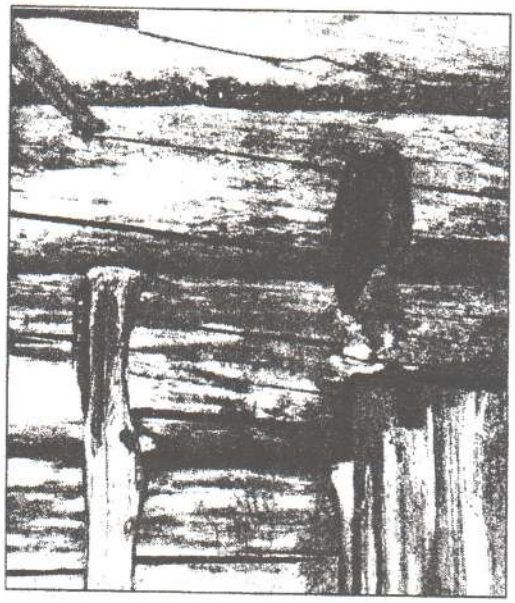
Рис. 21. Дома на подклетах по этнологическим данным:
1 - севернорусский дом на подклете. XIX в. Вологодская губ.;
2 - дом на высоком нежилом подклете. XX в. Новгородская обл.
(по: Шангина, 2003)



①



②



③

Рис. 22. Дверные проемы

1 - по материалам Новгорода (по: Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985); 2 - Киевский Подол, хозяйственный сруб №7 (по: Толочко, 1981); 3 - Архангельская область. Дверь на "пятах" (по: Ополовников, 1983)

Рис. 23. Берестье. Части дверных полотен
(по: Лысенко, 1985)

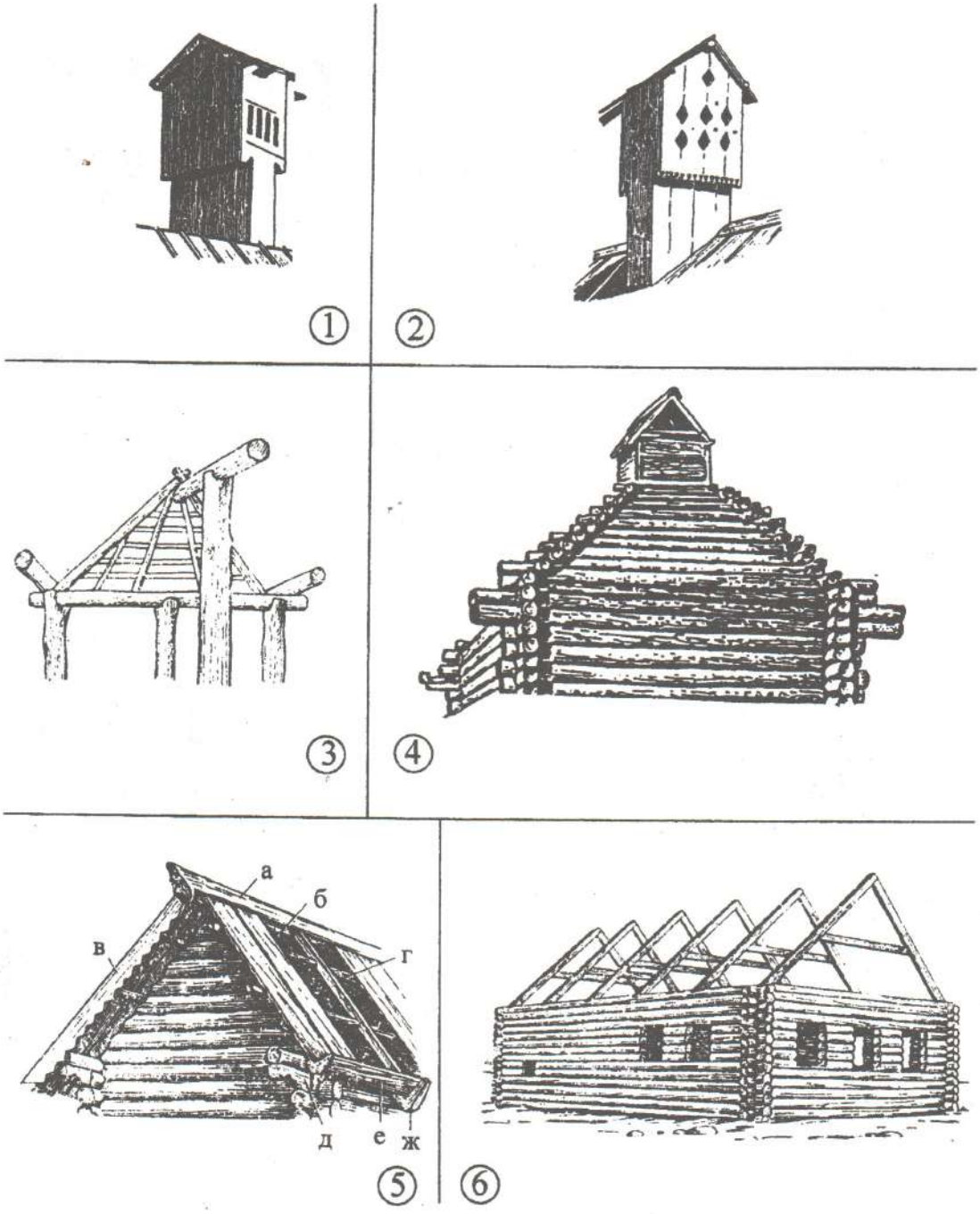
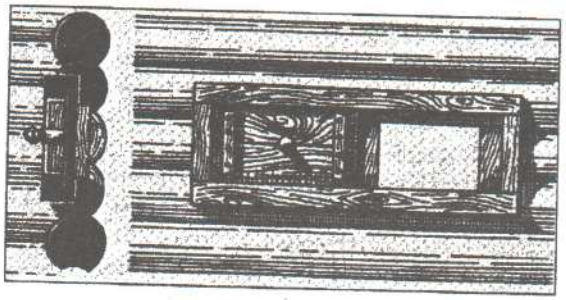
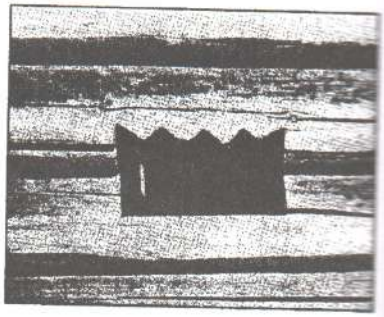


Рис. 24. Дымники и конструкции крыш:

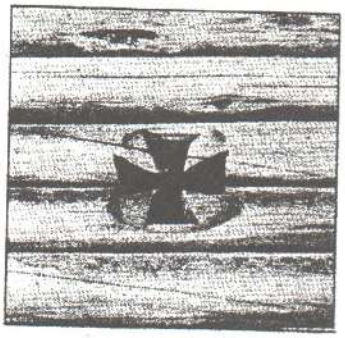
1-2 - резные дымники на курных избах XIX в.; 3 - крыша на столбах; 4 - костровая крыша; 5 - самцовая конструкция (а - охлупень; б - князевая слега; в - причелина; г - обрешетка, слеги; д - пропуск, повал; е - потолок; ж - курица); 6 - стропильная конструкция



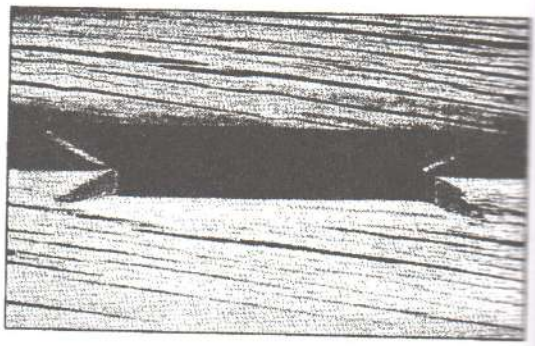
1



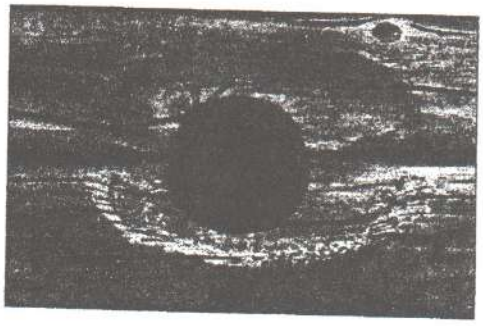
2



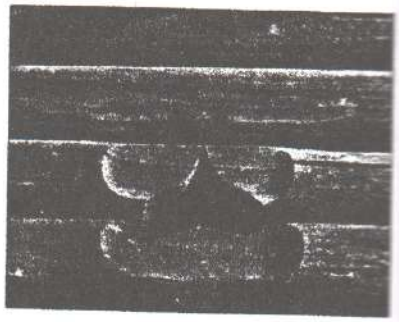
3



4



5



6

Рис. 25. Волоковые окна:
1 - схема устройства волокового окна; 2-6 - окна разных типов в крестьянских избах XIX в. (по: Шангина, 2003)

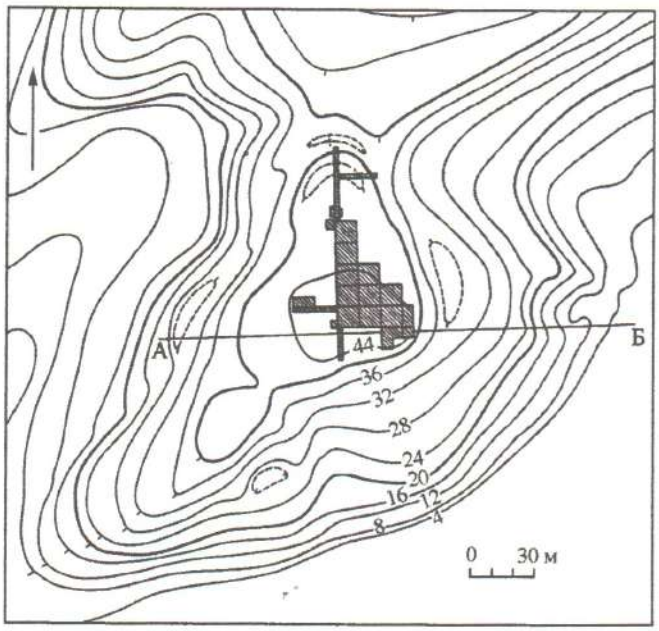


Рис. 26. План Большого Горнальского городища

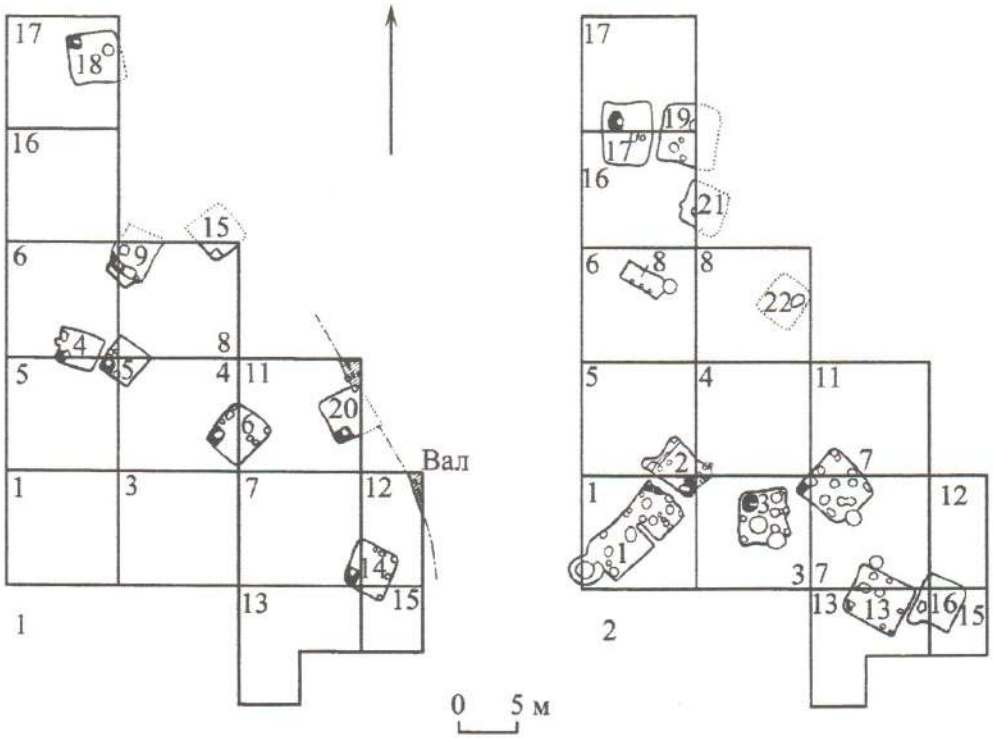
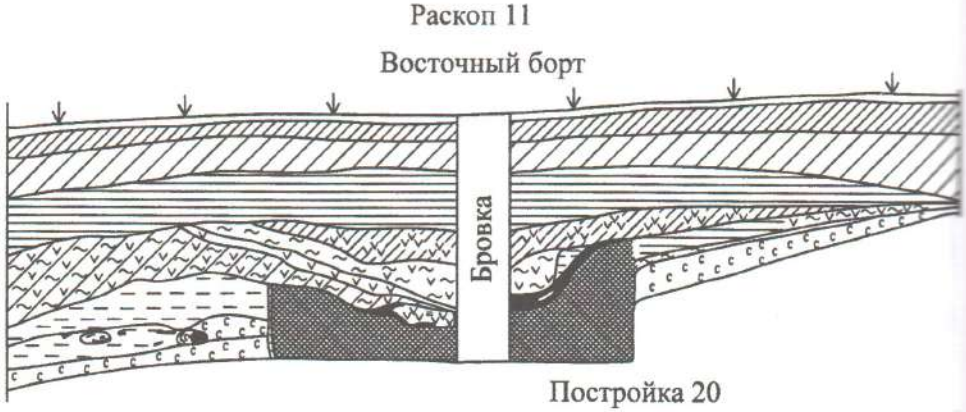


Рис. 27. План застройки раскопанной части Большого Горнальского городища:
1 - первый период; 2 - второй период



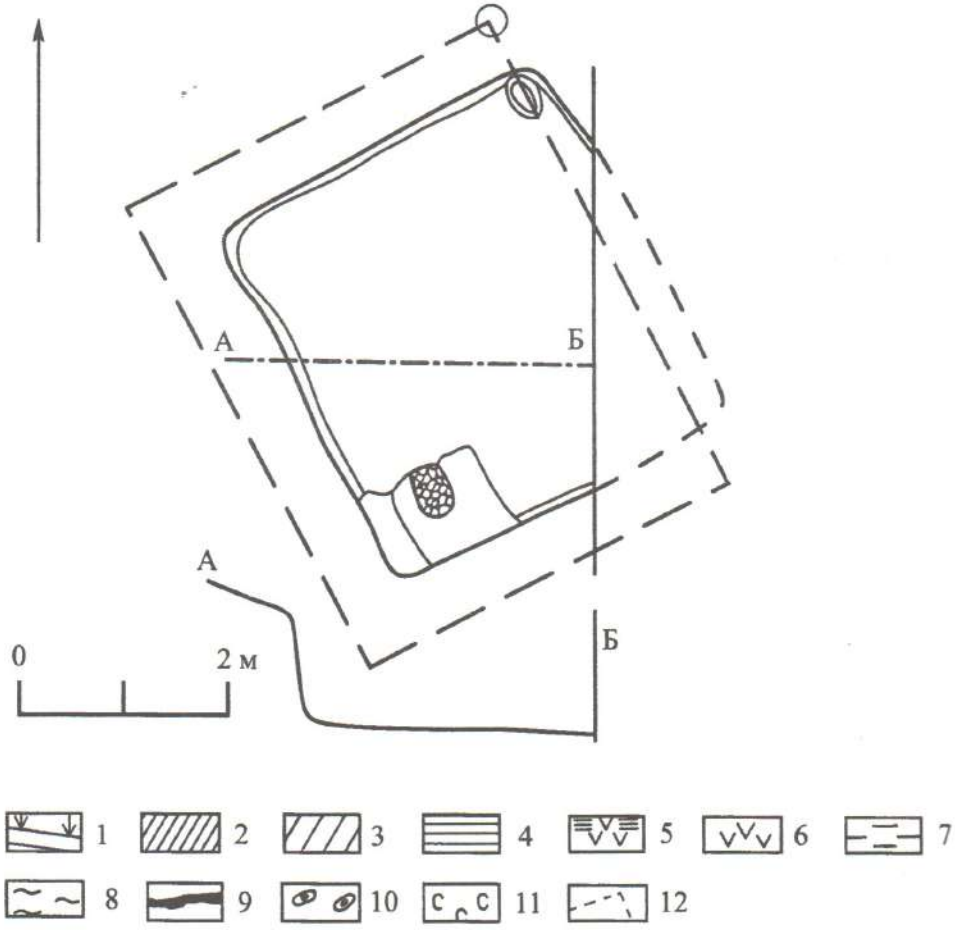


Рис. 28. Большое Горнальское городище. Постройка 20:

1 - дерн; 2 - серый рыхлый слой; 3 - темно-серый золистый слой; 4 - углистый слой с мелом; 5 - суглинок с углем; 6 - уголь; 7 - глина; 8 - зола; 9 - углистый слой; 10 - горелые бревна; 11 - слой скифского времени; 12 - реконструированные границы постройки

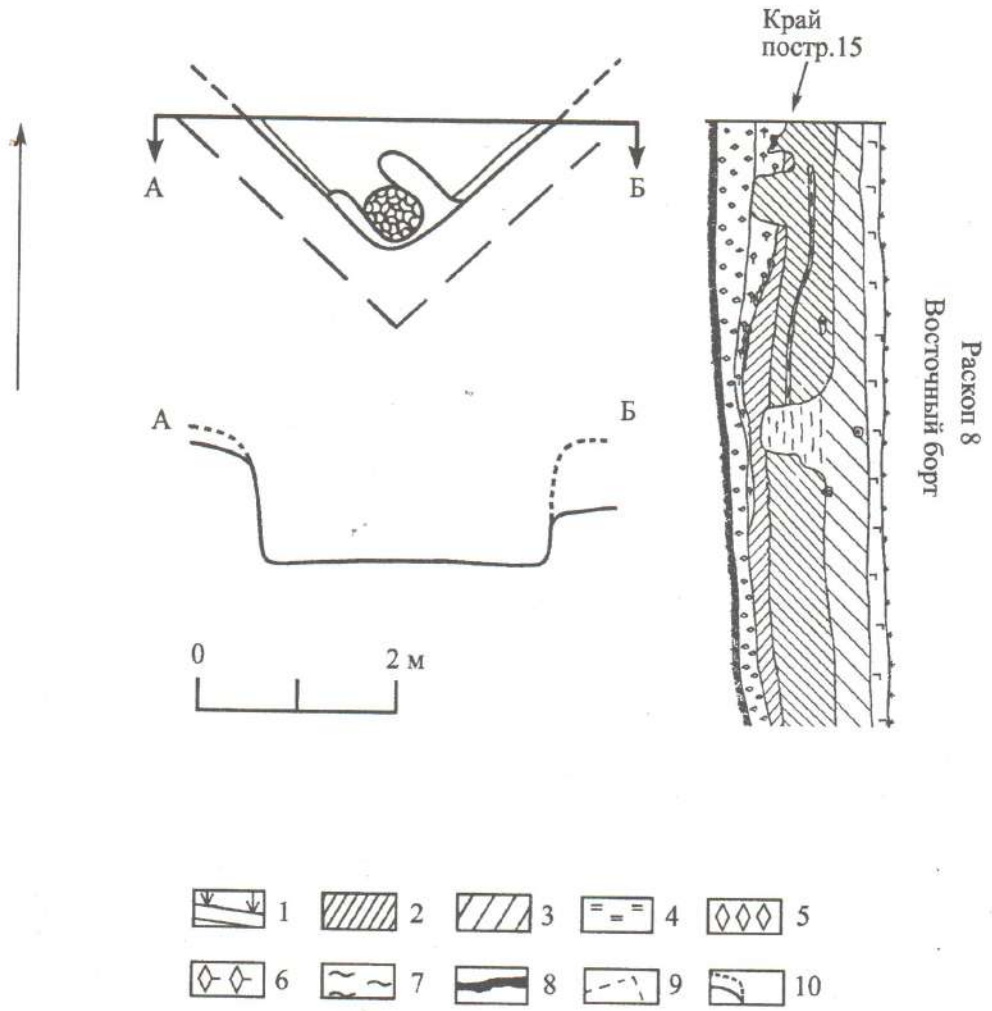


Рис. 29. Большое Горнальское городище. Постройка 15:

1 - дерн; 2 - серый рыхлый слой; 3 - темно-серый золистый слой; 4 - обожженная глина;
5 - плотный коричневый слой с вкраплениями бурой глины; 6 - смесь с материковой глиной;
7 - зола; 8 - углистый слой; 9 - реконструированные границы постройки;
10 - реконструированные стенки котлованов в разрезе

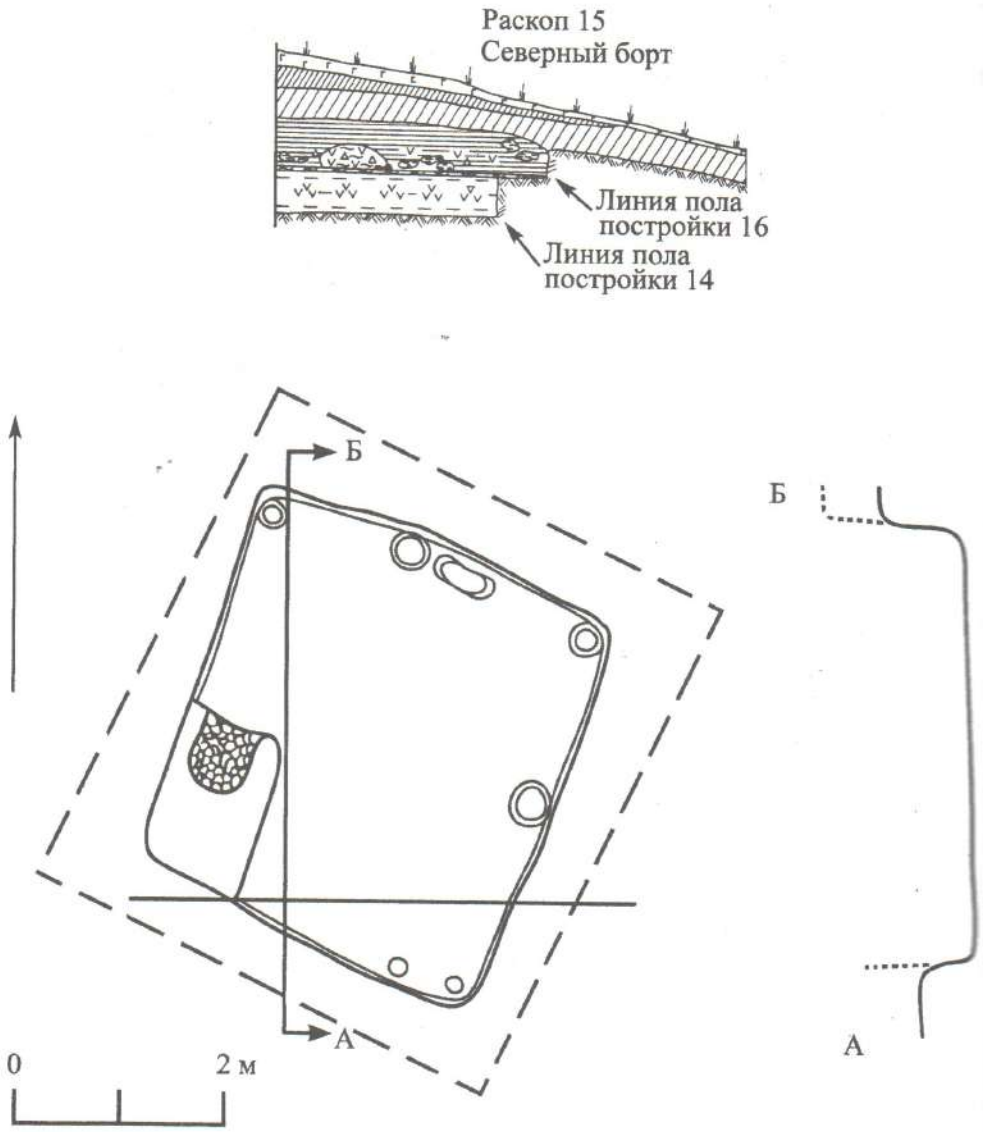


Рис. 30. Большое Горнальское городище. Постройка 14

Условные обозначения - на рис. 29

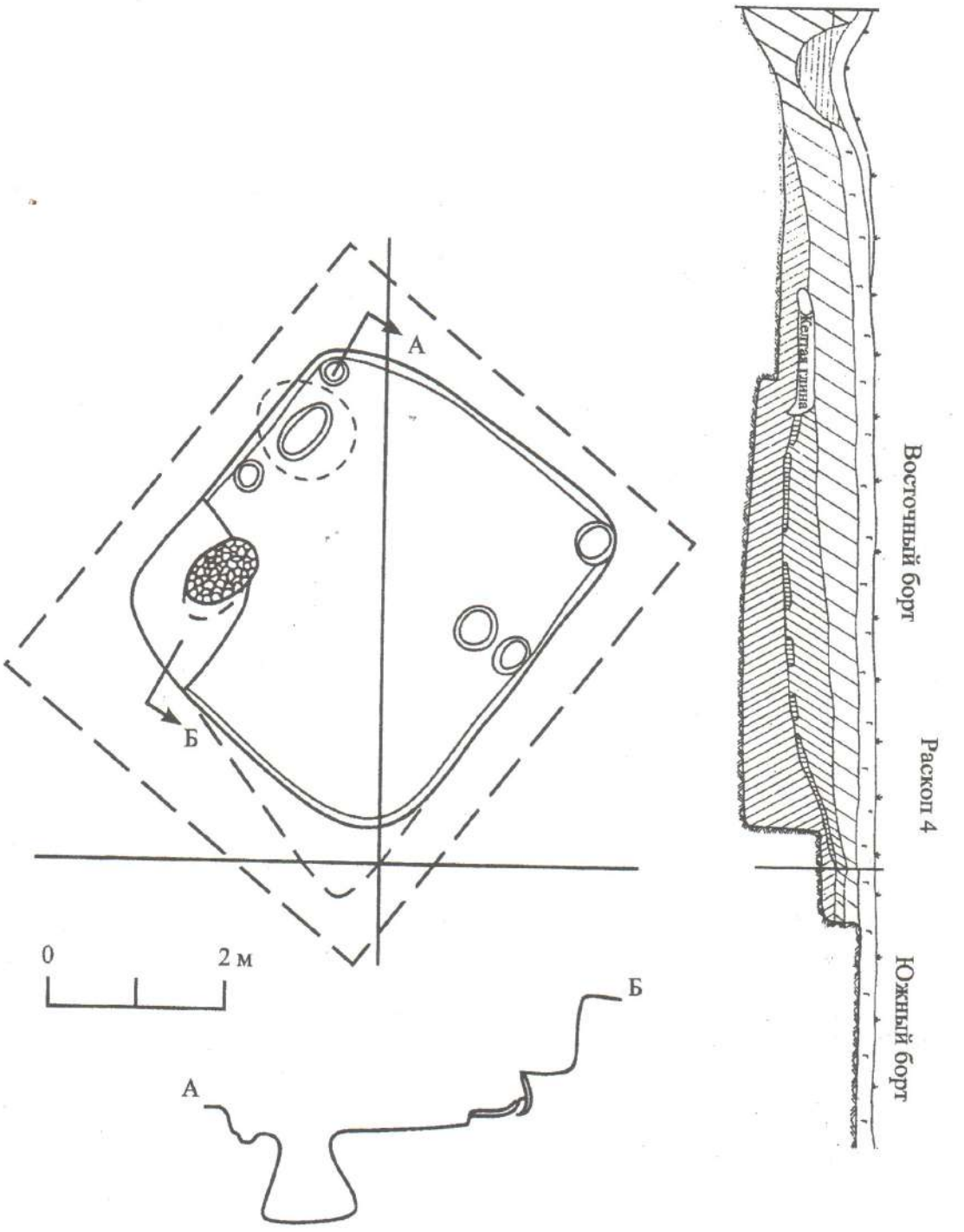


Рис. 31. Большое Горнальское городище. Постройка 6

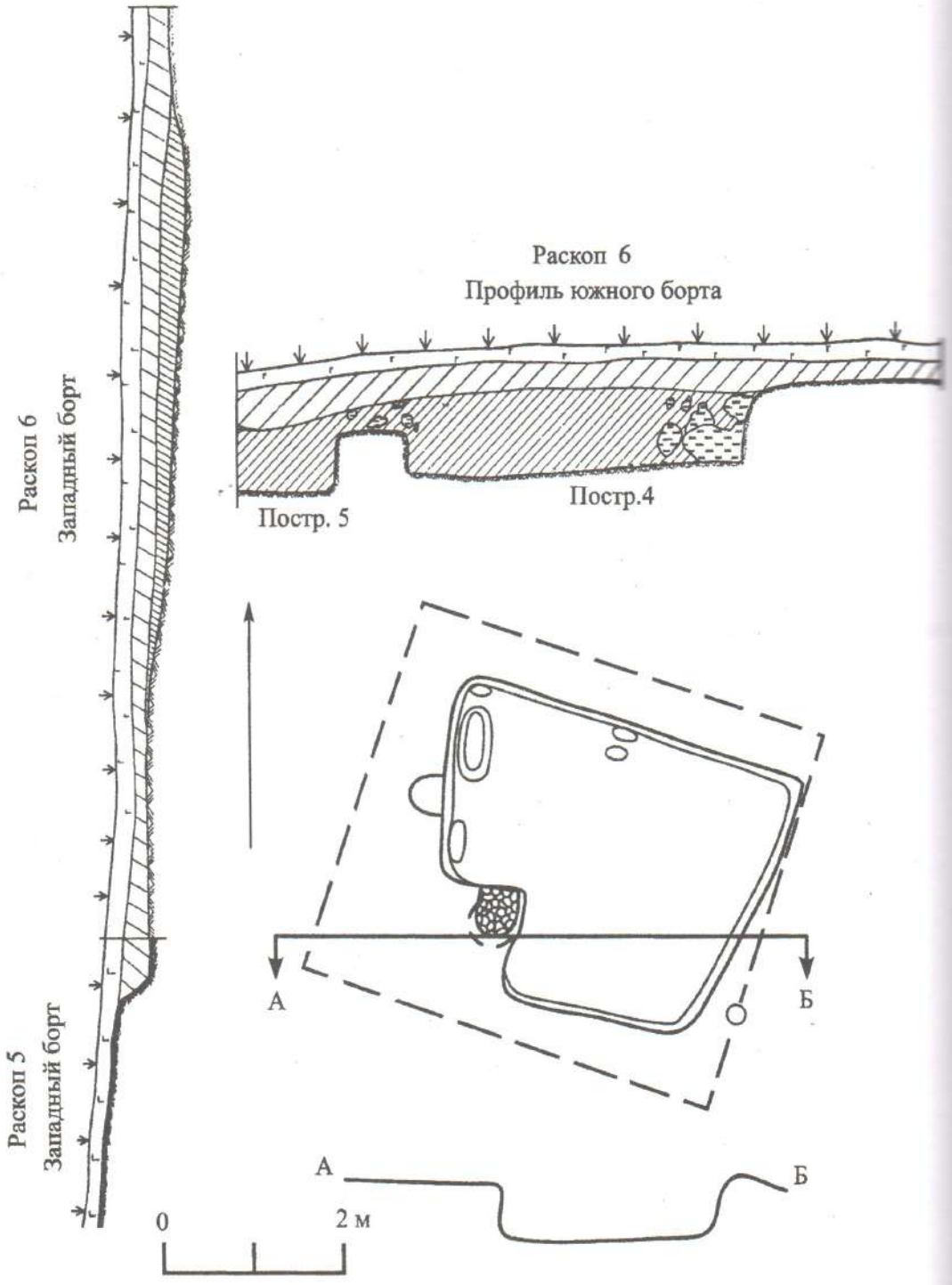


Рис. 32. Большое Горнальское городище. Постройка 4

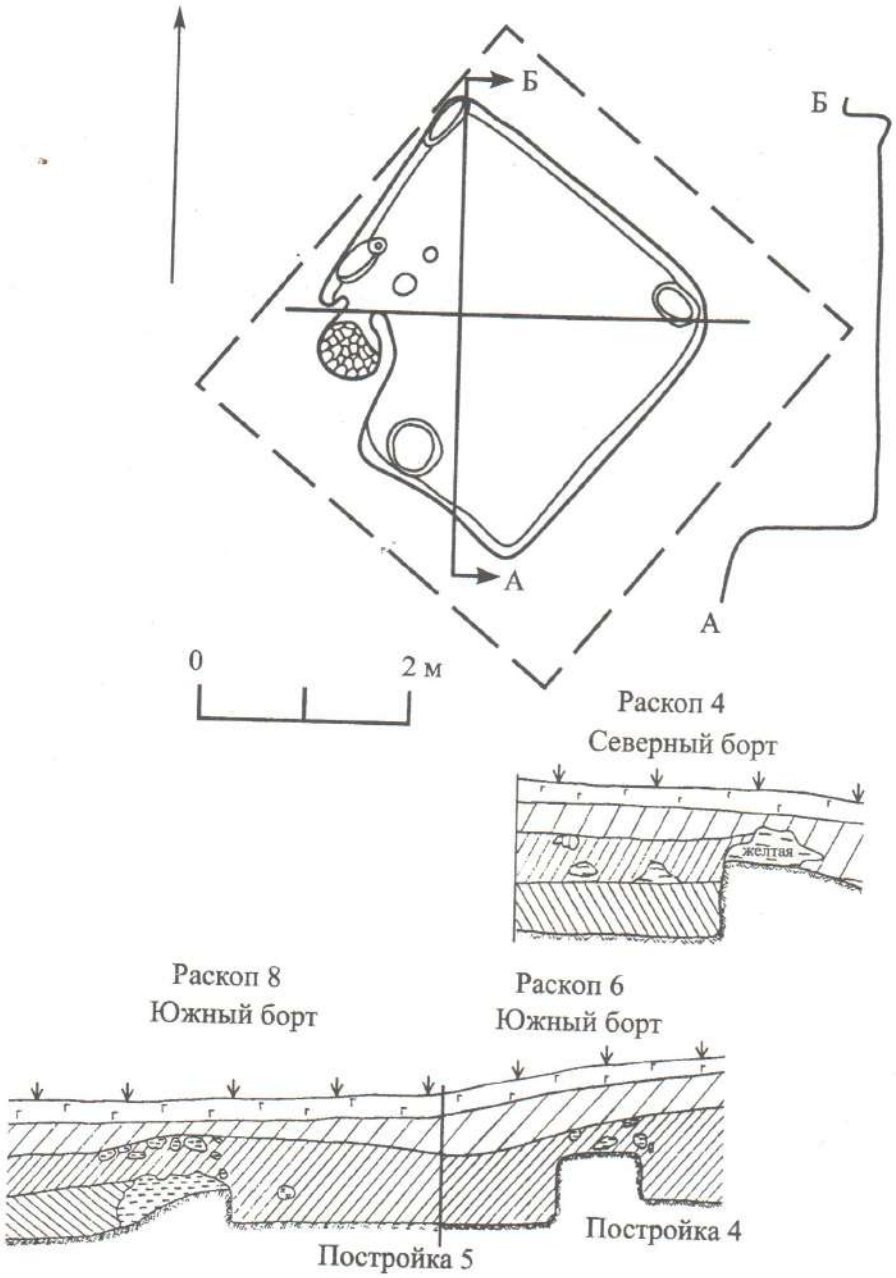


Рис. 33. Большое Горнальское городище. Постройка 5

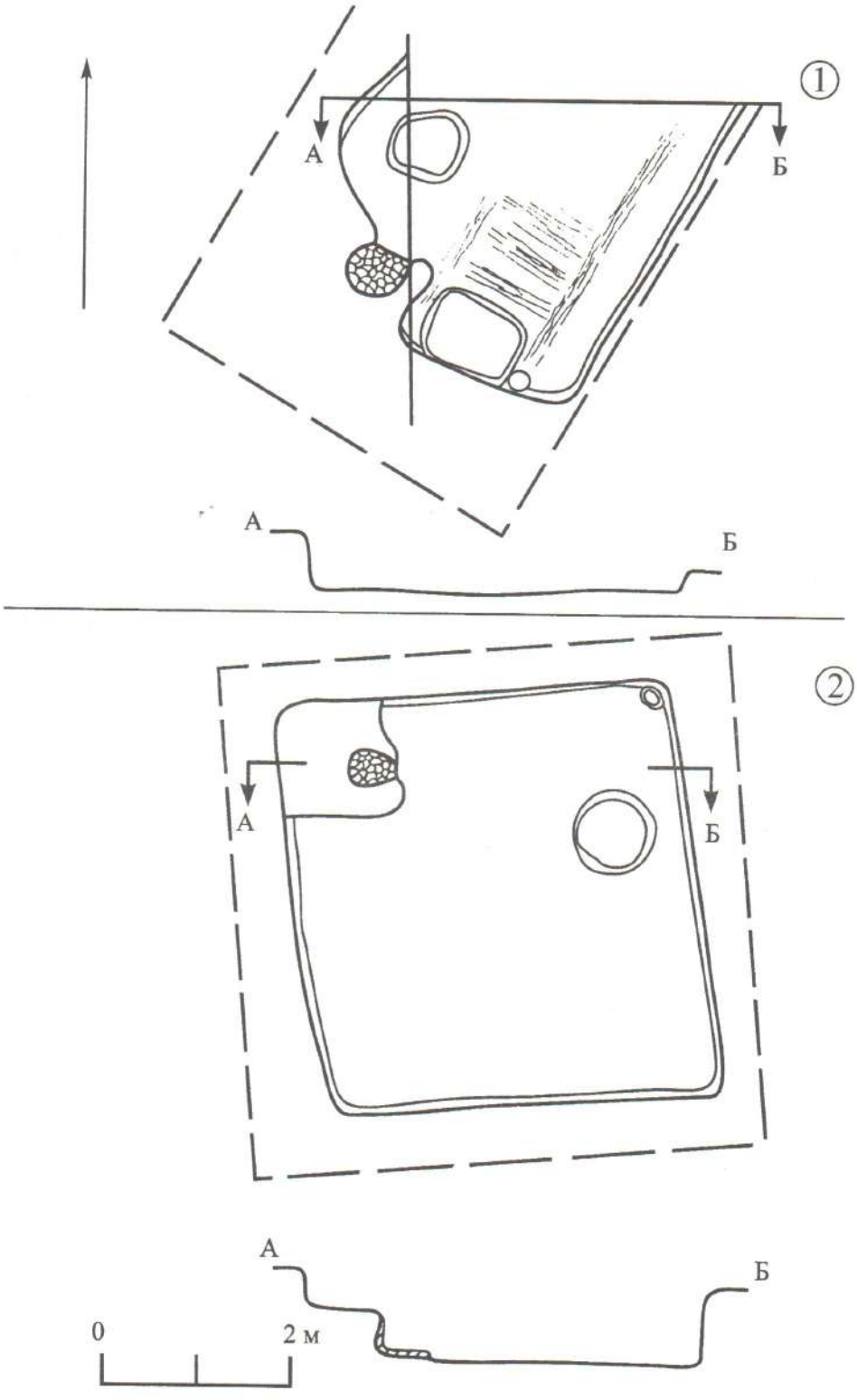


Рис. 34. Большое Горнальское городище. *1*- постройка 9; *2* - постройка 18

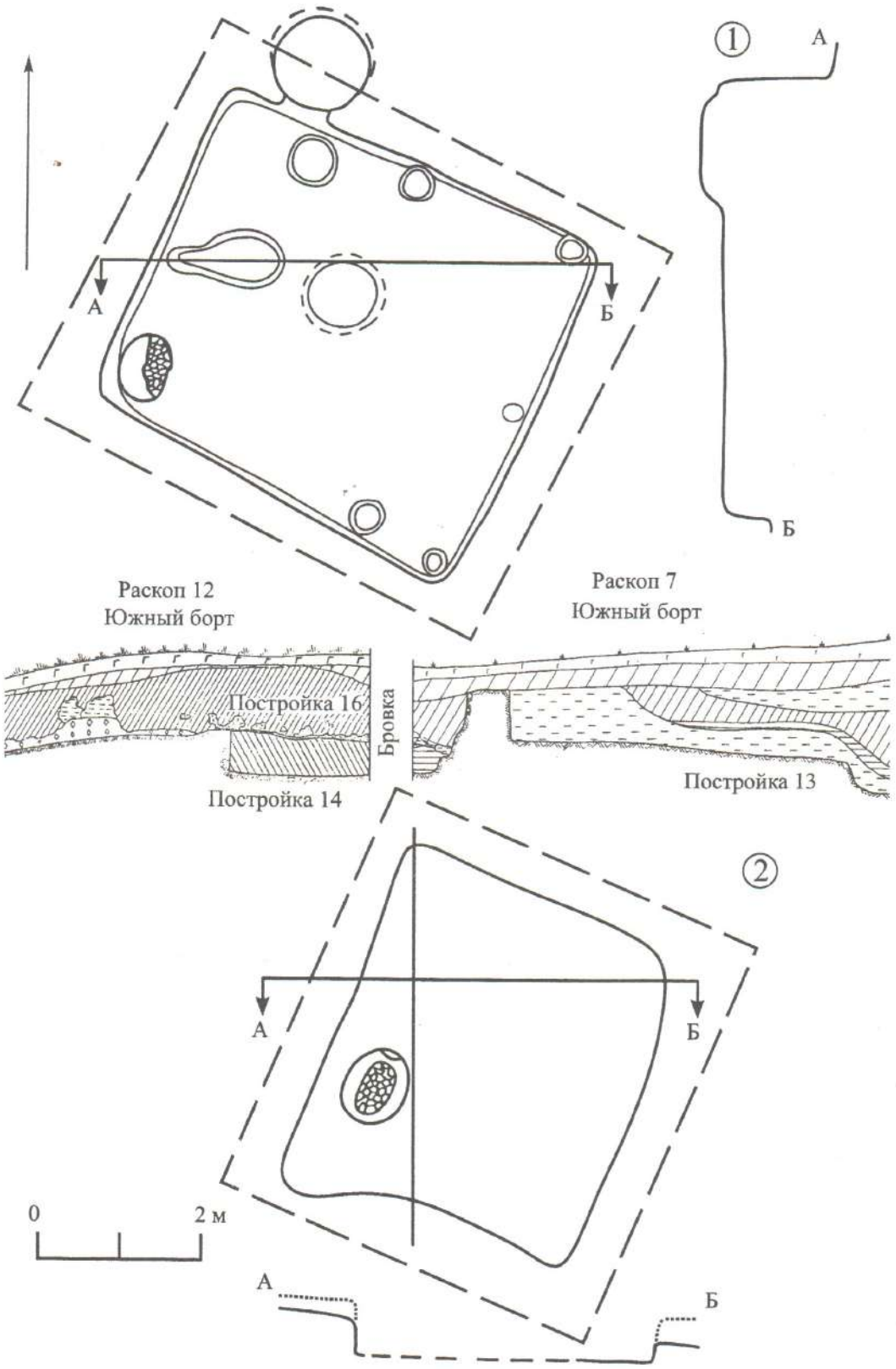


Рис. 35. Большое Горнальское городище. *1* - постройка 13; *2* - постройка 16

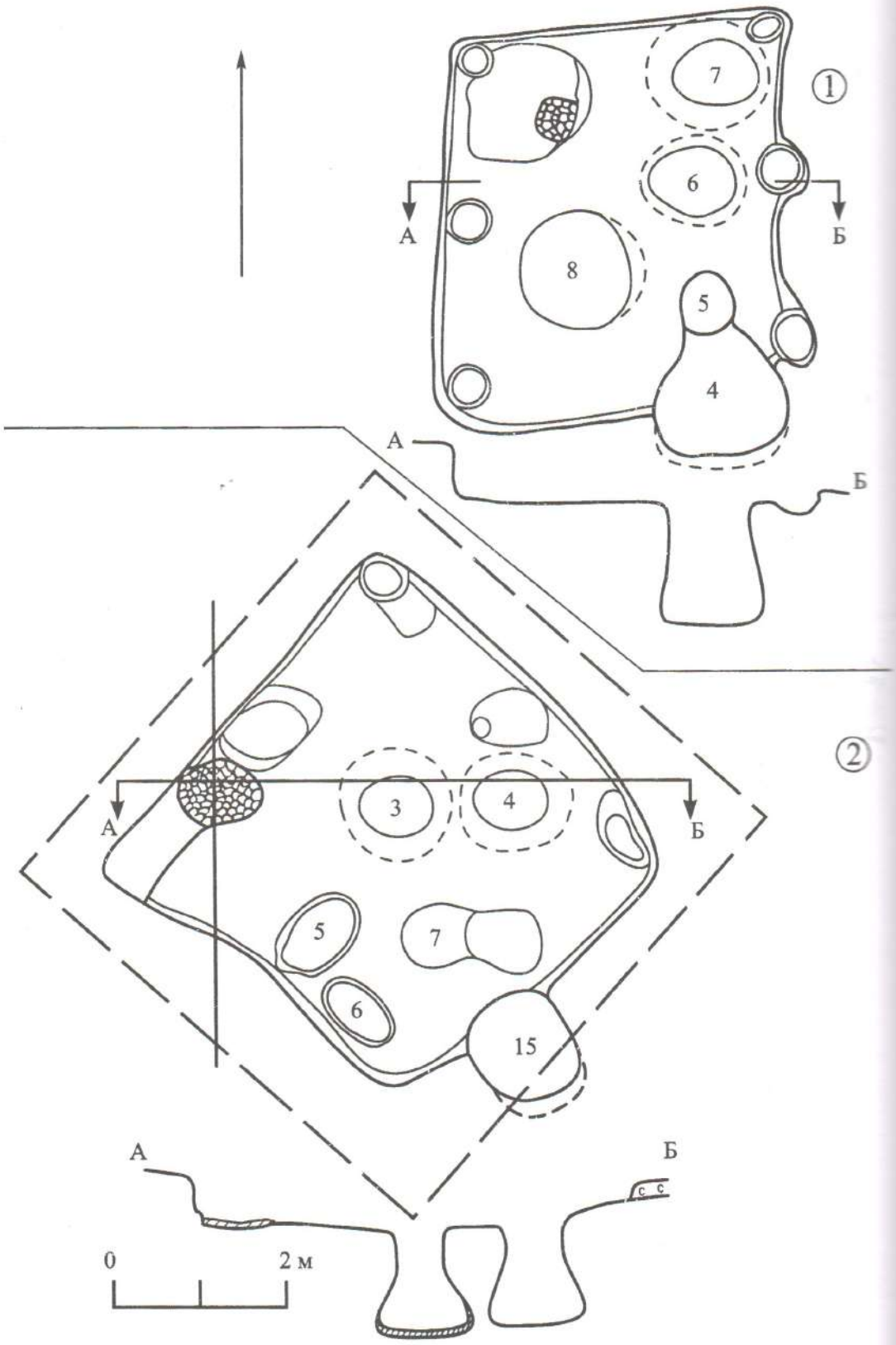


Рис. 36. Большое Горнальское городище. *1* - постройка 3; *2* - постройка 7

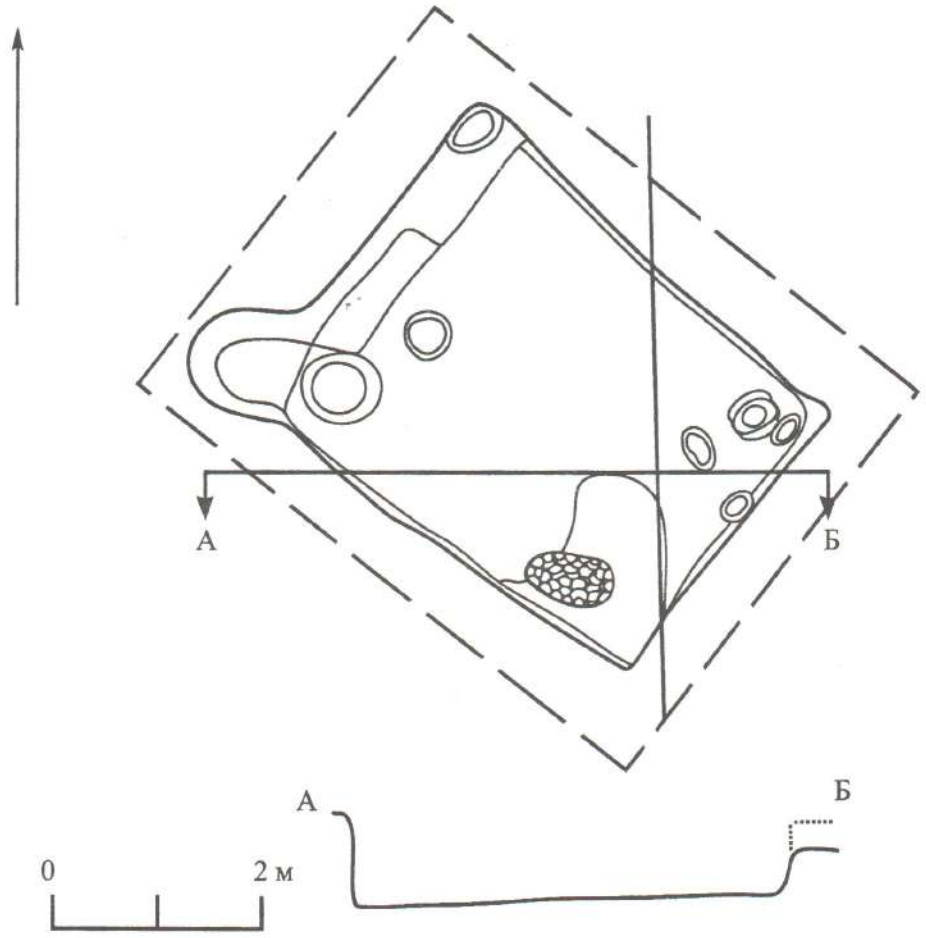


Рис. 37. Большое Горнальское городище. Постройка 2

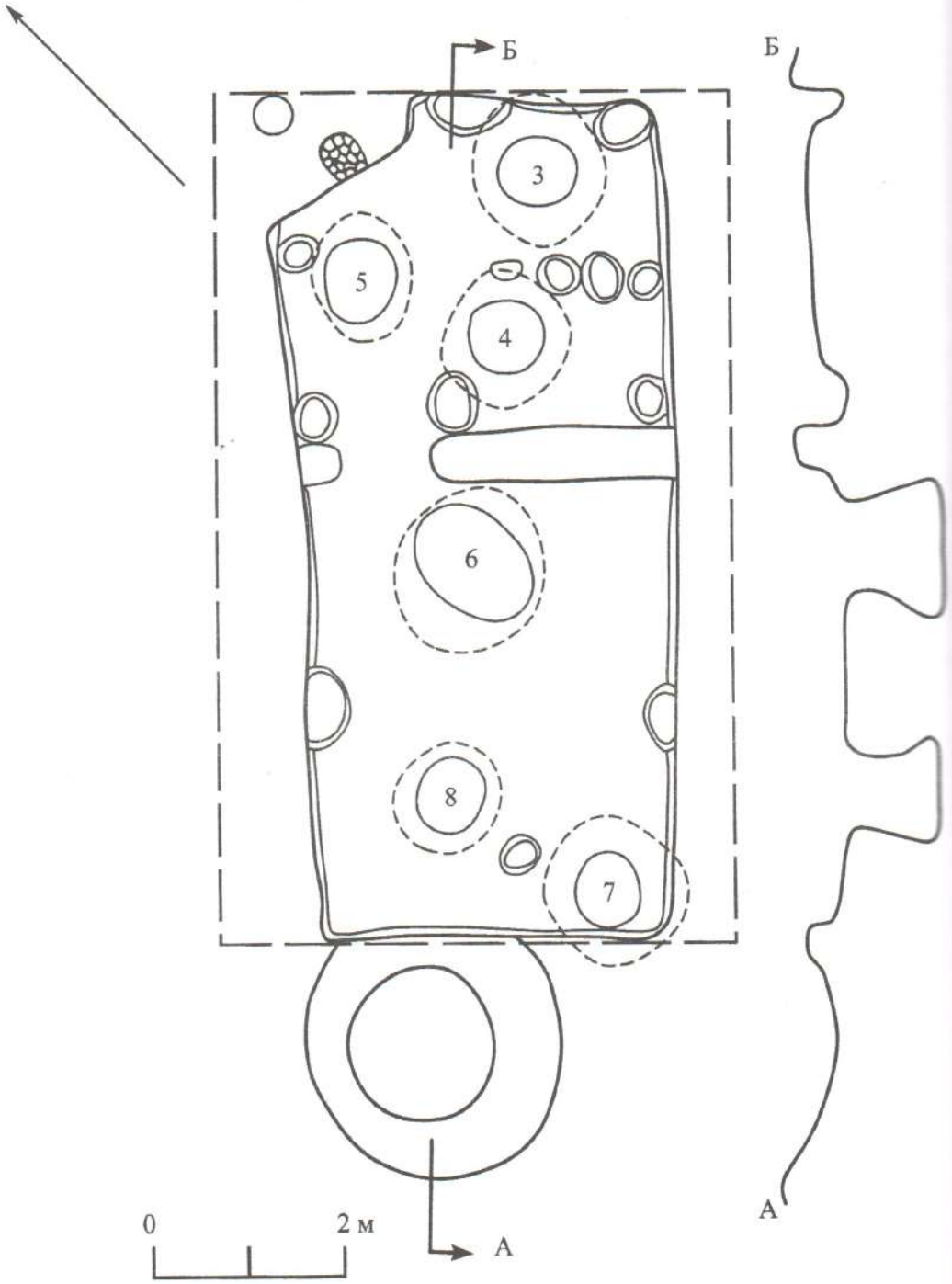


Рис. 38. Большое Горнальское городище. Постройка 1

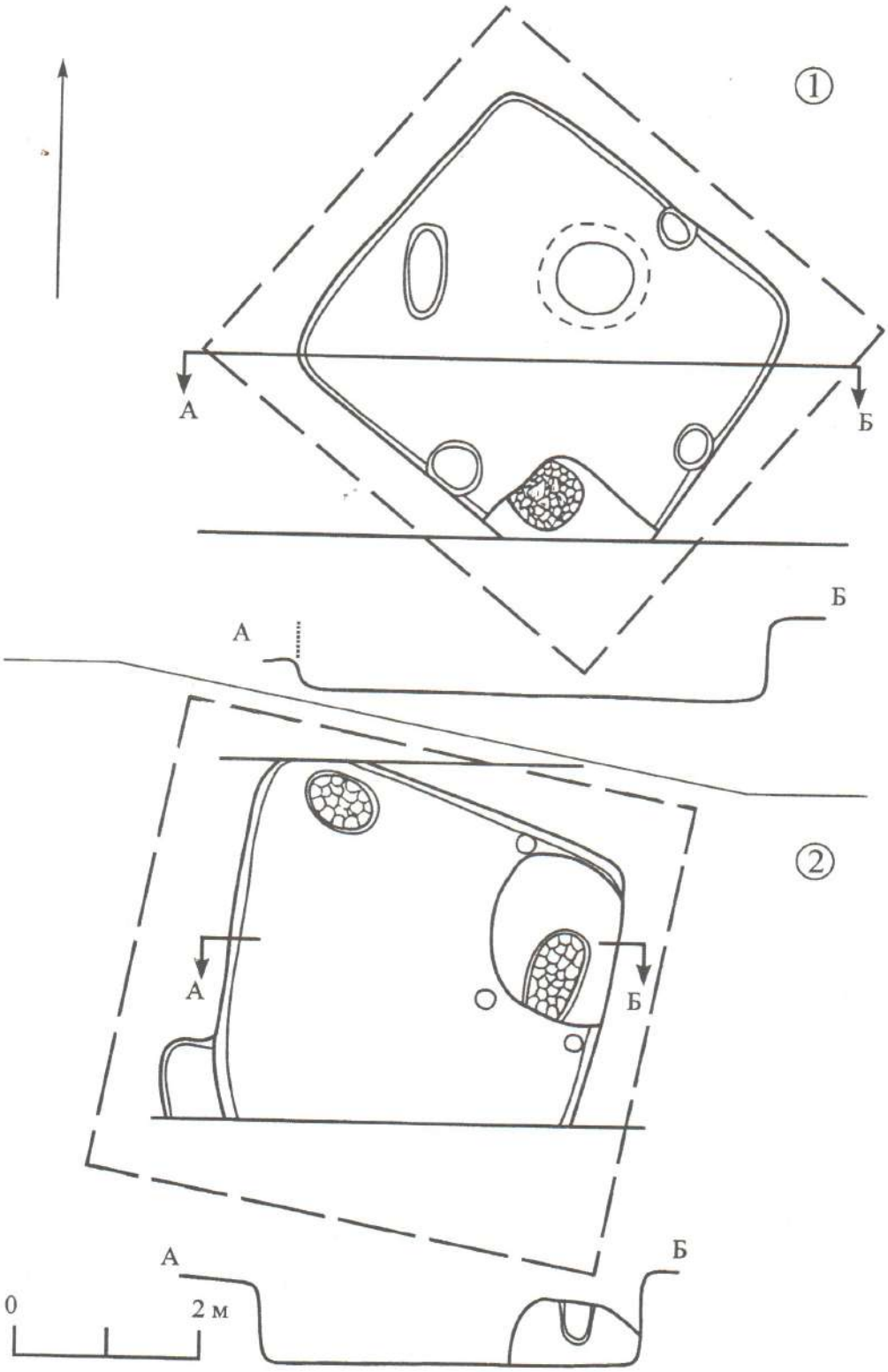
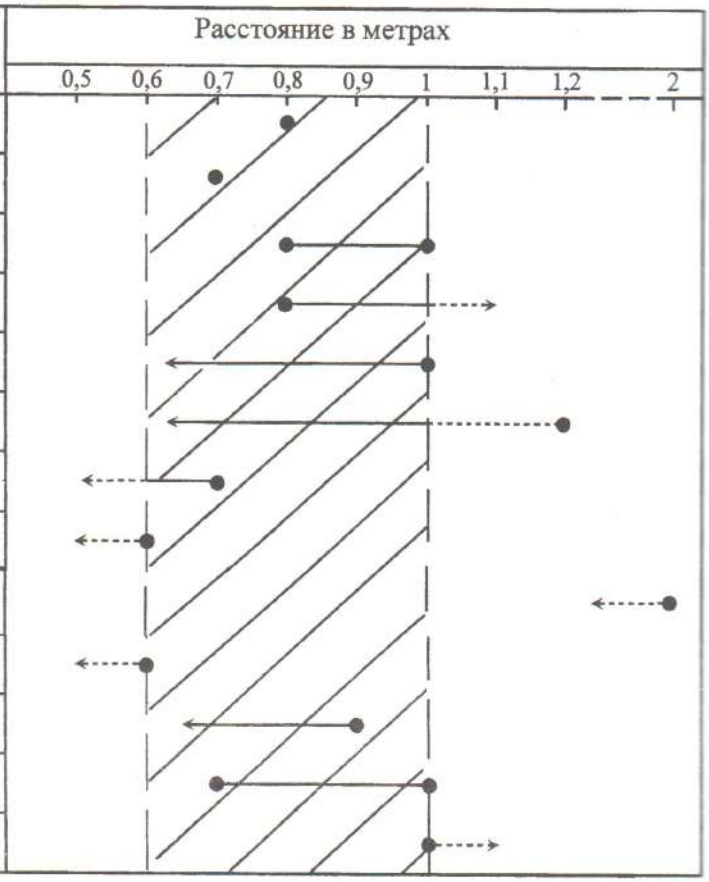


Рис. 39. Большое Горнальское городище. *1* - постройка 12; *2* - постройка 10

№ п/п	№ постройки
1	20, СВ сторона
2	15, ЮВ сторона
3	6
4	4
5	5
6	9
7	16, СВ сторона
8	16, ЮЗ сторона
9	16, СЗ сторона
10	7
11	2, ССВ сторона
12	2, ССЗ сторона
13	10



● 1 ←----● 2

Рис. 40. "Отступы" стен домов от котлованов на Большом Горнальском городище
Условные обозначения:
1 - абсолютные размеры; 2 - относительные размеры с указанием направления их увеличения или уменьшения

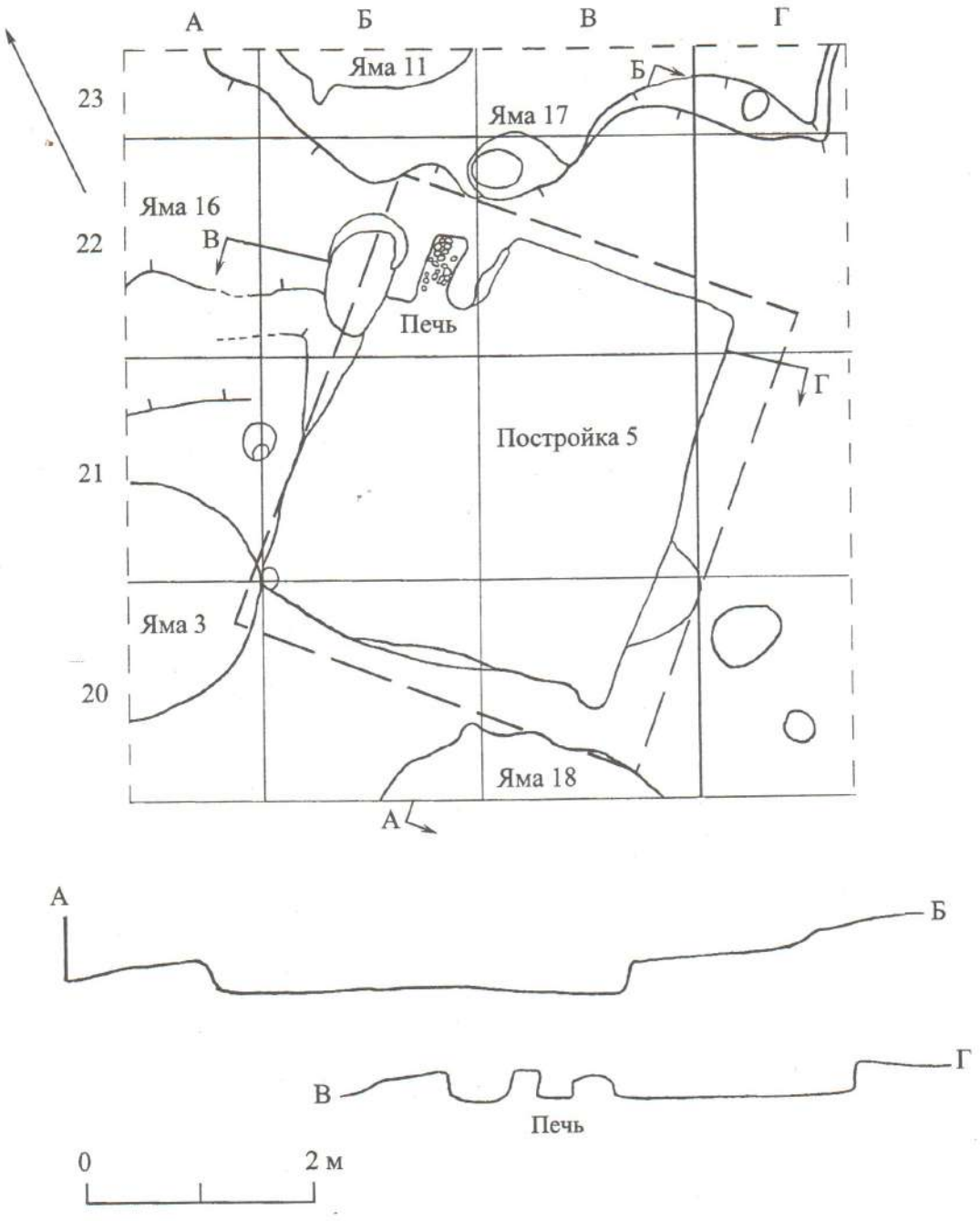
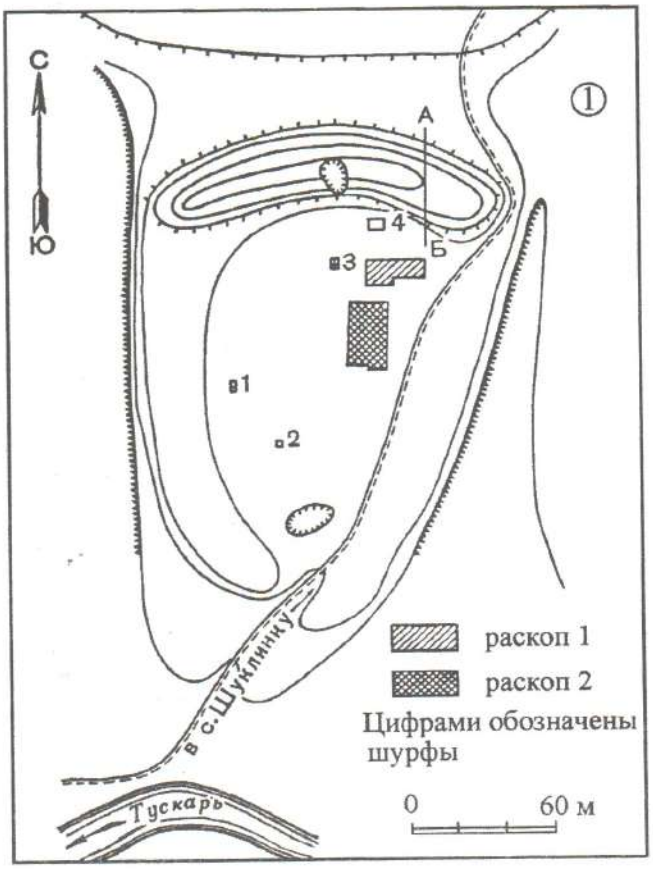


Рис. 41. Ратское городище. Раскоп 1. Постройка 5



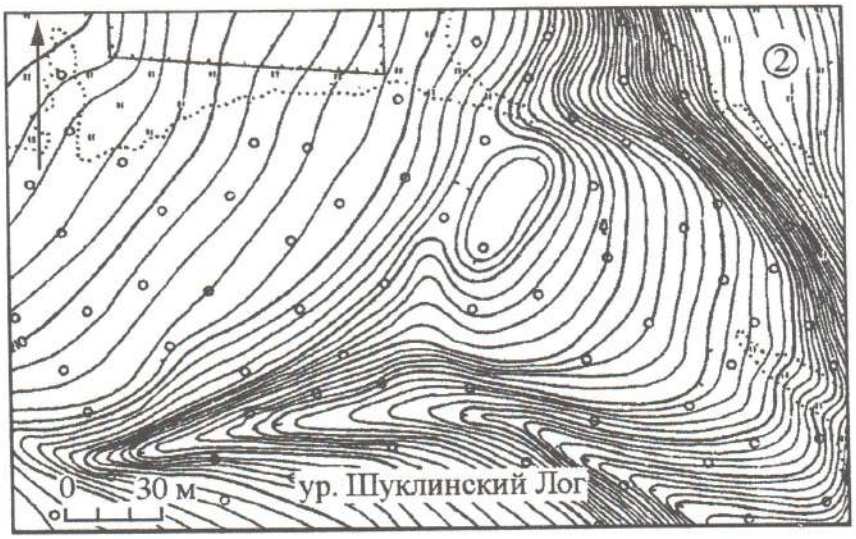


Рис. 42. Планы Шуклинского городища по публикации Т.Н. Никольской (1) и современной топосъемке (2)

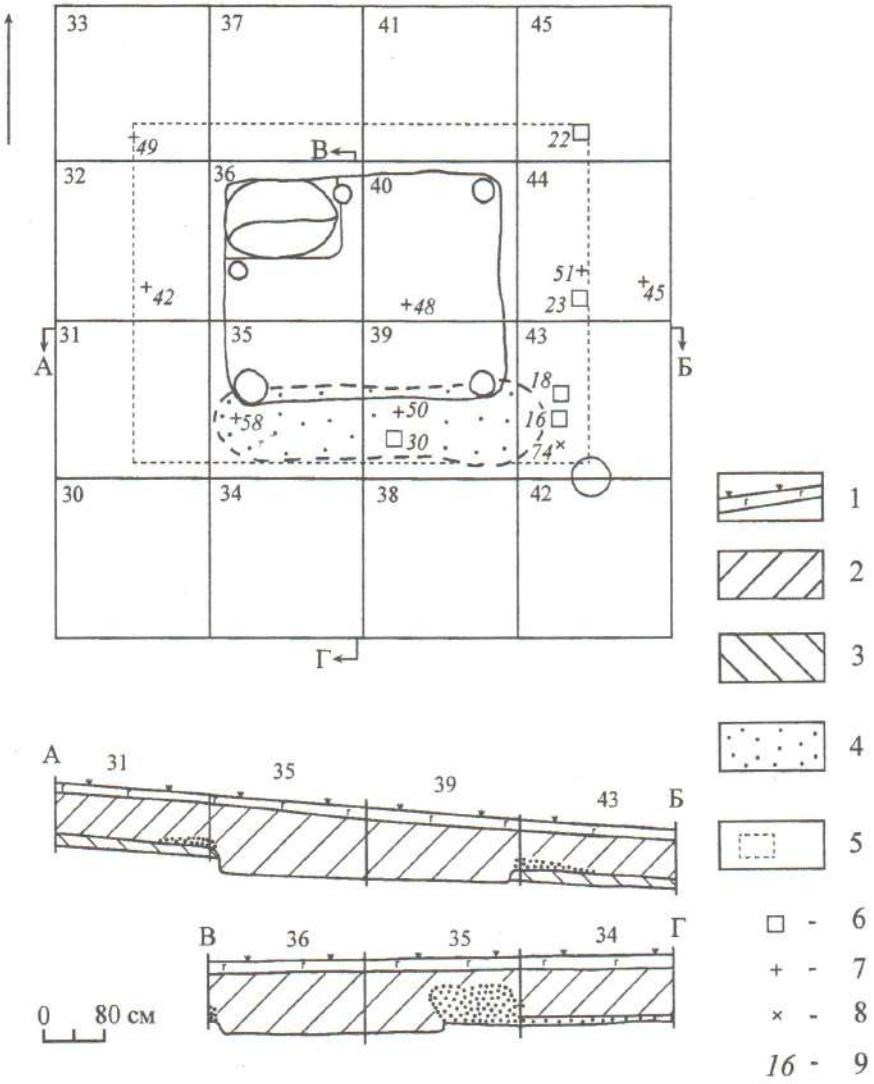


Рис. 43. Шуклинское городище. Землянка 1

Находки

16 - обломок изделия из глины; 18 - глиняный сосудик; 22 - бронзовый проволочный браслет; 23, 30, 45, 74 - пряслица из мергеля; 42 - каменное ядро; 48 - глиняный грузик; 49, 50, 59 - глиняные пряслица; 51 - обломок грузика из мергеля.

Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - культурный слой; 3 - предматерик; 4 - кусочки мергеля; 5 - границы сруба; 6 - находки пласта 2; 7- находки пласта 3; 8 - находки пласта 4; 9 - полевые номера находок

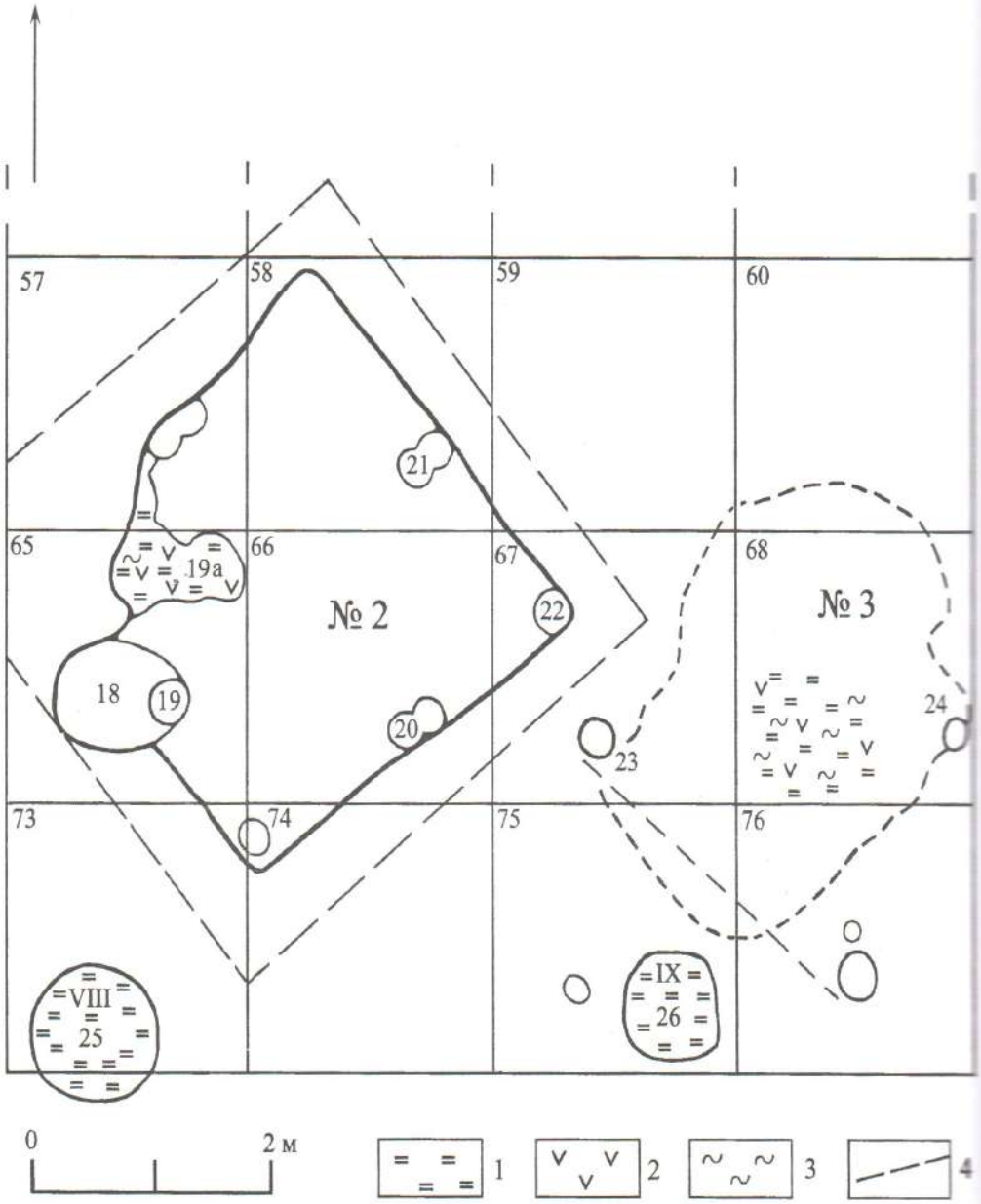


Рис. 44. Шуклинское городище. Землянки 2 и 3

Условные обозначения: 1 - обожженная глина; 2 - угли; 3 - зола; 4 - границы наземной части построек

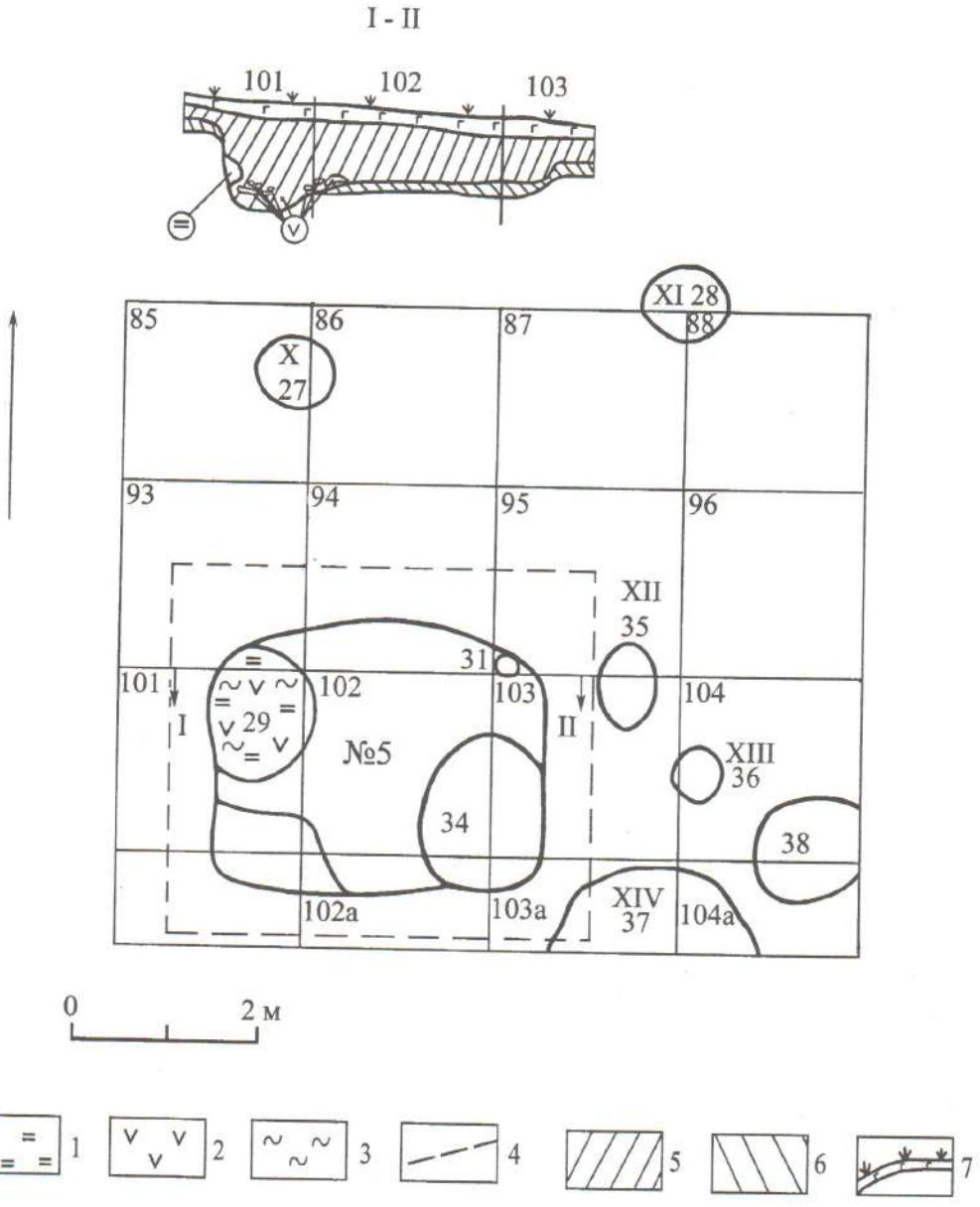


Рис. 45. Шуклинское городище. Землянка 5
Условные обозначения: 1 - обожженная глина; 2 - угли; 3 - зола; 4 - границы наземной части построек; 5 - темно-серый грунт; 6 - предматерик; 7 - дерн

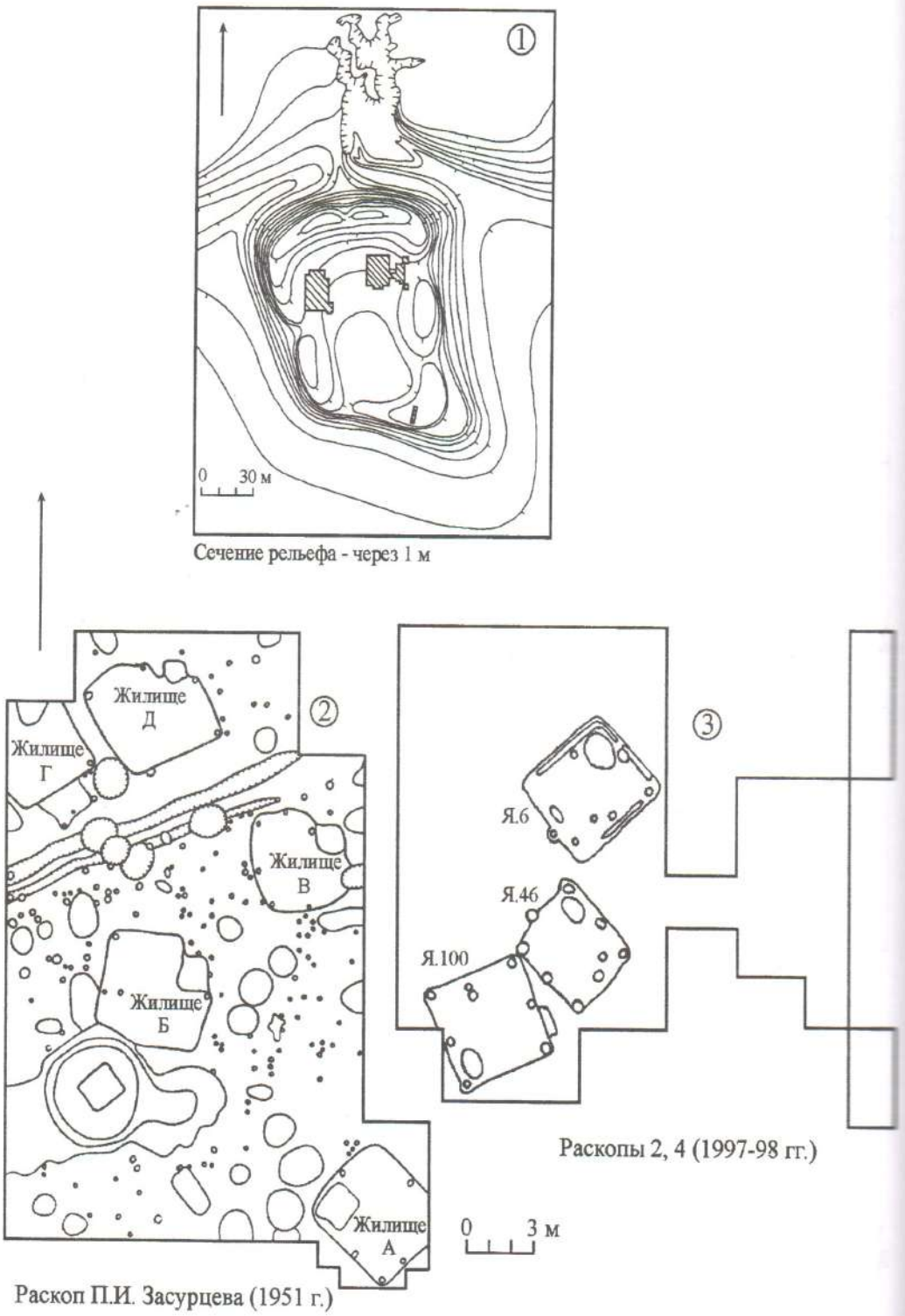


Рис. 46. Планы Липинского городища (1) и раскопов (2-3)

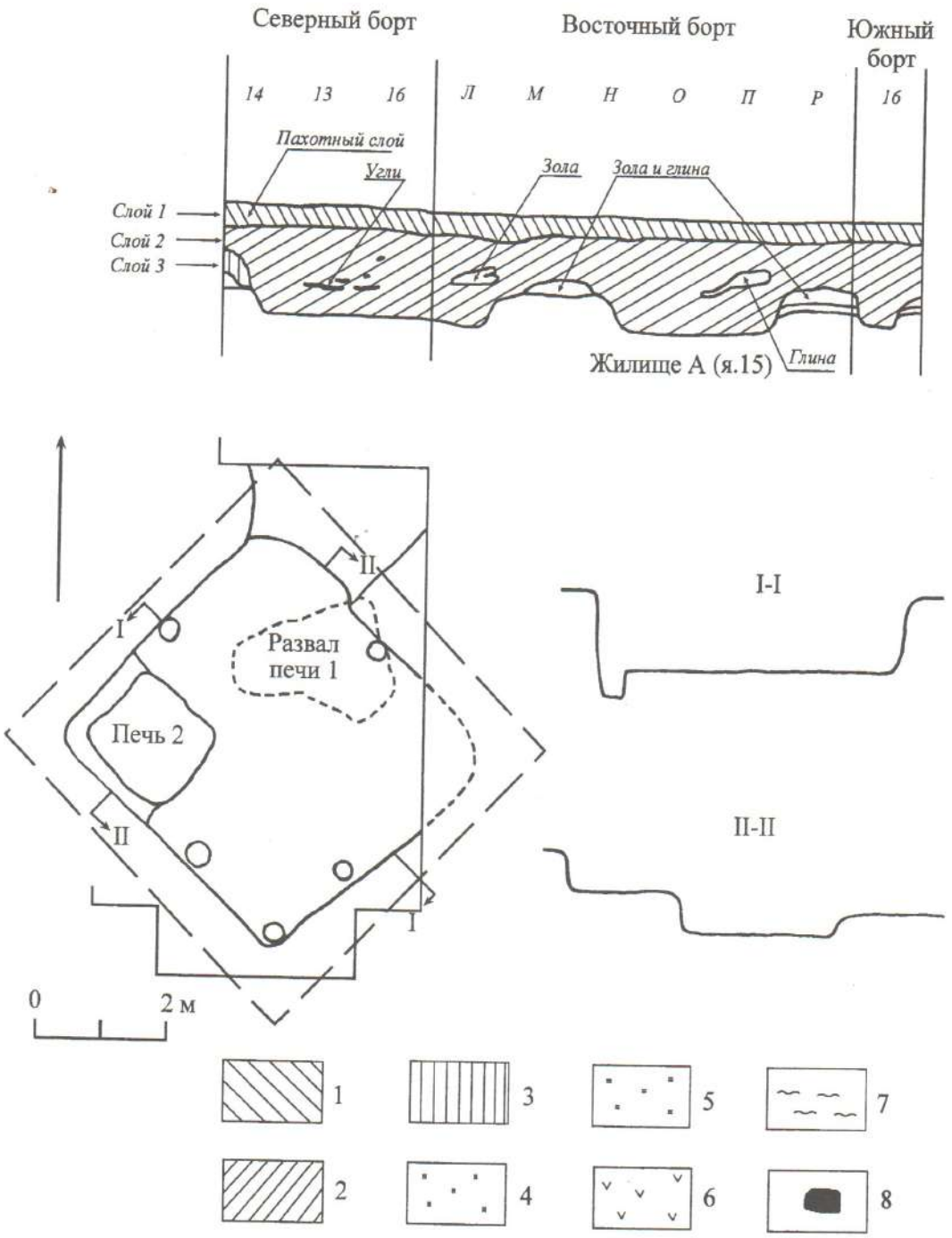


Рис. 47. Липинское городище. Жилище А (яма 15) (раскопки П.И. Засурцева)
Условные обозначения: 1 - темно-серый слой; 2 - светло-серый с золой слой; 3 - коричневый слой; 4 - черный слой; 5 - глина; 6 - зола; 7 - предматерик; 8 - песок

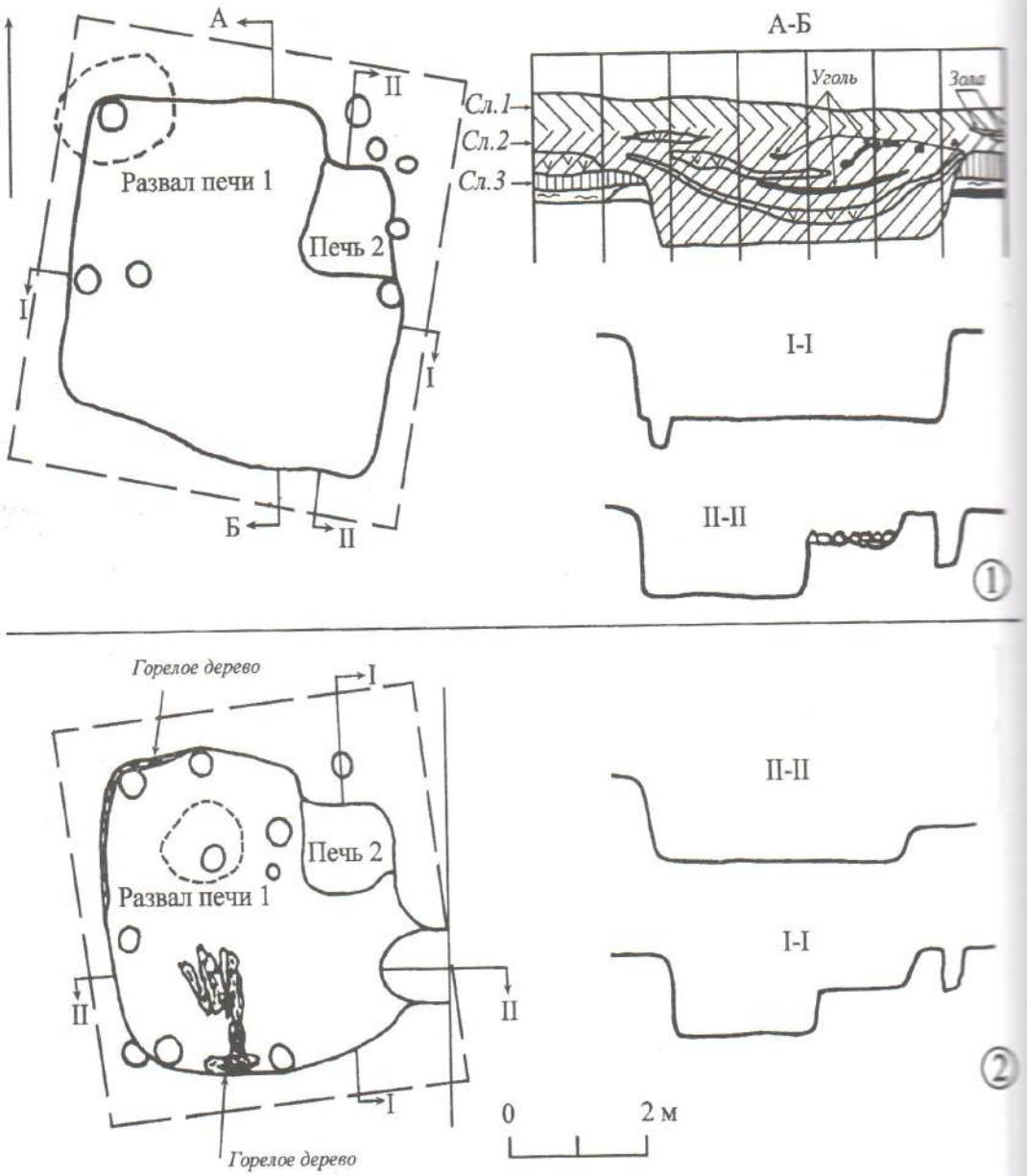


Рис. 48. Липинское городище. 1 - жилище Б (яма Б); 2 - жилище В (яма 32) (раскопки П.И. Засурцева)

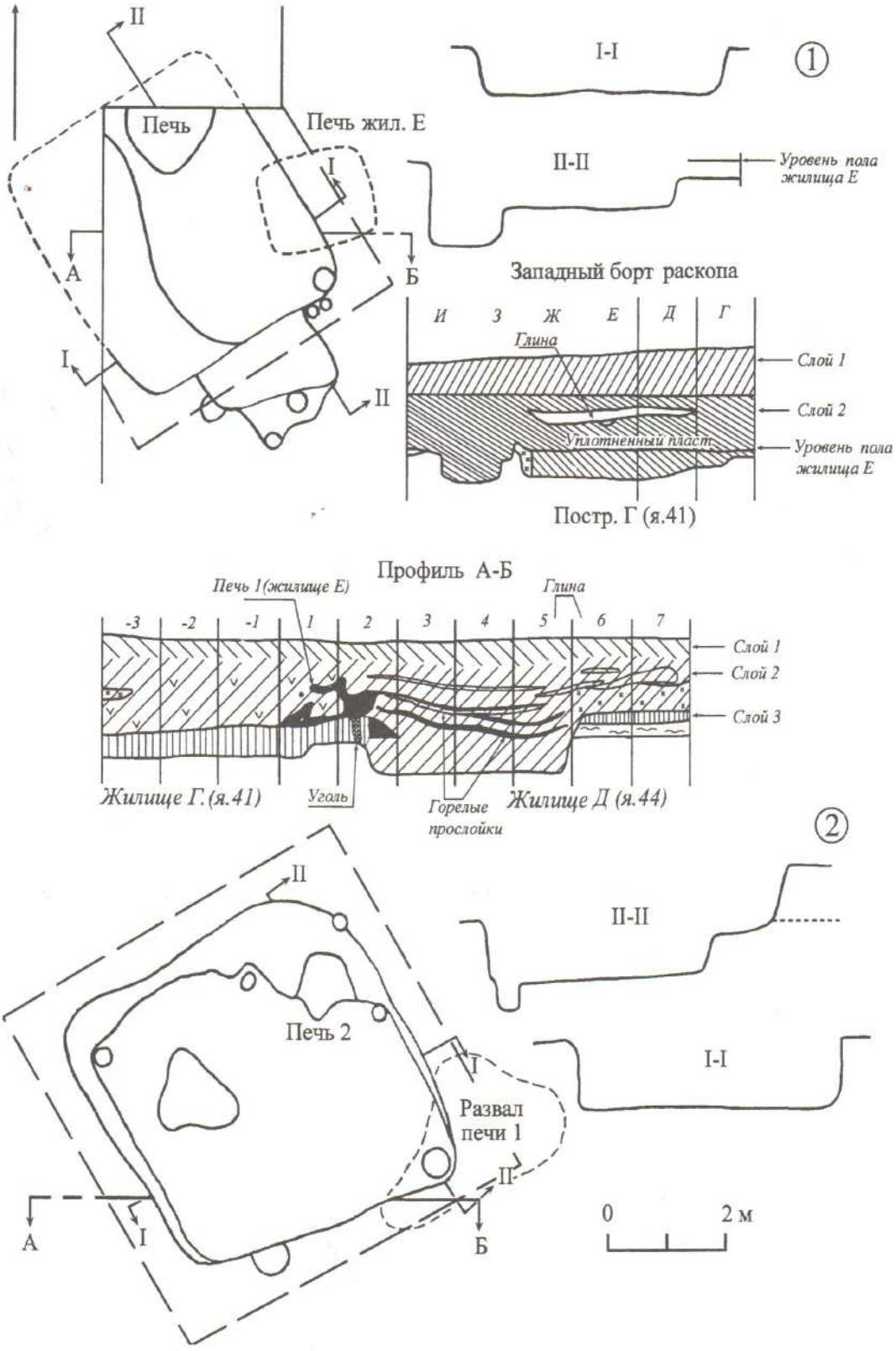
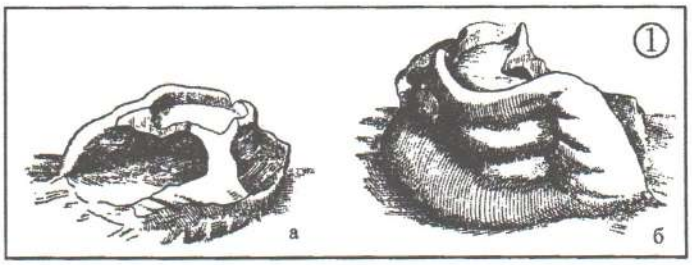


Рис. 49. Липинское городище. 1 - жилище Г (яма 41); 2 - жилище Д (яма 44) (раскопки П.И. Засурцева)



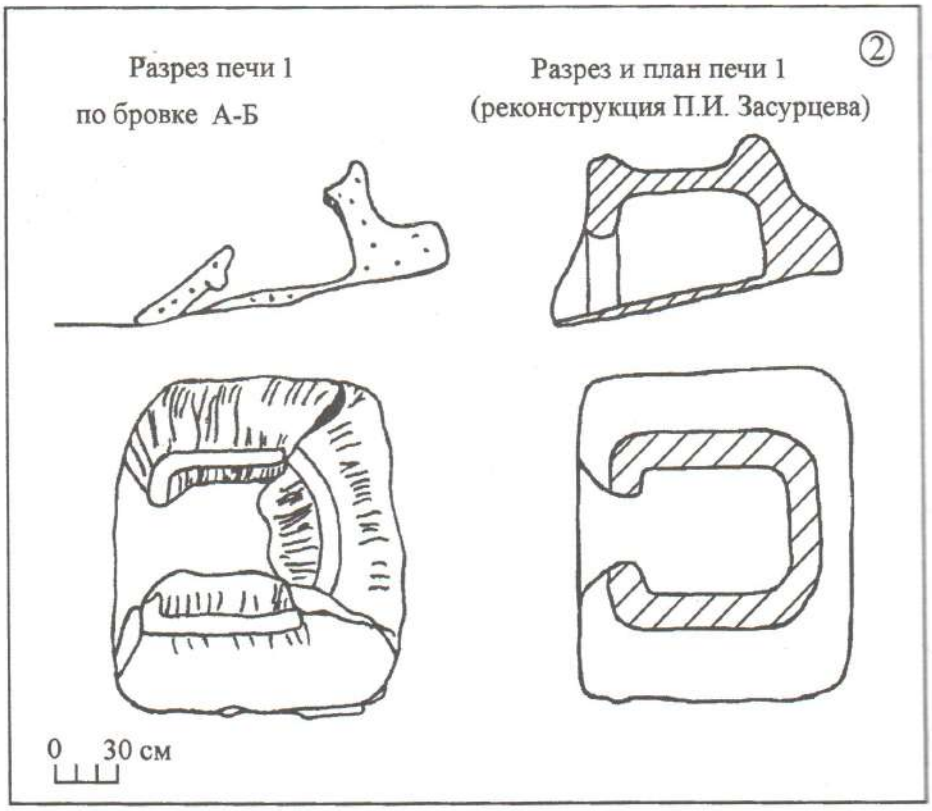
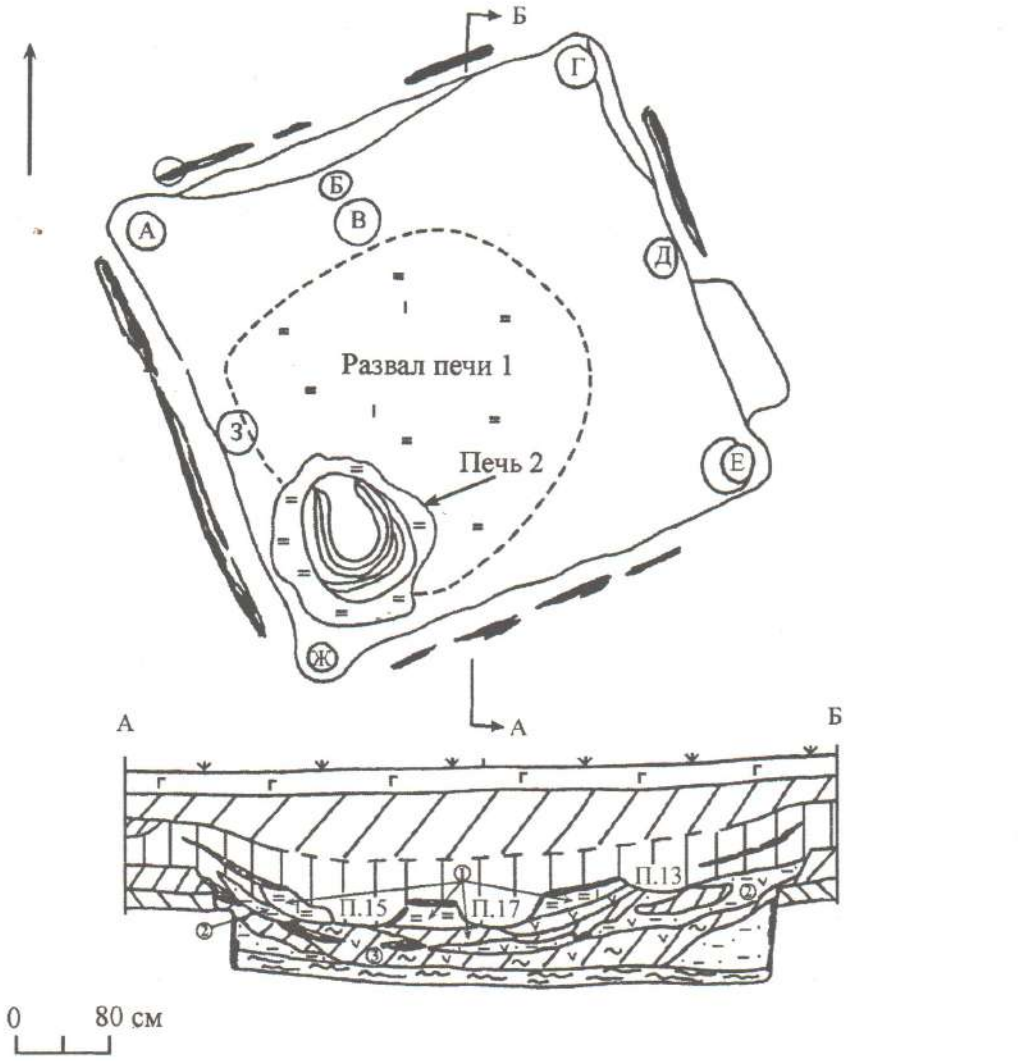


Рис. 50. Липинское городище. Печи из раскопок Р.Л. Розенфельдта (1; а - вид с юга; б - вид с северо-запада) и П.И. Засурцева (2)



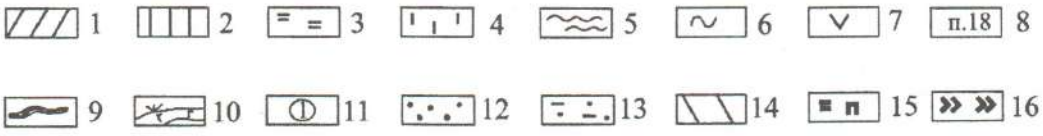


Рис. 51. Липинское городище. Яма 100 (раскопки автора)

Условные обозначения: 1 - темно-серый слой; 2 - серый слой; 3 - обожженная глина; 4 - белая глина; 5 - слоистость; 6 - зола; 7 - уголь; 8 - погребение; 9 - горелый слой; 10 - дерн; 11 - номер слоя; 12 - песок; 13 - супесь; 14 - предматерик; 15 - забутовка из обломков печных блоков

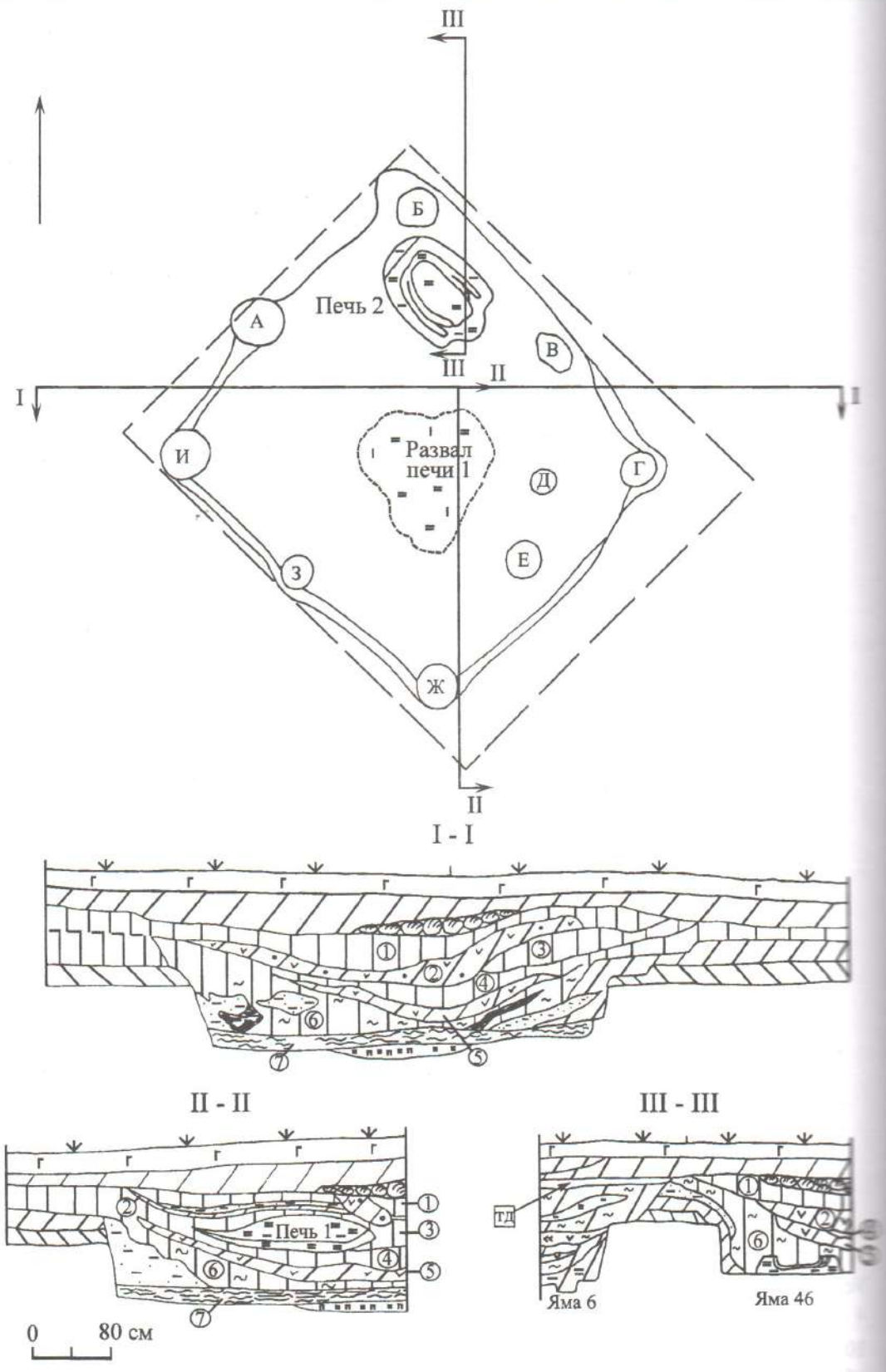


Рис. 52. Липинское городище. Яма 46 (раскопки автора)

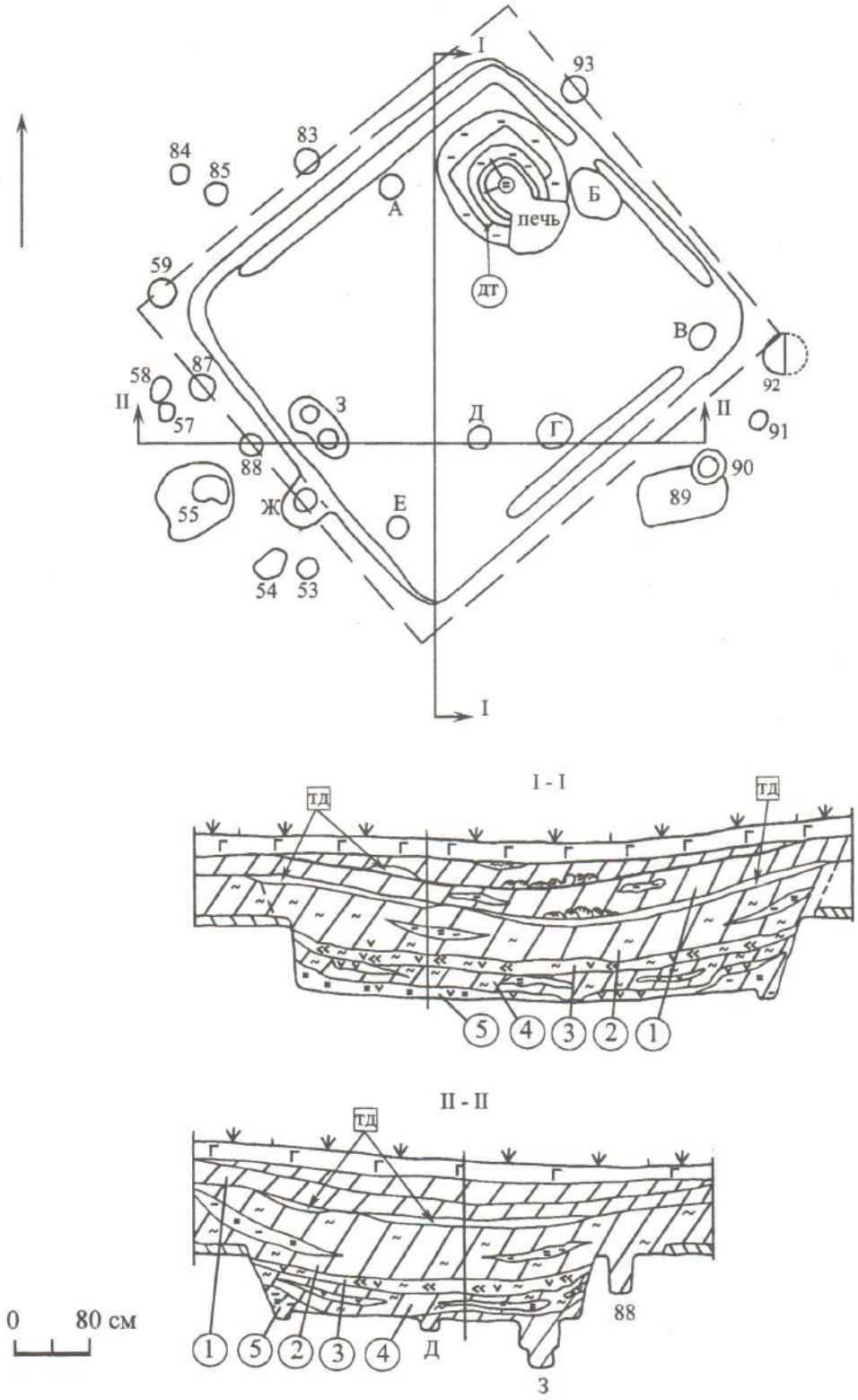


Рис. 53. Липинское городище. Яма 6 (раскопки автора)

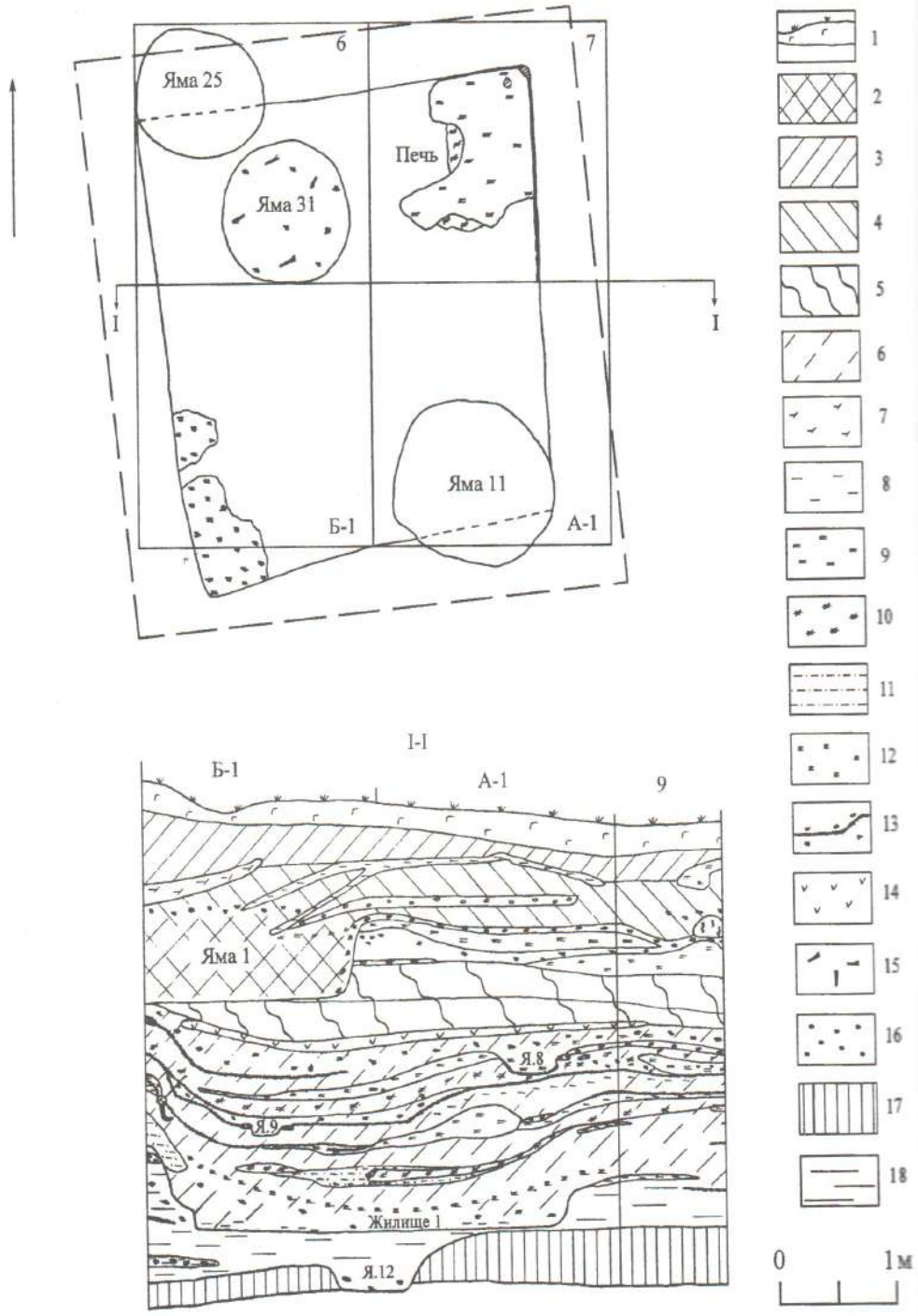


Рис. 54. Гора Ивана Рыльского. Жилище 1:

1- дерн с гумусом; 2 - смешанное заполнение ям; 3 - серый плотный гумусированный слой; 4 - серый рыхлый гумусированный слой; 5 - серый и серо-коричневый суглинок; 6 - черный плотный суглинок; 7 - розоватый суглинок; 8 - светлая глина; 9 - обожженная глина; 10 - черно-желтый глинистый пестроцвет; 11 - серо-зеленый суглинок; 12 - щепа; 13 - уголь; 14 - коричневый органический тлен; 15 - кости; 16 - гравий; 17 - предматрик; 18 - серо-черная глина

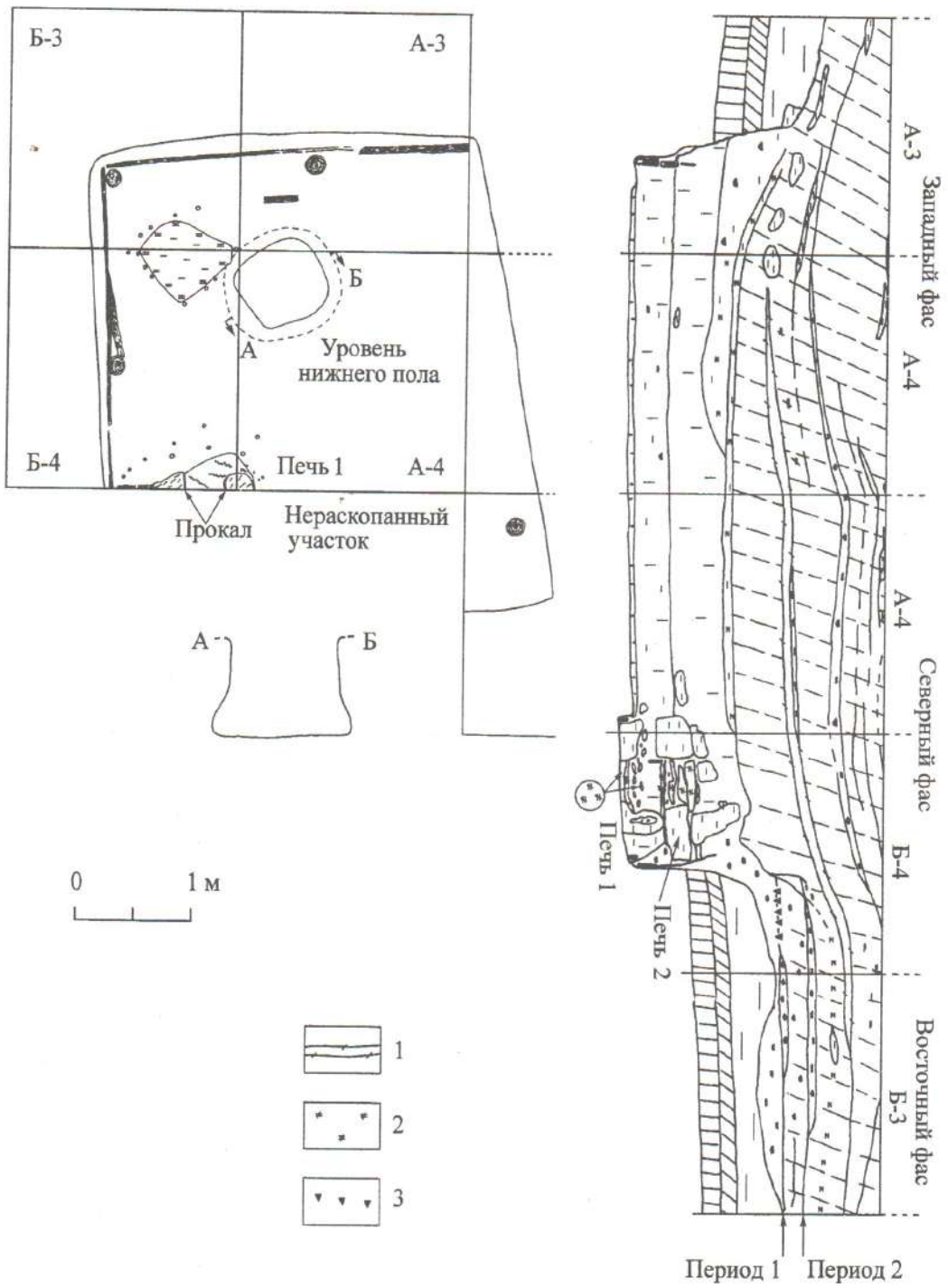


Рис. 55. Гора Ивана Рыльского. Жилище 2

Добавления и изменения к условным обозначениям на рис. 54: 1 - древесный тлен; 2 - прокаленная глина; 3 - лощеная керамика

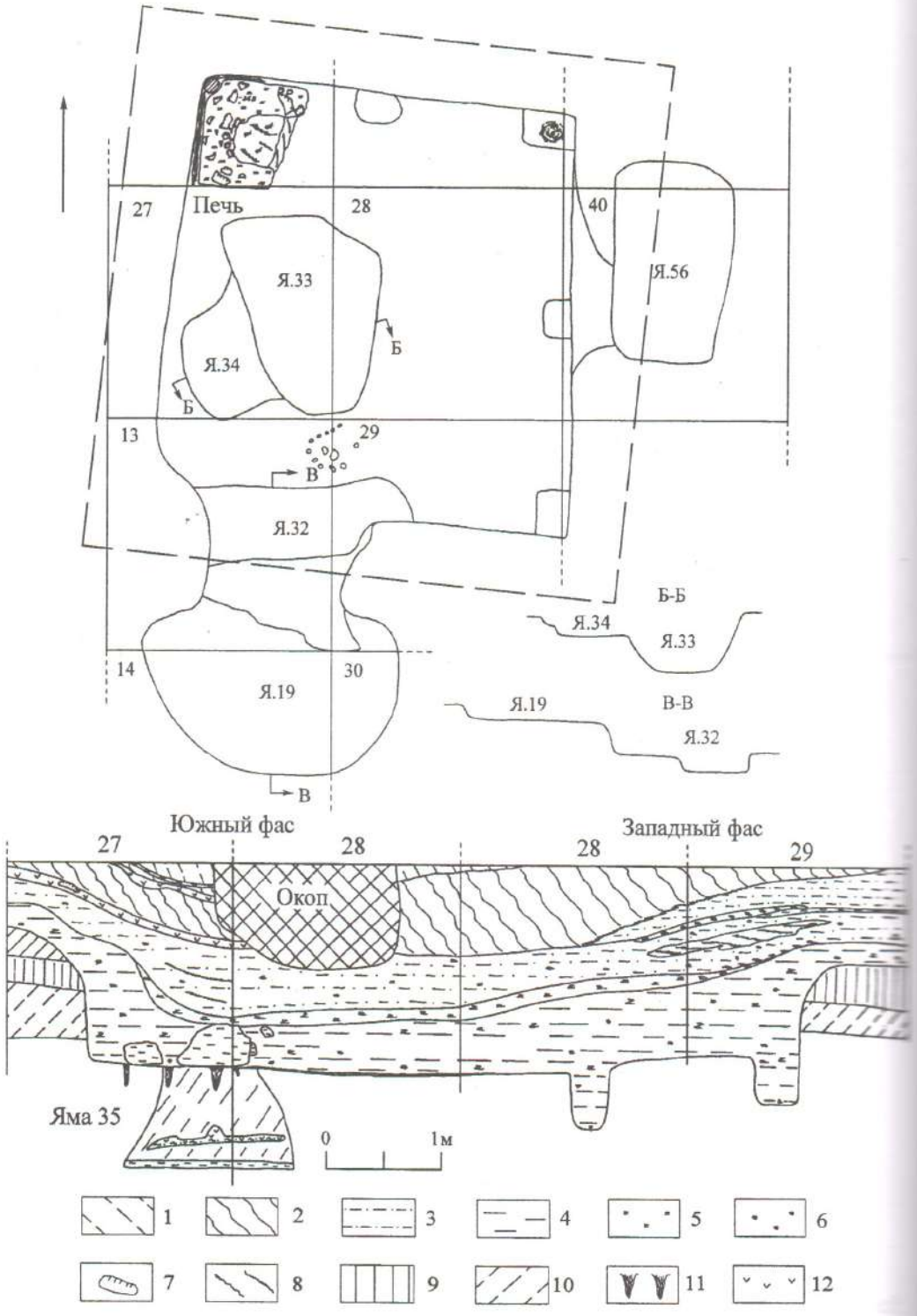
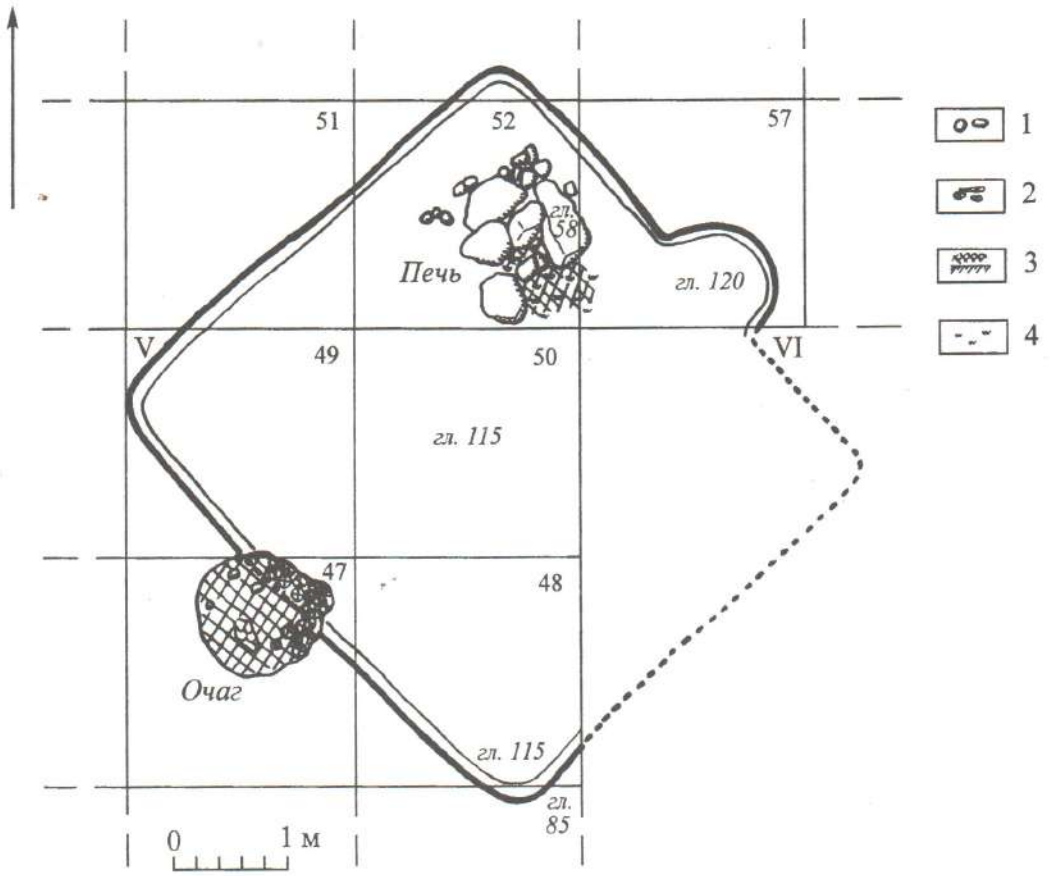


Рис. 56. Гора Ивана Рыльского. Жилище 3:

1 - серый рыхлый суглинок; 2 - серо-коричневый суглинок; 3 - темно-серый суглинок; 4 - глина; 5 - щепа; 6 - уголь; 7 - камень; 8 - зола; 9 - гумус; 10 - светло-коричневая пылеватая супесь; 11 - древесный тлен; 12 - коричневая органика



Разрез землянки 2 по линии V-VI

План и разрезы печи

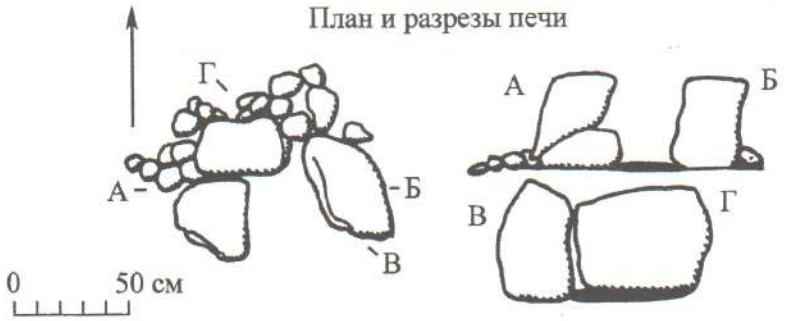


Рис. 57. Воробьевка 2-я, селище 2. Землянка 2:
1 - камни; 2 - обожженная глиняная обиазка; 3 - прожженная земля; 4 - угли

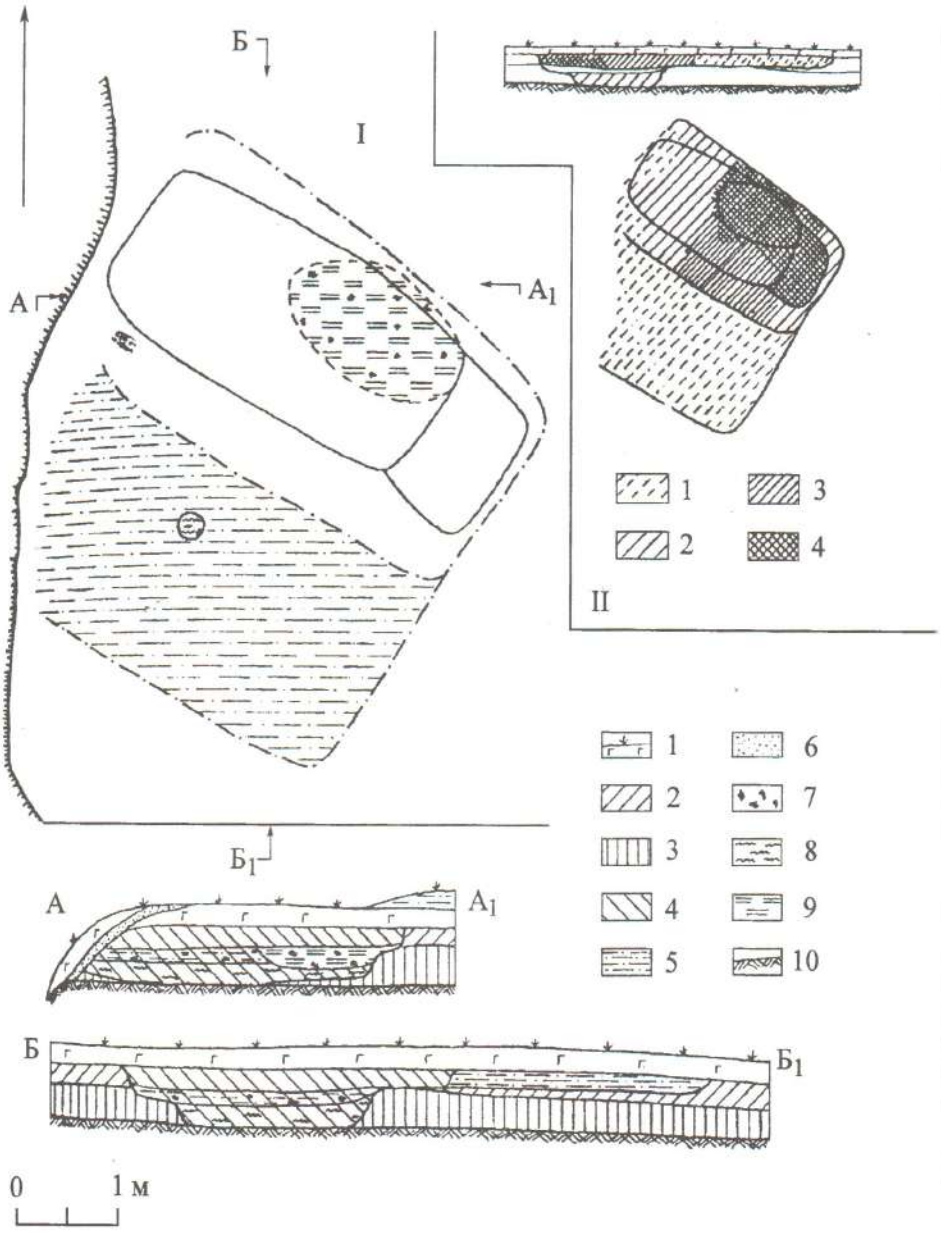


Рис. 58. Тазово, поселение 4. Жилище 1

I - план и профили:

1 - дерн; 2 - культурный слой; 3 - диффузионный слой (предматерик); 4 - темно-серый гумусированный суглинок; 5 - желтый суглинок; 6 - супесь; 7 - уголь; 8 - зола; 9 - обожженая глина; 10 - материк

II - распределение керамики в заполнении жилища:

1 - менее 0,1 фрагмента на 1 куб. дм слоя; 2 - 0,1-0,2 фрагмента на 1 куб. дм слоя; 3 - 0,2-0,3 фрагмента на 1 куб. дм слоя; 4 - более 0,3 фрагмента на 1 куб. дм слоя

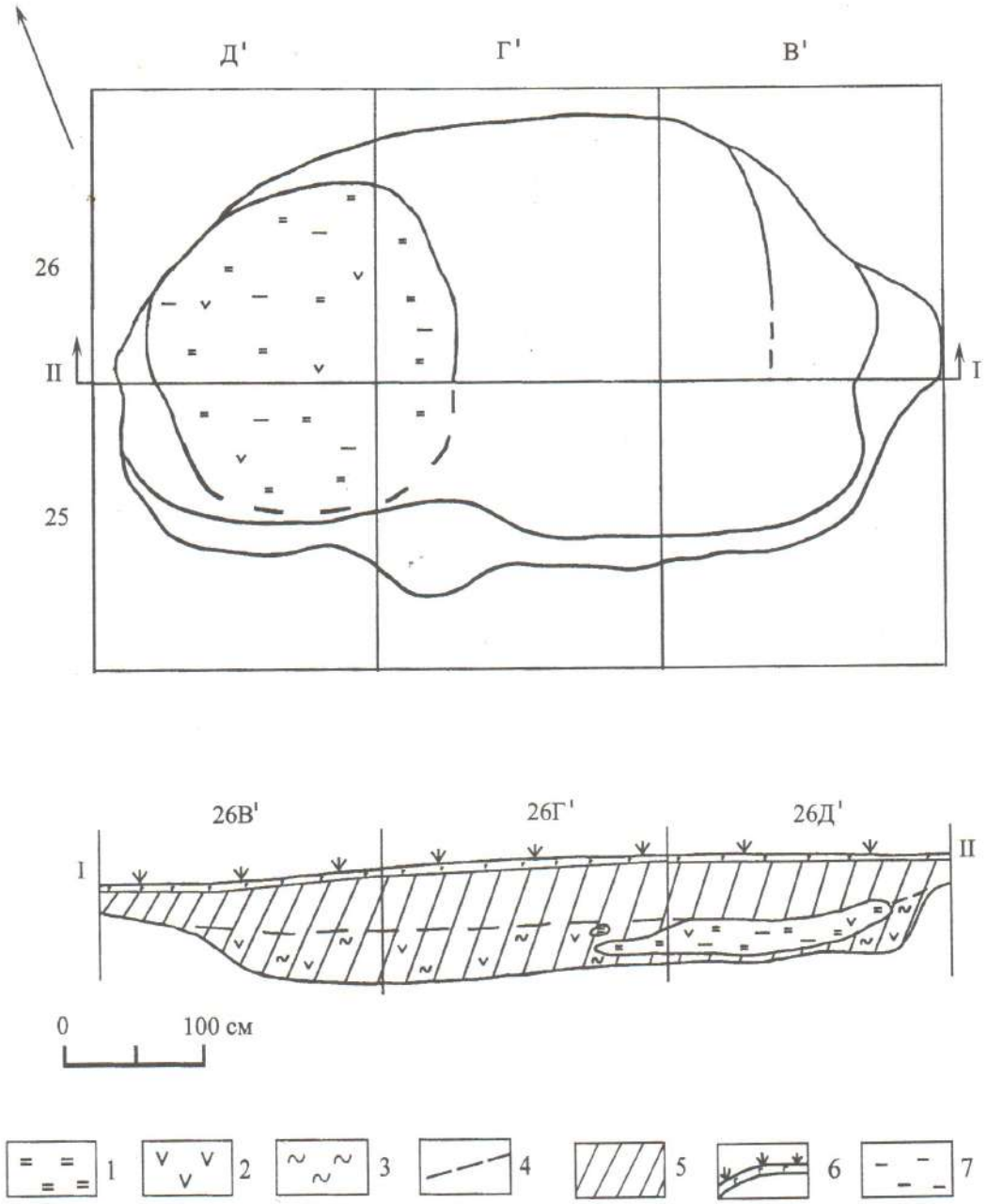


Рис. 59. Ратское городище. Постройка 1:
1 - обожженная глина; 2 - угли; 3 - зола; 4 - границы между слоями ; 5 - темно-серый грунт; 6 - дерн; 7 - белая глина

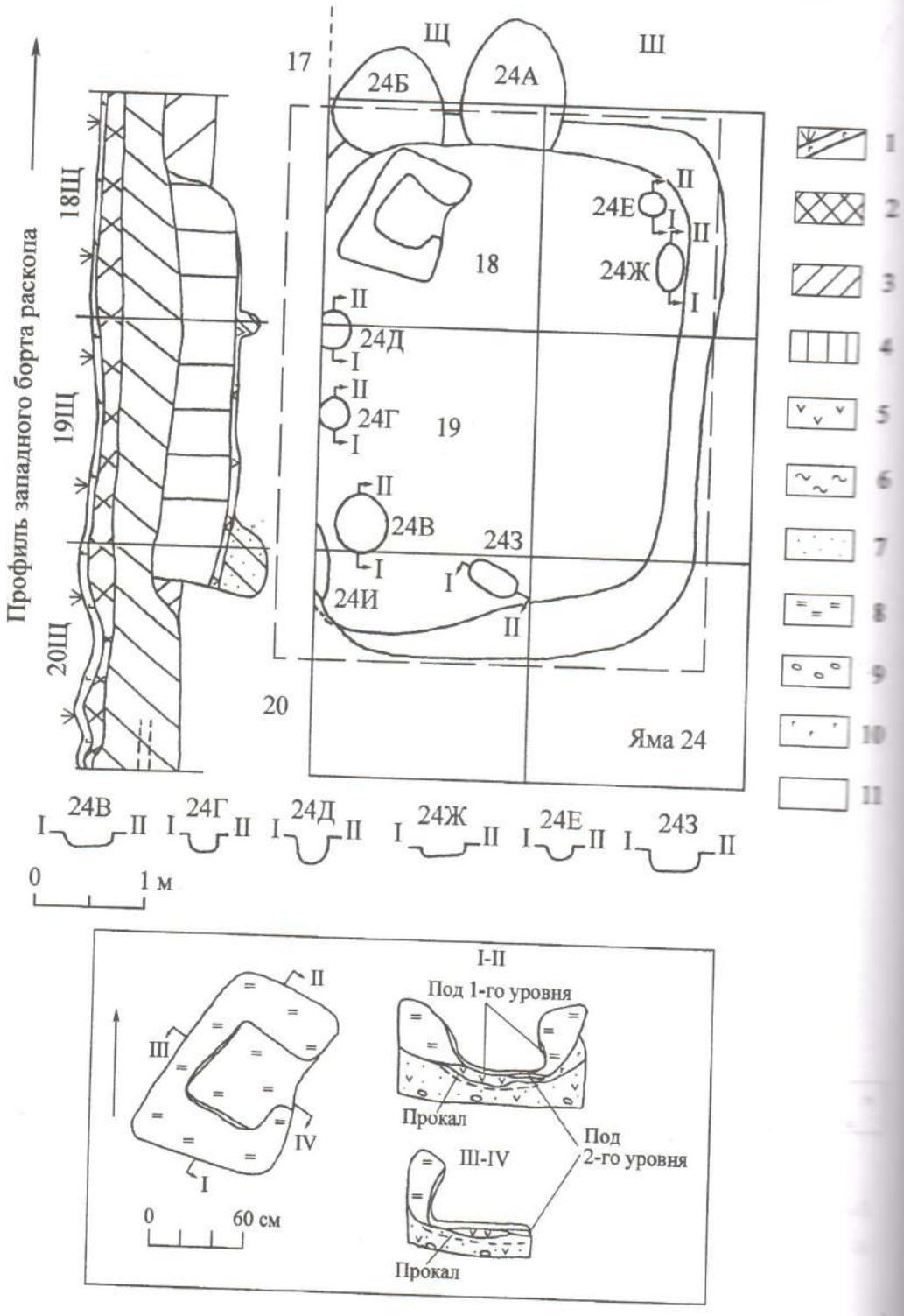


Рис. 60. Хут. Студеновский, селище 3. Постройка (яма 24):
1 - дерн; 2 - слой пахоты; 3 - темно-серый грунт; 4 - серый грунт; 5 - угли; 6 - зола; 7 - песок; 8 - обожженная глина; 9 - кусочки глины; 10 - гумусированные включения; 11 - диффузионный слой

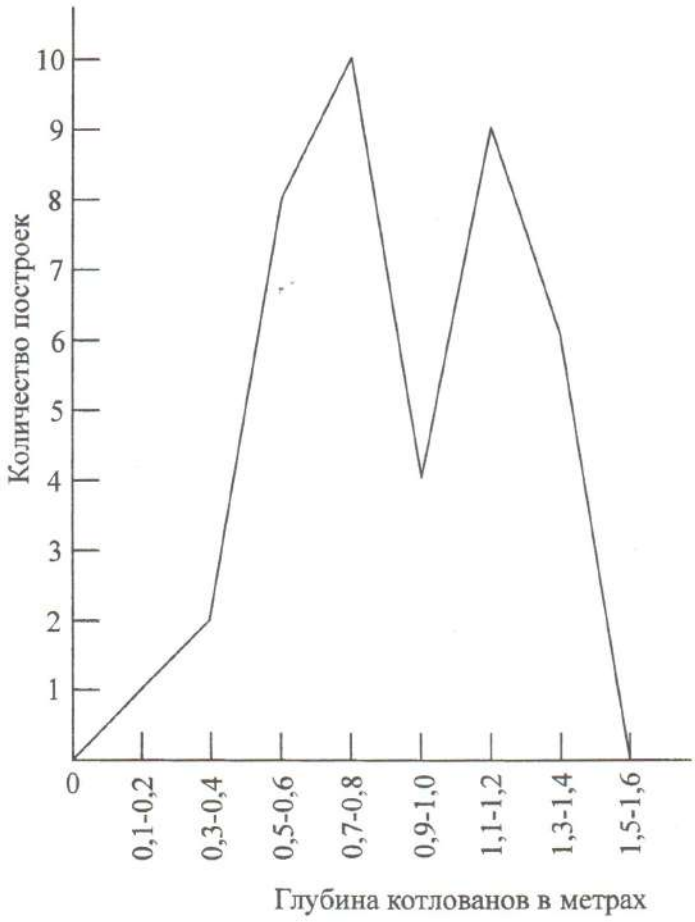


Рис. 61. График глубин котлованов построек роменского времени

№ п/п	Постройка	Сторона котлована
1	Ратское, г., п.5	СВ
2	„——„——„	ЮВ
3	Шуклинка, г., земл. 1	З
4	„——„——„	В
5	„——„——„	Ю
6	„——„——„	С
7	Липино, г., п.Б	СВ
8	Липино, г., я.100	СВ
9	„——„——„	СЗ
10	„——„——„	ЮВ
11	„——„——„	ЮЗ
12	Липино, г., я.46	СВ
13	„——„——„	СЗ
14	Липино, г., я.6	СВ
15	„——„——„	СЗ
16	„——„——„	ЮЗ
17	Гора Ивана Рыльского, г., ж. 2 (I)	С

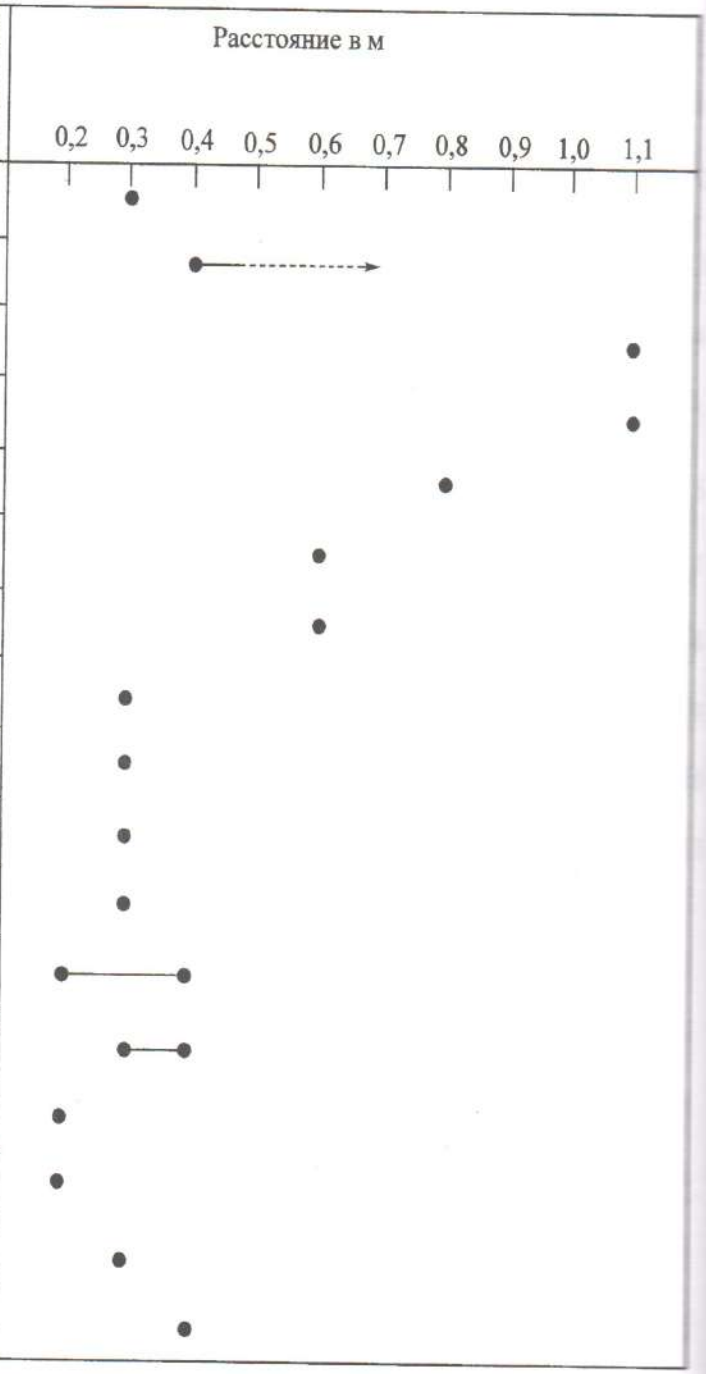
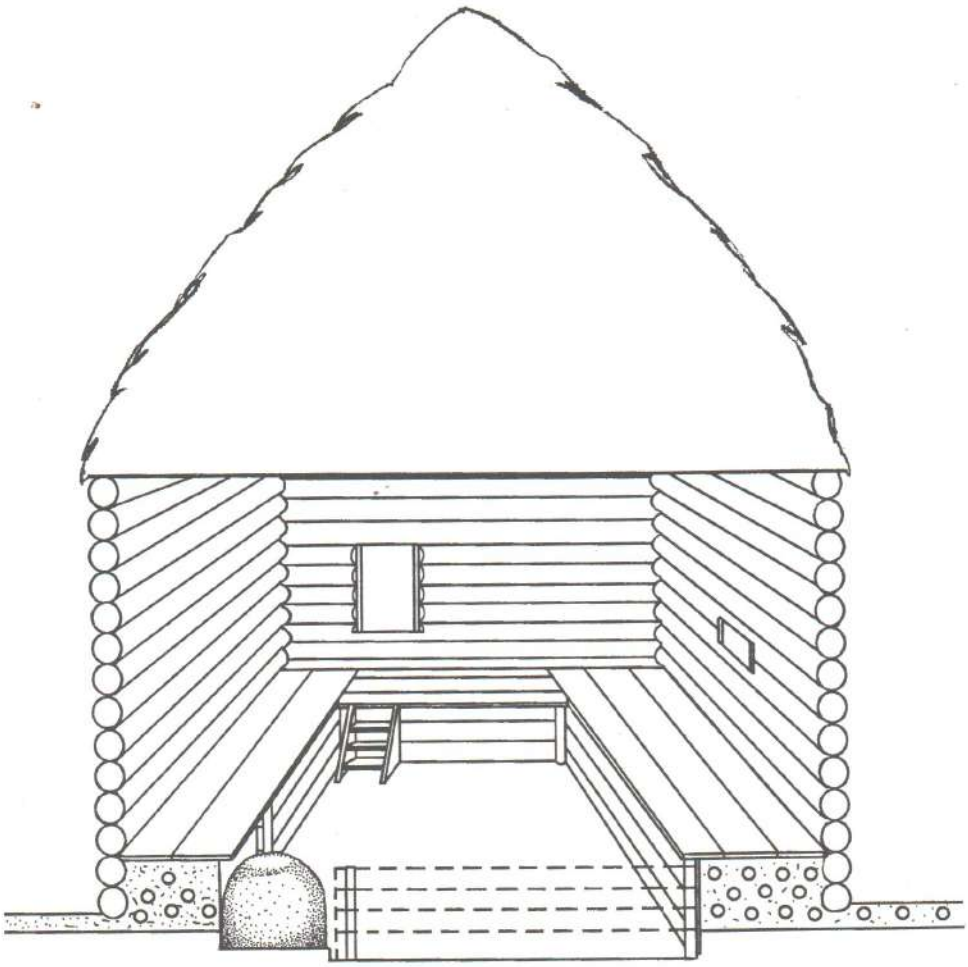


Рис. 62. Отступы стен от границ котлованов в постройках IX-X вв.



1

Рис. 63. Реконструкция жилой постройки Шуклинского городища
Землянка 1, вид с запада.
Условные обозначения: 1 - мергель в грунте

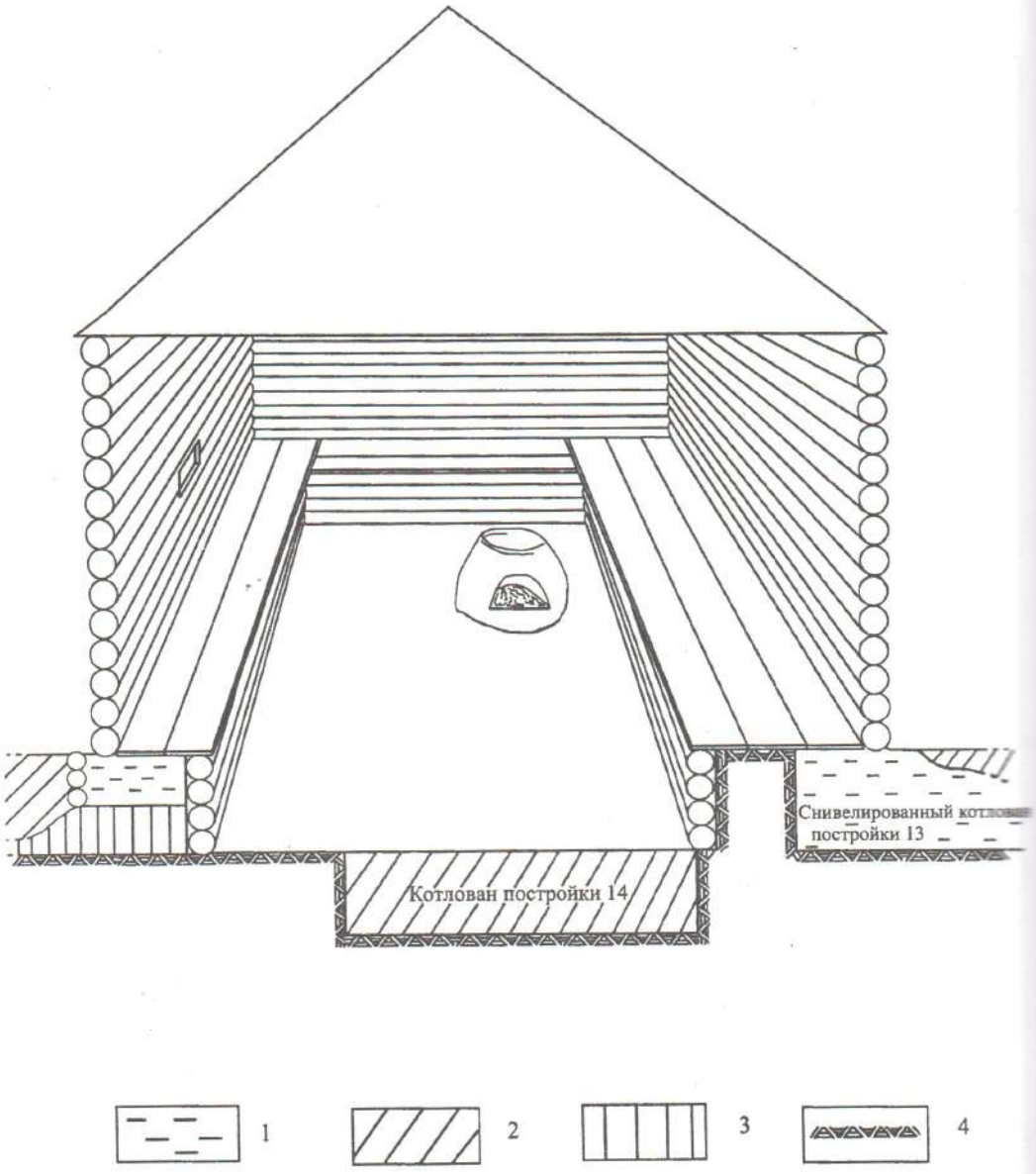


Рис. 64. Большое Горнальское городище. Реконструкция постройки 16
Вид с северо-востока.
1- материковая глина; 2-культурный слой роменского времени;
3-культурный слой скифского времени; 4-материк

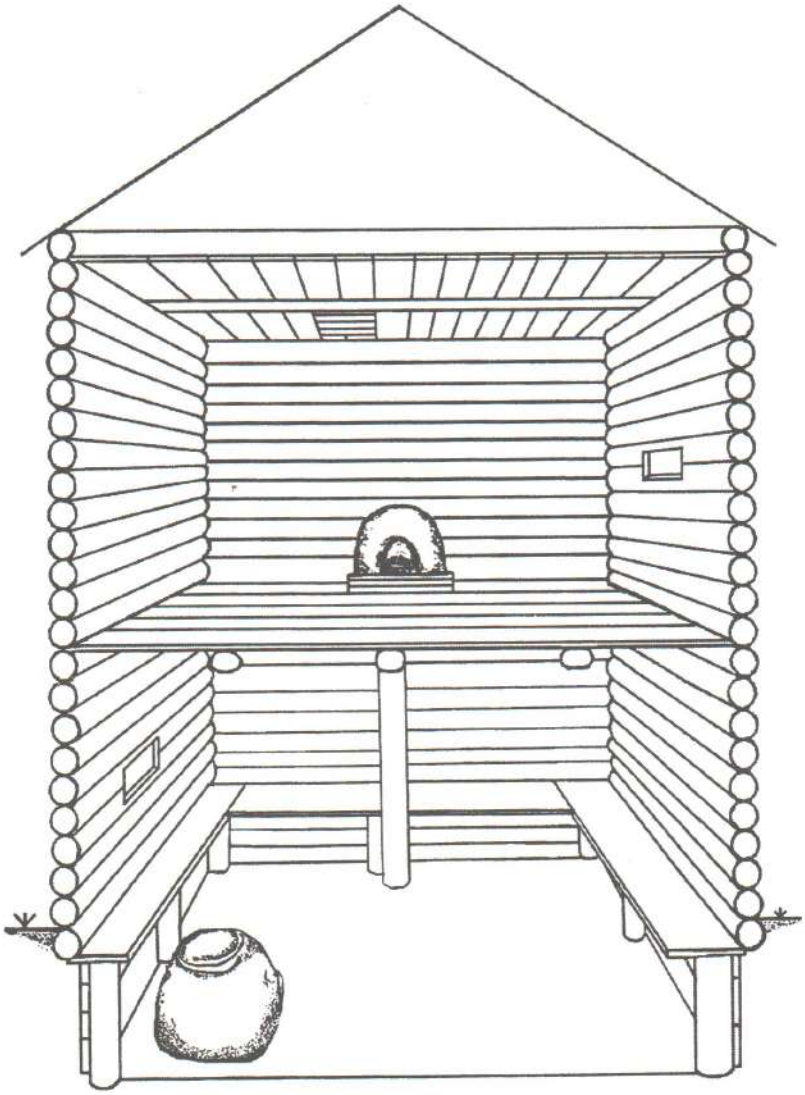


Рис. 65. Липинское городище, яма 100
Реконструкция жилища, вид с юго-востока

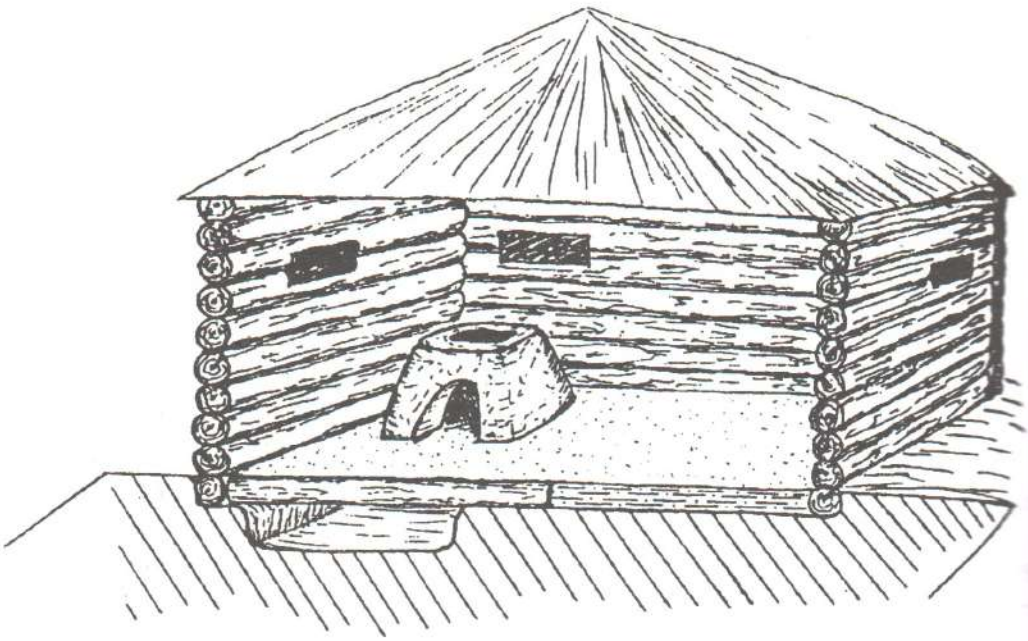


Рис. 66. Поселение 4 у д. Тазово. Реконструкция жилища 1
(по: Григорьев, 2000)

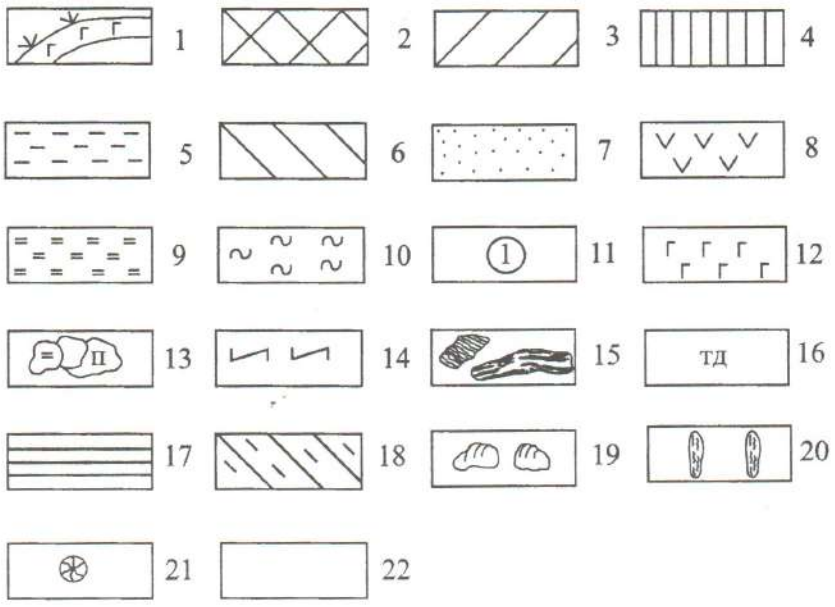


Рис. 67. Условные обозначения для рисунков с объектами древнерусского времени:

1 - дерн; 2 - перемещенный культурный слой; 3 - темно-серый грунт; 4 - серый грунт; 5 - серо-белая глина; 6 - диффузионный слой; 7 - песок; 8 - угли; 9 - обожженная глина; 10 - зола; 11 - обозначение слоя; 12 - гумусированные включения; 13 - печина; 14 - оранжевый прокаленный песок; 15 - горелые плахи; 16 - тлен древесный; 17 - коричневый суглинок; 18 - рыжеватый с примесью древесного тлена грунт; 19 - камни; 20 - пустоты с остатками древесного тлена; 21 - горелые плахи (вид сверху); 22 - материк

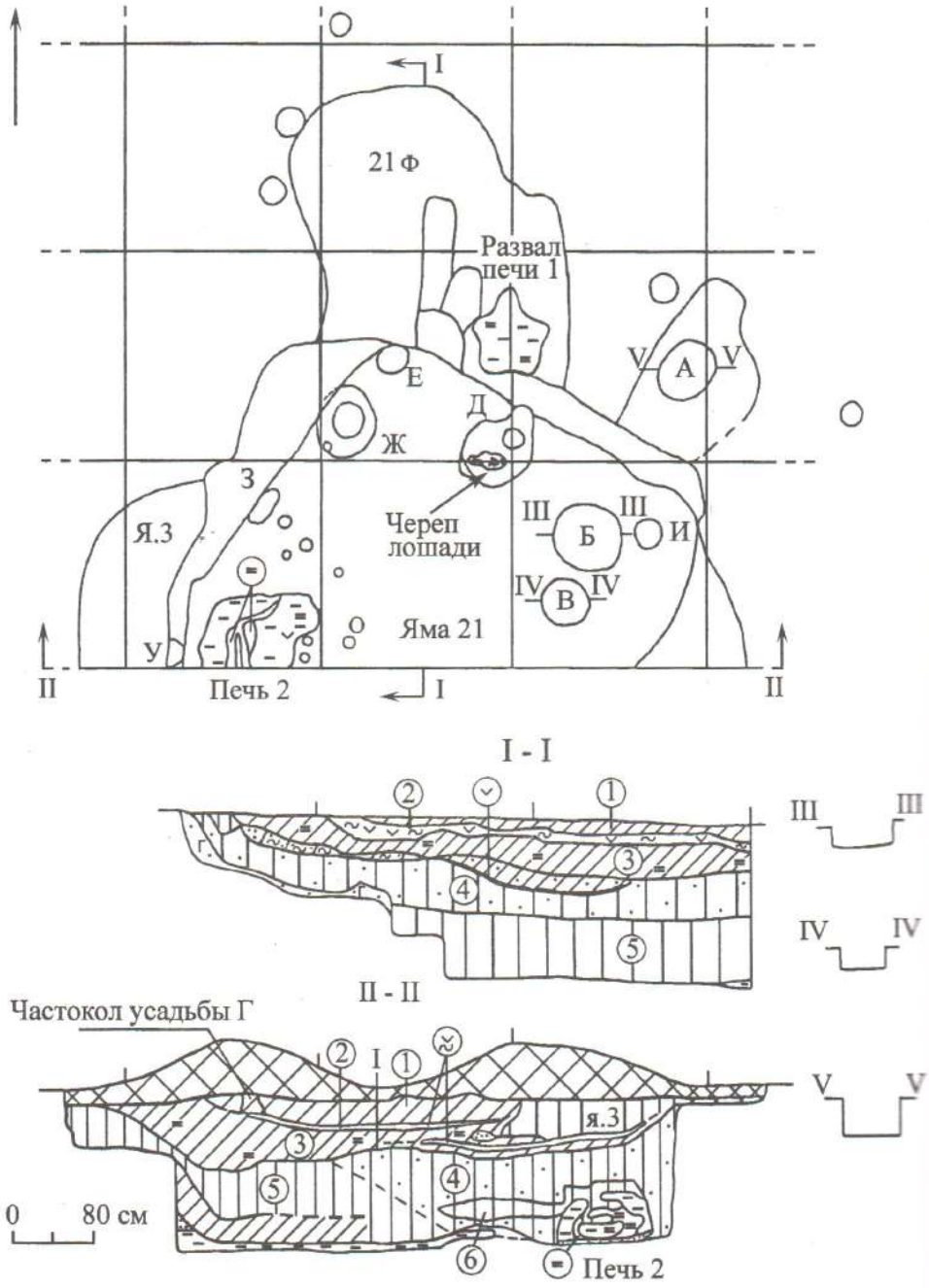


Рис. 68. Липино, селище 1. Постройка Р-11, я. 21

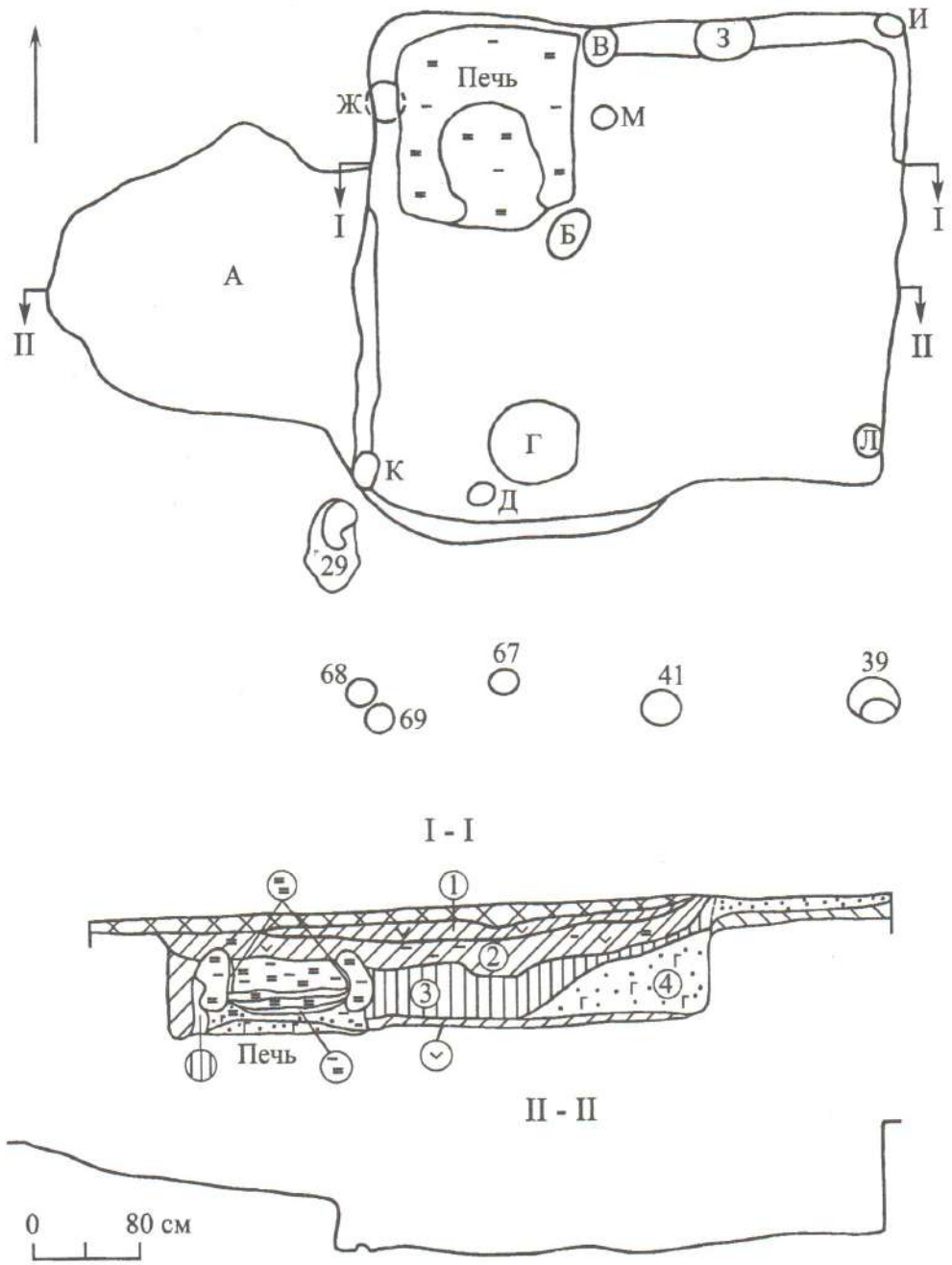


Рис. 69. Липино, селище 1. Постройка Р-7, я. 27

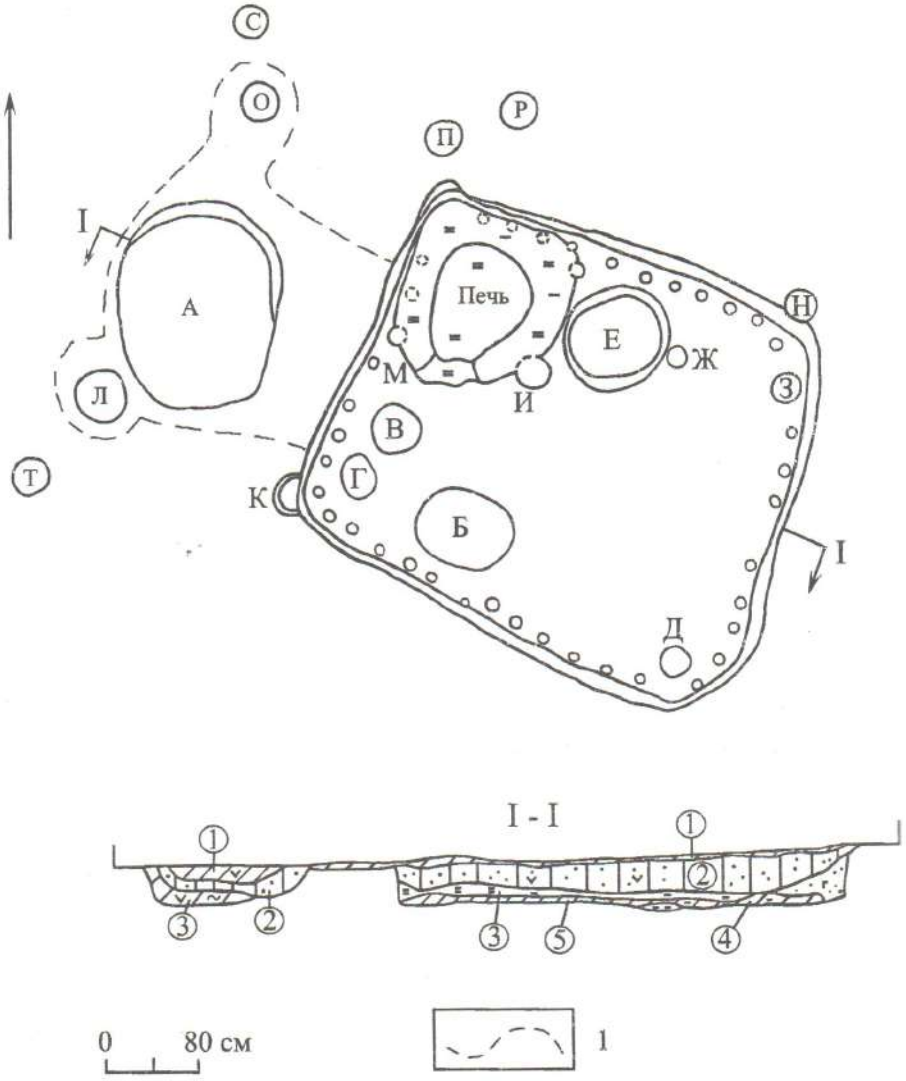


Рис. 70. Липино, селище 1. Постройка Р-8, я. 41
1 - границы входа-"тамбура" по пятну на фоне материка

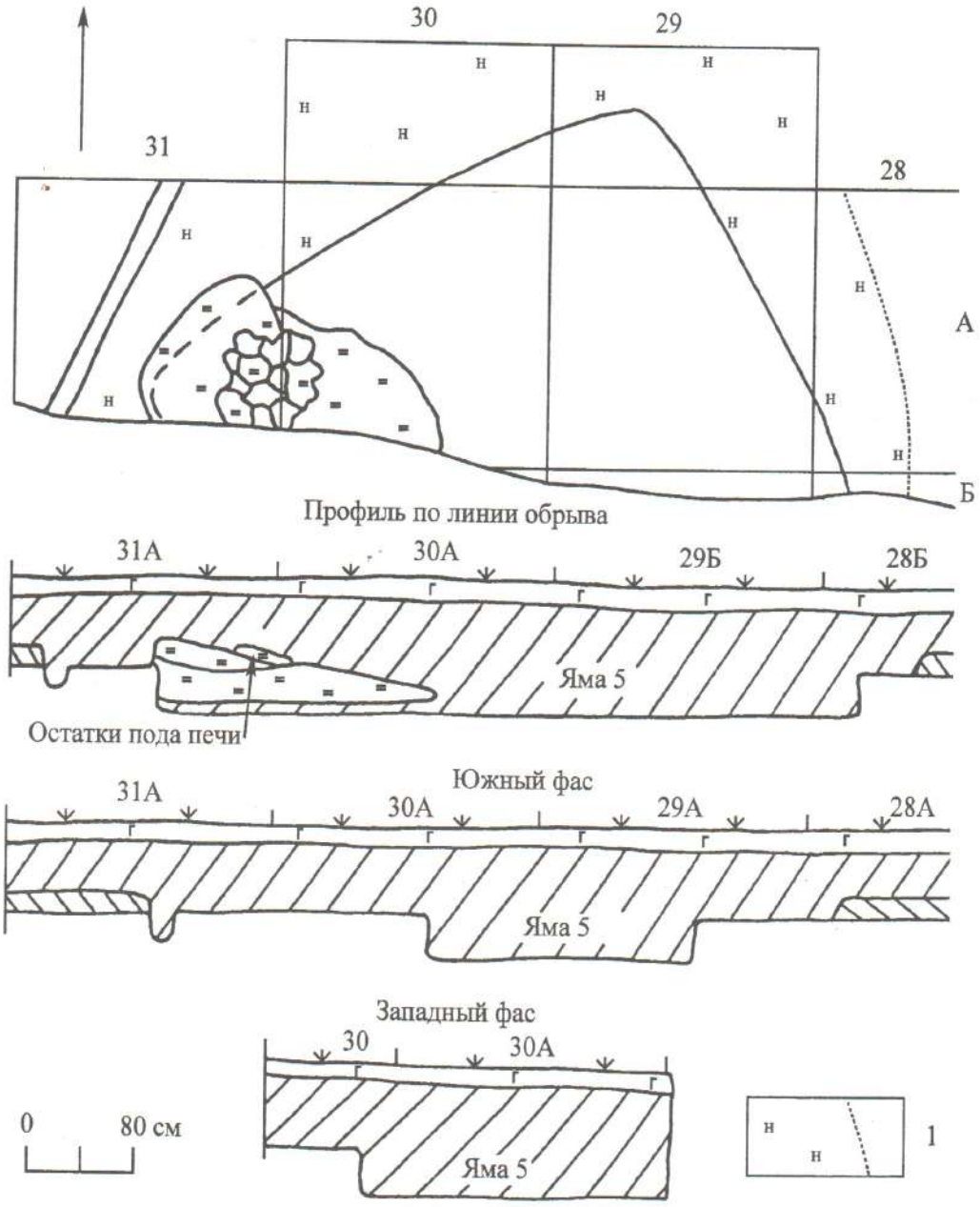
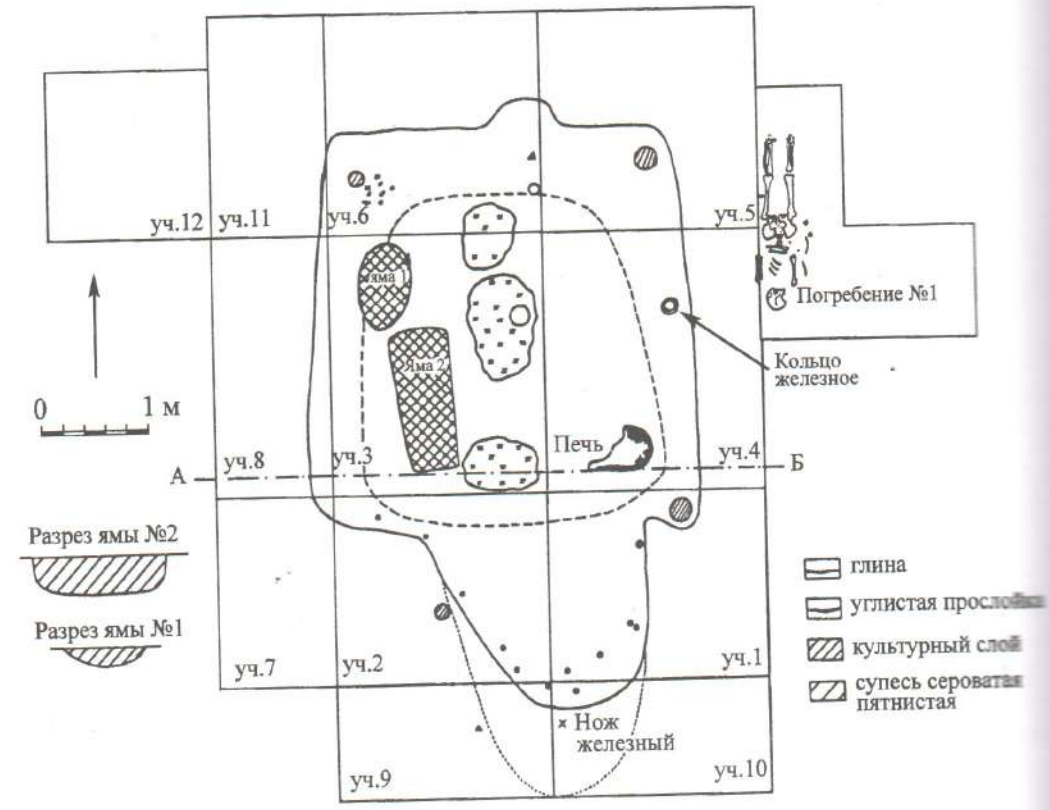


Рис. 71. Липино, селище 1. Постройка Р-5, я. 5:
1 - участок снивелированной поверхности



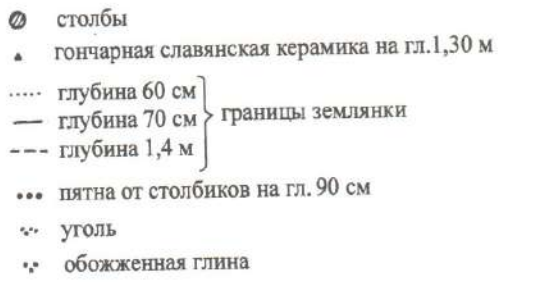


Рис. 72. Моисеевское городище. Постройка

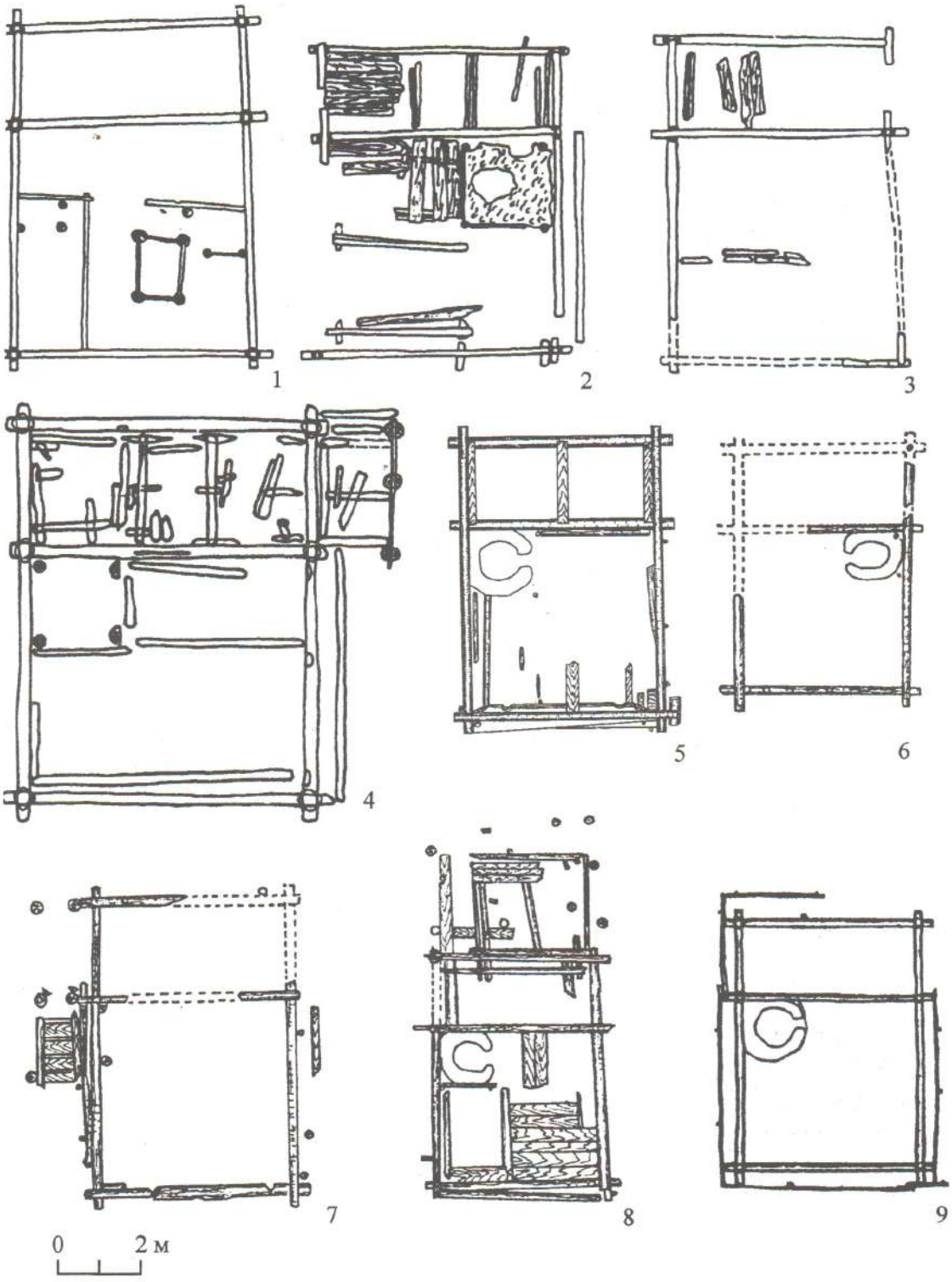
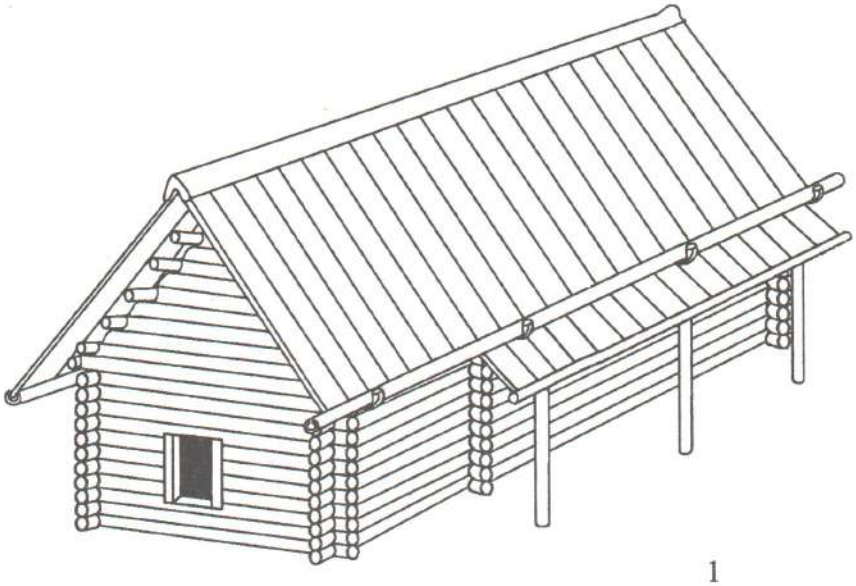
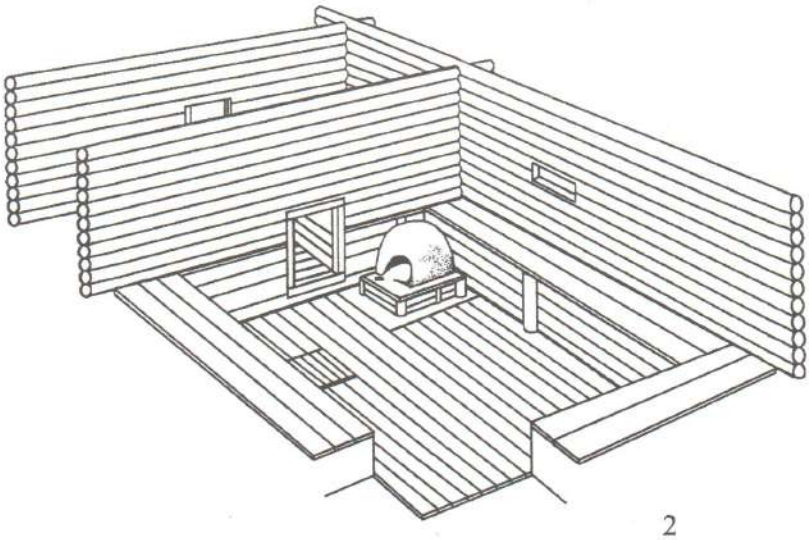


Рис. 73. Цельнорубленые пятистенки из Новгорода (1-4) и Киева (5-9)
(по: Фараджева, 1998; Сагайдак, 1991)

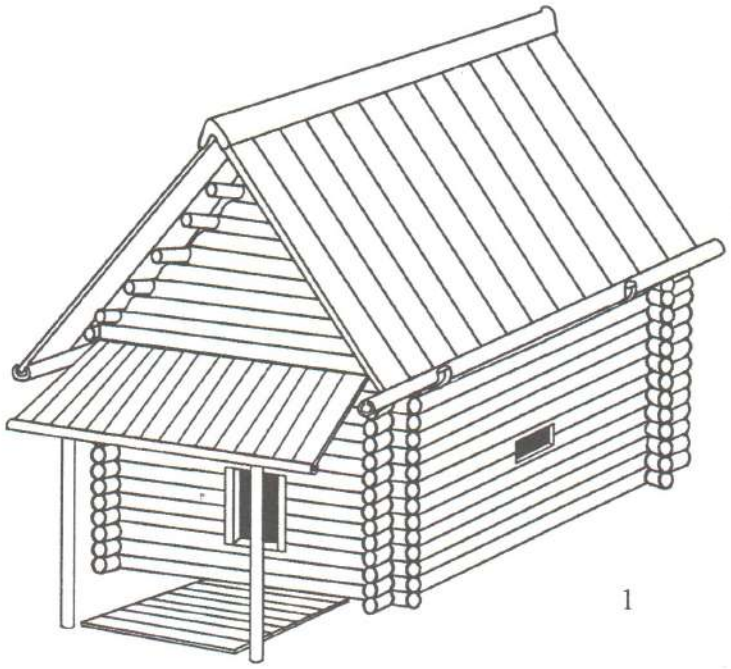


1

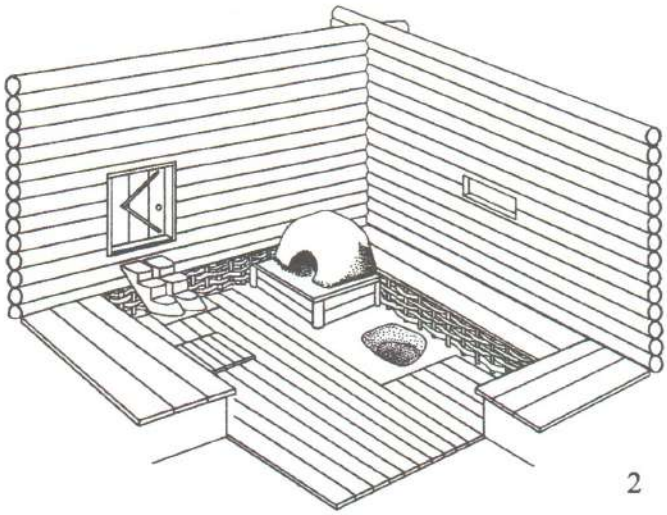


2

Рис. 74. Липино, селище 1. Реконструкция постройки Р-7, я. 27:
1 - общий вид постройки с юго-запада;
2 - внутреннее обустройство, вид с юго-востока



1



2

Рис. 75. Липино, селище 1. Реконструкция постройки Р-8, я. 41:
1 - общий вид постройки с запада;
2 - внутреннее обустройство, вид с юго-востока

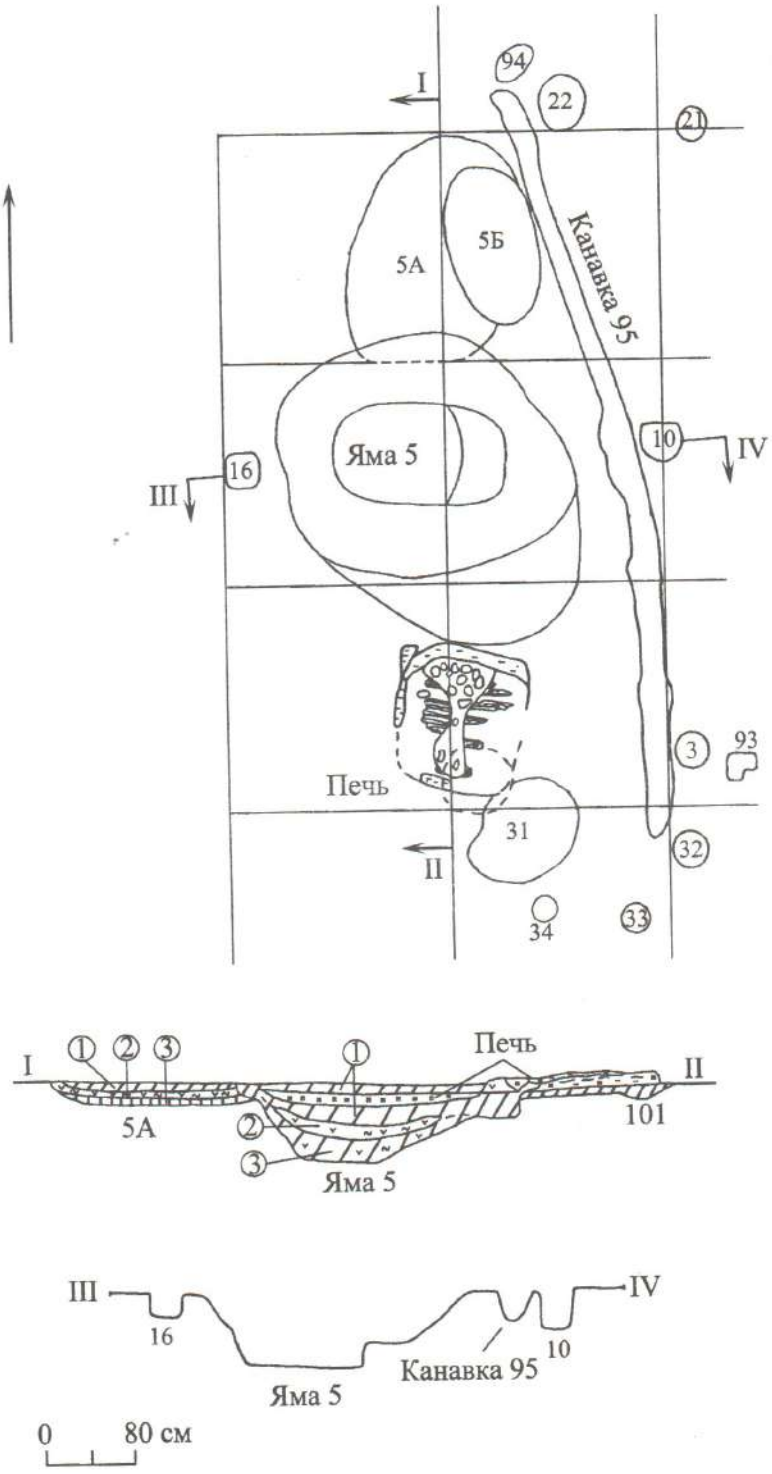


Рис. 76. Липино, селище 1. Постройка Р-4, я.5

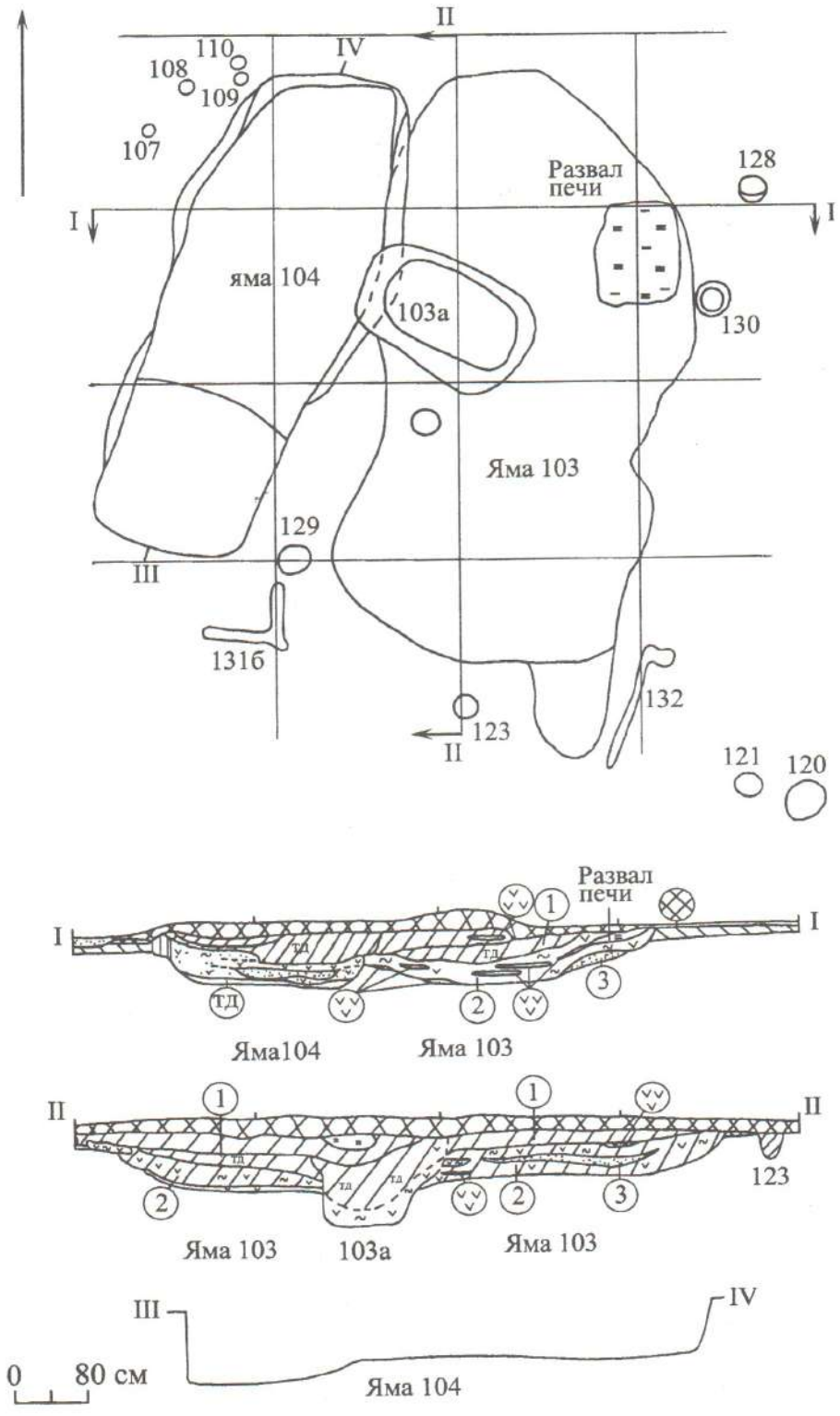


Рис. 77. Липино, селище 1. Постройка Р-7, я.103

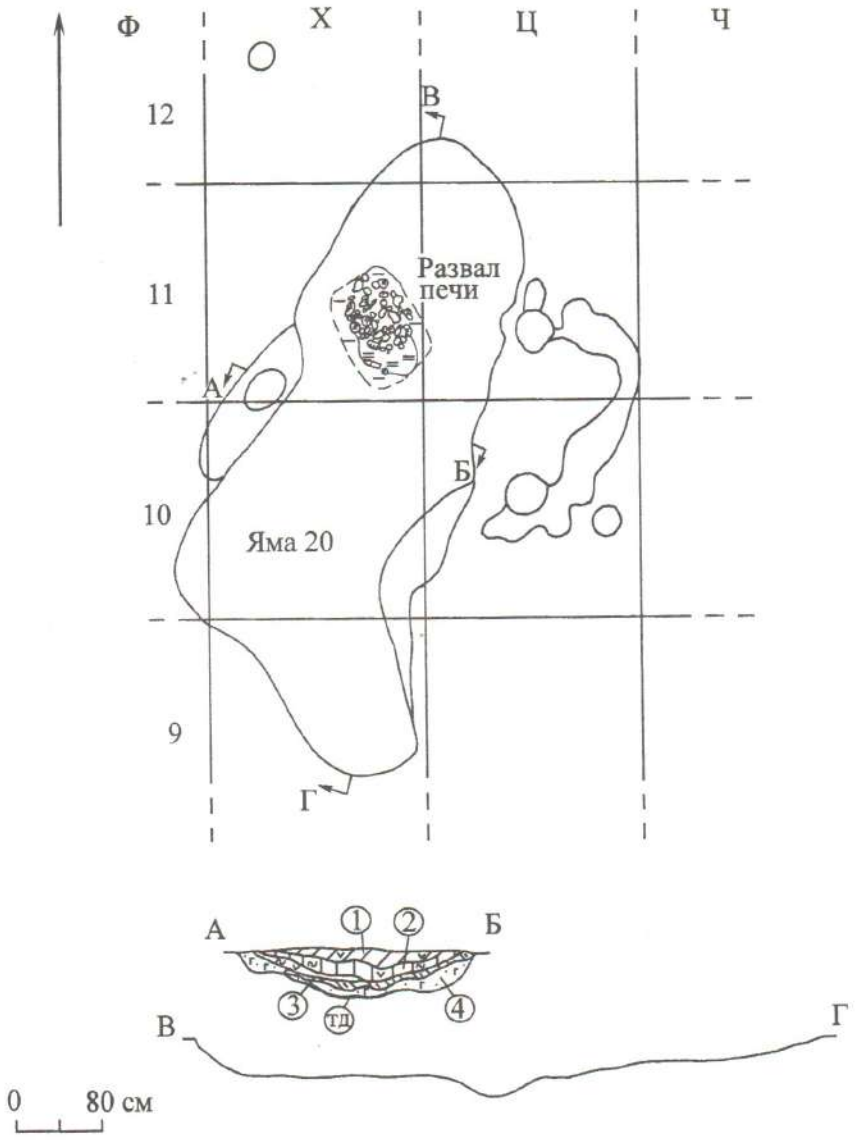


Рис. 78. Липино, селище 1. Постройка Р-8, я. 20

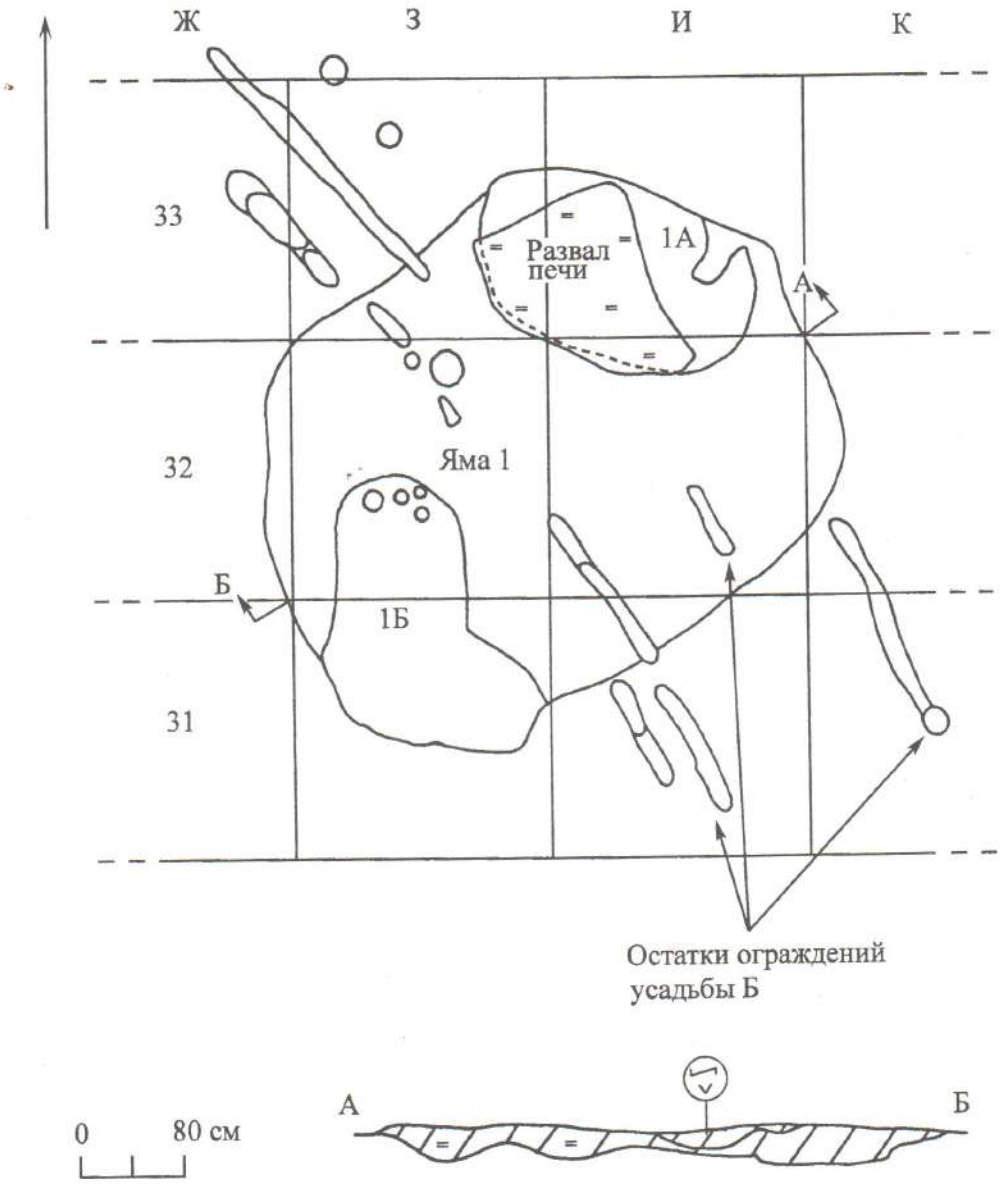


Рис. 79. Липино, селище 1. Постройка Р-9, я. 1

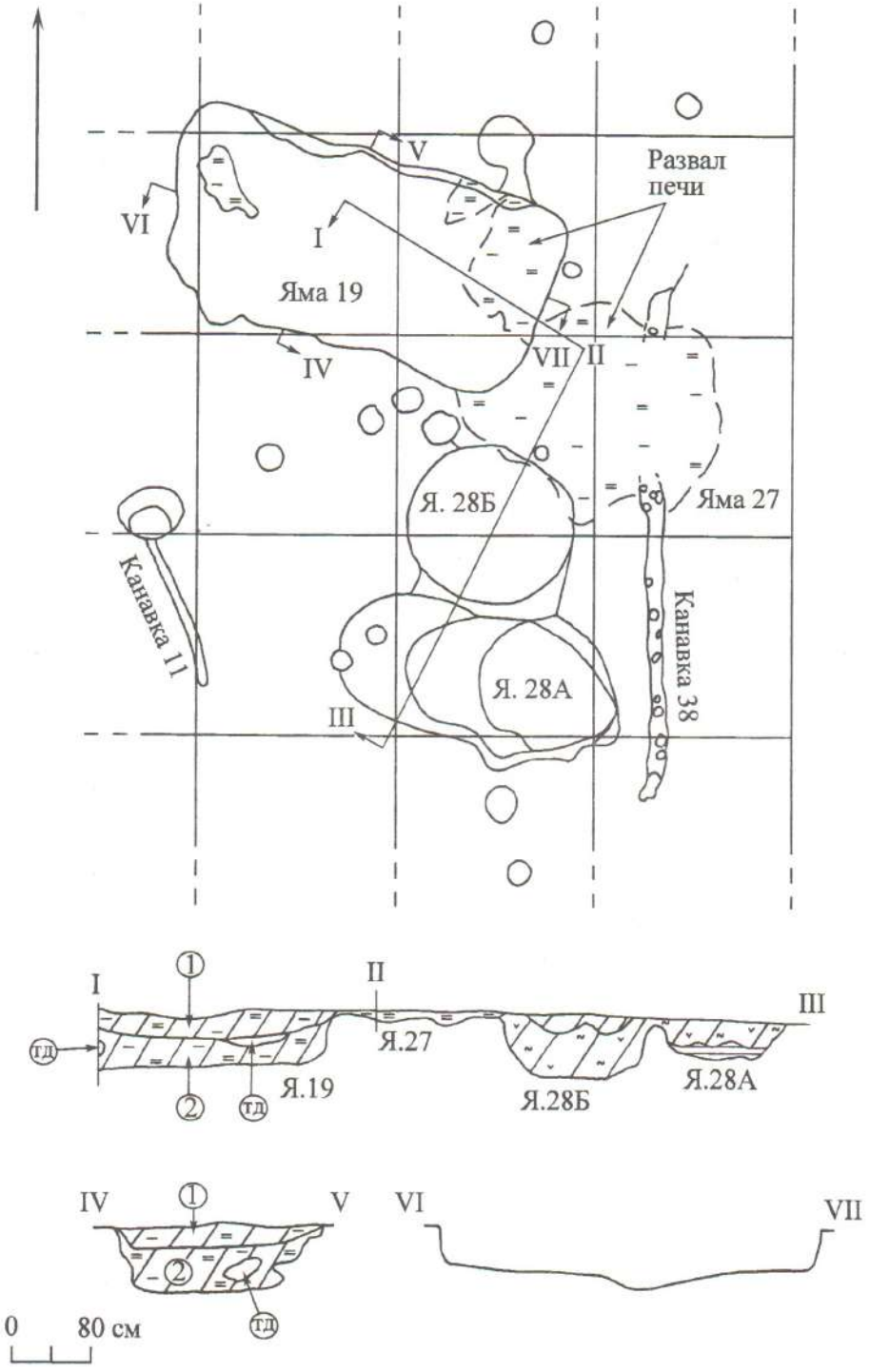


Рис. 80. Липино, селище 1. Постройка Р-10, я. 19

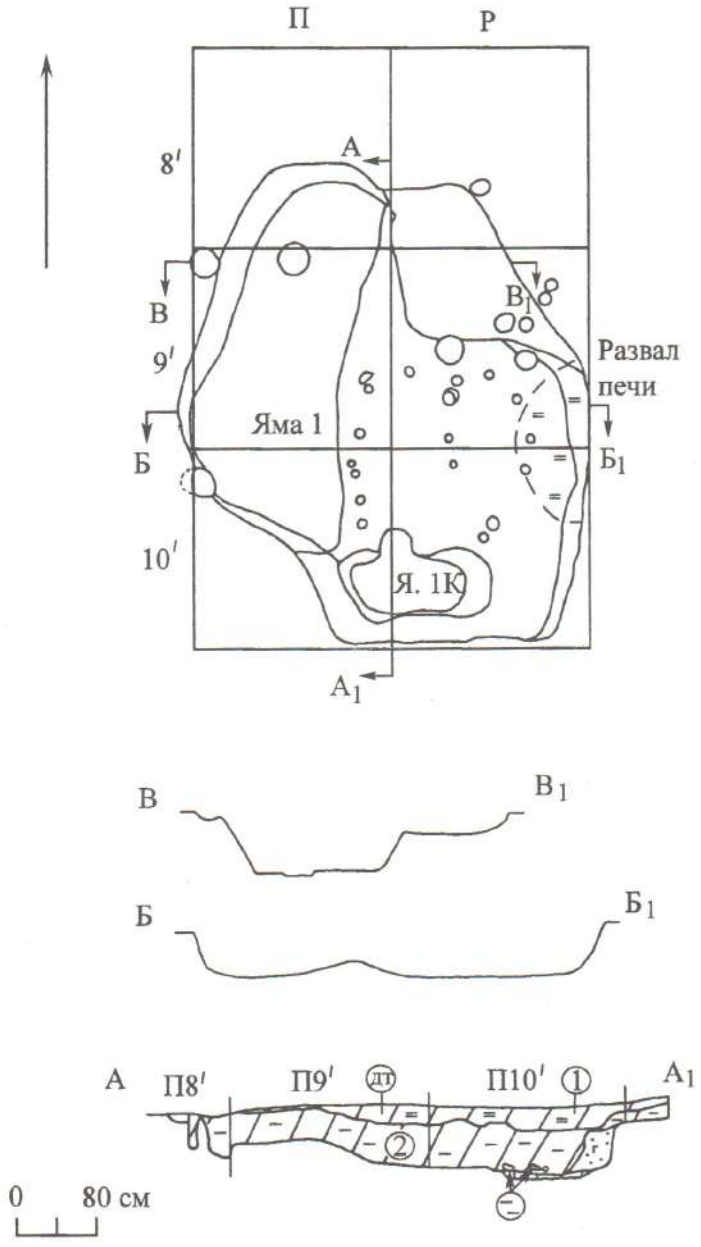


Рис. 81. Липино, селище 1. Постройка Р-11, я. 1

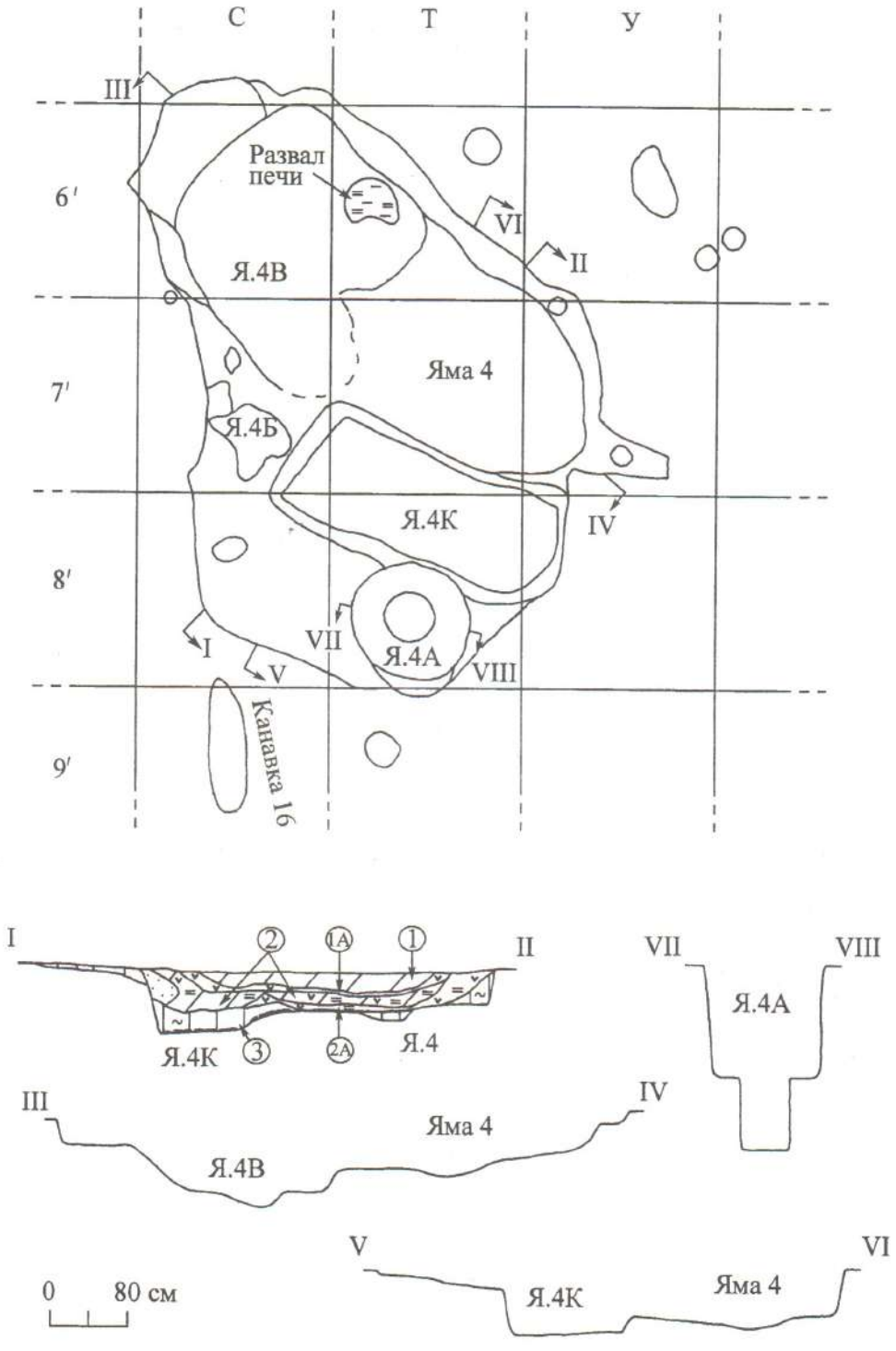


Рис. 82. Липино, селище 1. Постройка Р-11, я.4

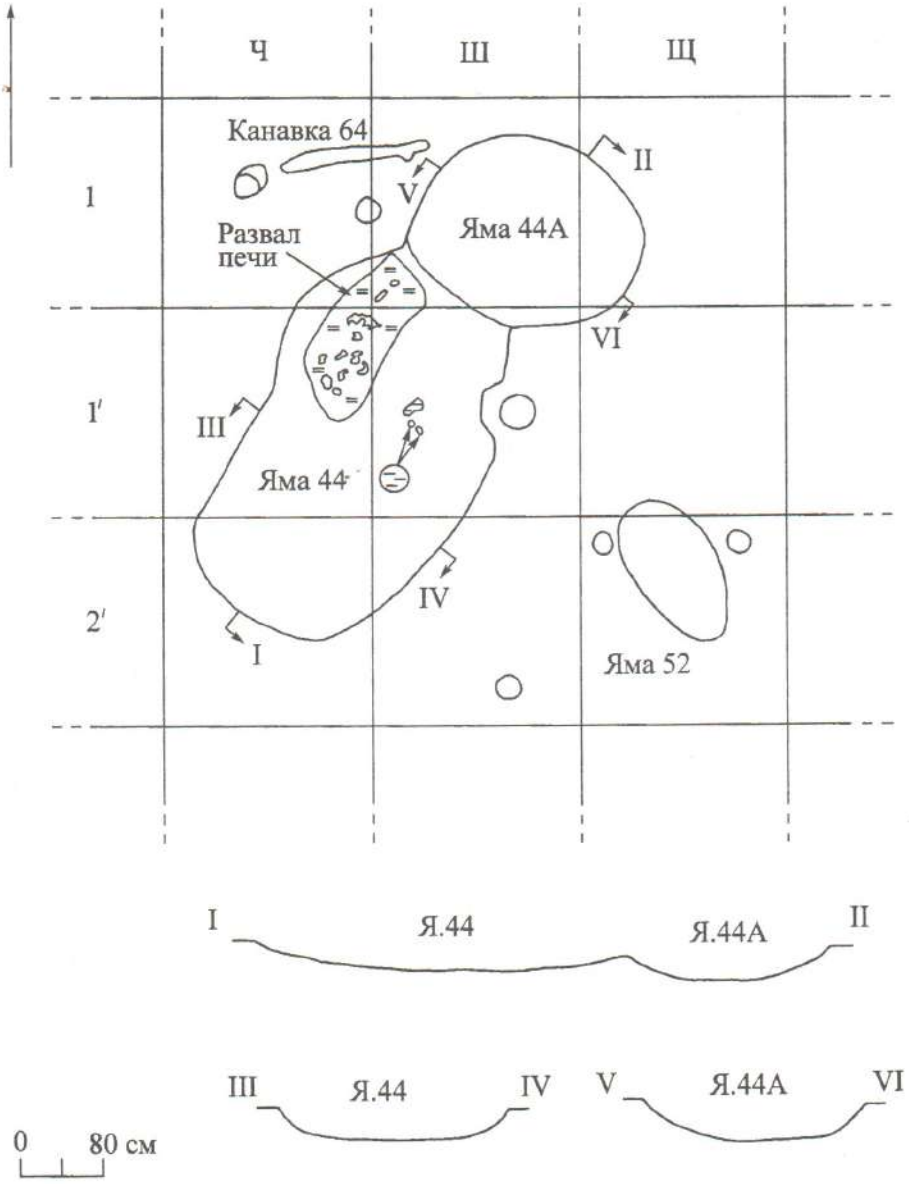


Рис. 83. Липино, селище 1. Постройка Р-11, я.44

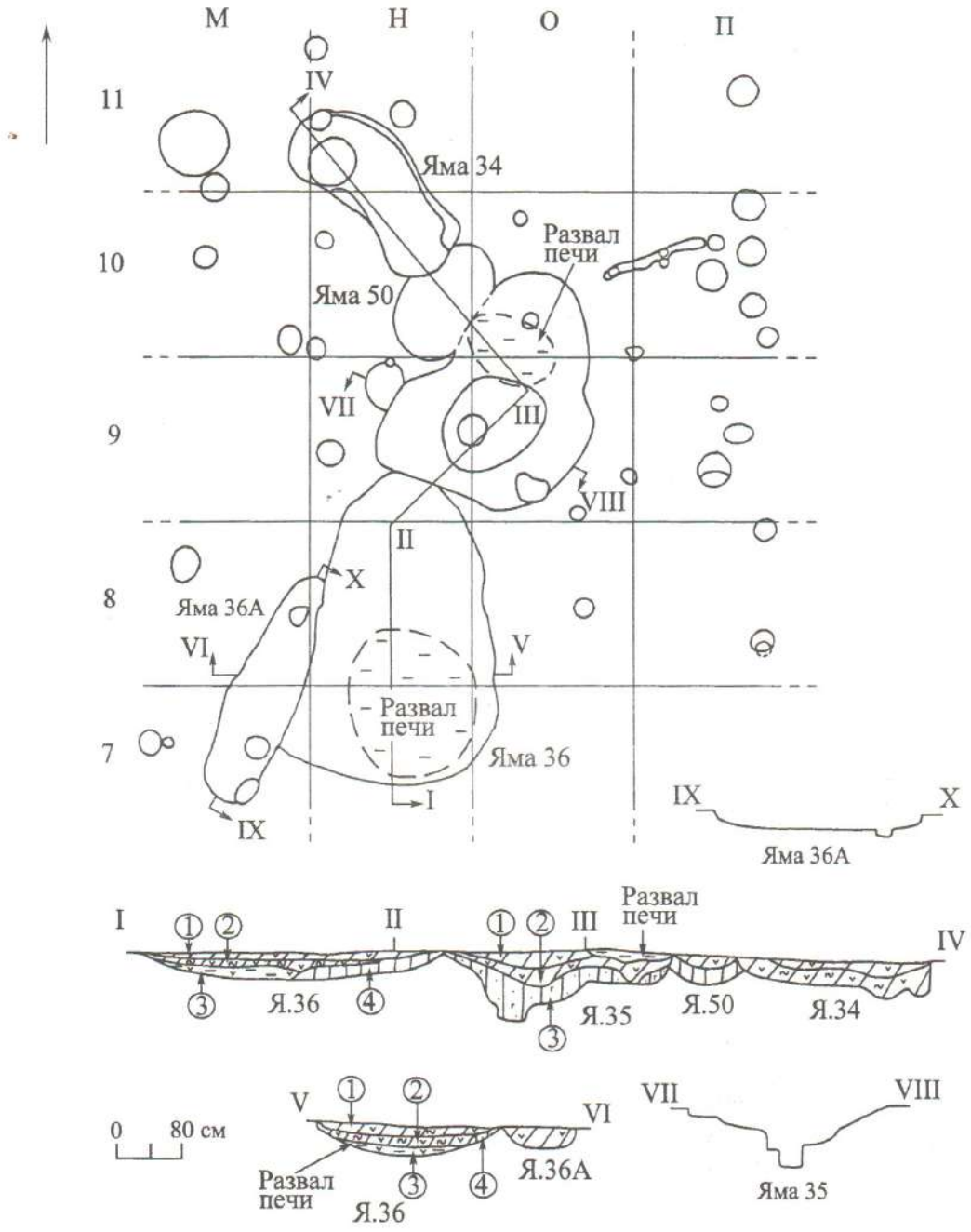


Рис. 84. Липино, селище 1. Постройки Р-7, я.35 и Р-7, я.36

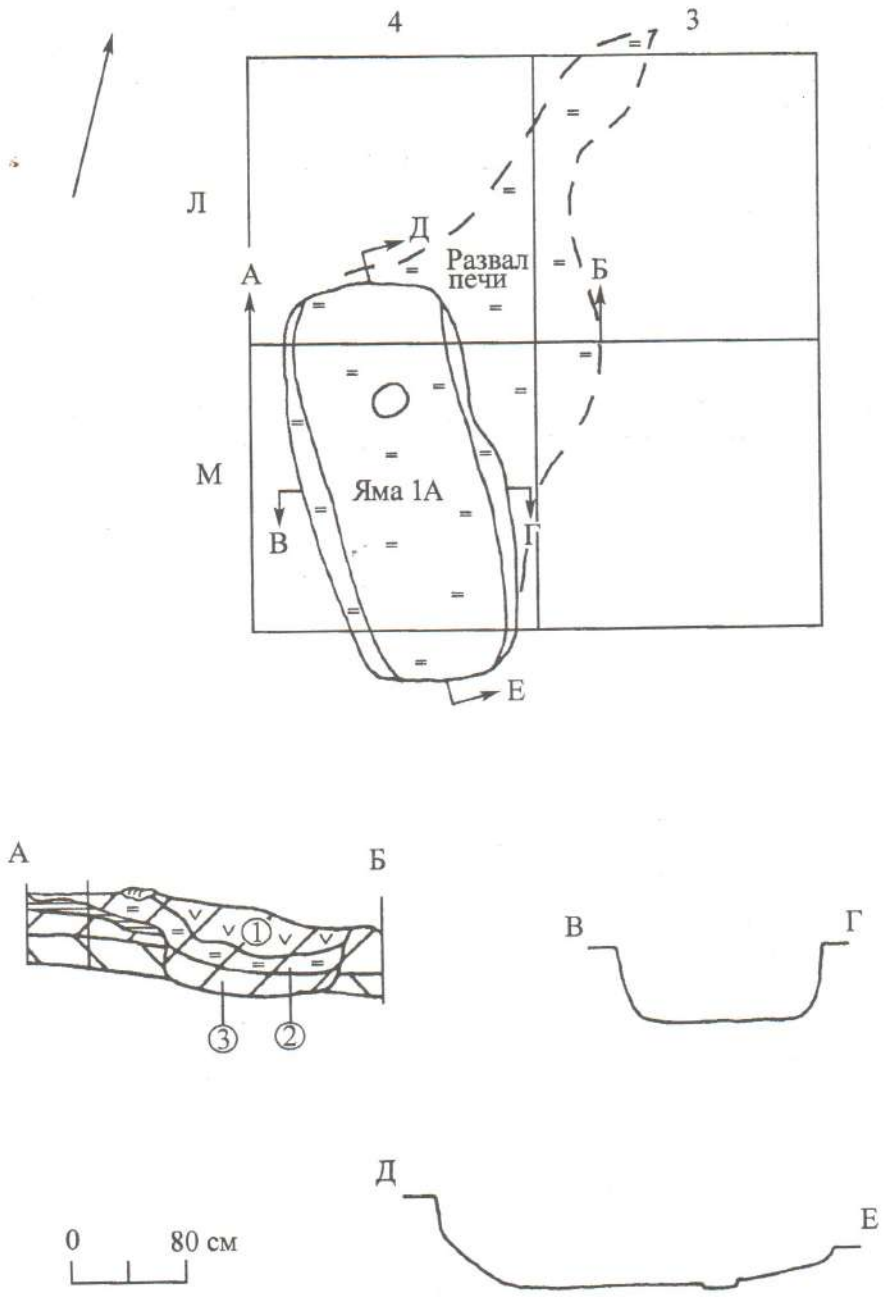


Рис. 85. Курск. Постройка Р-6, я.1А

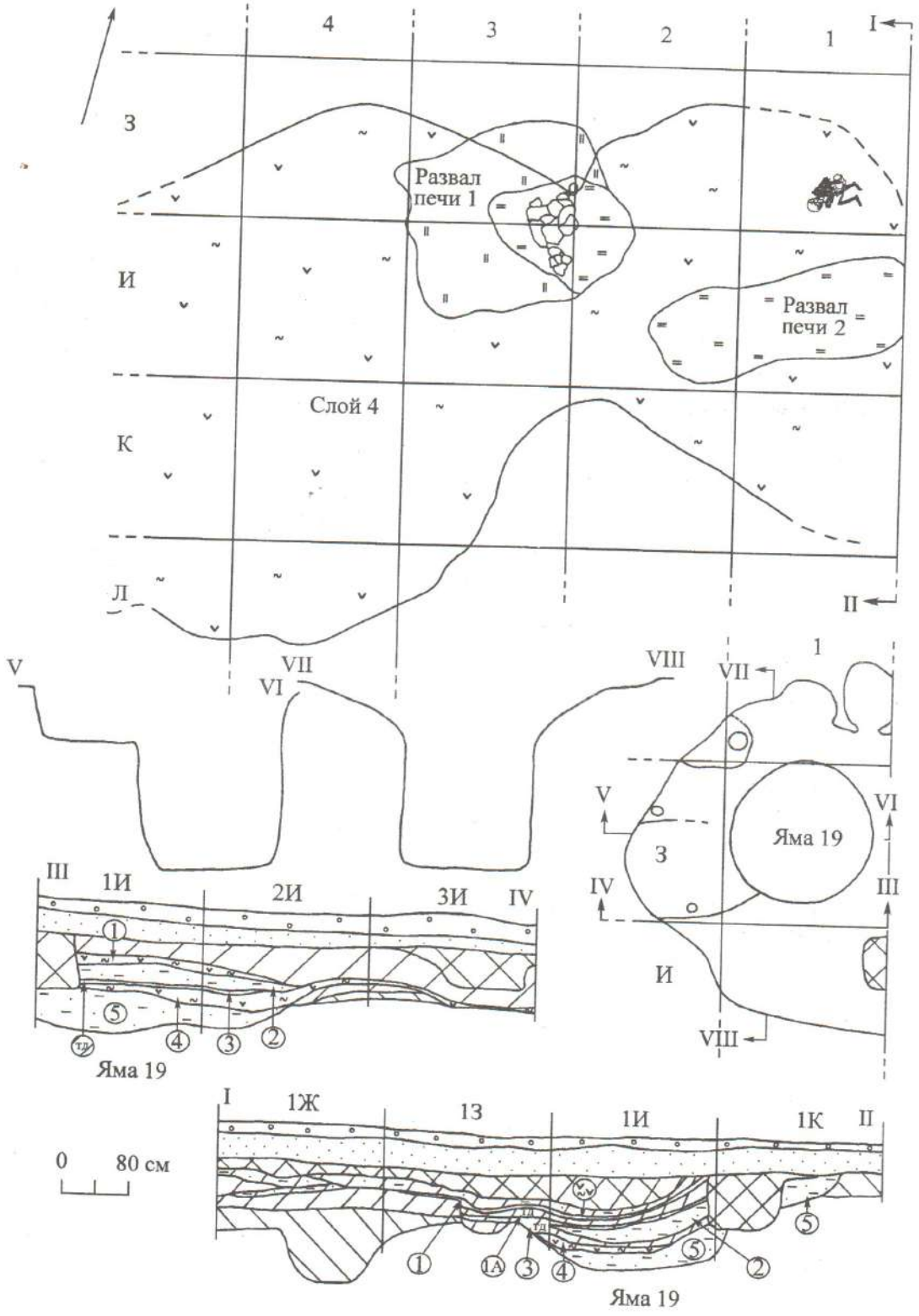


Рис. 86. Курск. Р-5, 6, сооружение 1

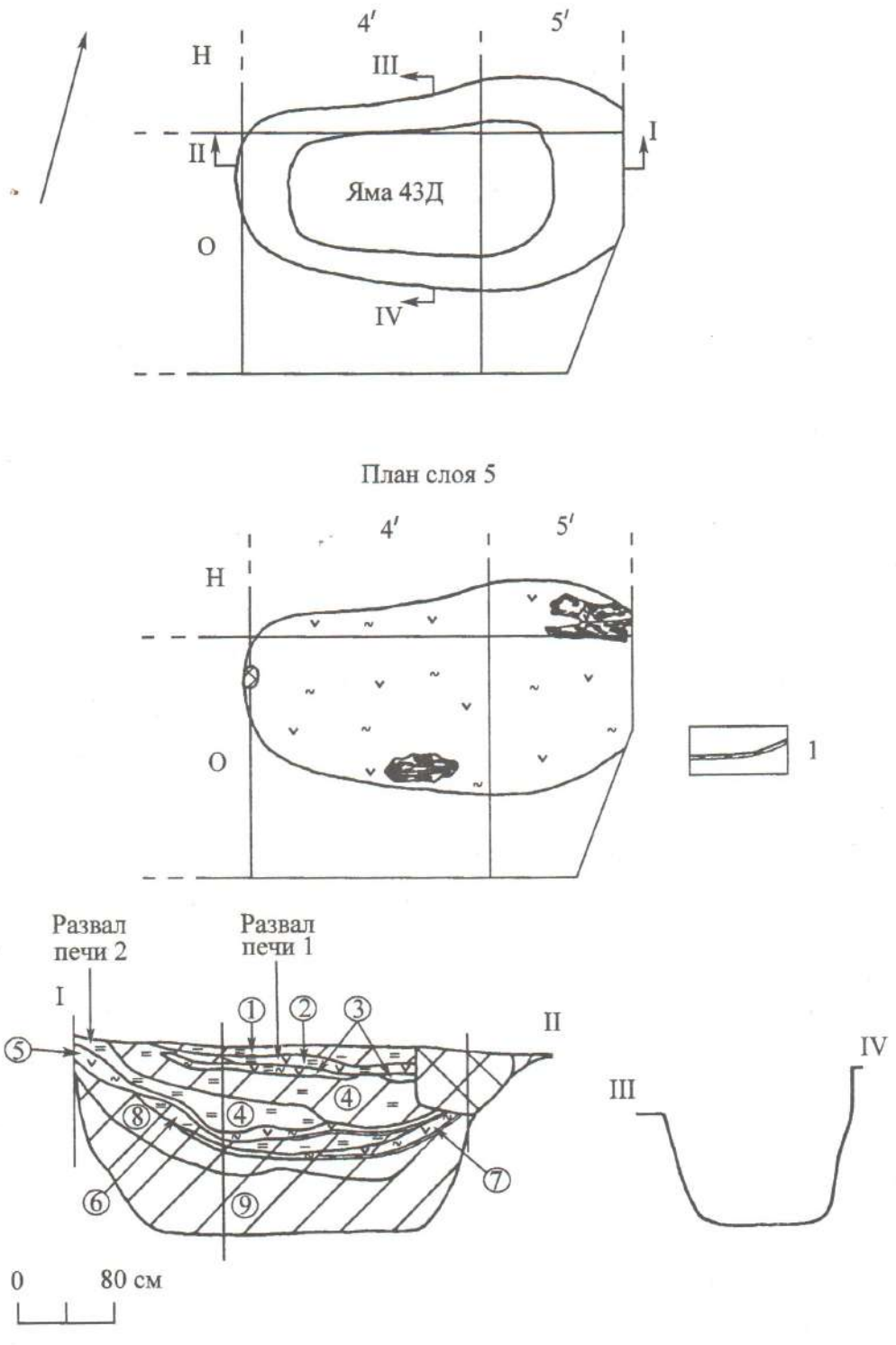


Рис. 87. Курск. Постройка Р-6, я.43Д:

1 - угольные прослойки

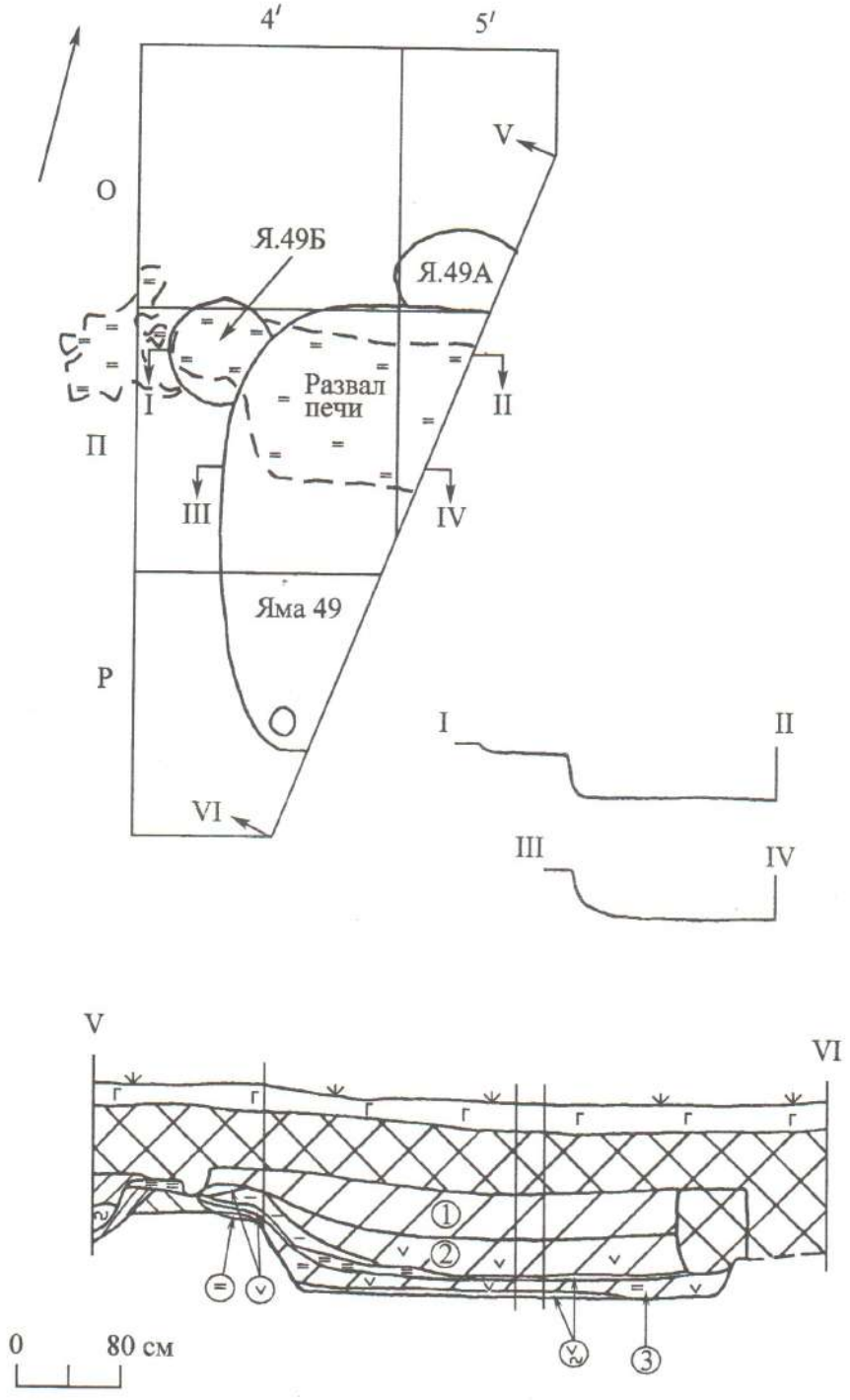


Рис. 88. Курск. Постройка Р-6, я.49

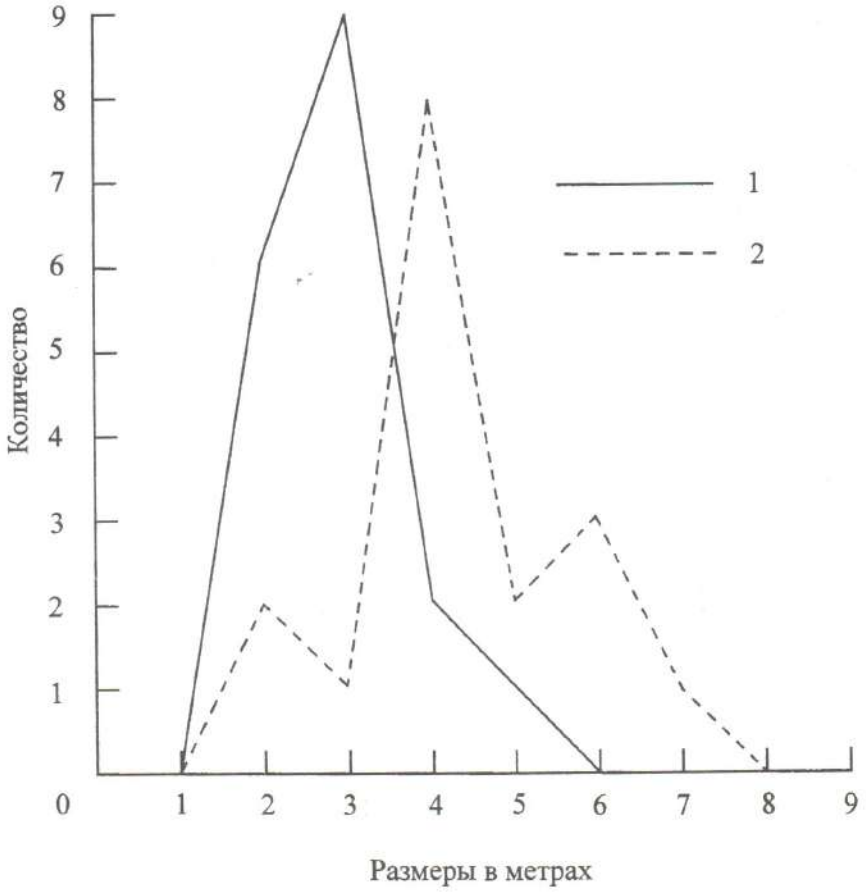


Рис. 89. Абсолютные размеры подпольных ям наземных построек в древнерусское время:
1 - ширина; 2 - длина

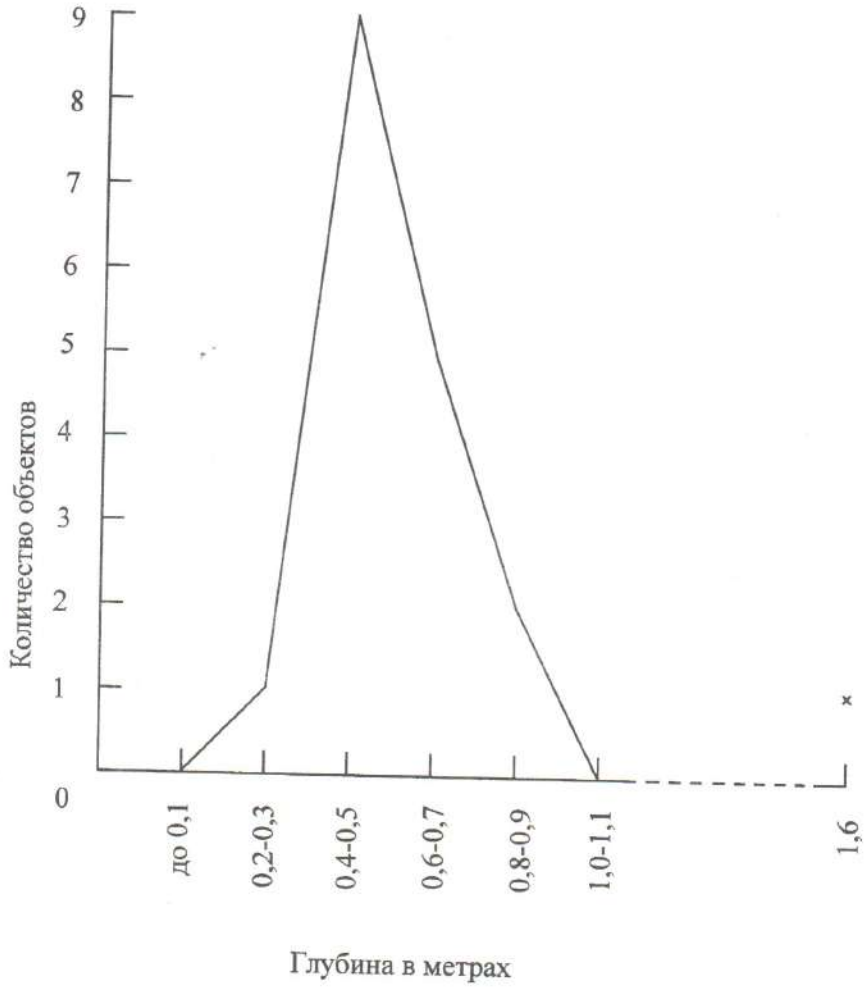


Рис. 90. Глубина подпольных ям в наземных постройках древнерусского времени

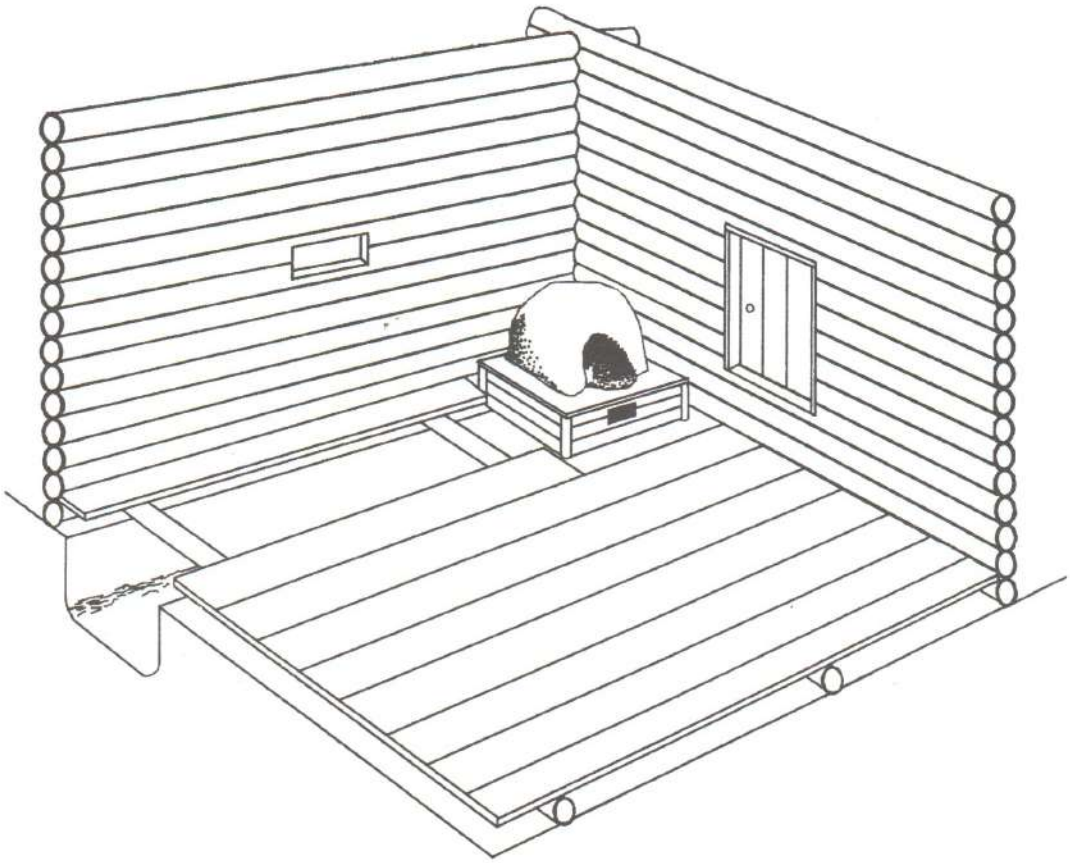


Рис. 91. Липино, селище 1. Реконструкция постройки Р-10, я. 19, вид с юго-запада

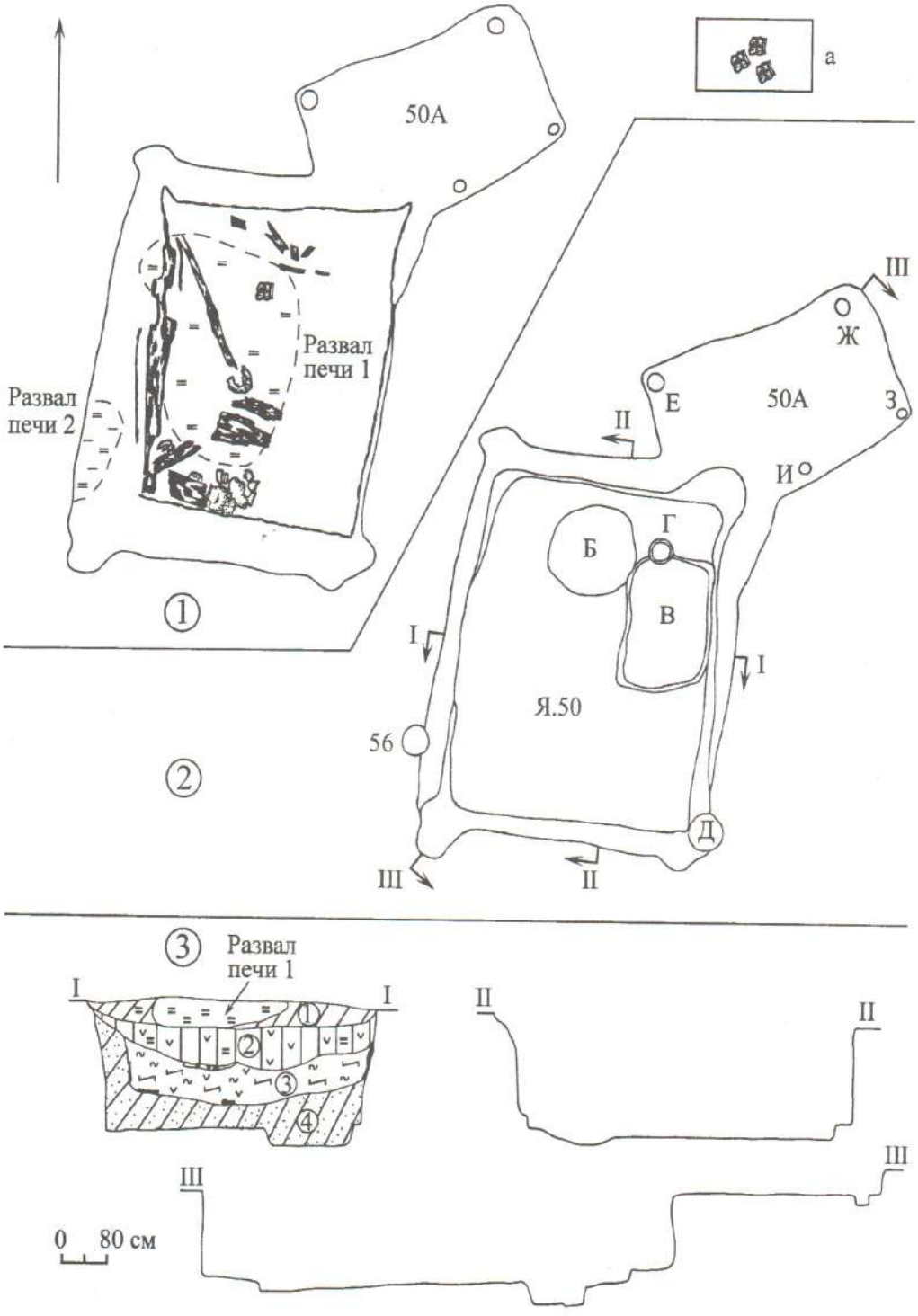


Рис. 92. Липино, селище 1. Постройка Р-4, я.50:
1- план развалов печей и остатков деревянных конструкций; 2 - план постройки в материке; 3 - профиль и разрезы; а - развалы сосудов

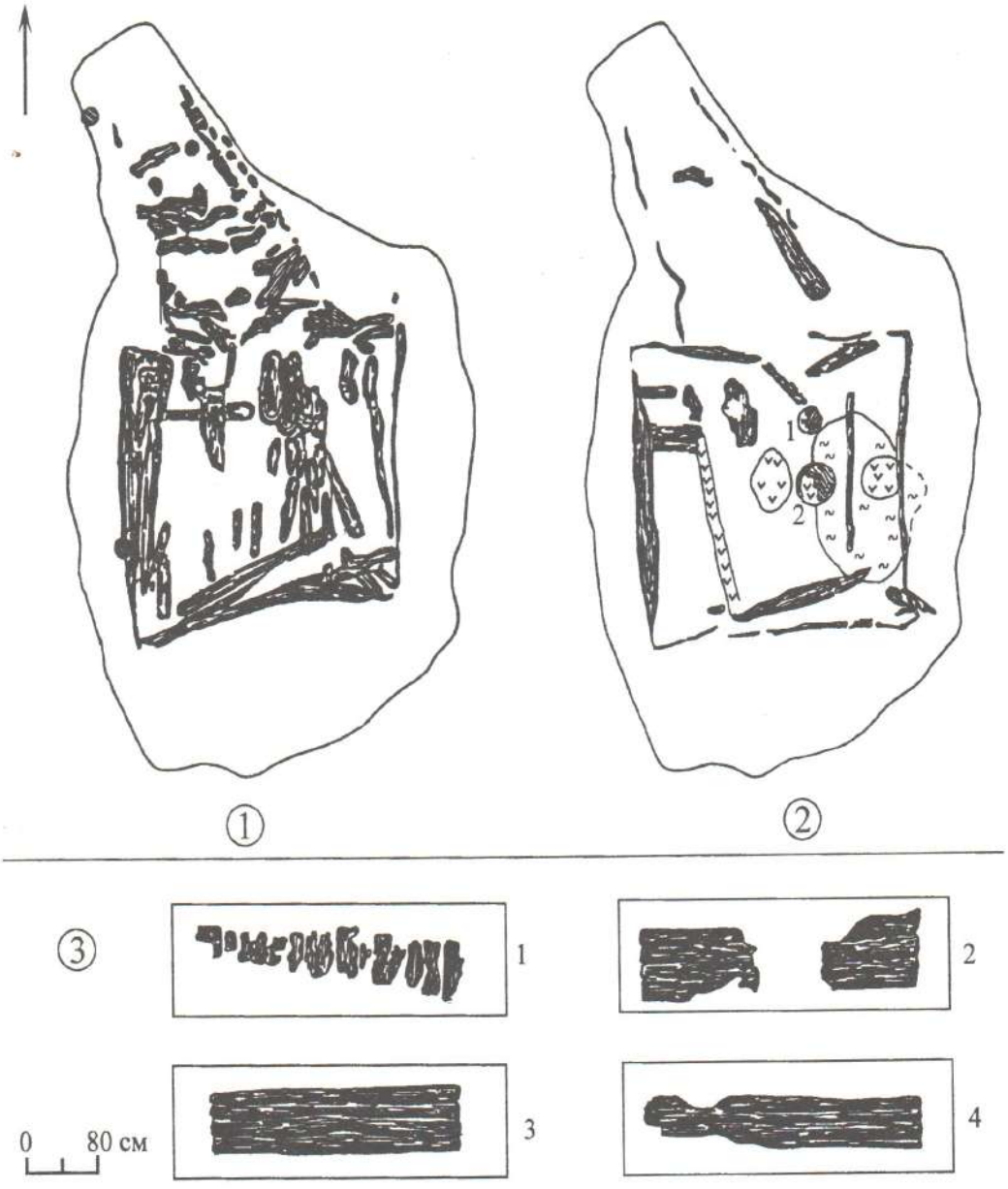


Рис. 93. Липино, селище 1. Постройка Р-6, я.47. Остатки деревянных конструкций:

1 - план расположения перекрытий подклета и конструкций входа; 2 - план пола подклета (1-2 - днища "бочек"); 3 - обшивка стен котлована и входа в него (1 - северо-восточная стенка входа; 2 - северная стенка подклета; 3 - восточная стенка подклета; 4 -западная стенка подклета)

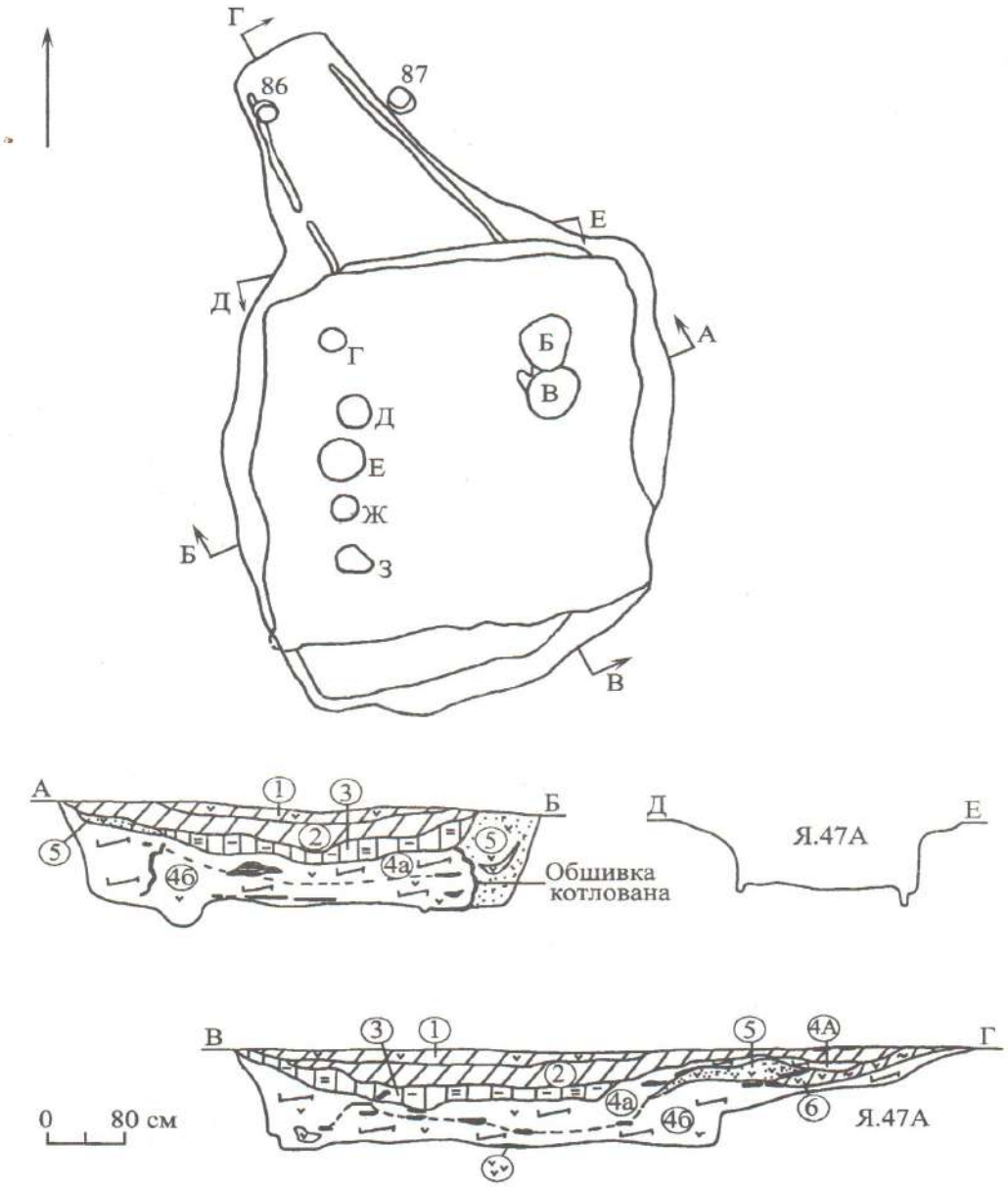


Рис. 94. Липино, селище 1. Постройка Р-6, я.47

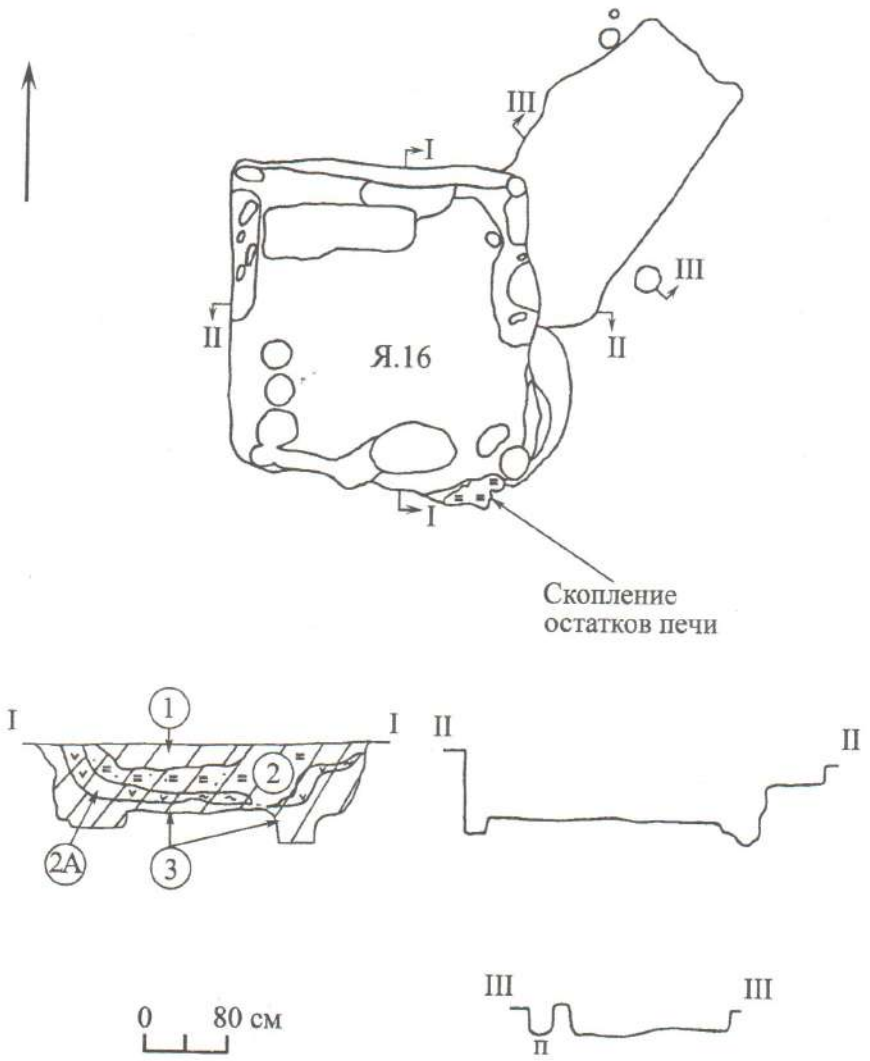


Рис. 95. Липино, селище 1. Постройка Р-10, я.16

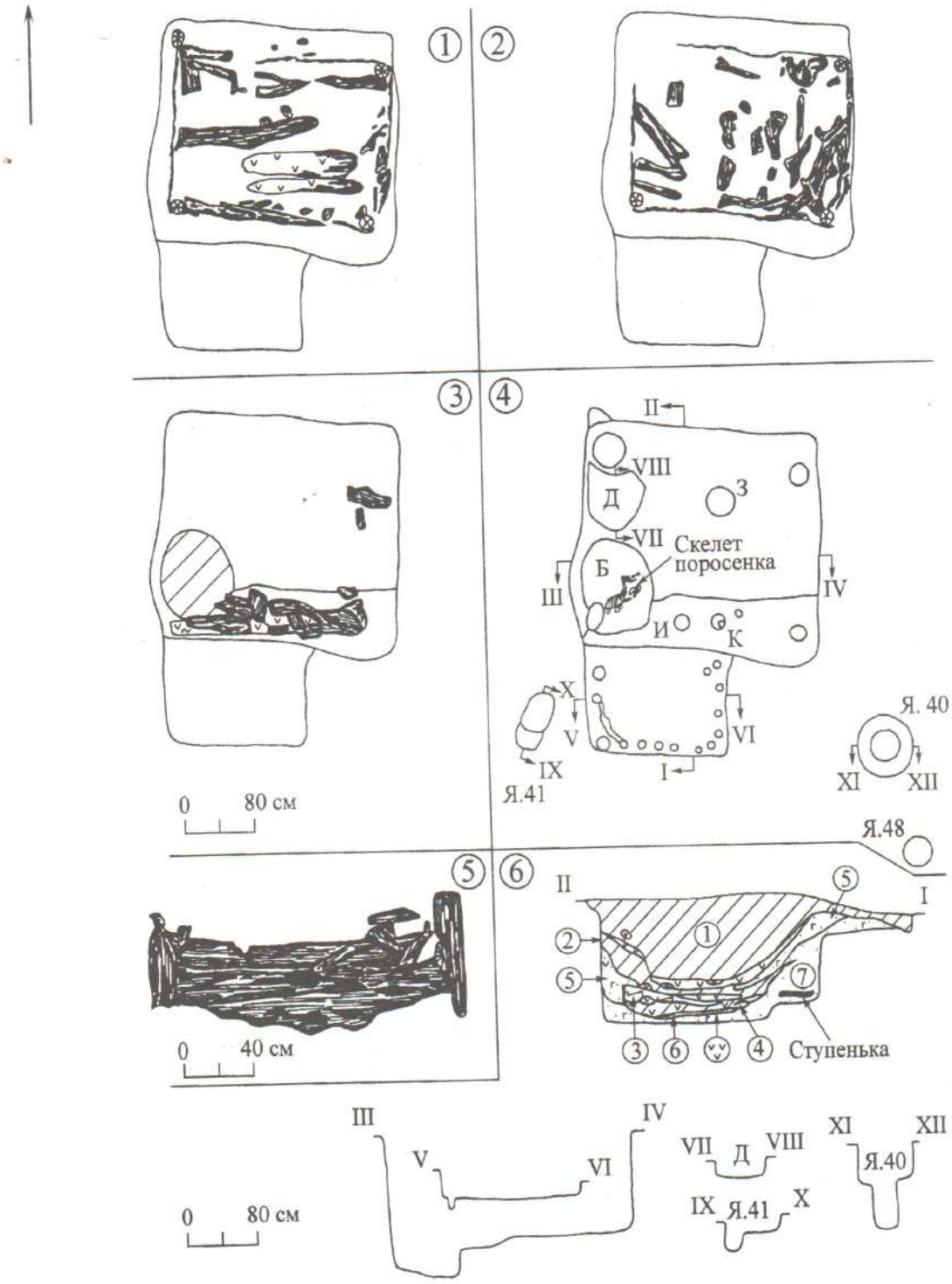


Рис. 96. Липино, селище 1. Постройка Р-9, я.39

1 - конструкции яруса 1; 2 - конструкция яруса 2; 3 - остатки ступени; 4 - план котлована подклета в материке; 5 - профиль и разрезы котлована

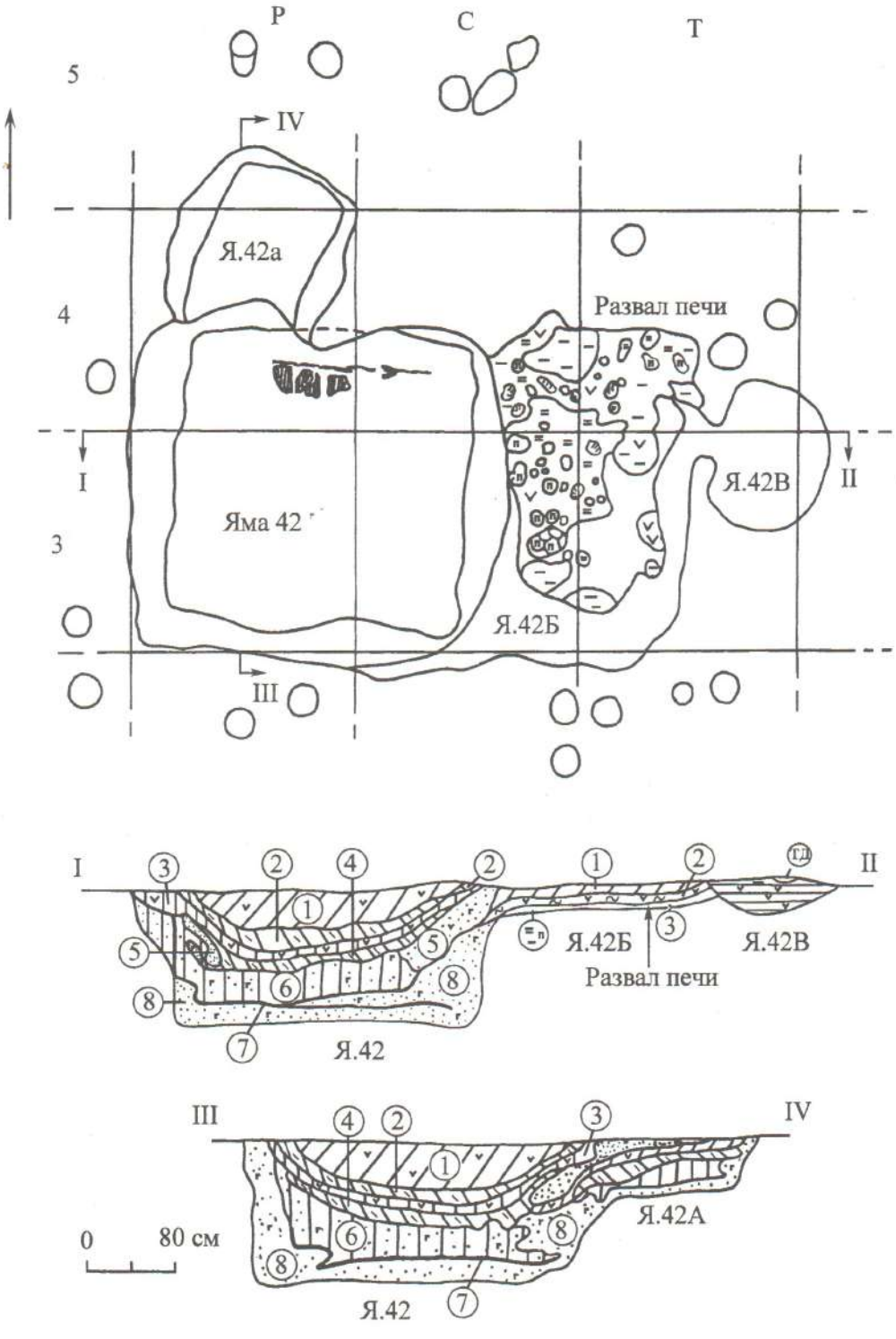


Рис. 97. Липино, селище 1. Постройка Р-8, я.42-42Б

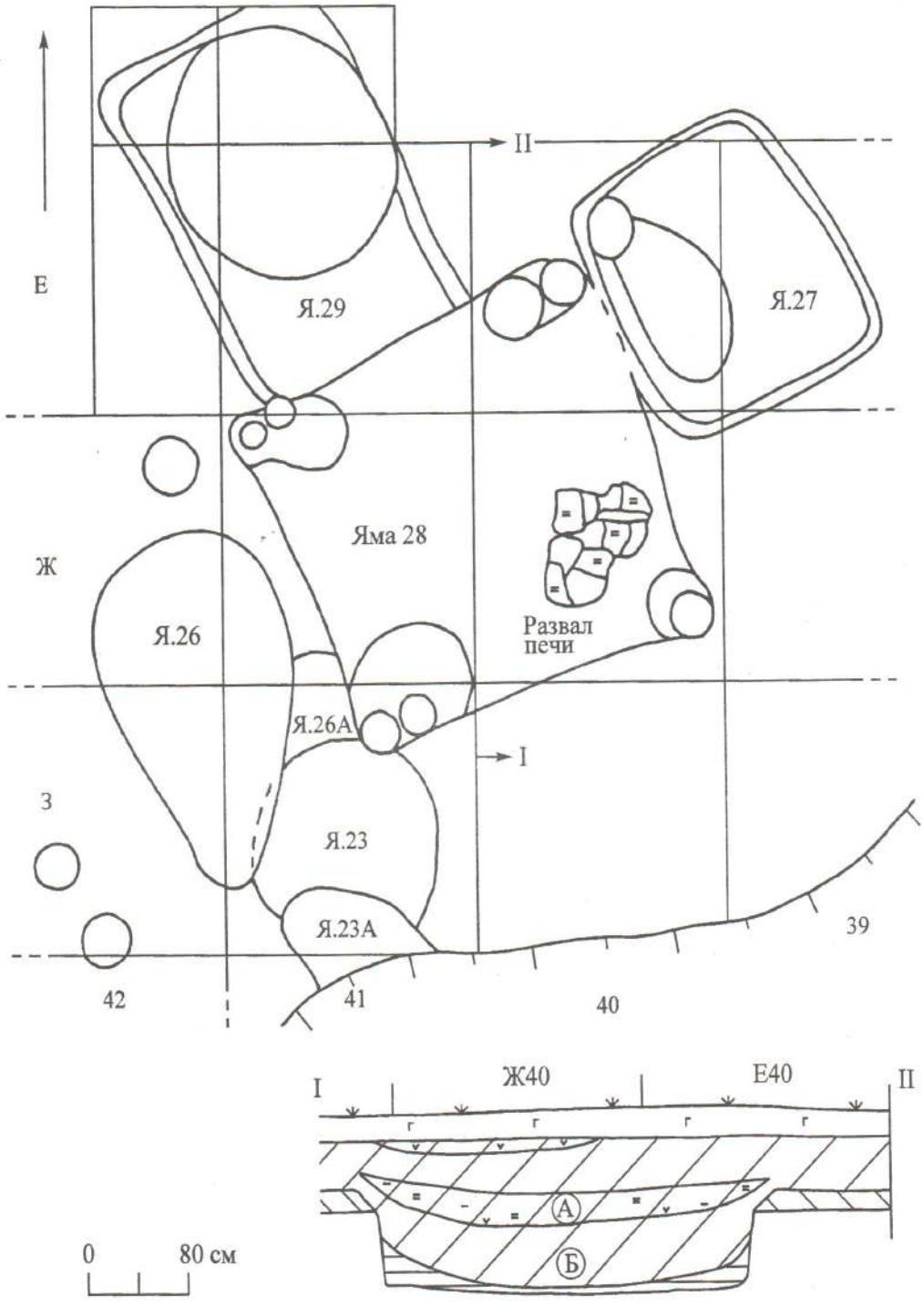


Рис. 98. Липино, селище 1. Постройка Р-5, я.28

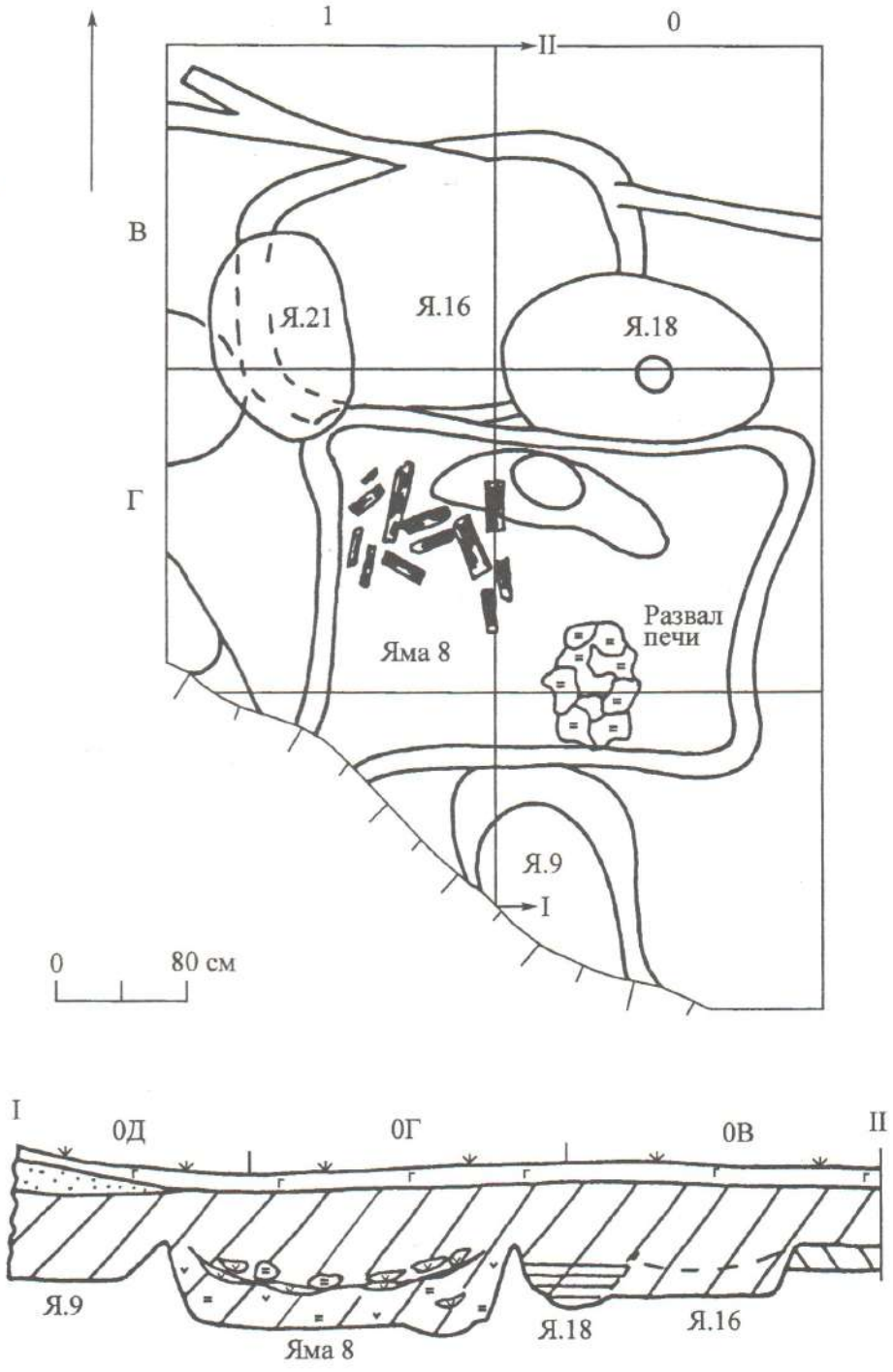


Рис. 99. Липино, селище 1. Постройка Р-5, я.8

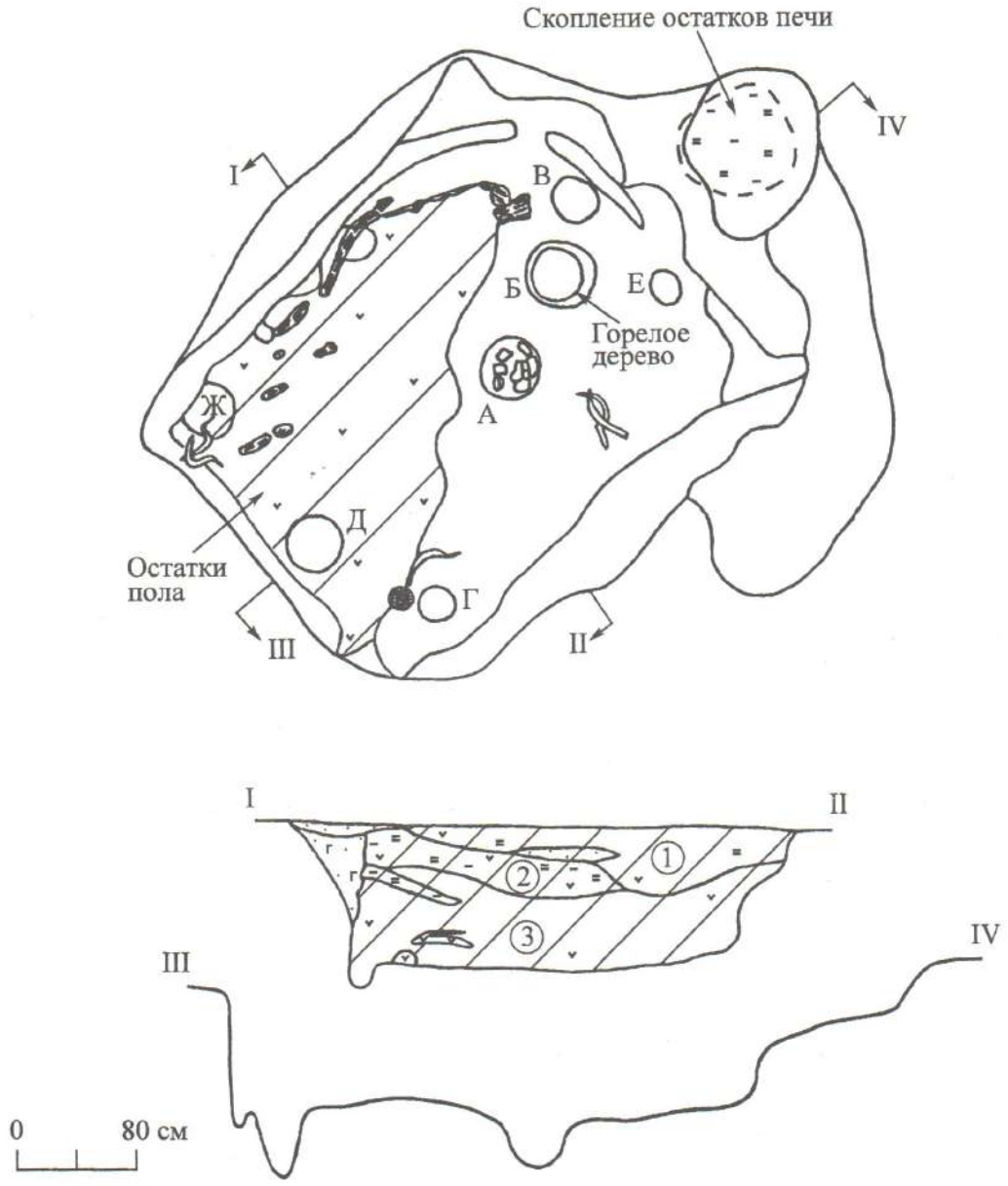


Рис. 100. Липино, селище 1. Постройка Р-2, я.55

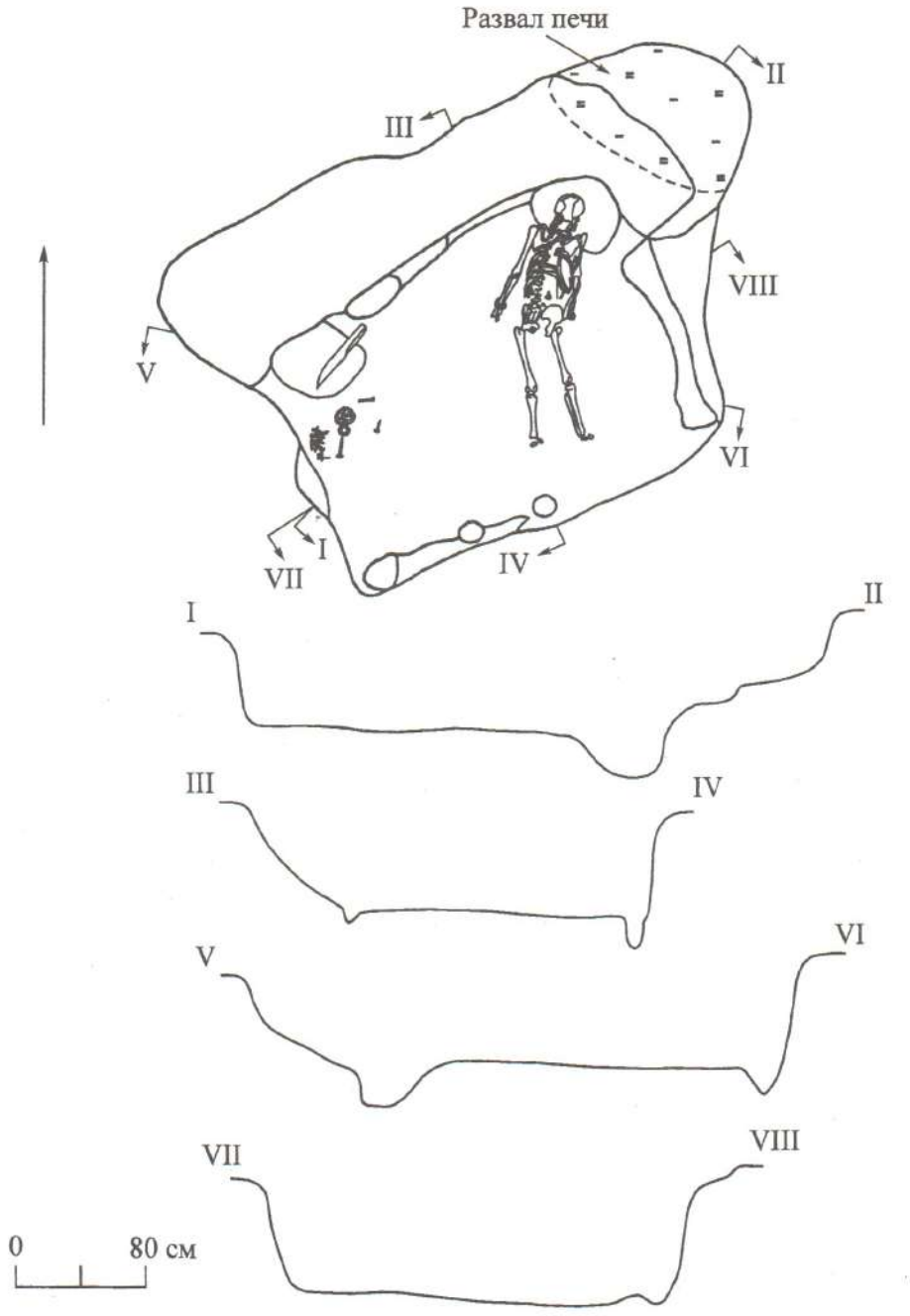


Рис. 101. Липино, селище 1. Постройка Р-2, я.48

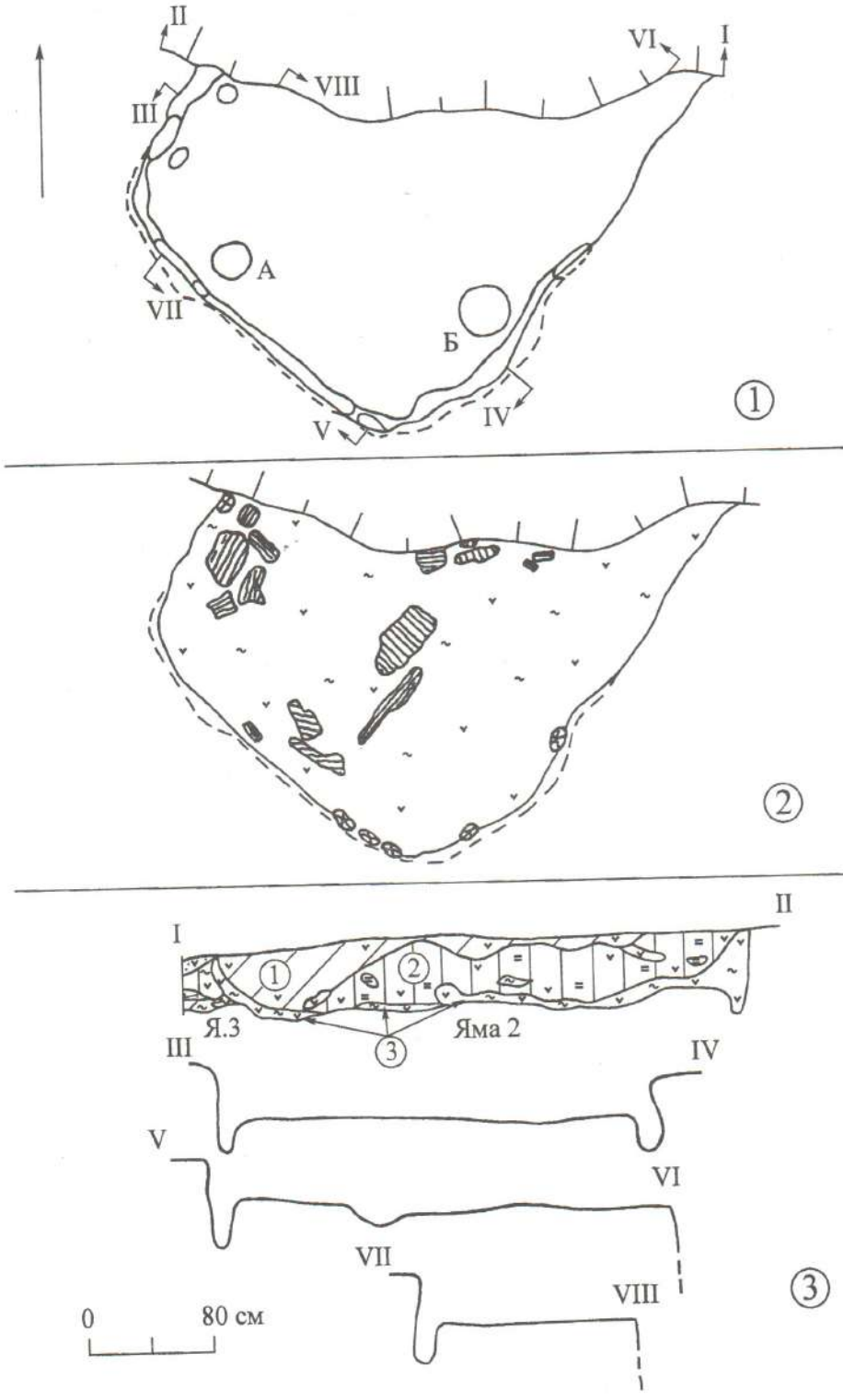


Рис. 102. Липино, селище 1. Постройка Р-3, я.2:

1 - план котловна в материке; 2 - план остатков дерева на дне и стенках подклета; 3 - профиль и разрезы

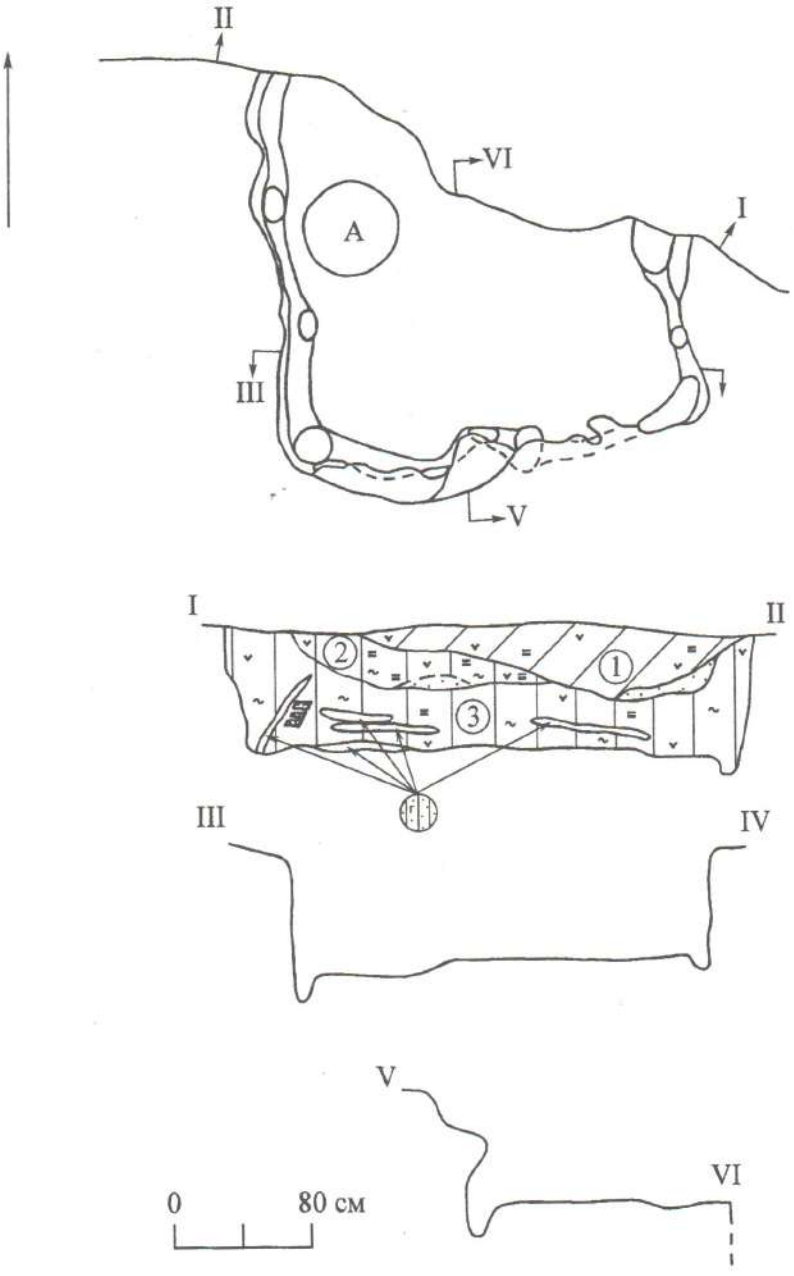


Рис. 103. Липино, селище 1. Постройка Р-3, я.4

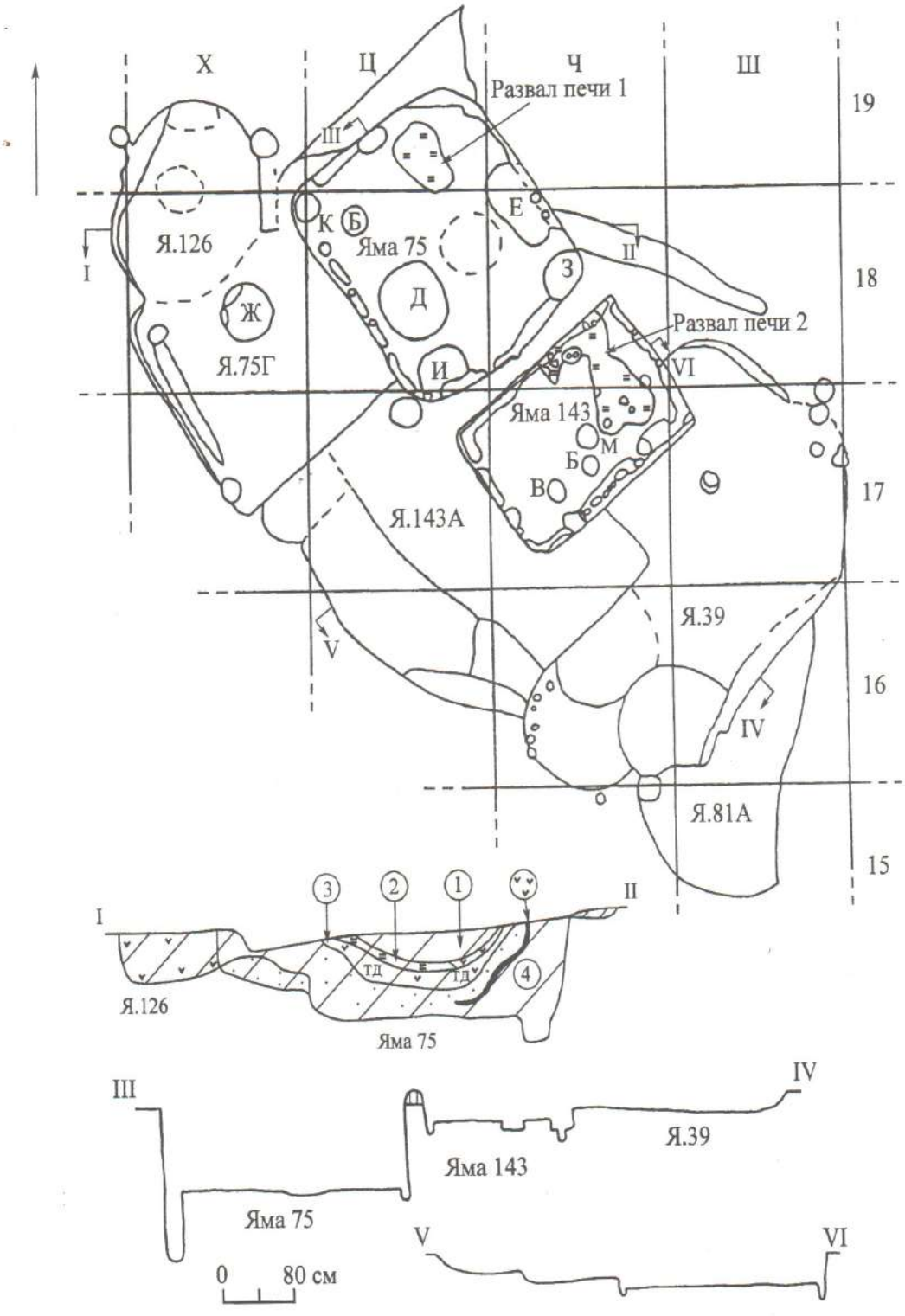


Рис. 104. Липино, селище 1. Постройка Р-13, я.75, 143

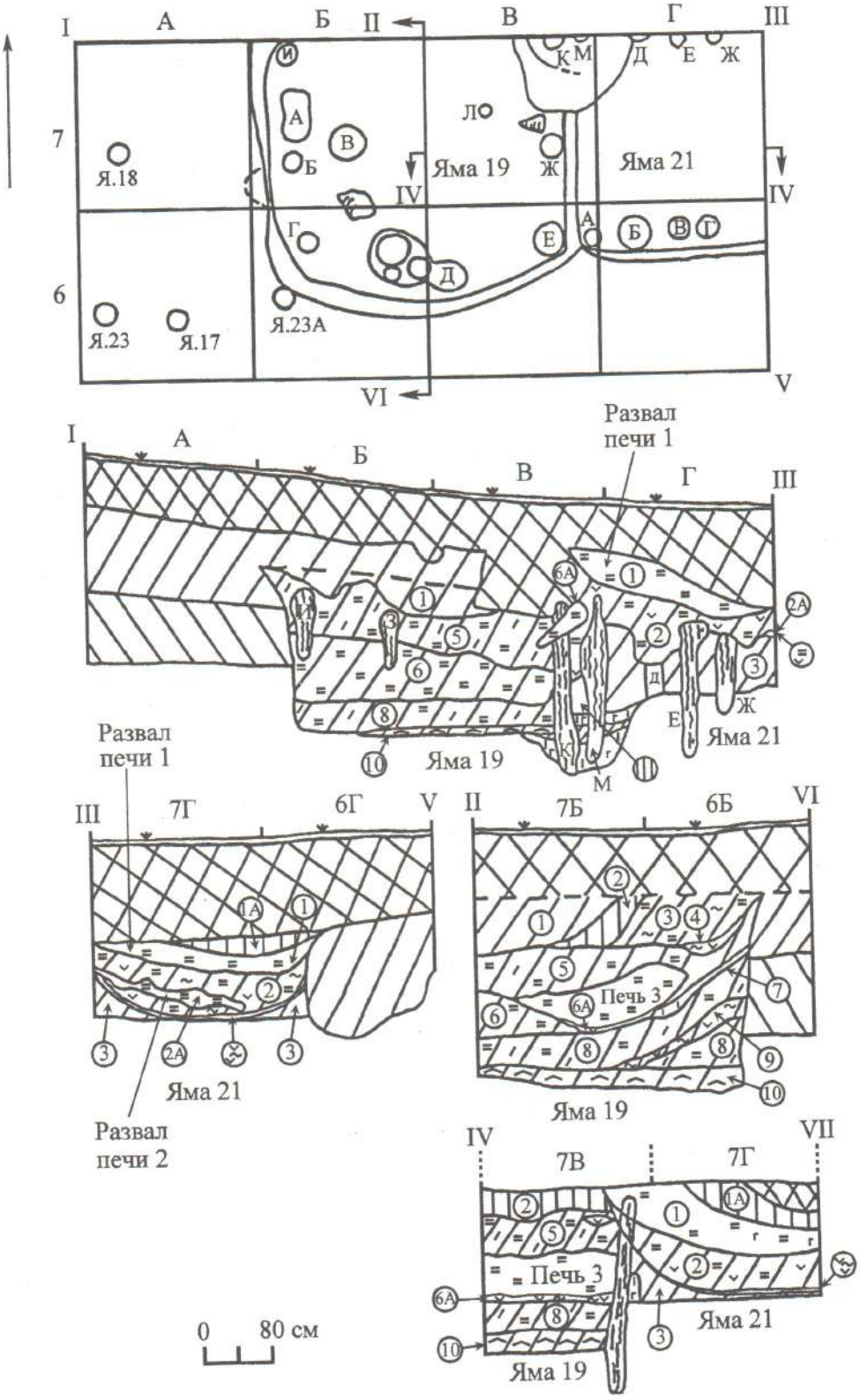


Рис. 105. Рыльск, Нижний посад. Постройка Р-1, я.19, 21

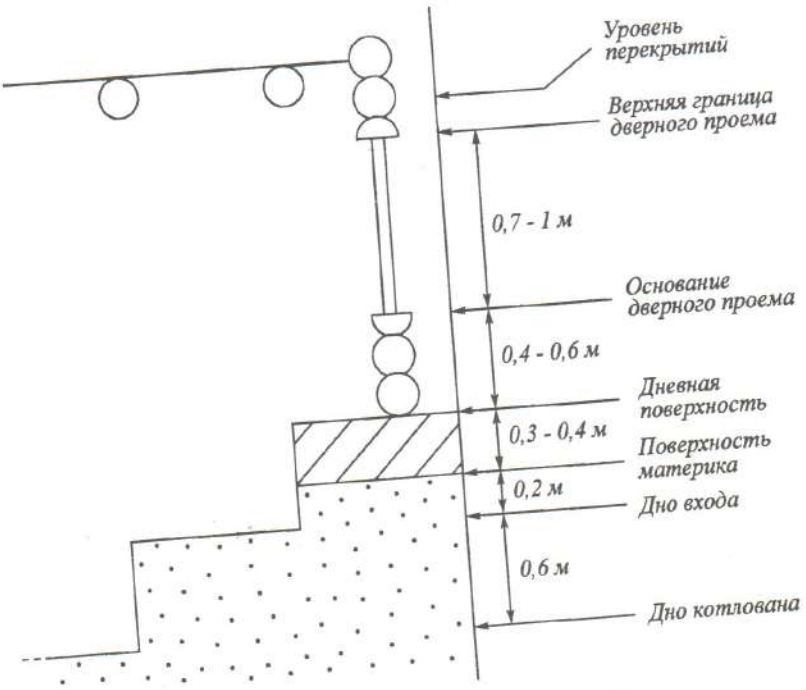


Рис. 106. Липино, селище 1. Постройка Р-4, я.50
Схема расчета высоты подклета

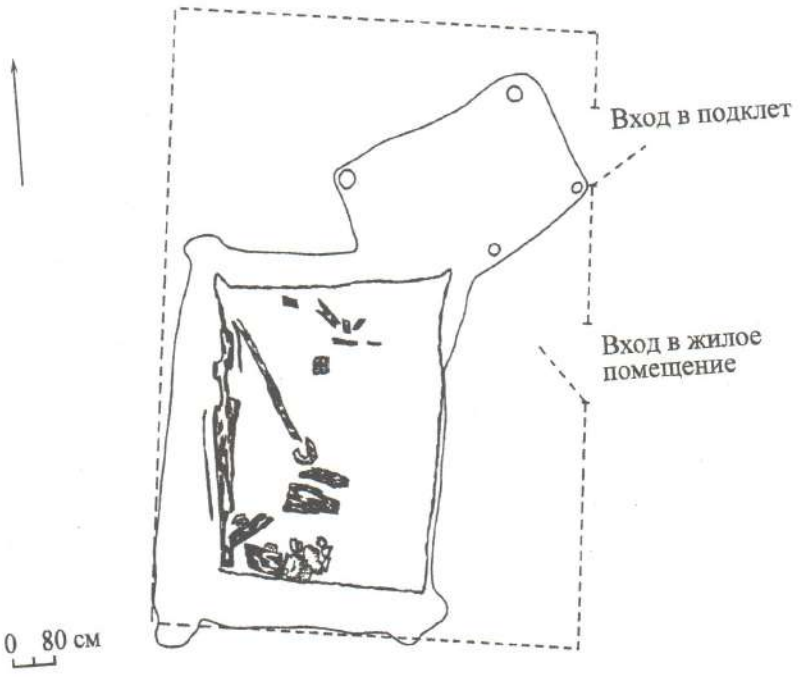


Рис. 107. Липино, селище 1. Постройка Р-4, я.50
Схема реконструкции границ стен дома

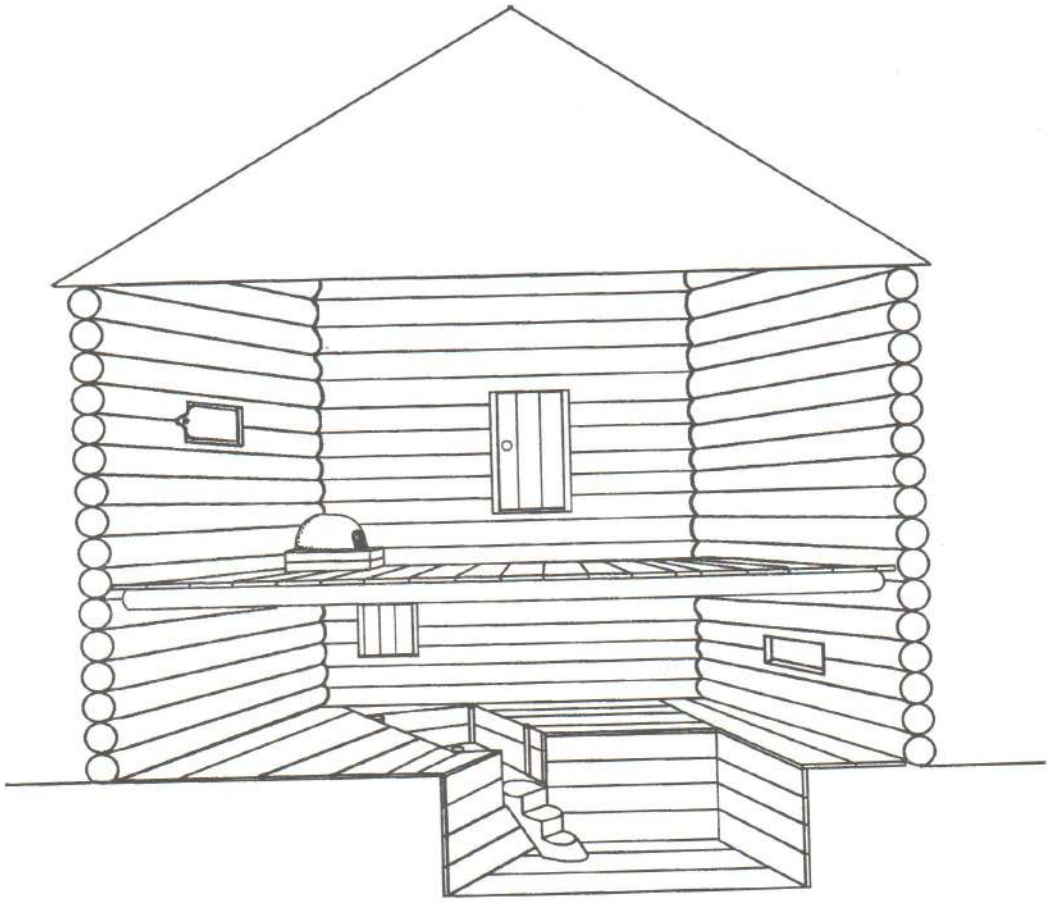


Рис. 108. Липино, селище 1. Реконструкция постройки Р-4, я.50 , вид с запада

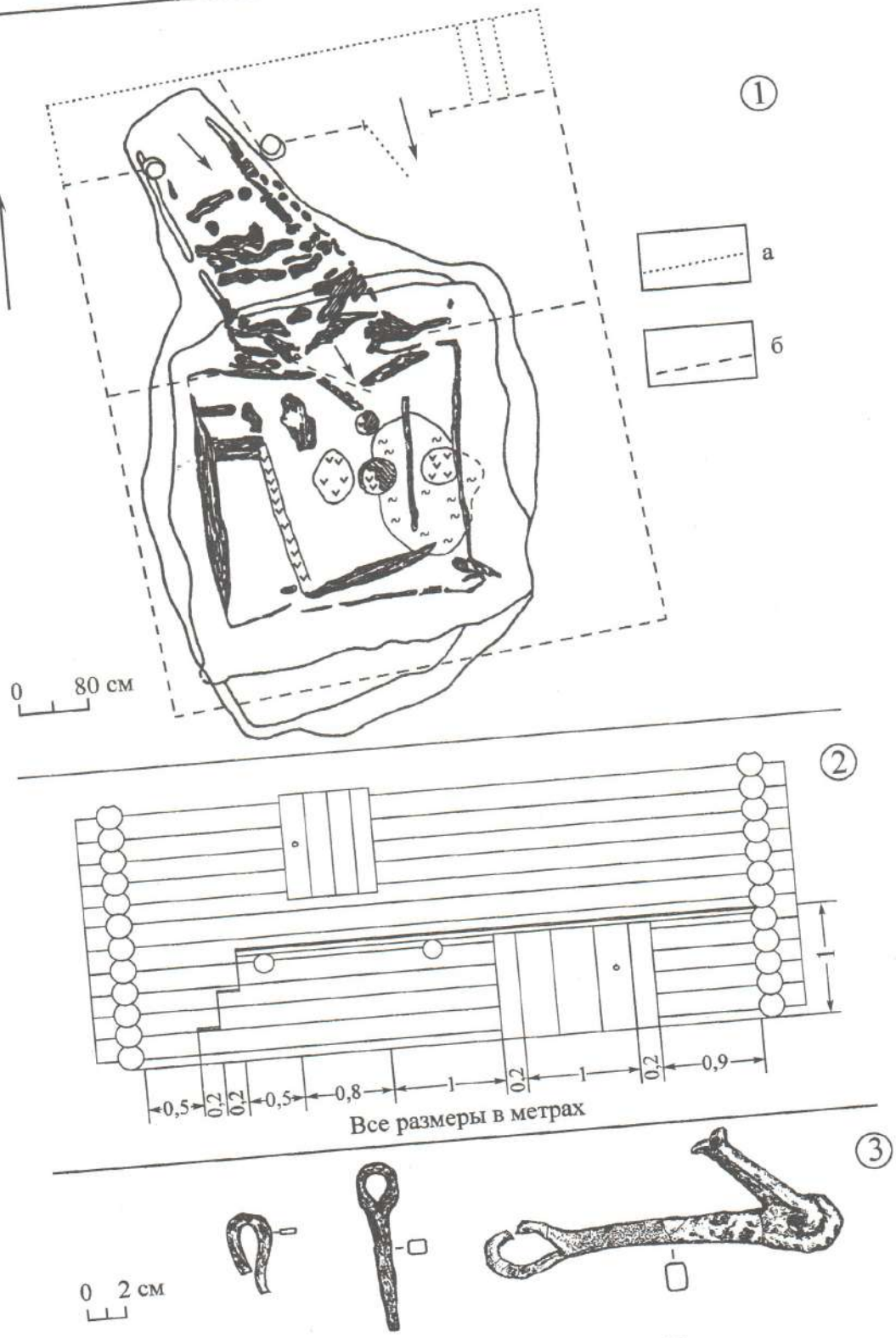
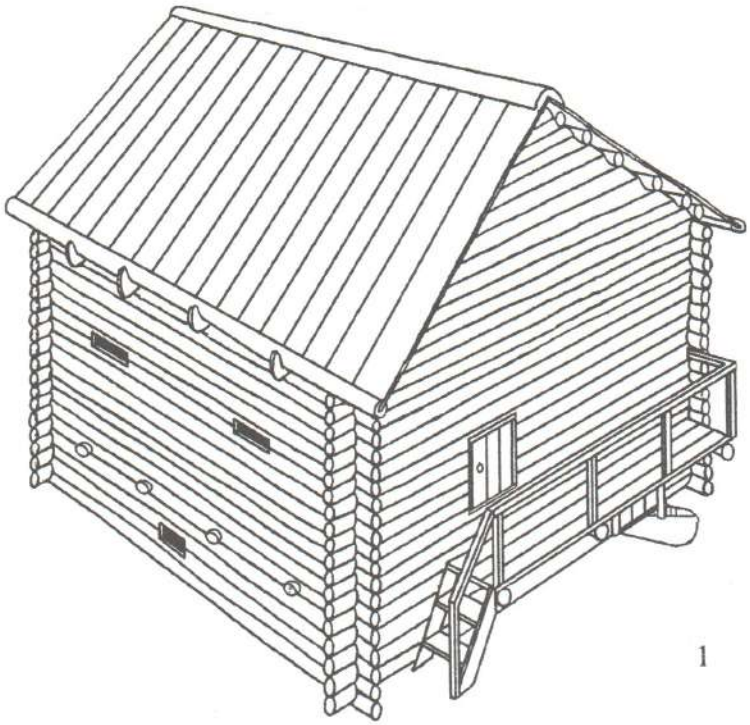
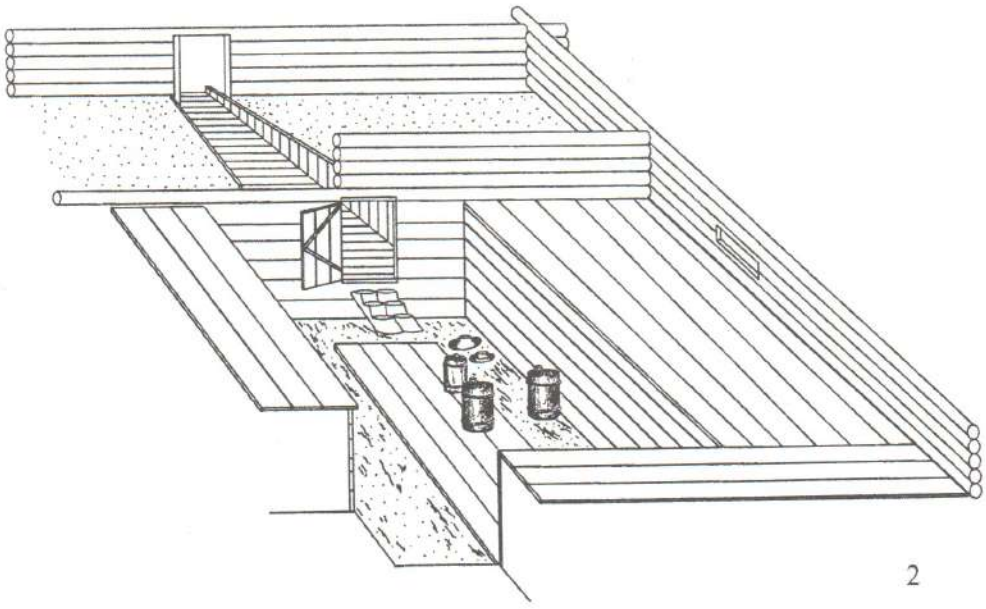


Рис. 109. Липино, селище 1. Постройка Р-6, я.47:
1 - реконструкция плана подклета (а) и входа в жилое помещение (б); 2 - схема расчета размеров фасада; 3 - пробой, щеколда и накид из заполнения подклета



1



2

Рис. 110. Липино, селище 1. Постройка Р-6, я.47:
1 - общий вид дома с северо-востока;
2 - вид интерьера подклета с юго-запада

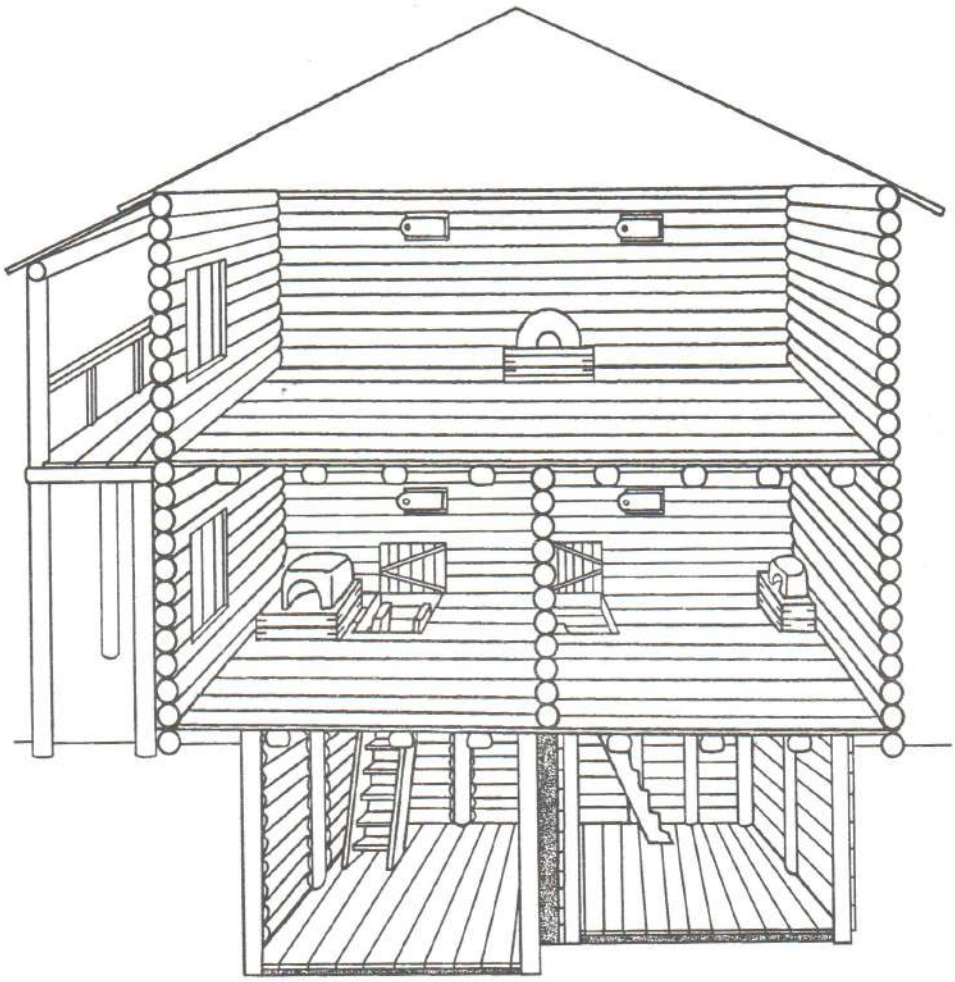


Рис. 111. Рыльск. Реконструкция постройки Р-1, я.19, 21, вид с юга

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 5

Введение 7

Глава I. Источники, историография и методика изучения славяно-русских жилищ IX-XIII вв

Источники 9

База данных археологии и процесс ее формирования 9

Письменные источники и материалы этнологии 14

Историография 17

Вопросы методики реконструкции жилища 21

Глава II. Жилые постройки междуречья Сейма и Псла в IX–X вв.

Основные конструктивные решения (по данным стратиграфии, планиграфии и микротопографии Горналя) 30

Домостроительство в свете материалов Горналя 40

Ведущие тенденции в жилой архитектуре населения роменской культуры 51

Глава III. Домостроительство жителей Курской волости-княжения в XI–XIII вв.

Постройки с жилыми котлованами 58

Наземные жилища с подпольными ямами 66

Наземные дома на холодных подклетах 80

Заключение 92

Архивные материалы и литература 94

Список сокращений 100

Приложение 101

Иллюстрации 110

Ольга Николаевна Енукова

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ СЕЙМА И ПСЛА В IX-XIII ВВ

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 06248 от 12.11.2001г.
Подписано в печать: 22.02.2007 г. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать "Riso". Объем 27,5 усл. п. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 1803

Издательство Курского государственного университета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического обеспечения КГУ